ФГБОУ ВПО «Смоленский государственный университет»

На правах рукописи

ТИХОНОВА Анастасия Владимировна

НАДЗОР ЗА ИНОСТРАНЦАМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1801–1861 гг.)

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Брянск–2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……. 4

ГЛАВА I. НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ…… 16

§ 1. Историография проблемы……. 16

§ 2. Источниковедческий анализ……. 47

§ 3. Методологическая база……. 59

ГЛАВА II. КОНТРОЛЬ НАД ИНОСТРАННЫМИ ПОДДАННЫМИ ГРАЖДАНСКИХ ПРОФЕССИЙ (1801–1826 гг.)…….. 70

§ 1. Условия въезда иностранцев в Россию до 1812 года…… 70

§ 2. Ужесточение надзора за иностранцами с началом Отечественной войны. «Разбор иностранцев»…….. 87

§ 3. Следственные комиссии об иностранцах, служивших в оккупационной администрации……. 110

§ 4. Применение паспортного режима к иностранцам до 1826 года.. 123

ГЛАВА III. ДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ ПЛЕННЫХ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ ПОСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА……... 140

§ 1. Военнопленные Великой армии Наполеона как объект российской политики…….. 140

§ 2. Судьбы женщин и детей из числа пленных…….. 194

ГЛАВА IV. НАДЗОР ЗА ИНОСТРАНЦАМИ (1826–1861 гг.)…… 217

§ 1. Изменения в политике и практике надзора за иностранными подданными с середины 1820-х до середины 1840-х годов……. 217

§ 2. Осуществление контроля над иностранцами во второй

половине 1840-х-начале 1850-х годов…… 294

§ 3. Действия центральных и местных властей в отношении пленных в период Крымской войны…… 338

§ 4. Новые правила въезда и особенности пребывания иностранцев в России в преддверии Великих реформ…….. 362

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…… 379

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ…… 386

ПРИЛОЖЕНИЯ…….. 417

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы исследования. В современных условиях нарастания процессов глобализации особую актуальность приобретают проблемы, связанные с сохранением национальной идентичности и защитой безопасности нашего государства[1]. Россия на протяжении всей своей истории вынуждена была противостоять угрозам извне и сохраняла свою территориальную целостность, суверенитет и национальную самобытность, отражая натиск многочисленных завоевателей. Иностранцы, которые выбирали нашу страну в качестве объекта иммиграции и желали работать на благо многонационального и многоконфессионального государства, могли рассчитывать на поддержку со стороны власти и общества.

Международная иммиграция в Российскую империю была довольно значительной[2], что объясняется стабильной политической ситуацией, экономическим ростом, открывавшимися для иммигрантов возможностями проявить себя в различных сферах экономики, образования, науки, культуры. Благодаря своей профессиональной деятельности иностранцы стремились повысить свой материальный достаток и поднять собственный социальный статус. Иная судьба была у иностранцев, оказавшихся на территории России в результате военных конфликтов и ставших военнопленными.

Проблема надзора за иностранными подданными в 1801–1861 годах является одной из наименее исследованных в отечественной и зарубежной историографии. Тем не менее опыт, полученный тогда Российской империей,

---

[1] Кортунов С.В. Национальная идентичность: Постижение смысла. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 230–317; Он же. Концептуальные основы национальной и международной безопасности. М.: ГУ ВШЭ, 2007. С. 26–32; Он же. Становление национальной идентичности. Какая Россия нужна миру. М.: Аспект-Пресс, 2009. С. 53–55; Качан Т.А. Кризис национальной идентичности в условиях глобальной интеграции // Универсальное и национальное в культуре: сборник научных статей. Минск: БГУ, 2012. С. 79, 81–82; Сельцовский П.А. Миграционные процессы и национальная безопасность. 2008. № 11. С. 114–116.

[2] Ионцев В. А. Международная миграция: теория и история изучения // Международная миграция населения: Россия и современный мир / под ред. В. А. Ионцева. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 3. С. 53–105; Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев и др. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. С. 349, 351; Моисеенко В.М. Очерки изучения миграции населения в России во второй половине XIX – начале XX столетия. М.: ТЕИС, 2008. С. 239–246.

не только оказался востребован при прежнем государственно-территориальном устройстве, но и в исторической ретроспективе представляется весьма полезным, так как в настоящее время происходит резкое увеличение миграционных потоков на территорию Российской Федерации. В этих условиях необходимо своевременно совершенствовать нормативно-правовую базу пребывания мигрантов, организовывать учет и контроль за массовыми перемещениями людей, оказывать им всестороннюю материальную, психологическую и социальную поддержку. Безусловную помощь в осуществлении всех этих мероприятий и могут оказать имеющиеся наработки в сфере надзора за иностранцами.

В настоящее время Российская Федерация занимает лидирующие позиции в мировой политике, при этом становится очевидным, что они должны подкрепляться конкурентоспособностью экономики, устойчивым экономическим ростом, поддержкой значительных достижений в сфере науки и новых технологий, мировым признанием заслуг культуры и образования. Участие России в развитии международной интеграции на каждом историческом этапе предполагало использование труда иностранных специалистов, направленного на стимулирование позитивных процессов в экономике, социальной сфере и культуре. В русле современной государственной политики, ориентированной на приток квалифицированных кадров, реализуется компенсаторная роль миграции[3]. Привлечение мигрантов рассматривается государством и как один из путей решения демографических проблем при соответствующей социальной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество[4].

---

[3] Захарова О.Д., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л. Национальная безопасность и демографический рост / под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: РАН. Ин-т соц.-полит. исслед., 2004. 95 с.; Возженников А.В. Национальная безопасность России: методология комплексного исследования и политика обеспечения. М.: Изд-во РАГС, 2002. 423 с.

[4] Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты и миграция // Миграция и национальная безопасность. Вып. 11. М.: Макс-Пресс, 2011. С. 15–29; Он же. Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты. М.: Экон-информ, 2003. 55 с.; Он же. Демографическая политика: сущность, структура, опыт разработки // Народонаселение. 2005. № 2. С. 55; Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В.

Изучаемый в диссертационном исследовании период имеет некоторые аналогии с современностью: внутри страны – это усилия властей по поддержанию стабильной политической ситуации, попытки стимулировать экономику к росту и развитию перспективных отраслей, внедрению инноваций; в мировой политике – это необходимость отвечать на вызовы (даже военные) со стороны Европы, стремление к установлению устойчивой системы международных отношений и выстраиванию взаимовыгодного экономического сотрудничества. Исторический контекст, несомненно, иной, и его исследование с применением новых методологических подходов микроистории, истории повседневности и локальной истории также весьма актуально для отечественной историографии.

Обращаясь к истории России первой половины XIX века, можно выделить ключевые события, оказавшие непосредственное воздействие на государственную политику надзора за иностранцами: участие России в антифранцузских коалициях, Отечественной войне 1812 года и заграничных походах, поддержании европейского мира в посленаполеоновскую эпоху, противостояние Османской империи, завершившееся Крымской войной 1853–1856 годов с участием европейских государств. В отношении иностранных подданных в рассматриваемый период менялся паспортный режим, совершенствовалось российское законодательство, отражая соответствующую внешнеполитическую ситуацию и интересы сохранения безопасности монархии и общественного спокойствия.

Негативно оценивая революции в Европе, императорская власть пыталась уберечь монархию от разрушительных идей и заведомо с подозрением относилась к иностранцам. Действия органов государственного управления были направлены на то, чтобы оградить самодержавие от собственных радикалов в лице декабристов, восставших поляков, петрашевцев, а также от

Миграционная политика России в контексте ее национальных интересов // Народонаселение. 2005. № 3. С. 38–39; Стратегия демографического развития России / под ред. В.Н. Кузнецова и Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005. С. 136.

иностранных подданных, которые воспринимались как потенциальные «смутьяны». В то же время правительство России не могло не учитывать позитивных тенденций, связанных с начавшимся в 1830-х годах развитием российской промышленности и транспорта (судостроения, железнодорожного строительства и пр.). В экономической сфере страны эти процессы во многом базировались на использовании европейских знаний и технических достижений, а поэтому востребованы были иностранцы- профессионалы.

В свою очередь, для них Россия Александра I и Николая I была привлекательна не только в качестве работодателя, но и как государство, обладавшее достаточно стабильной политической системой. Обязательными требованиями к иностранным подданным неизменно выступали: соблюдение российского законодательства и политическая лояльность к существующему режиму, профессиональная компетентность, материальная состоятельность и высокие нравственные качества.

В представленном исследовании при рассмотрении различных аспектов реализации контроля над иностранцами значительное место уделено швейцарцам. Швейцария в рассматриваемый в диссертации исторический период была страной с высокими показателями эмиграции[5], одним из направлений которой являлась Россия.

Влияние на специфику надзорных мероприятий в отношении швейцарцев оказывало личное расположение к Швейцарии со стороны российских императоров. И Александр I, и Николай I имели швейцарских воспитателей[6],

---

[5] См. подробнее: Тихонова А.В. Эмиграция из Швейцарии в первой половине XIX века // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 203–209; Кубанова М.Н. Эмиграция швейцарцев в Россию в начале XIX в. // Россия и мировой политический процесс: материалы второй международной научно-теоретической конференции / под ред. В.М. Козьменко. М.: РУДН, 1997. С. 74–78.

[6]Сухомлинов М.И. Фридрих Цезарь Лагарп, воспитатель императора Александра I // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Январь. С. 47–75; Он же. Фридрих Цезарь Лагарп, воспитатель императора Александра I. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1871. 62 с.; Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: Тип Суворина, 1903. Т. 1. С. 34–43; Он же. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: Тип. Суворина, 1904. Т. 1. С. 475; Boehtlingk A. Frédéric César Laharpe (1754–1838). Précepteur du Tsar Alexandre Ier. Antagoniste de Napoléon.Libérateur du pays de Vaud. Bâtisseur de la Suisse

«напоминания» об этой стране окружали их в детские годы[7], оба императора побывали в Швейцарии. Все эти обстоятельства, несомненно, сказались на твердой позиции Александра I на Венском конгрессе[8], в дальнейшем Александр I и Николай I пристально следили за политической ситуацией в Швейцарии, направляя усилия российской дипломатии на сохранение этим государством своего суверенитета и политического нейтралитета[9]. Внимание к эмигрантам из Швейцарии обусловлено неразработанностью темы иммиграции граждан этой страны в Российскую империю в трудах отечественных ученых и желанием уточнить сведения зарубежных авторов по данному вопросу, опираясь на документы российских архивов. Следует заметить, что 2014 год

---

actuelle. Neuchâtel, 1969; Correspondance de Frédéric-César de la Harpe et Alexandre I ersuivi de la correspondance de F.-C.- de la Harpe avec les membres de la famille imperial de Russie / Publée par Jean Charles Biaudet et Francoise Nicod. I–III. Neuchâtel: A la Baconniére, 1978–1980; Андреев А.Ю. Александр I и Швейцария // Родина. 2014. № 1. С. 35–40; Он же. Воспитание великих князей Александра и Константина // Филаретовский сборник. 2013. № 9. С. 90–122; Бори Ж.-Р. Фредерик-Сезар де Лагарп и воспитание Александра I // Швейцарцы в Петербурге // Швейцарцы в Петербурге. сб. статей / сост. М.И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб.: Изд-во «Петербургский институт печати», 2002. С. 404–412; Дудникова О.Г. Лагарп Фредерик Сезар // Дудникова О.Г. Домашние воспитатели и учителя при дворе Романовых. М.: Русское слово-учебник, 2013. С. 223–226; Рыженков М.Р. Ф.С. Лагарп – воспитатель будущего российского императора Александра I // Вестник архивиста. 2009. № 4. С. 172–184; Рей М.П. Фридрих Цезарь Лагарп, воспитатель будущего императора Александра I // Французский ежегодник. 2011. С. 233–244; Строев А.Ф. «Выбор гувернера»: Фридрих Цезарь Лагарп, Фридрих Мельхиор Гримм и Карл Фридрих Тиманн // Французский ежегодник. 2011. С. 218–232; Эррманн И. Лагарп, Швейцария и Россия: вопрос о влиянии // Роль кантона Во и его представителей в истории и культуре России. М.: Каллиграф, 2012. С. 163–175.

[7]Семевский В.И. Павловск. Очерк истории и описание. 1777–1877. Составлено по поручению Великого князя Константина Николаевича. СПб., 1877. С. 345–346; Кишкин А.С. У истоков молочного дела в России. Пущино, 1997. С. 16.

[8]Кубанова М.Н. Россия и Швейцария на стыке веков (конец XVIII – начало XIX вв.) // Запад – Россия – Кавказ: Межвузовский научно-теоретический альманах. Ставрополь, Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета. Вып. 2. 2003. С. С. 352–359; Тозато-Риго Д. Отношения между Россией и кантоном Вов эпоху Ф.С. де Лагарпа // Роль кантона Во и его представителей в истории и культуре России. М.: Каллиграф, 2012. С. 157; Яковлева Г.В. К вопросу об отношении российского общества к решениям Венского конгресса 1814–1815 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 2. Вып. 2. С. 124–129.

[9]Тихонова А.В. Из истории российско-швейцарских отношений в николаевскую эпоху (1825–1855) // Известия Смоленского университета. 2014. № 1. С. 219–227; Шишкин М. Русская Швейцария. Литературно-исторический путеводитель. Цюрих: Рапо, 2001. С. 312, 167; Николай I и его время / Вст. ст., сост. и примеч. Б.Н. Тарасова. В 2 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. URL: http://www.rus-sky.com/gosudarstvo/tarasov/nic6.htm (дата обращения 10.12.2012).

стал юбилейным в истории дипломатических отношений между Россией и Швейцарией, которым исполнилось 200 лет.

Изучение проблем взаимодействия России и Европы как в рамках истории международного сотрудничества, так и с целью более глубокого осмысления многофакторности социальных процессов отечественной истории, предполагает системный подход с вычленением элементов и рассмотрением функциональных связей между ними[10]. Актуальность избранной проблемы усиливается ее недостаточной научной разработанностью в отечественной и иностранной научной литературе и отсутствием специальных комплексных исследований.

Объект диссертационного исследования – становление и развитие системы надзора за иностранными подданными на территории Российской империи.

Предмет исследования – деятельность российских государственных органов в сфере надзора за иностранцами в первой половине XIX века и в преддверии реформ Александра II.

Особое внимание следует уделить понятийному аппарату исследования[11]. Под надзором за иностранцами в Российской империи подразумевается деятельность государственных органов, наделенных полномочиями по контролю исполнения предписаний законов, иных нормативных актов в отношении иностранцев в целях обеспечения безопасности государства и защиты интересов его подданных. При этом автор отталкивается от определения, представленного в «Большом юридическом словаре», согласно

---

[10] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. С. 13.

[11] Об исторической семантике имперского периода и историографии этой проблемы см.: Миллер А.И., Сдвижков Д.А., Ширле И. Предисловие // «Понятия о России»: К литературной семантике имперского периода. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 5–46.

которому надзор – это «одна из форм деятельности государственных органов по обеспечению законности»[12].

Иностранец, как известно, – лицо, находящееся на территории государства, гражданином или подданным которого оно не является. Относительно Российской империи правомерно говорить о подданстве, а не о гражданстве[13]. Учитывая этот нюанс, стоит обратить внимание на соотносимости этого определения с трактовкой термина «иностранный гражданин» в ныне действующем Федеральном законе от 25 июля 2002 года N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», согласно которому «иностранный гражданин – физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства» (п.1. ст.2)[14].

Согласно энциклопедическому словарю Русского библиографического института ГРАНАТ, «всякий отдельный человек в отношении к конкретному государству является либо подданным, либо иностранцем; таким образом, иностранцем относительно данного государства будет всякое лицо не состоявшее в его подданстве. <…> Государство вступает в юридическое отношение к иностранцу с момента активно обнаруженного последним намерения проникнуть в пределы его территории. <…> Доступ в государство разрешается иностранцу лишь под условием полного и безусловного подчинения его законам и всему правопорядку этого государства»[15].

Автор исследования считает возможным употреблять термин «паспортный режим», понимая под этим порядок выдачи и своевременной

---

[12] Сухарев А. Большой юридический словарь. М., 2005. URL: http://determiner.ru/dictionary/201/symbol/205 (дата обращения 28.07.2013).

[13] Лор Э. Гражданство и подданство. История понятий // «Понятия о России»: К литературной семантике имперского периода. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 197–222.

[14] Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" // Российская газета. 2002. 31 июля (Федеральный выпуск № 3008).

[15] Энциклопедический словарь. М.: Изд. Русского библиографического института ГРАНАТ, 1913. Т. 22. С. 35.

замены паспортов (билетов на жительство и проезд по территории империи) иностранным подданным. Под государственными структурами Российской империи имеются в виду органы государственной власти и управления, которые формулировали и осуществляли полномочия по надзору за иностранцами.

Территориальные рамки исследования охватывают Санкт-Петербург и Москву вместе с территорией их губерний, а также российскую провинцию. По отдельным аспектам анализируются материалы Смоленской, Псковской, Курской, Тамбовской, Оренбургской, Саратовской, Одесской, Херсонской и других губерний страны. Такой выбор обоснован повышенным вниманием к вопросам надзора в столичных городах (в связи с приближенностью к верховной власти) и особенностями осуществления контроля над иностранцами в провинции. Выбор также обусловлен имеющимся в распоряжении автора комплексом источников, главным образом, неопубликованных.

Внимание к тем или иным губерниям во многом продиктовано историческими событиями, происходившими на их территории. Смоленская губерния в данном контексте занимает особое географическое положение: она связывала белорусские и центральные губернии, была ориентирована на Москву, но имела сообщение с Петербургом и прибалтийскими губерниями (в первую очередь, с Лифляндией и ее губернским центром Ригой), а на юге граничила с Орловской и Черниговской губерниями (черноземной полосой России)[16].

Все важнейшие исторические события первой половины XIX века не обошли Смоленщину стороной, ее территория стала местом боев и партизанского движения 1812 года, размещения пленных и раненых. Во многих дворянских усадьбах Смоленской губернии трудились иностранные подданные европейских государств. Географические и климатические условия

[16]Смоленская губерния // Географическо-статистический словарь Российской империи. Составил по поручению Императорского Русского географического общества П. Семенов, при содействии В. Зверинского, Л. Майкова, И. Бока. СПб.: В тип. В. Беобразова, 1873. Т. IV. С. 641–644.

нечерноземной полосы вынуждали смоленских помещиков активнее использовать иностранцев в качестве специалистов, способных наладить производство товаров, востребованных рынком, и повысить доходность имений[17]. В период Крымской войны Смоленская губерния, казалось бы, удаленная от театра военных действий, участвовала в приеме и обеспечении всем необходимым пленных турок и курдов. Оживление общественно-политической жизни в преддверии реформ 1860-х годов, изменение нормативно-правовой базы пребывания иностранцев отразились и в действиях местного чиновничества и общественном климате. К тому же наличие значительного числа опубликованных источников и впервые вводимых в научный оборот архивных документов делает пристальное внимание к Смоленской губернии вполне обоснованным.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1801 по 1861 год, то есть включают время правления Александра I и Николая I, а также первые годы нахождения на престоле Александра II.

Александр I (1801–1825) продолжил начатую Екатериной II колонизационную политику, сумел упрочить высокий международный авторитет России, способствовал расширению нормативно-правовой базы деятельности иностранных подданных на территории страны, совершенствованию паспортной системы и т.д.

1861 год знаменовал начало широкомасштабных реформ Александра II, в числе которых – важнейшие решения в отношении иностранцев, как въезжавших в пределы России, так и продолжавших жить на ее территории, сохраняя принадлежность к своему Отечеству. При этом указанная дата в применении к проблеме исследования условна, так как значимые законодательные акты в отношении иностранцев были приняты в 1864 году, а потому они также рассмотрены в диссертационном исследовании.

---

[17]Козлов С.А. Аграрные традиции и новации о дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М.: РОССПЭН, 2002. С. 246–251.

Целью диссертации является изучение процесса создания и совершенствования системы надзора, особенностей функционирования ее органов на всех уровнях, эффективности контроля над иностранными подданными[18] в Российской империи в 1801–1861 годах.

Реализация данной цели предполагает решение следующих ***задач***:

– выяснить условия въезда иностранцев в Российскую империю с начала XIX века до событий Отечественной войны;

– проанализировать изменения государственной политики в отношении иностранцев в связи с началом военной кампании 1812 года;

– охарактеризовать реакцию российских властей на факты сотрудничества иностранцев с оккупантами;

– показать отношение российских органов управления всех уровней к военнопленным Великой армии Наполеона и членам их семей;

– определить меры по совершенствованию паспортного режима;

– рассмотреть взаимодействие III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, министерств, местных властей по организации и осуществлению контроля над иностранцами до середины 1840-х годов[19] и в последующее время[20];

– охарактеризовать правительственные меры и их реализацию в отношении пленных в ходе Крымской войны;

– исследовать изменения условий въезда иностранцев в Российскую империю и новые нормативно-правовые акты в преддверии Великих реформ Александра II.

Научная новизна исследования состоит в том, что на основе значительного комплекса источников впервые в отечественной историографии

---

[18] В отношении государств с республиканской формой правления правомерно употребление понятия «иностранные граждане», а не «подданные».

[19] Своеобразным рубежом здесь выступает деятельность Комитета об иностранцах и исполнение его решений.

[20] До начала 1850-х годов, когда Россия вступает в масштабный военный конфликт.

всесторонне изучена проблема организации и осуществления надзора за иностранцами в Российской империи за более чем полувековой период.

Научная новизна заключается и в том, что автор, анализируя конкретно-исторический материал, рассматривает проблему на макроисторическом уровне (делая обобщения, касающиеся системы надзора в целом, относительно всех иностранных подданных) и на уровне микроистории (прослеживая отражение действий чиновничества на примере судеб конкретных людей).

Автором настоящего диссертационного исследования впервые представлен в проблемно-хронологическом изложении комплекс законодательных актов и показана практика реализации последних; охарактеризованы особенности делопроизводственных документов, фиксирующих пребывание иностранцев в России; подчеркнута специфика положения разных профессиональных групп иностранцев (учителей, врачей, предпринимателей, купцов и т.д.); рассмотрены меры по стимулированию к переходу в российское подданство.

В диссертации подняты новые исторические темы, например, условия въезда на территорию Российской империи, история женщин и детей, сопровождавших Великую армию Наполеона и оказавшихся в русском плену, отношение к ним со стороны властей и местного населения. На материалах Смоленской губернии впервые рассмотрены вопросы проведения «разбора иностранцев» перед войной 1812 года, действия иностранных подданных в период оккупации 1812 года и реакция на это российских властей, а также меры по осуществлению приема и обеспечения военнопленных после Отечественной войны 1812 года и в ходе Крымской войны 1853–1856 годов. Подавляющее большинство используемых в диссертации архивных источников впервые вводится в научный оборот, что усиливает научную новизну и значимость работы.

Теоретическая и практическая значимость состоит в том, что данное исследование способствует более глубокому изучению процессов международного сотрудничества России с зарубежными странами,

взаимодействия государственных структур и общества. В настоящее время обозначенная проблема еще не нашла достаточного освещения в исторической литературе. Содержащиеся в диссертационной работе выводы могут быть использованы при исследовании миграционных процессов, истории реформирования органов законодательной, исполнительной и судебной власти России, изучении паспортного режима и др. Фактический материал диссертации в настоящее время уже используется в научной работе: при написании монографий и статей по истории пребывания иностранных подданных на территории Российской империи, при подготовке учебных курсов по истории государственных учреждений, историографии и источниковедения.

Апробация работы. Основные положения исследования нашли отражение в печатных публикациях автора, были представлены научной общественности в виде докладов и выступлений на международных, всероссийских и региональных конференциях, в том числе Международной конференции «200 лет установления дипломатических отношений между Россией и Швейцарией» (Москва, Дипломатическая академия). Исследование по проблеме «Изменение российской политики в отношении иностранцев после Отечественной войны 1812 года (1812–1861 гг.)» было поддержано Российским гуманитарным научным фондом (исследовательский проект 2012–2013 гг., № 12-00-00157). Результаты исследования обсуждались на кафедре истории СмолГУ. Фактический материал использовался в лекциях и семинарских занятиях со студентами СмолГУ и университетов ФРГ (в рамках летней школы 2014 года, проводившейся на базе СмолГУ). По теме диссертации автором опубликованы: монография «“Надлежаще смотреть…” Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861)» (2014, 16 п. л.) и 17 научных статей в изданиях, входящих в перечень ВАК (общим объемом более 10 п. л.). Автору принадлежит более 75 публикаций, общим объемом 112 п. л.

Структура исследования подчинена проблемно-хронологическому принципу и продиктована поставленными целью и задачами. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ГЛАВА I. НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Историография проблемы

Исследование проблемы надзора за иностранцами в Российской империи предполагает изучение всего комплекса научной литературы. В него входят работы, напрямую затрагивающие тему контроля над иностранными подданными, а также диссертационные исследования, монографии и статьи, отражающие историю учреждений, занимавшихся политическим сыском. Нельзя оставить без внимания труды, посвященные деятельности государственного аппарата России в рассматриваемый период (1801–1861 гг.), исследования по истории министерств и ведомств, которые в силу возложенных на них полномочий занимались решением вопросов въезда и пребывания иностранцев в империи.

В настоящее время отдельным научным направлением военной истории стала тема военнопленных на территории Российской империи. Надзор за ними входил в обязанности властей всех уровней. Поэтому в данном обзоре отражена историография и по этой проблеме. В условиях расширения и укрепления международного сотрудничества Российской Федерации получила развитие и тема «Иностранцы в России», отличающаяся многоаспектностью исследовательских подходов.

Проблема надзора за иностранцами в Российской империи (1801–1861 гг.) до настоящего времени не была предметом специального изучения. В связи с этим стоит остановиться на рассмотрении тех единичных ***работ отечественных ученых, которые посвящены вопросу контроля над иностранными подданными в Российской империи***.

Едва ли не первой такой публикацией стала статья М.В. Сидоровой и Е.И. Щербаковой «Наблюдение за иностранцами в Российской империи»[1], в которой был представлен краткий обзор значительного по объему документального

[1] Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Наблюдение за иностранцами в России. По материалам III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии // Петербург – место встречи с Европой: материалы IX Царскосельской научной конференции. СПб.: Царское Село, 2003. С. 303–316.

материала фонда III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Авторы привели конкретные примеры из архивных дел, свидетельствующие об осуществлении III Отделением секретного наблюдения в отношении иностранцев. Впервые в статье было упомянуто о деятельности Комитета об иностранцах, созданного в 1841 году. Авторов интересовал лишь один вид надзорных мероприятий – наблюдение за иностранцами. Активные действия властей в отношении иностранных подданных в статье не затрагивались. Временные рамки, избранные М.В. Сидоровой и Е.И. Щербаковой, не были четко обозначены, но упоминание материалов архивного фонда III Отделения позволяет предположить, что это период деятельности данного учреждения – 1826–1881 годы. В реальности же излагаемые в статье сюжеты ограничиваются временным отрезком – 1826–1861 годы. Исследование М.В. Сидоровой и Е.И. Щербаковой было представлено на IX Царскосельской научной конференции, а потому статья не претендовала на полноту, являясь своего рода обозначением интересной научной темы, которую возможно исследовать на богатом материале архивного фонда III Отделения. Сами авторы подчеркнули, что «позволили себе лишь слегка прикоснуться» к многосторонней и обширной теме «Иностранцы в России».

Вопросы организации паспортного режима, участия III Отделения в реализации мер по ограничению влияния иностранных подданных на общественную жизнь России, контроля над ними были рассмотрены в публикациях саратовского историка О.Ю. Абакумова[2]. Они характеризуют деятельность III Отделения в 1830-х – начале 1860-х годов, то есть охватывают большую часть эпохи Николая I и начало правления Александра II. Автор, привлекая новые архивные документы, подробно остановился на деятельности агентуры III Отделения, сумел реконструировать биографии некоторых

[2]Абакумов О.Ю. «… Большая часть из них канальи…» (Надзор за иностранцами в России 1840–1860-х гг.) // Туризм и культурное наследие: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 45–77; Он же. «…Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е–начало 1860-х гг.). Саратов: Научная книга, 2008. 212 с.

сотрудников и агентов этого учреждения, показать методы их работы. Особое внимание было уделено вопросам цензуры, которую осуществляло III Отделение. О.Ю. Абакумов отметил деятельность Комитета об иностранцах, но посчитал, что работа этого высшего органа управления сводилась к согласованию позиций III Отделения и ключевых министерств в отношении иностранных подданных и не имела конкретного результата. Последнее не соответствует действительности, так как на основе обнаруженных архивных данных удалось выяснить, что по инициативе Комитета Министерство внутренних дел организовало в течение 1841–1844 годов сбор статистических сведений об иностранцах, проживавших на территории Российской империи. Не снижая высокой оценки исследовательской работы О.Ю. Абакумова, можно согласиться с замечанием В. Мильчиной, отметившей в своей рецензии, что историком была упущена проблема взаимодействия ведомств и местных властей при осуществлении контроля над иностранцами[3].

Одной из последних работ, затронувших тему иностранцев в николаевской России на материалах III Отделения, стала монография Н.В. Макаровой «Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I»[4]. В ней автор, рассматривая иностранцев как особую социальную группу, проанализировала документы III Отделения, отражающие отдельные аспекты их пребывания в России. Н.В. Макарова перечислила названия большого количества архивных дел, которые позволяют составить об этом представление: жалобы колонистов; прошения о въезде в Россию и желании вступить в российское подданство; предложения проектов развития отдельных отраслей и услуг и просьбы о материальной поддержке; материалы о передвижениях по службе; прошения о разрешении вступить в брак или взыскать долги; описание

---

[3]Мильчина В. Труды и дни борцов с заразой. – Рецензия на книгу: Абакумов О.Ю. «…Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е–начало 1860-х гг.). Саратов, 2008 // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 384–391.

[4]Макарова Н.В. Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I. М.: Экон-информ, 2012. 393 с.

мер в отношении совершивших противозаконные поступки. Однако надзорные функции как отдельное направление автором не были выделены.

Названия дел нередко указывают на причины их составления и свидетельствуют о стремлении III Отделения контролировать действия отдельных категорий иностранцев (врачей, учителей), а также предотвращать нанесение ущерба казне и российским подданным со стороны иностранных авантюристов и мошенников. В качестве меры пресечения действий последних применялась высылка из столичных городов или за пределы страны[5]. Изучая документы, Н.В. Макарова пришла к выводу об ошибочности утверждения И.В. Оржеховского о том, что III Отделение стремилось активно вмешиваться в дела иностранцев. Напротив, по ее мнению, сами иностранцы часто обращались с прошениями к губернаторам, а те подготавливали соответствующие представления в III Отделение, которое вынуждено было реагировать и применять меры надзора[6]. Материал, изложенный Н.В. Макаровой, довольно пестрый, фрагментарный, что, вероятно, было связано с желанием автора охватить все стороны жизни иностранцев, отраженные в документах III Отделения.

Именно многосторонняя, разнообразная деятельность этой организации, наделенной широкими полномочиями, позволила автору рассмотреть положение всех слоев российского общества в эпоху Николая I[7]. При этом Н.В. Макарова отметила, что «слой иностранных подданных был почти равным другим привилегированным слоям российского общества»[8]. Однако не ясными остались основания для такого утверждения. Может быть, по мнению этого историка, достаточно того, что «часть их [иностранцев] находилась на военной и гражданской службе»[9]. Кроме того, деловая активность иностранцев «была

---

[5]Макарова Н.В. Указ. соч. С. 241–249.
[6] Там же. С. 247.
[7]Горелова С.И., Михеенков С.П. Н.В.Макарова. Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I (по материалам III Отделения) // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 170–172.
[8]Макарова Н.В. Указ. соч. С. 252.
[9]Там же. С. 239.

больше, чем у российских подданных», и «иностранцы того времени активно осваивали российский рынок услуг, получая немалые деньги»[10]. Но насколько вескими являются эти доказательства «почти» привилегированного положения, можно спорить. Н.В. Макарова упоминает и, вполне справедливо, о нежелании российского правительства брать на себя содержание неимущих иностранцев[11]. Единственное реальное преимущество иностранных подданных, вскользь упомянутое исследовательницей, – это сохранение личной свободы и запрет на обращение в крепостное состояние[12].

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время освещение деятельности контрольно-надзорных органов в отношении иностранцев является проблемой, которая только начала привлекать исследователей. В то же время имеющиеся работы свидетельствуют, что по данной теме существует значительный круг архивных источников, содержащий разнообразный и интересный материал для ее раскрытия.

Обширную историографию, в отличие от темы надзора за иностранцами, имеет ***история высших государственных органов***, специально уполномоченных императором его осуществлять. Работы, посвященные этим вопросам, логично разделить на научную литературу об Особенной канцелярии при Министерстве полиции (позже МВД) и III Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

В дореволюционной историографии об *Особенной канцелярии* упоминалось как о структуре, подведомственной Министерству полиции, а затем МВД, позже упраздненной в связи с созданием III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии[13]. В советский период полномочия Особенной канцелярии эпохи Александра I были описаны Н.П. Ерошкиным. В рамках изучения истории государственных учреждений

---

[10] Макарова Н.В. Указ. соч. С. 250.
[11] Там же. С. 248.
[12] Там же. С. 245.
[13] Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. СПб., 1861. Кн. 1. Ч. 3. С. 10.

императорской России он отметил как одно из направлений деятельности этого органа контроль над иностранцами[14].

В 1990-е годы среди публикаций, посвященных высшим органам управления империи, стоит остановиться на работе финского историка Петере Мустонена. В своей монографии «Собственная Его Императорского Величества Канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858. К типологии основ имперского управления»[15] он, характеризуя деятельность названного учреждения в первой половине XIX века, подчеркнул, что усилению российской охранительной политики в этот период способствовала политическая нестабильность в Европе. Правительство империи в этих условиях стремилось сохранить «systemé de stabilité»[16]. Мустонен считает, что отнесение Собственной Его Императорского Величества канцелярии к высшим органам управления не совсем справедливым, учитывая, что «чиновники канцелярии, за несколькими исключениями, не обладали распорядительной властью, но и не имели права принимать самостоятельные решения без императорской санкции»[17]. По мнению П. Мустонена, с функциональной точки зрения Канцелярию стоит рассматривать «как *учреждение-агент* или *межведомственное личное агенство самодержца*, составную часть ИС» (исполнительной системы), а с точки зрения методов управления историк предлагает определить ее «как *неформально управляемую структуру*»[18]. П. Мустонен подчеркнул архаичную природу Канцелярии на всем протяжении рассматриваемого периода.

Из отечественных историков в 1990-х годах Ф.Л. Севастьянов охарактеризовал деятельность Особенной канцелярии в собственной

---

[14]Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Третий Рим, 1997. 357 с.; Он же. Крепостническое самодержавие и его политические институты // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М.: РГГУ, 2006. С. 43–268.

[15]Мустонен П. Собственная Его Императорского Величества Канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858. К типологии основ имперского управления». Хельсинки: Kikimora Publications, 1998. 357 с.

[16] Там же. С. 90.

[17] Там же. С. 302.

[18] Там же. С. 303.

диссертационной работе[19], статьях[20] и монографии[21]. Последняя посвящена истории высших политических органов от Тайной экспедиции до создания III Отделения. Ф.Л. Севастьянов подчеркнул преемственность в деятельности тайной полиции в течение XVIII – первой четверти XIX века и на конкретном материале показал совершенствование методов ее работы. В монографии Л.Ф. Писарьковой «Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение» справедливо было обращено внимание на стремление правительства наладить согласованность действий всех уровней государственного управления и налаживание каналов информации между Собственной Его Императорского Величества канцелярией, министерствами и губернаторами[22].

Традиционно в отечественной историографии проявлялся интерес к *III Отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии* как учреждению, контролировавшему все основные направления внутриполитической жизни страны. Именно как орган политического сыска, противостоявший радикальным общественным настроениям, III Отделение изучалось в дореволюционный и советский периоды. Еще в 1856 году вышла в свет работа Ф.И. Проскурякова, в которой упоминались основные положения указа о III Отделении[23]. Столь же кратко характеризовал этот орган в своем труде «Полицейское право» Н.Е. Андриевский[24]. Свою лепту не столько в изучение роли III Отделения, сколько в присвоении ему заведомо

---

[19]Севастьянов Ф.Л. «Высшая полиция» в России в первой четверти XIX в.: структуры, кадры, основные направления деятельности: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Санкт-Петербургский гос. университет экономики и финансов. СПб., 1999. 19 с.

[20]Севастьянов Ф.Л. Проблема организации «высшей полиции» в ходе государственных преобразований в России начала XIX в. // Клио. 1999. № 3. С. 110–117; Он же. Развитие «высшей полиции» при Александре I // Жандармы России / сост. В.С. Измозик. СПб.: Нева, 2002. С. 201–247.

[21] Севастьянов Ф.Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением. От тайного сыска к политическому розыску. М.: Межрегиональный институт экономики и права, 2008. 304 с.

[22] Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. С. 327.

[23]Проскуряков Ф. И. Руководство к познанию действующих русских государственных, гражданских, уголовных и полицейских законов. СПб., 1856. Т. 1. С. 92 – 93.

[24]Андриевский Н. Е. Полицейское право: в 2 т. СПб., 1871–1873.

отрицательной оценки внес политический памфлет «Правда об императоре Николае I», анонимно опубликованный в 1854 году в Париже Н.И. Сазоновым, членом кружка А.И. Герцена[25]. В дореволюционных работах начала XX века авторы обращали внимание на различные аспекты деятельности III Отделения, например, цензурные ограничения[26], привлечение к суду за государственные преступления[27], влияние личности монарха на «идейное» содержание и подбор доверенных лиц, осуществлявших его волю[28].

Определенным этапом в исследовании деятельности III Отделения стала публикация известной монографии И.М. Троцкого (1930)[29], в которой были затронуты вопросы структуры и штата этого правительственного учреждения. В последующие годы материалы III Отделения попали в спецхран и изучение этой темы находилось фактически под запретом.

В 1960–1980-е годы, уже в иной общественно-политической обстановке, вновь проявляется исследовательский интерес к этому учреждению, но, главным образом, как к органу борьбы с революционно-освободительным движением[30]. В работах Н.П. Ерошкина по истории государственных учреждений обращалось внимание на преемственность деятельности III Отделения и Особенной канцелярии в системе государственного управления России, а также на возможность оперативного взаимодействия обоих учреждений с императором как носителем верховной власти[31]. Характеристика

---

[25]Сазонов Н. И. Правда об императоре Николае // Литературное наследство. М., 1941. Т. 41–42. С. 213–214.

[26]Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам III отделения С.Е.И.В. канцелярии. СПб., 1909. 614 с.

[27]Государственные преступления в России в XIX веке: сб. извлеченных из официальных изданий и правительственных сообщений / сост. В. Базилевский (В. Богучарский): в 3 т. СПб., 1903–1905.

[28]Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. 436 с.

[29] Троцкий И.М. III-е Отделение при Николае I. Жизнь Шервуда-Верного. Л.: Лениздат, 1990. 318 с.

[30]Дьяков В.А. Освободительное движение в России. 1825–1861 гг. М.: Мысль, 1979. 286 с.; Бажева Т.М. Система правительственного контроля за общественными организациями в России (1825–1861 гг.) // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР. Свердловск, 1986. С. 92–102.

[31]Ерошкин Н.П. История государственных учреждений до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Московский гос. ист.-арх. институт, 1965. 417 с.; Он же.

ситуации, предшествовавшей созданию III Отделения, его структура были даны в статье Т.Г. Деревниной[32]. Вопросами организации политического сыска в дореволюционной России начал заниматься А.Г. Чукарев[33]. Изучению внутреннего устройства, направлений деятельности этого учреждения, значения его в сдерживании революционных настроений в условиях абсолютной монархии уделил внимание И.В. Оржеховский в своей монографии «Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.)»[34].

Из иностранных авторов историей III Отделения занимались американский историк С. Монас[35] и английский ученый П. Сквайер[36], которые в своих работах отмечали значительное влияние III Отделения на принятие российским государем и правительством важных политических решений. С. Монас провел сравнение III Отделения с аналогичными органами тайной полиции в Европе, созданными еще в конце XVIII века, и находил схожие черты, более подробно остановившись на цензурных мероприятиях III Отделения. П. Сквайер в своей монографии уделил внимание в числе других и проблеме надзора за иностранцами. В целом же он оценил работу жандармского корпуса как малоэффективную.

Начиная с 1990-х годов изучение деятельности III Отделения как органа политического сыска ведется особенно активно. В научной литературе были

Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: Учпедгиз, 1960. 395 с.; Он же. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М.: Третий Рим, 1997. 357 с.; Он же. Крепостническое самодержавие и его политические институты // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М.: РГГУ, 2006. С. 43–268.

[32] Деревнина Т.Г. Из истории образования III-го Отделения // Вестник МГУ. История. 1973. № 4. С. 51–69.

[33] Чукарев А. Г. Организация политического розыска царской России в XIX–XX вв. // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Т. 9. Владивосток, 1973. С. 160-169.

[34]Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982. 207 с.

[35] Monas S. The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I. Harvard, 1961. 362 p.

[36] Squire P.S. The Third Department: The Establishment and Practice of the Political Police in the Russia of Nicholas I. London, 1968. 755 p.

освещены вопросы, связанные со спецификой работы III Отделения[37], комплектованием его штатов, биографиями отдельных руководителей[38], реагированию этого органа на изменения общественно-политической обстановки в начальный период правления Александра II[39]. Событием стала источниковедческая диссертационная работа М.В. Сидоровой, анализирующая архивные фонды III Отделения и его преемника – Департамента полиции МВД[40].

Из работ постсоветского периода следует отметить коллективную монографию «Власть и реформы. От самодержавия к советской России»[41], в которой с опорой на работы Н.П. Ерошкина и П.А. Зайончковского, были перечислены структурные изменения в ходе реформы Канцелярии Его Императорского Величества и законодательные акты, касавшиеся III Отделения. Авторы монографии, резюмируя итоги реформы, подчеркнули, что «в России императорская власть при Николае I представала как военно-полицейская диктатура»[42]. В докторской диссертации А.Г. Чукарева «Третье Отделение и русское общество во второй четверти XIX в. (1826–1855 гг.)»[43] основное внимание было уделено борьбе III Отделения с антиправительственными проявлениями.

---

[37]Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. СПб.: Час пик, 1992. 412 с.; Мулукаев Р. С. Полиция в России (XI в. – начала XX в.). Н.Новгород: Б.и., 1993.

[38] Сидорова М.В. Дубельт Л.В. и его родственники // Из глубины времени. 1994. № 3. С. 168–178; Она же. Штаты III Отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии // Из глубины времен. Вып. 4. СПб., 1995. С. 3–11.

[39] Абакумов О.Ю. III Отделение в период общественного подъема конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Саратовский гос. университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1994. 17 с.

[40] Сидорова М.В. Архивы центральных органов политического розыска России XIX – начала XX вв.: III Отделение с. е. и. в. канцелярии и Департамент полиции МВД: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 05.25.02 / Московский гос. историко-архивный институт. М., 1993. 24 с.

[41]Власть и реформы. От самодержавия к советской России / отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 800 с.

[42] Там же. С. 239.

[43]Чукарев А.Г. Третье Отделение и русское общество во второй четверти XIX в. (1826–1855 гг.): автореф. дис. …д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ярославский гос. университет. Ярославль, 1998. 49 с.

В 2000-е годы число работ, посвященных политической полиции, резко возрастает. Одной из обобщающих работ стала коллективная монография «Жандармы», освещавшая разные аспекты деятельности политической полиции[44]. Тот же А.Г. Чукарев провел анализ деятельности III Отделения в период правления Николая I в своей монографии «Тайная полиция России (1825–1855)»[45].

«Место политического сыска во взаимоотношениях власти и общества» в николаевское время попыталась определить О.Б. Рослякова в своей кандидатской диссертации «III-е Отделение в период царствования Николая I» [46]. Вполне логично автор коснулась истории появления, вопросов структуры, кадрового состава, методов работы этого учреждения, а также рассмотрела изменения общественного мнения и реакцию на это III Отделения при Бенкендорфе и графе Орлове. Стоит подчеркнуть, что в упомянутой работе было обращено внимание и на предысторию создания III Отделения. В 2010 году О.Б. Рослякова в соавторстве с В.И. Порохом опубликовала монографию «III Отделение при Николае I»[47], в которой был обобщен большой фактический материал по проблеме.

III Отделение осуществляло контроль над иностранными учителями и воспитателями, на примере гувернанток во второй половине XVIII – первой половине XIX века этого вопроса коснулась в своей монографии О.Ю. Солодянкина[48]. Исследуя деятельность швейцарцев, в том числе учителей, этот сюжет затронула и автор настоящей диссертации[49].

---

[44]Жандармы России / Сост. В.С. Измозик. СПб.: Нева, 2002. 638 с.
[45]Чукарев А.Г. Тайная полиция России (1825–1855). М.: Кучково поле, 2005. 701 с.
[46]Рослякова О.Б. III-е Отделение в период царствования Николая I: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Саратовский гос. университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2003. 19 с.
[47] Порох В.И., Рослякова О.Б. III Отделение при Николае I. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2010. 238 с.
[48]Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII–первая половина XIX века). М.: Academia, 2007. 511 с.
[49]Тихонова А.В. Швейцарские учителя в России первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 142–147; Козлов О.В., Тихонова А.В. Швейцарские учителя и гувернеры в Смоленской губернии в первой половине XIX века // Российская история. 2013. № 3. С. 127–133.

Предметом научного изучения стала и личность А.Х. Бенкендорфа. В 1990 году Д. Рац опубликовал биографический очерк о нем. Как и многим произведениям эпохи перестройки, этой работе был присущ налет публицистичности[50]. Однако впервые (если не считать дореволюционных работ о родословной Бенкендорфа, его роли в цензурных ограничениях, его взаимоотношений с государем[51]) объектом изучения стал первый главноуправляющий III Отделения как его организатор и вдохновитель.

В конце 1990–2000-х годов биография А.Х. Бенкендорфа привлекает все большее внимание исследователей[52]. Деятельность создателя III Отделения в контексте эпохи раскрыл в своей монографии и диссертационном исследовании Г.Н. Бибиков[53]. Он подчеркнул, что III Отделение выполняло функции контрразведки, занималось негласным надзором за иностранцами. Разносторонне (в общении с государем, сановниками и подчиненными, в семье и быту) представил А.Х. Бенкендорфа в своей книге Д.И. Олейников[54]. Однако подробно авторы вышеперечисленных публикаций не останавливались на вопросах, связанных с пребыванием иностранцев в России. В 2000-е годы появились диссертационные исследования, отражающие деятельность

---

[50]Рац Д. «Отрицательно-добрый человек» // Факел. М.: Политиздат, 1990. С. 42–55.

[51]Бороздин К.М. Опыт исторического родословия дворян и графов Бенкендорфов. СПб.: Тип. Имп. Российской академии, 1841. 24 с.; Дубровин Н.Ф. А.Х. Бенкендорф и В.Н. Каразин // Русская старина. 1903. № 4. С. 26–27; Шубинский П.П. Император Николай Павлович и граф Бенкендорф // Исторический вестник. 1890. Т. 39, № 2. С. 479–481.

[52]Олейников Д.И. Александр Христофорович Бенкендорф // Российские консерваторы. М.: Б.и., 1997. С. 63–97; Чукарев А.Г. Александр Христофорович Бенкендорф // Российский исторический журнал. 2001. № 2. С. 3–16; Он же. Александр Христофорович Бенкендорф. Следствие и суд над декабристами // Российский исторический журнал. 2003. № 2. С. 30–48; Севастьянов Ф.Л. Александр Христофорович Бенкендорф // Жандармы России. СПб.: Нева, 2002. С. 411–420; Бибиков Г. Н. Александр Христофорович Бенкендорф (1781–1844): исторический портрет // Вестник Московского государственного университета. Сер. 8. История. 2007. № 1. С. 36–60 и др.

[53]Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 407 с.; Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I: автореф. дис. ... канд.ист. наук: 07.00.02 / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2009. 27 с.

[54]Олейников Д.И. Бенкендорф. М.: Молодая гвардия, 2009. 390 с.

жандармов на местах[55], анализирующие состояние отечественной историографии политической полиции XIX – начала XX века[56].

Нельзя обойти вниманием освещение в ***историографии центральных органов управления (министерств),*** контролировавших вопросы въезда и пребывания в Российской империи иностранных подданных. В первую очередь, речь идет о министерствах иностранных дел, полиции, внутренних дел, а также о тех ведомствах, которые принимали участие в судьбах иностранцев, проживавших в России, например, министерствах финансов, народного просвещения, государственных имуществ.

Научная историческая литература о министерской системе Российской империи достаточно представительна. Остановимся на работах, отражающих деятельность вышеназванных министерств. Так, конкретные мероприятия *Министерства иностранных дел* по реализации российской внешней политики, биографии выдающихся чиновников этого министерства освещены в ряде научных публикаций 1990-х годов[57], а также юбилейном издании, приуроченном к 200-летию с момента образования министерства[58]. Деятельность министерства затрагивалась и при характеристике

---

[55] Романов В.В. Местные органы политической полиции Российской империи: структура, компетенция, основные направления деятельности 1826–1860 гг. На материалах Поволжья: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ульяновский гос. университет. Чебоксары, 2008. 48 с.; Дремков Н.В. Полицейские структуры жандармерии Ярославской губернии в XIX–начале XX в.: автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02 / Ярославский гос. университет им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2010. 23 с.; Лазарева О.В. Провинциальная полиция в конце XVIII – начале XX в.: По материалам Пензенской губернии: автореф. дис. ... канд.ист. наук: 07.00.09 / Мордовский гос. университет им. Н.П. Огарева. Саранск, 2000. 16 с.; Сенина Н.В. Отдельный Корпус жандармов в конце XIX – начале XX вв.: организация, кадры, деятельность: по материалам Тульской губернии: автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02 / Тульский гос. пед. университет им. Л.Н. Толстого. Тула, 2007. 22 с.

[56]Иванцов М.Н. Отечественная историография политической полиции России XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Московский гос. пед. университет. М., 2009. 21 с.

[57]История вешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / отв. ред. О.В. Орлик, В.Н. Пономарев. М.: Международные отношения, 1995. 448 с.; Кессельбреннер Г.Л. Российские дипломаты XVI–XIX вв. = Russian diplomats XVI–XIX centuries. Т. 1. Министерство иностранных дел Российской империи. М.: Янико. 1996. 189 с.

[58] Очерки истории Министерства иностранных дел. 1802–2002 гг. / редкол. А.Ю. Мешков и др.: в 3 т. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. Т. 1. 860-1917 гг. 606 с.; т. 3. Биографии министров иностранных дел. 419 с.

внешнеполитических действий первой половины XIX столетия в контексте международной обстановки[59]. Через свои зарубежные представительства Министерство иностранных дел отслеживало контингент тех, кто собирался выехать в Российскую империю, и контактировало по этим вопросам с III Отделением. Среди сотрудников российских миссий за рубежом находились агенты III Отделения. Эти сюжеты были затронуты в диссертационном исследовании О.М. Тупицына[60].

Министерство полиции в силу своего недолгого существования чаще всего лишь упоминалось в работах по истории государственного управления, приводился перечень подведомственных ему направлений. В 1990–2000-е годы со стороны юристов проявляется интерес к деятельности данного министерства. В современных диссертационных исследованиях рассматриваются нормативно-правовые документы, структура и эффективность работы этого министерства в первоначальный организационный период и в эпоху Отечественной войны 1812 года[61].

Изучение истории *Министерства внутренних дел* началось еще в пореформенной Российской империи. Важной вехой стал выход в свет трехтомного издания юриста и крупного чиновника в системе МВД Н.В. Варадинова[62]. По сути, эта публикация освещала изменения нормативно-правовых документов и проводимые в соответствии с ними реорганизации

---

[59] Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914 гг.). М.: Европа, 2006. 668 с.

[60] Тупицын О.М. Министерство иностранных дел и зарубежные представительства России в эпоху Николая I: автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02 / Московский гос. университет им. М.В. Ломоносова. М., 2003. 24 с.

[61] Борисов А.В. Министерство полиции в царской России: роль в государственном механизме, структура, функции, организация управления: лекция. М.: Академия МВД СССР, 1991. 19 с.; Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб.: Искусство-СПБ, 2007. С. 250–251; Карпов В.Ю. Министерство полиции в правоохранительной системе России: 1810-1819 гг. : автореф. дис.… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Юрид. ин-т МВД России. М., 2000. 23 с.;Дзьоник В.Р. Министерство полиции России в период образования и Отечественной войны 1812 года: Историко-правовой аспект :автореф. дис.… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Северо-Западный филиал Международного университета. СПб., 2001. 19 с.

[62] Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел: в 2 кн. СПб.: Тип. Министерства внутр. дел, 1858–1862.

министерства, а также содержала краткое изложение ежегодных министерских отчетов о положении в стране. Стоит отметить, что, характеризуя на основании этих документов ситуацию с «иностранными выходцами» (имея в виду колонистов), автор старался быть объективным. Он приводил данные о том, что, несмотря на запрет переселения колонистов в 1819 году[63], в отношении отдельных групп иностранцев делались исключения. Так, например, в 1827 году менонитам разрешалось селиться на Молочных водах, и на это были предусмотрены ассигнования из казны; вюртембергским подданным позволялось основывать поселения в Бессарабии; были предусмотрены льготы и пособия колонистам в Грузии и т.д.[64]

Попыткой охарактеризовать многие сферы деятельности МВД и подчиненные ему местные структуры стала работа «Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие 1855–1880 гг.»[65]. Однако специально вопрос контроля над иностранцами в ней не был выделен. В связи со 100-летним юбилеем министерства С.А. Андриановым был подготовлен исторический очерк «Министерство внутренних дел»[66], в котором главное внимание уделялось правовым аспектам и организационной структуре министерства. Вышедшие уже к 200-летию учреждения монографии[67] и энциклопедия «МВД России»[68] имели своей целью подчеркнуть преемственность в деятельности министерства. В силу значительного временного охвата в этих работах не было уделено внимания взаимодействию МВД с III Отделением по вопросам надзора за иностранцами.

---

[63] Там же. Кн. 1. Ч. 2. С. 591.
[64] Там же. Кн. 1. Ч. 3. С. 142–143.
[65] Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие 1855–1880 гг. СПб, 1880. 183 с.
[66] Министерство внутренних дел / текст основного тома сост. С.А. Андриановым. СПб.: Тип. Министерства внутр. дел, 1902. 225 с.
[67] Гонюхов С.О., Горобцов В.И. МВД России. 200 лет на страже закона и правопорядка. М.: Рейттар, 2002. 236 с.; Долженкова Г.Д. Министерство внутренних дел России: задача, функции, структура. М.: ВНИИ МВД России, 2002. 122 с.
[68] МВД: энциклопедия / гл. ред. В.Ф. Некрасов. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 623 с.

Достойно упоминания замечание И.В. Лукьянова при комментировании в 2007 году новых документов эпохи Николая I. Историк, опираясь на исследования А.Е. Преснякова[69] и И.Н. Троцкого[70], указал на тот факт, что Министерство внутренних дел, действуя параллельно с III Отделением, несло ответственность за осуществление политического контроля на территории Российской империи и его эффективность[71].

Проведением налоговой политики в отношении иностранцев и решением вопросов государственной помощи иностранным колониям занималось *Министерство финансов*. Не случайно, министр финансов Е.Ф. Канкрин стал одним из членов Комитета об иностранцах 1841 года, и его мнение сыграло немаловажную роль в решениях, принятых Комитетом. Попытки отразить управленческий опыт Е.Ф. Канкрина предпринимались в дореволюционных исследованиях А.П. Шипова, В.А. Лебедева, Р.И. Сементковского, И.Н. Бежерянова[72]. После большого перерыва, с 1990-х годов стали выходить многочисленные статьи, посвященные различным аспектам деятельности этого незаурядного чиновника и его биографии[73]. Предметом специального изучения стало и экономическое мировоззрение Е.Ф. Канкрина[74]. Истории министерства

---

[69] Пресняков А.Е. Самодержавие Николая I // Русское прошлое. 1923. № 2. С. 3–21.

[70] Троцкий И.М. III-е Отделение при Николае I. Жизнь Шервуда-Верного. Л.: Лениздат, 1990. 318 с.

[71] Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 379.

[72] Шипов А.П. Очерк жизни и государственной деятельности графа Канкрина. СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1864. 27 с.; Сементковский Р.И. Е.Ф. Канкрин. Его жизнь и деятельность. СПб., 1893. 94 с.; Лебедев В.А. Граф Егор Францевич Канкрин. СПб.: Гл. упр. уделов, 1896. 19 с.; Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб.: Изд. И.В. Канкрина, 1897. 250 с.

[73] Катыхова Л. А. Е. Ф. Канкрин и проблема протекционизма // Экономическая и общественная жизнь Нового времени. М., 1992. С. 59–68; Семенкова Т.Г. Е. Ф. Канкрин и финансы России // Финансы России. 1991. № 10. С. 40–44; Томас Л.Я. Немцы на российской государственной службе. Егор Францевич Канкрин, министр финансов // Немцы в государственности России: сборник статей. СПб.: Б.и., 2004. С. 83–89 и др.

[74] Мондэй Кр.Д. Экономическое мировоззрение бюрократической элиты Российской империи Николаевской эпохи: (на примере Е.Ф. Канкрина): автореф. дис. … канд. эк. наук: 08.00.01 / Санкт-Петербургский гос. университет. СПб., 2004. 27 с.; Он же. Национальность и экономическая наука: Канкрин в русском общественном сознании // Российская и европейская экономическая мысль: Опыт Санкт-Петербурга. 2007–2009. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 76–118.

финансов в рассматриваемый период был посвящен первый том юбилейного издания 1902 года с кратким обзором деятельности этого ведомства[75]. Следующий 200-летний юбилей вызвал выход в свет новых обобщающих работ по истории данного министерства[76].

Министерство народного просвещения так же, как и другие министерства, к своему 100-летнему юбилею получило обстоятельный исторический очерк С.В. Рождественского[77]. В нем автор остановился на позиции министерства в отношении иностранных пансионов и предусмотренных для иностранных учителей испытаний. Уже в 2000-е годы Н.И. Дроздов, В.И. Федорченко предприняли интересную попытку охарактеризовать работу министерства через биографии ее главных деятелей[78].

Как и другие ведомства, Министерство народного просвещения имело ярких руководителей в период, рассматриваемый в данной диссертационной работе. В первую очередь, речь идет о графе С.С. Уварове, возглавлявшем министерство в 1833–1849 годах. Как известно, это время, когда были приняты важные нормативно-правовые акты в отношении иностранных учителей, ужесточались требования к их профессиональным и нравственным качествам, а затем, в связи с революциями в Европе в 1848 году последовал запрет въезда в империю для иностранных преподавателей. Деятельности С.С. Уварова, которая рассматривалась на фоне эпохи, была посвящена монография Ц.Х. Виттекер, вышедшая в свет в 1999 году[79]. Затем в 2013 году было опубликовано исследование известного американского историка Р. Пайпса

---

[75] Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. 640 с.

[76] Шитов В.Н., Кантемиров Р.Ф. Двухвековая история российского министерства финансов в лицах его руководителей. Ульяновск: УлГТУ, 2003. 95 с.; Шитов В.Н. История российского Министерства финансов в лицах его руководителей. Ульяновск: УлГТУ, 2003. 99 с.

[77] Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / сост. С. В. Рождественский. СПб.: Министерство народного просвещения, 1902. 785 с.

[78] Дроздов Н.И., Федорченко В.И. Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802–1917 годы. Красноярск: Красноярский гос. пед. университет им. В. П. Астафьева, 2005. 389 с.

[79] Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Акад. проект, 1999. 348 с.

«Сергей Семенович Уваров: жизнеописание»[80]. В названных работах, в большей степени биографического характера, авторы старались показать неоднозначность изучаемой личности, раскрыть глубинные мировоззренческие основания для создания теории «официальной народности».

Научные статьи, появившиеся в последние годы, обращают внимания на деятельность С.С. Уварова в университетской сфере, участие в формировании внутренней политики николаевской России, в обращении к проблеме национальной идеи[81]. К сожалению, авторы этих публикаций не освящают деятельность С.С. Уварова, направленную на усиление контроля над иностранцами, в период службы графа на посту министра народного просвещения.

Изучение действий органов, осуществлявших контрольно-надзорные функции, предполагает исследование истории прокуратуры и местных губернских и уездных административных органов. В дореволюционной историографии в этом направлении были сделаны лишь первые шаги[82]. Более активно эти вопросы стали рассматриваться историками с 1990-х годов. В числе изучаемых можно выделить: ***историю прокуратуры***[83]; биографии

---

[80] Пайпс Р. Сергей Семенович Уваров: жизнеописание. М.: Посев, 2013. 80 с.

[81] Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Вып. 7. СПб., 1998. С. 56–74; Попов О. В. С.С. Уваров и подготовка общего устава российских университетов 1835 года // Российские университеты в XVIII–XX веках. Воронеж: ВГУ, 1999. Вып. 4. С. 18–28; Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм // Петербургская Академия наук в истории академий мира. СПб., 1999. Т. 2. С. 257–285; Круглов Ю.Г. Граф С. С. Уваров – министр-реформатор и созидатель // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 3. С. 214–232; Шевченко М.М. С.С. Уваров в борьбе за новый курс внутренней политики России в 1826–1832 гг. // Петр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка М.: РОССПЭН, 2008. С. 303–318; Майофис М.Л. От идеи "единой Европы" к идее "особого пути": С. С. Уваров в 1819–1821 годах // Идеология "особого пути" в России и Германии: истоки, содержание, последствия: сборник статей. М.: Три квадрата, 2010. С. 49–69; Быков М. Сергей Семенович Уваров // Стратегия России. 2011. № 2. С. 86–88.

[82] Иванов П.И. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1863. 183 с.; Блинов И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк. М.: Типо-лит. К.Л. Пентковского, 1905. 360 с.

[83]История прокуратуры России. Историко-правовой анализ / под ред. А.Г. Звягинцева. М.: Юнити-Дана, 2012. 223 с.; Галузо В.Н. Власть прокурора в России. Историко-правовое исследование. М.: Юнити-Дана, 2008, 557 с.

конкретных людей, занимавших прокурорские должности на высшем[84] и местном уровнях[85]; взаимодействие прокуратуры и полиции[86].

Историография функционирования местных органов управления, отвечавших за организацию и осуществление надзора в первой половине XIX века, также получила интенсивное развитие лишь в 1990–2000-х годах. Одной из самых известных работ стала монография доктора исторических наук Л.М. Лысенко «Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII–начало XX века)»[87]. Коллективом авторов в 2001 году был подготовлен двухтомный труд «Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи»[88], в котором была предпринята попытка рассмотреть проблему в исторической ретроспективе. Создание биографических справочников, посвященных губернаторам отдельных территорий Российской империи, явилось отдельным направлением историко-биографических исследований[89]. С 2000-х годов предметом диссертационных докторских[90] и

---

[84] Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Тайные советники империи. Российские прокуроры, XIX в. М.: РОССПЭН, 1995. 382 с.; Они же. Российские прокуроры. М.: Молодая гвардия, 1999. 569 с.; Они же. Призванные Отечеством. Российские прокуроры. 1722–1917 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 815 с.

[85] Агарков Е.А. Смоленские прокуроры: Страницы истории, проблемы, судьбы. Смоленск, 2001. 263 с.; Ваганова И.В. Ярославские прокуроры XVIII–XXI века. Ярославль: Академия, 2010. 191 с.; Сухарев А.Я. Владимирские прокуроры: От Петровских времен до наших дней: очерки. Владимир: Реко, 1999. 240 с.

[86] Глебов С.С. Организационно-правовые основы взаимодействия полиции Российской империи с другими государственными органами: XIX – начало XX вв.: автореф. дис.… канд. юрид. наук: 12.00.01/ Академия управления МВД РФ. М., 2007. 23 с.

[87] Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: МПГУ, 2001. 357 с.; Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Московский гос. педагогический университет. М., 2001. 49 с.

[88]Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи / Т.А. Алексеева и др.; Редкол.: Н.М. Кропачев и др.; под общей ред. В.В. Черкесова. В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петерб. университета, 2001. 452 с.

[89] Сергиенко В.А. Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: О подготовке биографического справочника «Губернаторы и вице-губернаторы России. 1708–1917 гг.» // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: сборник материалов научно-практического семинара, Санкт-Петербург, 4–5 июня 2002 г. СПб.: СПбГУ,1995. С. 95–99; Ляхов Б.А. Губернаторы России, 1703–1917: История страны в лицах. М.: Российская газета, 2004. 190 с.; Береснев В. В. Немцы в государственности России: Немцы-губернаторы в царствование императора Николая I // Немцы в государственности России: сборник научных статей. СПб.: Б.и., 2004.

кандидатских[91] исследований нередко становится история провинциального чиновничества, губернских и уездных органов, полиции городов и уездов. Тем

С. 155–161; Афанасьева Т.Ю. Гродненские губернаторы (1801–1917 гг.): документально-биографические очерки. Гродно: Гродненская городская типография, 2007. 166 с.; Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012. 480 с.; Бригадин П.И. Минские губернаторы: история власти. Минск: Изд-во Государственного института управления и социальных технологий БГУ, 2009. 351 с.; Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917 / ред.-сост. А.Н. Акиньшин. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2000. 398 с.; Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711–1917. Смоленск: Маджента, 2004. 400 с.; Марасанова В.М. Ярославские губернаторы, 1777–1917. Ярославль: Б.и., 1998. 417 с.; Пермские губернаторы: (Из фондов архива) / Сост. Н.М. Дуликова. Пермь, 1996. 723 с.; Савин О.М. Императоры и губернаторы : страницы истории Пензенского края. Пенза: Б.и., 2006. 429 с.; Степанов В.Б. Наместники и губернаторы Курского края, 1779–1917 гг.: исторические очерки. Курск: Курская городская типография, 2005. 239 с.; Фролов Н.В. Владимирские наместники и губернаторы. 1778–1917 гг. Ковров: БЭСТ-В, 1998. 151 с. и др.

[90] Алексушин Г. В. Развитие губернаторской власти в России (1708–1917 гг.): исторический опыт и уроки: автореф. дис.… д-ра ист. наук: 07.00.02 / Военный университет. М., 2008. 47 с.; Акульшин П. В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): автореф. дис.… д-ра ист. наук: 07.00.02 / Московский педагогический гос. университет. М., 2004. 46 с.; Карнишина Н. Г. Столица и провинция в России: управление, контроль, информационная среда (середина 50-х – 80-е гг. XIX в.): автореф. дис.… д-ра ист. наук: 07.00.02 / Московский педагогический гос. университет. М., 2001. 39 с.; Марасанова В. М. История органов губернского управления в конце XVIII – начале XX в. (на материалах Верхнего Поволжья): автореф. дис.… д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ярославский гос. университет им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2005. 47 с.; Седунов А.В. Обеспечение общественной и государственной безопасности в XIX – первой половине XX века (на материалах Северо-Запада России): автореф. дис.… д-ра ист. наук: 07.00.02 / Санкт-Петербургский государственный университет. М., 2006. 40 с.

[91] Гриценко Н. В. Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02 / Омский гос. педагогический университет. Омск, 2005. 25 с.; Кононов В. Институт губернаторства в дореволюционной России: взаимодействие губернской и центральной администраций, 1708–1917 гг. (на материалах Смоленской губернии): автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02 / Брянский гос. университет им. И.Г. Петровского, 2005. 22 с.; Мельникова И.Г. Чиновничество Верхневолжских губерний в первой четверти XIX века: автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02 / Ярославский гос. университет им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2010. 26 с.; Помигалов А.А. Санкт-Петербургская полиция в XIX в.: структура, организация, деятельность: автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02 / Санкт-Петербургский гос. университет. СПб., 2009. 23 с.; Поскачей Т. А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв.: (на материалах Рязанской губернии): автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02 / Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. Тула, 2006. 21 с.; Рассолов Г. А. Институт генерал-губернаторства в Российской империи (1775 г. – конец XIX в.): автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02 / Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова. М., 2005. 27 с.; Седунов А.В. Псковская городская полиция в XVIII – начале XX вв.: автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02 / Санкт-Петербургский гос. университет. СПб., 2004. 26 с.; Чернова И.В. Томская городская полиция в конце XVIII – начале XX вв.: автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02 /

не менее приходится констатировать, что в этих работах по-прежнему вне рассмотрения остаются вопросы, связанные с пребыванием иностранцев и контролем над ними.

Правовое положение иностранных подданных в Российской империи, особенности отечественной паспортной системы в отношении иностранцев привлекают внимание ученых-юристов и являются темами их диссертационных исследований[92]. Однако в силу профессиональной специфики и выбора значительных временных рамок реализация российского законодательства в конкретный период в диссертациях не рассматривалась. Конкретные примеры по осуществлению паспортного режима в Российской империи в первой половине XIX века (в отношении швейцарских граждан) привела в своей статье автор данного диссертационного исследования[93].

Надзор за иностранцами, оказавшимися в числе военнопленных, имел свою специфику (в сравнении с иностранными подданными, прибывшими в Россию с мирными целями и добровольно). С разной степенью полноты вопросы надзора отражены в исследованиях по истории военнопленных и членов их семей, попавших на территорию империи в результате масштабных военных конфликтов, таких как Отечественная и Крымская войны.

Благодаря работам В.Г. Сироткина[94], А.И. Попова[95] и их последователей в настоящее время активно развивается научное направление под названием

Томский гос. университет. Томск, 2005. 26 с.; Шабаев В. В. Уездная полиция Российского государства второй половины XIX–XX века: (на территории Мордовии): автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02 / Мордовский гос. университет им. Н.П. Огарева. Саранск, 2007. 23 с.

[92] Тесленко А.М. Правовой статус иностранцев в России: Вторая половина XVII – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Уральская гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2000.19 с.; Николаева Т.Б. Паспортная система России: формирование и механизм функционирования во второй половине XVII – начале XX в.: (историко-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2003. 24 с.; Николаев В.Б. Подданство Российской империи: его установление и прекращение (историко-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2008. 28 с.

[93] Тихонова А.В. Паспортный режим в Российской империи в отношении швейцарских граждан (первая половина XIX века) // История государства и права. 2011. № 17. С. 39–42.

[94]Сироткин В.Г. Судьба французских солдат в России после 1812 года // Вопросы истории. 1974. № 3. С. 129–136; Он же. Судьба пленных солдат и офицеров Великой армии в России

«***Военнопленные в эпоху Наполеоновских войн***»[96]. По данной тематике защищены диссертационные исследования[97], существует значительное число научных публикаций, стимулом для появления которых стал 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. Стоит выделить работы петербургского историка Б.П. Миловидова, который помимо подготовки к публикации мемуаров военнопленных[98], является автором обстоятельных статей о пленных 1812 года[99] и предшествовавшего этому военного противостояния Наполеону 1806–1807 годов[100].

после Бородинского сражения // Отечественная война. Источники. Памятники. Проблемы: материалы VIII Всероссийской научной конференции (Бородино, 6–7 сентября 1999 г.) / Сост. А.В. Горбунов. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 246–265.

[95] Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара: НТЦ, 2002. 439 с.

[96] Наиболее полная библиография работ за 1974–2010 годы см.: Бессонов В.А., Миловидов Б.П. Библиография работ, опубликованных в СССР и России о военнопленных Великой армии 1812–1815 гг. 1974–2010 // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 581–593.
см.: Сайт с публикациями по данной тематике. URL: http://adjudant.ru/

[97] Бессонов В.А. Военнопленные Великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии): автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02 / Самарский гос. пед. университет. Самара, 2001. 22 с.; Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Самарский гос. пед. университет. Самара, 2007. 22 с.: Самович А.Л. Деятельность Российского государства в отношении иностранных военнопленных (XIX – начало XX в.): автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Военный университет. М., 2011. 47 с.

[98] Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. 608 с.

[99] Миловидов Б.П. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в июле–октябре 1812 г. // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г. Саратов, 2002. С. 207–216; Он же. Военнопленные в Ярославской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2003. С. 142–152; Он же. Военнопленные Великой армии в Тамбовской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 г. и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2004. С. 176–191; Он же. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы: материалы 13-й Всероссийской научной конференции, Бородино, 5–7 сент. 2005 г. М.: Полиграф сервис, 2006. С. 261–288; Он же. Военнопленные медики Великой армии // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: материалы Всероссийской научной конференции. Вып. XIV. Малоярославец, 2006. С. 177–189; Он же. Использование военнопленных 1812 г. на работах: тенденции правительственной политики // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVI Международной научной конференции, 6–7 сентября 2010 г. / сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2011. С. 163–190 и др.

[100] Миловидов Б.П. Военнопленные армии Наполеона в России в 1806–1807 гг. // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814. Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 7–68.

Особое место в историографии проблемы военнопленных занимают также исследования калужского ученого В.А. Бессонова, в которых освещены вопросы численности военнопленных Великой армии и совершенствования нормативно-правовой базы их пребывания, реализации законодательства в отношении пленных в Калужской и Саратовской губерниях[101]. В отдельных публикациях на основе архивных документов реконструированы биографии отдельных военнослужащих наполеоновской армии[102], истории национальных групп военнопленных на территории Российской империи[103]. Серьезным вкладом в разработку данной тематики стали региональные исследования, проводимые на архивных источниках, впервые введенных в научный оборот[104].

---

[101]Бессонов В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. Вып. IV / Труды ГИМ. Вып. 147. М., 2005. С. 49–80; Он же. Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812 г. // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы: материалы VII Всероссийской научной конференции. Бородино, 1999. С. 12–23; Он же. Перевертыши. Полицейский надзор за пленными 1812 года // Родина. 2002. № 8. С. 97–98; Он же. Численность военнопленных 1812 года в России // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы X Всероссийской научной конференции. М., 2002. С. 18–38; Он же. Не считая шаромыжников. Численность военнопленных 1812 года в России // Родина. 2002. № 8. С. 55–59; Бессонов В.А., Тотфалушин В.П. Военнопленные Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г.: материалы Всероссийской научной конференции, 30 мая – 1 июня 2002 г. / под ред. Н.А. Троицкого. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2002. С. 163–176 и др.

[102] Бессонов В.А., Попов А.И. «Временный генерал» Жак Бойе // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы IX Всероссийской научной конференции. М., 2001. С. 20–29; Карташов В.С. Судьба Доминика де ла Флиза // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. IV. М., 2005. С. 80–81; Миловидов Б.П. Жизнь и судьба военнопленного врача Генриха фон Рооса // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Можайск, 2008. С. 307–317 и др.

[103]Бессонов В.А. Легион из французских, итальянских и голландских военнопленных // Отечественная война 1812 г.: энциклопедия. М., 2004. С. 406; Бессонов В.А., Миловидов Б.П. Польские военнопленные Великой армии в России в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы: материалы 13-й Всероссийской научной конференции, Бородино, 5–7 сент. 2005 г. М.: Полиграфсервис, 2006. С. 289–305.

[104]Вишленкова Т.А. Французские военнопленные 1812 года в Казанской губернии // Россия и Франция. XVIII–XX века / отв. ред. П.П.Черкасов. М., 2000. Вып. 3. С. 119–131. Миловидов Б.П. Военнопленные Великой армии в Тамбовской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция. События. Люди. Памятники: материалы Всероссийской научной конференции, 2004. С. 176–191; Он же. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы: материалы 13-й Всероссийской научной конференции,

Не стала исключением и Смоленщина: судьбам пленных Великой армии Наполеона на территории губернии были посвящены научные статьи И.В. Панисяка[105], Г.Н. Ермоленко[106], А.В. Тихоновой[107].

В начале военной кампании 1812 года по распоряжению российских властей был проведен «разбор иностранцев», чтобы определить место их дальнейшего пребывания и факт лояльности к империи. Этой малоизученной

Бородино, 5–7 сент. 2005 г. М.: Полиграфсервис, 2006. С. 261–288; Он же. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в июле–октябре 1812 г. // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года: материалы Всерос. науч. конф., 30 мая–1 июня 2002 г. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2002. С. 207–216; Попова Ю.Н. Французские военнопленные в Олонецкой губернии в 1812–1814 гг. Anteannum: сборник научных работ / ред.-сост. Т.Н. Жуковская. Петрозаводск, 2003. С. 72–82; Потрашков С.В. Военнопленные Великой армии в Слободско–Украинской губернии // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы VII Всеросийской научной конференции, 1998 г. Бородино, 1999. С. 143–149; Он же. Военнопленные Великой армии и губернские власти (по документам канцелярии Слободско–Украинского гражданского губернатора) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы IX Всероссийской научной конференции, Бородино, 4–6 сент. 2000 г. М.: Калита, 2001. С. 204–210; Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Астраханской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы: материалы XIV Всероссийской научной конференции, Бородино, 4–6 сентября 2006 г. М.: Полиграфсервис, 2007. С. 166–175; Он же. Военнопленные армии Наполеона в Казанской губернии в 1812–1814 гг. // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы: материалы II Международной научной конференции, посвященной 195-летию Бородинского сражения, Бородино, 3–5 сентября 2007 г. Можайск, 2008. С. 293–306; Он же. Военнопленные армии Наполеона в Нижегородской губернии в 1812–14 гг. // Вестник военно-исторических исследований: международный сборник научных трудов. Вып. 2. С. 42–57; Он же. Военнопленные армии Наполеона в Симбирской губернии в 1812–1814 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск: «Актуальные проблемы истории и археологии». 2006. С. 7–11; Он же. Военнопленные поляки в Астраханской губернии в 1812–1815 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники, памятники, проблемы: материалы 13-й Всероссийской научной конференции, Бородино, 5–7 сент. 2005 г. М.: Полиграф сервис, 2006. С. 306–313 и др.

[105] Панисяк И. Отечественная война 1812 г.: трагедия и милосердие // Край Смоленский. 2002. № 7–9. С. 27–47.

[106] Ермоленко Г.Н. Французские военнопленные 1812 года на Смоленщине // Край Смоленский. 2002. № 5–6. С. 26–33.

[107] Тихонова А.В. Судьбы иностранных военнопленных после кампании 1812 года (на материалах Смоленской губернии) // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: сборник материалов XV Всероссийской научной конференции 20 октября 2007 года. Малоярославец, 2007. С. 291-305; Она же. Судьба Шарлоты Витенштейн или Терезии Ивановой: история иностранки в России // Знатность, измеряемая часами. Временщики между произволом и традицией / под ред. С.Т. Минакова и О.Я. Ноздрина. (Серия:Nobless oblige).Вып. IV. Орел, 2008. С. 84–89; Помогал, «не различая звания и состояния». Судьба французского лекаря Франца Валя в России / публикацию подготовила А. В. Тихонова // Исторический архив. 2010. № 6. С. 154–158.

теме посвящена статья В.П. Тофталушина на материалах Саратовской губернии[108]. Благодаря изучению истории международных отношений, в частности контактов России и Великобритании в первой половине XIX века, вниманием не была обойдена история британцев в Москве в сложных условиях 1812 года[109]. Вопросы привлечения неприятелем на службу иностранцев, проживавших в России и оказавшихся в оккупации в 1812 году, затрагивались в дореволюционных публикациях[110] и в настоящее время стали предметом исследования на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов[111].

В отличие от историографии 1812 года история военнопленных Крымской войны оставалась малоизученной темой. Исключением стали научные статьи В.А. Бессонова, Б.П. Миловидова, В.В. Познахирева, О.П. Шкедя[112], написанные на базе материалов федеральных архивов

---

[108]Тофталушин В.П. «Разбор» иностранцев в 1812 году и Саратовская губерния // 1812 год: война и мир: материалы Всероссийской научной конференции. Смоленск: Свиток, 2009. С. 170–179.

[109]Орлов А.А. Британцы в Москве в 1812 году: вымысел и реальность // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 129–136; Он же. Английские козни Шмита. Британцы в Москве в 1812 году // Родина. 2003. № 5/6. С. 74–78; Idem. Britons in Moscow in 1812 // History Today. July 2003. Vol. 53(7). P. 17–23.

[110]Вороновский В.М. Отечественная война в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912; Р. Смоленск под управлением французов в 1812 г. (По документам, собранным А.В. Безродным) // Русская старина. 1901. Апрель. С. 139–144.

[111] Болдина Е.Г. Документы об Отечественной войне 1812 года в фондах Центрального исторического архива Москвы // Вестник архивиста. 2007. № 1(97). Январь–март. С. 253–257; Она же. О деятельности Высочайше учрежденной комиссии для исследования поведения и поступков некоторых московских жителей во время занятия столицы неприятелем // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы IX Всероссийской научной конференции. Бородино, 4–6 сент. 2000 г. / отв. ред. А.В. Горбунов. М.: Калита, 2001. С. 30–63; Понасенков Е. «Никто не трудится с усердием». Местная администрация на территории, занятой Великой армией // Родина. 2002. № 8. С. 94–96.

[112] Бессонов В.А. Военнопленные Крымской войны 1853–1856 гг. в Калужской губернии //Труды регионального конкурса в области гуманитарных наук. Вып. 7. Калуга: Полиграф-Информ, 2006. С. 51–63; Миловидов Б.П. Иностранные военнопленные и российское общество в годы Крымской войны // Отечественная история. 2010. № 5. С. 153–164; Он же. Численность пленных в годы Крымской войны // Марсово поле. Вып. 2. 1997. С. 19–23; Познахирев В.В. Турецкие военнопленные в Курской губернии в период Крымской войны 1853–1856 гг. // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 5 [Электронный ресурс]. URL: http://human.snauka.ru/2013/05/3131 (дата обращения: 31.07.2014); Шкедя О.П.

(Российского военно-исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива) и региональных (Государственного архива Калужской, Пензенской областей[113] и Государственного архива Автономной Республики Крым). В этих публикациях рассматриваются вопросы численности иностранных военнопленных, их содержания и передвижения по территории Российской империи, взаимоотношений с местным населением.

Стоит подчеркнуть, что с 1990-х годов тема «Иностранцы в России» привлекает все больше исследователей, в первую очередь, в плане истории взаимоотношений России и государств Западной Европы в изучаемый период. Один из первых научных сборников был посвящен теме «Россия и Италия» (1993)[114]. Продолжающимся изданием стал ежегодник «Россия и Франция. XVIII–XX века», выпускаемый Центром французских исследований Института всеобщей истории РАН с 1995 года[115]. Культурные влияния Франции и России в первой половине XIX века нашли отражение в научной литературе последнего десятилетия[116]. Выше упоминалось об исследовании Отечественной войны 1812 года.

Обширная литература существует сегодня по теме «Немцы в России», в том числе охватывая первую половину XIX века. В Москве и Петербурге прошли международные конференции и научные семинары, на которых были освещены различные аспекты культурного и научного сотрудничества наших

Турецкие военнопленные в России во время Крымской войны // Восточный архив. 2008. № 18. С. С. 21–26.

[113]Кузнецов Е.Г. Военнопленные в Пензенской губернии в период Крымской войны // Краеведение. 2000. № 1. С. 38–44.

[114] Россия и Италия. Вып. 1. М.: Институт всеобщей истории, 1993. 456 с.

[115] Россия и Франция XVIII–XX века: Сборник статей / Отв. ред. П.П Черкасов. М.: Наука, 1995–.

[116]Гречаная Е.П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797-1825). М.: ИМЛИ РАН, 2002.317 с.; Французские первопоселенцы в Москве и некоторые потомки / авт.-сост. В.М. Егоров-Федосов. М.: Волслов, 2005. 372 с.; Спивак Д.Л. Метафизика Петербурга. Французская цивилизация. СПб.: Алетейя, 2005. 527 с.; Ощепков А.Р. Образ России во французских путевых записках XIX века. М.: Гос. ин-т русского яз.им. А. С. Пушкина, 2010. 236 с. и др.

стран, истории немецких колоний в Поволжье и на Кавказе[117], колонизационной политики российского правительства[118]. Первую попытку создать обобщающий труд по истории немецкой общины в Москве в течение значительного периода (1494–1941 годы) предпринял В. Дённингхаус[119]. Его работа была переведена на русский язык и опубликована в 2004 году. Немецкий исследователь, выдвинув на первый план проблемы социального и культурного порядка, основываясь на обширном документальном материале, представил историю становления и развития московской немецкой общины в русскоязычной среде, что вызывало противоположные явления – «симбиоз и конфликт». Выход в свет энциклопедии «Немцы в России» также стал важным культурным событием для обоих государств[120].

Появляются глубокие исследования по истории российско-британских отношений в первой половине XIX века. Например, в монографиях[121] и статьях[122] доктора исторических наук А.А. Орлова[123] нашли отражение не

---

[117] В качестве примеров: Немцы в России: Люди и судьбы / отв. ред. Л.В. Славгородская. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 310 с.; Немцы в России: Проблемы взаимодействия. Люди и судьбы / отв. ред. Л.В. Славгородская. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 327 с.; Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи: сб. статей / Ред. Г.И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 424 с.; Немцы в России: Русско-немецкий диалог: сб. статей / ред. Г.И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 551 с.; Немцы в России: Три века научного сотрудничества: сб. статей / ред. Г.И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 664 с.; Чернова-Деке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917) (К 190-летию основания немецких колоний). М.: МСНК-пресс, 2008. 208 с.

[118] Пасько Е.А. Колонизационная политика России: (вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ростовский гос. университет. Ростов-на-Дону, 2003. 27 с.

[119] Дённингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М.: РОССПЭН, 2004. 504 с.

[120] Немцы России = Die Deutschen Russlands: энциклопедия / председ. редкол. В. Карев: в 3 т. М.:ЭРН, 1999–2006.

[121] Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 368 с.; Он же. «Теперь вижу англичан вблизи…»: Британия и Россия в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.): очерки. М.: Гиперборея, Кучково поле, 2008. 368 с.; Он же. «Школы для всех». Ланкастерская система обучения в России в первой четверти XIX века (1814–1826 гг.). М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. 200 с.

[122] Орлов А.А. История подготовки и заключения англо-русского мирного договора 6(18) июля 1812 года // Российская история. 2012. № 6. С. 3–16; Он же. Влияние экономических факторов на политические отношения Великобритании и России в 1830–1840-е гг. // Вестник

только политические коллизии, проблемы дипломатического характера, но и вопросы экономики, культуры и образования, влияния английских инноваций в этих сферах на российское общество.

Попыткой обобщения опыта взаимодействия России с крупными европейскими державами стала монография Е.В. Алексеевой «Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX века)»[124], написанная без привлечения архивных документов, лишь на основе опубликованной отечественной и зарубежной литературы второй половины XX – начала XXI века (до 2006 года). Автор с позиции теории модернизации и ее составной части – концепции диффузионизма систематизировала научные публикации, рассмотрев пути проникновения европейских инноваций в Россию, применение иностранного опыта в государственном строительстве, военном деле, промышленности и сельском хозяйстве, науке, медицине и образовании. В одном из разделов монографии рассматривается иммиграционная политика царского правительства и динамика численности иностранных граждан в России с разделением европейцев по национальной принадлежности и направлениям деятельности.

Касаясь истории швейцарцев в России, Е.В. Алексеева основывается, главным образом, на статье А.И. Степанова «Швейцарцы в России и русские в Швейцарии», опубликованной в 2006 году[125]. Действительно, до недавнего времени в научной литературе история российско-швейцарских связей в первой половине XIX века освещалась крайне редко, исключение составили лишь

Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. № 2. С. 24–38; Он же. Ланкастерские школы в России в начале XIX века // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2013. № 1. С. 11–20; № 2. С. 9–23 и др.

[123] Орлов А.А. Проблема нового мирового порядка в отношениях Великобритании и России в первой половине XIX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова. М., 2009. 40 с.

[124] Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.) М.: РОССПЭН, 2007. 386 с.

[125] Степанов А.И. Швейцарцы в России и русские в Швейцарии // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 120–151.

сферы литературы и искусства[126]. Международные научные конференции и коллоквиумы в Москве (1995) и Петербурге (2002) стимулировали исследование темы российско-швейцарских отношений, в том числе и в первой половине XIX века[127].

В изучении политической истории Швейцарии событием стал выход в свет монографии И. Петрова[128]. Автор признал, что «история Швейцарии по существу и сегодня остается русскоязычной публике неизвестной»[129]. И. Петров рассмотрел политические события в Швейцарии, начиная с древнейших времен до наших дней. Столь значительный временной охват объясним тем, что автор раскрывает ряд вопросов, касающихся формирования национального государства и международного положения Швейцарии, а также общественных течений, оказавших влияние на создание «национального мифа» Швейцарии и его эволюцию. Именно в этом ракурсе в монографии освещена общественно-политическая ситуация в Швейцарии первой половины XIX века. Ценным представляется использование ученым опубликованных источников и литературы на русском, немецком и французском языках.

Бывший посол Российской Федерации в Швейцарии, доктор исторических наук А.И. Степанов, помимо упомянутой статьи, в 2006 году опубликовал научно-популярное исследование «Русские и швейцарцы. Записки дипломата»[130], затронув в нем различные аспекты российско-швейцарских отношений, особенности ментальности швейцарцев, политические, экономические, культурные контакты между нашими странами, в том числе и в

---

[126] Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII–XIX вв. Л.: Наука, 1984. 276 с.; Гордон Е. Александр Калам // 1989. Сто памятных дат. Художественный календарь. М., 1988; Белецкая Е.А., Покровская З.К. Жилярди. М., 1980. 168 с. и др.

[127] Россия и Швейцария: развитие научных и культурных связей: (по материалам двусторонних коллоквиумов историков России и Швейцарии): сборник / Отд. истории Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Нац. комитет рос. историков. М.: Отд-ние истории РАН, 1995. 156 с.; Швейцарцы в Петербурге /М.И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб.: Изд-во «Петербург. ин-т печати» , 2002. 623 с.

[128] Петров И. Очерки истории Швейцарии. М., 2006. 918 с.

[129] Там же. С. 1.

[130] Степанов А.И. Швейцарцы в России и русские в Швейцарии // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 120–151; Степанов А.И. Русские и швейцарцы = Russen und Schweizer = Russes et suisses = Russi e svizzeri = Russ e svizzers: Записки дипломата. М.: Науч. кн., 2006. 592 с.

первой половине XIX века. Книга рассчитана на широкий круг читателей. В связи с этим профессиональный дипломат, хорошо владеющий фактическим материалом, предпочел публицистический стиль изложения с целью дать возможность широкому кругу россиян познакомиться со швейцарской историей и культурой.

Швейцарские ученые, в свою очередь, с середины 1980-х годов активно занимаются изучением проблем взаимоотношений Швейцарии и России. В рамках деятельности исторического семинара при Отделе Восточной Европы Цюрихского университета за период с 1985 по 2006 год опубликовано уже 9 книг под общим названием «К истории российских швейцарцев» («Beiträge zur Geschichte der Russland-Schweizer»). В их числе крупная работа, подготовленная коллективом авторов, по истории швейцарских эмигрантов в России, содержащая большой статистический материал[131]. В известной работе У. Раубера «Швейцарская промышленность в России»[132], значительной по временному охвату (1760–1917 годы), рассмотрено участие швейцарцев в развитии российской экономики. Две монографии Г. Чудин посвящены швейцарским сыроварам в Российской империи со второй половины XVIII до начала XX века[133]. Исследования Г. Чудин отличает не только глубокий анализ конкретных аспектов производственного процесса, но и повышенное внимание к истории семей сыроваров, оказавшихся в России, особенностям их пребывания и деятельности в новых условиях. Исследование Г. Шнайдера посвящено деятельности в Российской империи швейцарских теологов с начала

---

[131] Schweizer im Zarenreich. Zur Geschichte der Auswanderung nach Russland. Roman Bühler, Heldi Gander-Wolf, Carsten Goehrke, Urs Rauber, Gisela Tschudin, Josef Voegeli. Zürich: Verlag Hans Pohr, 1985. 519 s.

[132] Rauber Urs. Schweizer Industrie in Russland: Ein Beitragzur Geschichte der industriellen Emigration, des Kapitalexportes und des Handels der Schweiz mit dem Zarenreich (1760–1917). Zürich: Rohr, 1985. 460 s.

[133] Tschudin Gisela. Schweizer Käser in Russland. Zürich, Verlag Hans Rohr. 1988; Tschudin G. Schweizer Käse im Zarenreich. Zur Mentalität und Wirtschaft ausgewanderter Bauernsöhner und Bauerntöchter. Zürich: Hans Rohr, 1990. 328 s.

XVIII до начала XX века[134], в том числе таких видных общественных деятелей, как Иоганн Муральт (1780–1850) в Петербурге.

Примером взаимодействия российских и швейцарских ученых при изучении контактов между нашими странами стал спецвыпуск журнала «Родина», приуроченный к 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и Швейцарией. Помещенные в журнале статьи, написанные профессиональными историками, касались и сюжетов первой половины XIX века: отношения к Швейцарии российского императора Александра I[135], российских страниц биографии генерала Жомини[136], деятельности в России швейцарских преподавателей и гувернеров[137], впечатлений русских путешественников от Швейцарии[138], влияния на творчество В.А. Жуковского визитов в эту альпийскую страну[139].

Краткий обзор современной литературы по теме «Иностранцы в России» показывает, что эта проблема имеет множество аспектов изучения, среди которых: анализ российского законодательства в отношении иностранных подданных; вклад иностранцев в развитие отдельных отраслей российской науки и техники, промышленности и торговли, образования и культуры; отношение россиян к военнопленным; адаптация иностранцев к российской действительности; возможности и практики межкультурной коммуникации и т.д. Исследование вопросов пребывания иностранцев на территории Российской империи в первой половине XIX века открывает новые ракурсы в изучении истории отечественного государственного управления (эффективность работы административного аппарата в определенный

---

[134] Schneider H. Schweizer Theologen im Zarenreich (1700–1917): Auswanderung und russisher Alltag von Theologen und ihren Frauen. Zürich: Verlag Hans Rohr, 1994. 394 s.
[135] Андреев А. Александр I и Швейцария // Родина. 2014. № 1. С. 35–40.
[136] Рапэн А.-Ж. «В России меня ценят лучше…» // Родина. 2014. № 1. С. 41–43.
[137] Тозато-Риго Д. «Пользуются репутацией людей порядочных и серьезных». Швейцарские гувернеры и гувернантки в России (1750–1850) // Родина. 2014. № 1. С. 30–34.
[138] Смекалина В. «Какое блаженство – дышать на этих высотах!» Швейцарские Альпы в заметках русских путешественников второй половины XVIII – первой половины XIX века // Родина. 2014. № 1. С. 44–47.
[139] Андреев А. Швейцарский ландшафт русской культуры. Поэт Жуковский на берегах Женевского озера // Родина. 2014. № 1. С. 48–52.

исторический период), исторической психологии (восприятие «свой-чужой» в историческом контексте) и социологии (социальная и национальная принадлежность, сопоставление разнообразных статистических данных).

Таким образом, рассмотрение научных исследований, освещающих вопросы надзора, деятельности властных структур, обеспечивавших контроль над иностранцами, адаптации иностранных специалистов в России, убеждает, что настоящая диссертация посвящена малоисследованной проблеме междисциплинарного характера. Последнее объясняется раскрытием правовых аспектов и особенностей реализации законодательства в отношении иностранцев, процесса постепенных изменений социокультурной среды, а также изучением управленческих решений, обеспечивающих защиту национальной безопасности страны.

§ 2. Источниковедческий анализ

Представленный выше историографический обзор показывает, что только широкое привлечение разнообразных опубликованных и в большей степени неопубликованных источников, их комплексное изучение и анализ позволит раскрыть поставленную исследовательскую проблему. Большинство архивных материалов, использованных в диссертации, вводится в научный оборот впервые. Автором были проанализированы документы 32 фондов из 7 государственных архивов: федеральных (Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива), ведомственного (Архива внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел) и региональных архивов (Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Центра хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива города Москвы, Государственного архива Смоленской области и Государственного архива Орловской области).

Источники по избранной проблеме можно разделить на несколько групп: законодательные акты и нормативно-правовые документы; разнообразная

делопроизводственная документация (циркуляры, отношения, рапорты, отчеты и др.); документы, удостоверяющие личность и квалификацию иностранного подданного (паспорта и виды на жительство, свидетельства, выдаваемые консульствами, и аттестаты иностранных учителей об успешном прохождении испытаний в российских учебных заведениях, аттестаты врачей-иностранцев об экзаменах в Императорской медико-хирургической академии и т.д.); прошения и жалобы иностранных подданных на имя государя и членов его семьи, а также в государственные учреждения Российской империи; метрические записи; нотариальные документы (контракты и договоры); формулярные списки и документы о принятии иностранцами российского подданства, получении дворянства; справочные и статистические материалы; некрополи; мемуары и личная переписка; научные работы иностранцев; материалы периодической печати.

Законодательные акты, определяющие правила проживания и особенности деятельности иностранных подданных на территории Российской империи, включены в два издания Полного собрания законов Российской империи, а также в Свод законов Российской империи. В последнем особый интерес представляет Свод законов о состояниях, включающий раздел «О состоянии иностранцев», где указаны права иностранцев, определен порядок их вступления в подданство России. Вошедшие в «Полное собрание законов Российской империи» Манифесты, Указы государя (именные и сенатские), Высочайше утвержденные мнения Государственного Совета и Положения Комитета министров и пр. дают богатый материал о том, как создавалась нормативно-правовая база пребывания и деятельности иностранцев в России. Несмотря на название «Полное собрание законов», эти издания (имеются в виду Первое и Второе, используемые автором) в действительности не включают все принятые верховной властью решения. Причины такого положения объясняются как неточностью определения «закон» в

императорской России[140], так и сознательным отбором документов для публикации, например, не включением в издание секретных документов, в том числе касавшиеся надзора за иностранцами[141]. В связи с вышесказанным, в диссертации используются, помимо указанных собраний, архивные документы, в которых упоминаются или излагаются Высочайшие повеления и распоряжения, не вошедшие в «Полное собрание законов Российской империи».

В числе *нормативно-правовых документов и делопроизводственной переписки* следует отметить законодательные акты, постановления и циркуляры органов государственной власти и управления, регламентирующие положение иностранцев; делопроизводственные документы о военнопленных, захваченных в ходе Отечественной войны 1812 года и Крымской войны 1853–1856 годов; документы, характеризующие деятельность иностранцев в различных отраслях производства, образовании и культуре, религиозной сфере. Перечисленные материалы были включены в сборник «Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX вв.)»[142]. Издание этих источников из Национального исторического архива Беларуси представляет собой первый опыт «комплексной публикации архивных документов, свидетельствующих о пребывании и деятельности иностранцев в Беларуси»[143]. Помещенные в сборник документы при сопоставлении их с архивными источниками российских федеральных и региональных архивов свидетельствуют об унификации паспортной системы и организации надзорных мероприятий на всей территории Российской империи в рассматриваемый период.

Среди публикаций документов делопроизводственного характера особое место занимает Алфавит военнопленных, содержащий перечень иностранных

---

[140] Данилевский И.Н. и др. Источниковедение. М.: РГГУ, 2000. С. 379.
[141] Тесля А.А. Источники гражданского права Российской империи XIX – начала XX века. Хабаровск: ДВГУПС, 2005. Приложение 2. Обзор истории создания и изменения состава Полного собрания законов Российской империи.
[142] Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII– начало XX вв.) / сост. И.Л. Вернер. Минск: Типография Макарова и К, 2012. 528 с.
[143] Там же. С. 16.

пленных из Великой армии Наполеона[144]. Этот документ из фонда Канцелярии министра внутренних дел (РГИА. Ф. 1282) был опубликован Б.П. Миловидовым с подробным комментарием. В Алфавите, датированном историком периодом 1816–1826 годов, указаны имена военнопленных, их воинские звания (чины), первоначальное подданство, место принятия присяги на верность России, занятие в империи и местонахождение на момент составления документа. Этот ценный источник содержит как сведения о численности пленных, так и их биографические данные. Алфавит свидетельствует о внимании со стороны Министерства внутренних дел к системе учета и надзора за пленными. В то же время Б.П. Миловидов отметил неполноту информации в связи с масштабностью проводимых мероприятий и трудностями осуществления контроля над иностранцами.

В группе делопроизводственных источников следует выделить опубликованные «Осведомительные письма» М.Я. фон Фока министру полиции А.Д. Балашову в 1812 году, оригиналы которых хранятся в Архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (Ф. 16)[145]. Эти деловые письма иногда имеют доверительный тон, что характерно для личной переписки. М.Я. фон Фок, состоя при Особенной канцелярии, информировал своего начальника об иностранных подданных, заподозренных в шпионской деятельности.

Ситуация с иностранцами, вынужденными сотрудничать с оккупационными властями, отражена в документах, собранных Смоленской губернской архивной комиссией к 100-летнему юбилею войны 1812 года[146]. В настоящее время Государственный архив Смоленской области подготовил и издал два сборника документов, содержащих конкретный материал по истории

---

[144]Алфавит военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 г. (Публикация Б.П. Миловидова) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: сборник материалов. Вып. IX. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Труды ГИМ. М., 2010. С. 265–338.

[145] Война 1812 года и русское общество («Осведомительные письма» тайной полиции) / публ. С.Н. Искюля // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения / отв. ред. С.Я. Карп. М.: РГГУ, 2001. С. 244–359.

[146] Смоленская старина. Вып. II. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1912.

города Смоленска после событий 1812 года (1813–1828, 1829–1837 годы)[147]. В числе документов есть и те, что касаются проблем принятия иностранцами присяги на подданство России, их профессиональных занятий, например, деятельности выходца из Пруссии, городского архитектора В. Бланкегорна, попавшего под подозрение о сотрудничестве с оккупационными французскими властями в 1812 году, и др.

Документы об оказании иностранцам благотворительной помощи обнаружены в фонде вдовствующей императрицы Марии Федоровны (ГАРФ. Ф. 663), известной своей филантропической деятельностью. Так, список нуждающихся (Оп. 1. Д. 244) составлялся с учетом справок полиции о бедственном положении, при этом на размер помощи не влияло то обстоятельство, кем был ее получатель – уроженцем империи или иностранцем. Документ не датирован, но по другим материалам дела можно установить дату его составления – 1827 год.

Значительный комплекс делопроизводственных документов за период с 1810 по 1826 год (с момента организации Особенной канцелярии при Министерстве полиции, а затем перехода ее в ведение Министерства внутренних дел до учреждения III Отделения) находится в составе фонда Особенной канцелярии (ГАРФ. Ф. 1165). Это циркуляры Министерства полиции губернаторам, касавшиеся иностранцев, переписка с губернаторами о проживавших на их территории иностранных подданных и установления за ними надзора; алфавитные списки прибывших в Россию иностранцев за 1817–1823 годы. Последние документы представляют несомненный интерес и как форма учета иностранных подданных, и как богатый источник биографических сведений об иностранцах, посещавших Российскую империю.

Для настоящего исследования наибольшую ценность имеют материалы секретного архива и 3-й экспедиции фонда III Отделения Собственной Его

[147] Город Смоленск. Возвращение к жизни. 1813–1828. Документы Государственного архива Смоленской области. Смоленск: Свиток, 2012. 288 с.; Будни старого Смоленска. 1829–1837 годы: сборник документов. Смоленск: Свиток, 2013. 752 с.

Императорского Величества канцелярии (ГАРФ. Ф. 109). В секретном архиве отложились инструкции агентам, составленные в III Отделении, и сами агентурные сведения об иностранцах, за которыми велся негласный надзор. Иностранные подданные находились в ведении 3-й экспедиции, в делах которой содержатся материалы об установлении негласного надзора и высылке за границу, закрытии ее в связи с изменениями внешнеполитической ситуации, сведения об иностранцах по губерниям, материалы о пребывании конкретных лиц на территории Российской империи, переписка об иностранцах с МИД и МВД, губернаторами, чинами корпуса жандармов и др.

С организацией III Отделения в 1826 году национальные п*аспорта иностранных подданных* должны были передаваться туда на хранение до момента выезда иностранцев из России. Некоторые из паспортов сохранились в фонде III Отделения, что может свидетельствовать о том, что их владельцы не покидали империи. В фондах канцелярий гражданских губернаторов имеются *билеты и виды на жительство* на установленный законом срок (копии, так как подлинники вручались иностранцу, или подлинники, по каким-то причинам не востребованные владельцем).

Отчеты III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии за 1827–1869 годы были включены в сборник «Россия под надзором», подготовленный М.В. Сидоровой и Е.И. Щербаковой с использованием документов ГАРФ[148]. Отчеты, хотя и не содержат конкретного материала по надзору за иностранцами, позволяют получить представление о внутриполитической ситуации, общественных настроениях, направлениях внешней политики России в указанный период.

В отношении иностранных учителей и гувернеров негласный надзор осуществлялся с момента их прибытия в Россию и до выезда из империи. В составе фонда Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения (РГИА. Ф. 733) сохранились *аттестаты* иностранных

---

[148] «Россия под надзором»: отчеты III Отделения 1827–1869: сборник документов / сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры, Российский Архив, 2006. 706 с.

преподавателей с подробными биографическими данными, переписка министров иностранных дел и народного просвещения, Департамента народного просвещения и попечителей учебных округов (в зависимости от того, куда направлялся иностранный учитель). Благодаря отметкам в описях фонда о содержании и решении дел, подлежащих уничтожению еще в дореволюционный период, можно получить представление о карьере некоторых иностранных учителей, принятии ими российского подданства и др. В фондах Московского университета (ЦХД до 1917 года ЦГА Москвы, Ф. 418) и Дирекции народных училищ Смоленской губернии (ГАСО. Ф. 45) имеются материалы, характеризующие контроль за деятельностью иностранных учителей и наставников, а в фонде Смоленской губернской врачебной управы (ГАСО. Ф. 754) – за работой врачей-иностранцев.

Для раскрытия особенностей пребывания швейцарских подданных в Российской империи большое значение имеют: письма и отчеты консулов 1830–1840-х годов, содержащие информацию о соблюдении требований к въезду швейцарцев на территорию России; обращения швейцарских граждан по поводу устройства колоний; перечень документов, необходимых иностранным учителям, которые желали преподавать в России. Эти источники из швейцарских и центральных российских архивов вошли в сборник «Россия – Швейцария. 1813–1955»[149].

Решения по делам, предоставленным ведомствами (в том числе в отношении иностранцев), содержат журналы Комитета министров (РГИА. Ф. 1263). Документы позволяют утверждать, что российское правительство демонстрировало свою заинтересованность в работе квалифицированных иностранных специалистов в Российской империи. В числе дел Департамента государственного хозяйства МВД (РГИА. Ф. 1285) имеются материалы, характеризующие инициативы иностранцев по развитию российской промышленности и реакцию на них со стороны властей. Фонд Санкт-

[149] Россия – Швейцария = Russie – Suisse = Russland – Schweiz. 1813–1955. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 1995. 624 с.

Петербургского Главного архива (АВПРИ. Ф. 161) включает: ценные сведения о правилах въезда в Российскую империю и их изменениях; переписку об этом с III Отделением Собственной Е.И.В. канцелярии, МВД, российскими миссиями за рубежом и иностранными посольствами; дела об отдельных иностранцах, связанные с установлением их национальной и сословной принадлежности и др. Сохранившиеся в фонде «Административные дела» (АВПРИ. Ф. 1) материалы переписки Министерства иностранных дел с другими ведомствами и губернаторами относительно судеб отдельных иностранцев позволяют установить факт надзора и причины обращения иностранных подданных к властям.

Документы региональных архивов (ЦГИА Санкт-Петербурга, ЦХД до 1917 года ЦГА Москвы, ГАСО, ГАОО) информируют о реализации на местах решений высших и центральных органов власти по надзору за иностранцами. В первую очередь, интерес представляют фонды губернаторов: петербургского (ЦГИА Санкт-Петербурга. Ф. 253), московского (ЦХД до 1917 года ЦГА Москвы. Ф. 17), смоленского (ГАСО. Ф. 1) и орловского (ГАОО. Ф. 580), а также фонд Московского генерал-губернатора (ЦХД до 1917 года ЦГА Москвы. Ф. 16). В этих фондах имеются: предписания Особенной канцелярии Министерства полиции (позже МВД), III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии; циркуляры министерств (главным образом, МВД); переписка губернаторов с генерал-губернаторами и между собой (в случае переезда иностранца из губернии в губернию), а также с губернскими правлениями (в связи с принятием иностранцами российского подданства); распоряжения губернаторов, касавшиеся иностранцев; рапорты уездных исправников и городничих об иностранных подданных, проживавших на вверенной им территории; ведомости с указанием биографических данных и занятий иностранцев и т.д. Определенную ценность представляют и материалы городского полицейско-административного органа, контролировавшего иностранных подданных в Москве, –Московской управы благочиния (ЦХД до 1917 года ЦГА Москвы. Ф. 105).

Об осуществлении некоторых мер контроля можно судить по документам Приказов общественного призрения, в пользу которых поступали определенные штрафы. Так, в фонде Смоленского приказа общественного призрения (ГАСО. Ф. 54) сохранились отметки о штрафовании помещиков, принимавших у себя иностранцев, не имевших необходимых видов на жительство. Механизм работы чиновников уездного уровня по осуществлению надзорных мероприятий раскрывают дела уездных городнических правлений Ельни, Поречья, Сычевки (ГАСО. Ф. 426, 516, 53), Сычевского земского суда (ГАСО. Ф. 89).

Прошения и жалобы подавались иностранцами не только на имя монарха, но и других членов царской семьи. Ныне эти документы находятся в фонде Собственной Его Императорского Величества канцелярии (РГИА. Ф. 1409), а также копии обращений иностранцев хранятся в вышеуказанных фондах канцелярий гражданских губернаторов. Прошения и жалобы иностранных подданных весьма важны для раскрытия исследуемой проблемы. Эти документы показывали отношение иностранцев к российской действительности и часто стимулировали усиление надзора со стороны российских властей в отношении обратившихся.

Иностранцы проявляли инициативу в создании общественных организаций, помогавших соотечественникам в России. Материалы об учреждении первого такого общества в 1814 году – Швейцарского благотворительного в Санкт-Петербурге, а также документы о мерах контроля над ним выявлены в фонде Канцелярии министра внутренних дел (РГИА.Ф. 1282).

Метрические записи хранят сведения о самых значимых событиях в жизни иностранных подданных соответствующего вероисповедания (о рождении, бракосочетании и смерти). В диссертационном исследовании задействованы метрические записи в книгах лютеранской церкви г. Смоленска (ГАСО. Ф. 204. 1834–1918 годы) и смоленского римско-католического костела (ГАСО. Ф. 1178. 1827–1918 годы). Так, в них зафиксированы факты смерти в

1855 году смоленского землемера и архитектора прусского происхождения В. Бланкегорна и в 1865 году – учителя-швейцарца Ф. Гау.

Особую группу источников представляют собой *нотариальные документы* (контракты и договоры между иностранцами, российскими и иностранными подданными). Система нотариата была создана в Российской империи в результате реформ Александра II. Действия нотариусов при окружном суде в дореформенный период до сих пор остаются неизученной темой. Документы нотариальной конторы Смоленского окружного суда (ГАСО. Ф. 1140) свидетельствуют о заинтересованности обеих сторон сделки четко оговорить ее условия и при свидетелях нотариально заверить факт ее заключения. В случае нарушения оговоренных условий пострадавшая сторона могла рассчитывать на возмещение убытков.

Формулярные списки иностранцев на русской службе и документы о причислении их к дворянскому достоинству содержит Третий Департамент Сената (РГИА. Ф. 1343), а из региональных фондов – Смоленское губернское дворянское собрание (ГАСО. Ф. 6) и Смоленское губернское правление (ГАСО. Ф. 2). *Дела о принятии подданства* удалось обнаружить в составе фонда III Отделения (ГАРФ. Ф. 109) как высшего органа по надзору за иностранными подданными. Об особенностях записи иностранцев в купеческие гильдии и переходе в подданство России можно судить по документам Департамента мануфактур и внутренней торговли МВД (РГИА. Ф. 18). На уровне губернии материалы о переходе иностранцев в подданство России аккумулировали губернские правления, в том числе вышеупомянутое смоленское.

Статистические данные о числе иностранцев в Российской империи с указанием подданства имеются как в составе фонда Особенной канцелярии (ГАРФ. Ф. 1165), так и в документах Санкт-Петербургского Главного архива (АВПРИ. Ф. 161). В числе последних удалось обнаружить отношения губернаторов в Министерство внутренних дел с подробными статистическими сведениями о числе иностранных подданных, их национальном составе и занятиях в 1841–1844 годах (АВПРИ. Ф. 161. II-8. Оп. 82. Д. 116. 1841 г.).

Среди *источников справочного характера* следует выделить ежегодное издание «Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи», который содержит ценную информацию о службе иностранцев. Так, «Месяцеслов» за 1821–1825 годы был использован при реконструкции биографии австрийского врача Ф. Сентимера[150]. Упоминание же в документах прошений врача о возможности публикации своего труда о холере позволило обнаружить издания Сентимера в Российской национальной библиотеке. Они выделены в отдельную группу под условным названием «*научные работы*».

В конце XIX – начале XX века возникает интерес к российским *некрополям* как совокупностям сведений о захоронениях, а, следовательно, собраниям биографической информации[151]. В связи с началом Первой мировой войны издание «Русского провинциального некрополя» В.В. Шереметевского (т. 1. М., 1914) было прервано. В 1996 году как своеобразное продолжение «Русского провинциального некрополя» была опубликована картотека известного генеалога Н.П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея[152]. Она содержит информацию о месте захоронения французского врача (из числа взятых в плен в 1812 году) Ф. Валя.

Отдельную группу опубликованных источников представляют собой *мемуары и личная переписка*. Среди них можно выделить воспоминания о событиях 1812 года (иностранцев К.А.В. Веделя[153], М. де Сент-Излера[154] и

---

[150] Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1821. Ч. 1. СПб., 1821 – Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1825. Ч. 1. СПб., 1825.

[151] Петровская И.Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб.: Logos, 2003. С. 266–267; Шмидт С. О. Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана: материалы научно-практической конференции / Отв. ред. Э.А. Шулепова. Вып. 1. М., 1991. С. 8; Шокарев С. Ю. Некрополь как исторический источник // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 21–25.

[152] Река времен. Книга истории и культуры. М.: Эллис Лак, 1996. Кн. 4. 416 с.

[153] Ведель К.А.В. История одного офицера в войне против России в 1812 году, в русском плену в 1813–1814 годах, в походе против Наполеона в 1815 году. Воспоминания // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814. Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 429–510.

др.[155], русских мемуаристов Ф.Н. Глинки[156], Н.А. Дуровой[157], А.А. Лесли[158]), письма российских офицеров родным и друзьям в Отечественную войну 1812 года (с упоминанием иностранцев)[159], записки иностранцев с описанием впечатлений о пересечении границы (Э. Дюмона, А. де Кюстина[160]) и службе в России (Ф. Жиля[161]), свидетельства русских путешественников, сравнивавших свою страну с Европой (А.Д. Черткова[162], А.С. Платова[163]), переписку между русскими и иностранцами (переписка Ф. Лагарпа с членами царской семьи, фрейлины В. Туркестановой со швейцарцем Ф. Кристином[164]). Стоит особо отметить мемуары, в которых содержатся описания контактов российских подданных с иностранцами, с упоминаниями коллизий правового характера (воспоминания Н.И. Греча, Т.П. Пассек[165]).

Благодаря этим мемуарным источникам и письмам удалось дополнить материал конкретными примерами, «живыми» деталями эпохи, выяснить

---

[154]Сент-Излер М. де. История кампании 1812 г. в России и пребывания французских пленных в Сибири и в других провинциях империи, предваренная кратким изложением русской истории // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814. Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 511–531.

[155] Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев: в 2 кн. М.: Захаров, 2004.

[156]Глинка Ф.Н. Письма русского офицера / сост., вступ. ст. и коммент. С. Серкова, Ю. Удеревского. М.: Московский рабочий, 1985. 365 с.

[157] Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы Дуровой / вступ. ст. К.А. Военского. СПб., 1912. 124 с.

[158] Лесли А.А. В войне 1812 года / авт.-сост О.Н. Лесли. Смоленск: Маджента, 2005. 149 с.

[159] К чести России. Из частной переписки 1812 года / сост., авт. предисл. и примеч. М. Бойцов. М.: Современник, 1988. 239 с.

[160]Дюмон П.Э.Л. Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. Излож. и отрывки С. Горяинова // Голос минувшего. 1913. № 2. С. 143–164; Кюстин А. де. Россия в 1839 году / пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И.Стаф. СПб.: Крига, 2008. 701 с.

[161] Жиль Ф. Исповедь // Павлова Ж.К. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 255–284.

[162] Чертков А.Д. Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. в 1823–1825 годах. М.: Русскій Міръ, 2012. 768 с.

[163] Платов А.С. Два года за границей. 1844–1846. Ч. IV. Бельгия. Франция и Швейцария. СПб., 1889. 193 с.

[164]Correspondance de Frédéric-César de la Harpe et Alexandre I ersuivi de la correspondance de F.-C.- de la Harpe avec les membres de la famille imperial de Russie / Publée par Jean Charles Biaudet et Françoise Nicod. I-III. Neuchâtel: A la Baconniére, 1978–1980; Переписка княжны Варвары Туркестановой и Фердинанда Кристина // Исмаил-Заде Д.И. Княжна Туркестанова. Фрейлина высочайшего двора. СПб.: Крига, 2012. С. 50–254.

[165] Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.: Захаров, 2002. 463 с.; Пассек Т.П. Из дальних лет: в 2 т. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1878.

проблемы межкультурного общения. Именно благодаря своей субъективности эта группа источников помогает лучше понять эпоху, настроения современников событий, их отношение к происходившему.

При характеристике реалий провинциальной жизни правомочно использование *местной прессы* изучаемого времени. Публикация воспоминаний К. Микешина о пленных курдах, оказавшихся в Смоленской губернии в результате событий Крымской войны[166], не только позволяет судить о надзорных мероприятиях, но и охарактеризовать взаимоотношения военнопленных с местным населением.

Использованные при подготовке диссертационной работы источники различны по происхождению, функциональной направленности, степени объективности в освещении исторической действительности. Анализ документов федеральных и региональных архивов позволяет рассмотреть систему взаимоотношений иностранцев с властями, общественными организациями и местным населением, обнаружить уникальные фактические сведения о практике персонального надзора, осуществлявшегося агентурой III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, уездными исправниками, городничими, заседателями земского суда. Только комплексное и критическое изучение источников позволяет всесторонне рассмотреть проблему надзора за иностранными подданными в Российской империи в первой половине XIX столетия и в преддверии Великих реформ Александра II.

§ 3. Методологическая база

Современное состояние методологии исторической науки может быть определено как чрезвычайно сложное, даже по некоторым оценкам кризисное[167]. Среди противоречий исторического знания отметим одно,

---

[166]Микешин К. Курды в Смоленской губернии (Из Сев.Пчел.) // Прибавление к № 2-му 1856 года Смоленских губернских ведомостей. 14 января 1856 г. Часть неофициальная. С.10–13.

[167] Рамазанов С.П. Методологические искания отечественной исторической науки XX века: новации и традиции // Историческая наука и методология истории в Росси XX века: К 140-

выявленное Г.С. Кнабе, – «между *жизнью как объектом познания* и *наукой как средством познания*»[168]. Отказ от единой целостной концепции, синтезирующей все существующие подходы к изучению прошлого, размывание единого научного исторического метаязыка[169] привело к отсутствию четкости категориального аппарата исторической науки,

Выход из сложившейся ситуации одни историки нашли в полном отказе от каких-либо методологических поисков, другие – в усилении интереса к методологическим проблемам исторических исследований, научной рефлексии[170]. Можно согласиться с О.М. Медушевской и М.Ф. Румянцевой в том, что историческое исследование всегда осуществляется в рамках определенной научной системы «речь может идти лишь о различной степени осознанности (отрефлексованности) как процесса научного познания в целом, так и конкретного исследования каждым исследователем»[171].

В современных условиях значение исторической науки не только не снижается, а напротив, возрастает многократно. Исследование прошлого выступает как «существенный фактор культурной жизни в целом, поскольку человечество нуждается в ориентации во времени, которую мы реализуем, вспоминая прошлое»[172]. Это высказывание известного немецкого теоретика Й. Рюзена обозначает непреходящую актуальность исторического знания и рассмотрение последнего как саморефлексии общества[173]. В настоящее время наблюдается расширение «территории историка» и «отход от бинарного

летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. I / отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Северная Звезда, 2003. С. 34.

[168] Цит. по: Филюшкин А.И. Произошла ли методологическая революция в современной российской исторической науке? // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. I / отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Северная Звезда, 2003. С. 61.

[169] Копосов Н.Е. Как думают историки? М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 307.

[170] Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. СПб.: Наука, 2003. Т. 1. С. 68.

[171] Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории. М.: ИАИ РГГУ, 1997. С. 3.

[172] Цит. по: Методология истории: некоторые актуальные проблемы / рук. проекта Е.Ю. Бобкова. Самара: ПСГА, 2014. С. 8.

[173] Румянцева М. Теория истории. М.: Аспект пресс, 2002. С. 22.

мышления с его противопоставлением макро- и микроистории, структур и событий»[174]. Интерес к междисциплинарным подходам в исторических исследованиях, методологическим поискам в русле «новой исторической науки», социальной истории, исторической антропологии, локальной истории может привести к достижению нового качественного уровня профессиональных исторических исследований[175].

Избранная нами проблема позволяет не только рассмотреть вопросы, системного характера (структура и организация надзора, функционирование надзорных органов), но и конкретного плана, связанные с отдельным человеком прошлого, отталкиваясь от известной трактовки М. Блока об истории как «науки о людях», «о людях во времени»[176] или высказывания его соратника по школе «Анналов» Л. Февра о людях как единственных подлинных объектах истории[177]. При этом только источники могут позволить историку раскрыть интересующую его проблему[178].

Изучение современной литературы по методологии истории, методам и подходам «новой исторической науки» позволяет убедиться в возможных научных перспективах новой (антрологически ориентированной) локальной истории[179], которая, в свою очередь, способна осуществить синтез макро- и микроистории. По точному замечанию историографа «новой исторической науки» Л.П. Репиной, «социальная среда, в которой действует исторический субъект, представляется в обновленной социальной истории гораздо более сложной, многослойной. Вместо автономного субъекта, классов или страт и интегральной категории «общества» мы наблюдаем сложное переплетение многоуровневых человеческих общностей, семейно-родственных, социально-

---

[174] Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. С. 547.
[175] Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. С. 228–241.
[176] Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 17.
[177] Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 26.
[178] Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000. С. 57.
[179] Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ Ран, 1998. С. 63.

профессиональных, локально-территориальных, конфессиональных, этнополитических групп, различных общинно-корпоративных структур, вне которых человек традиционного общества не мог существовать»[180].

Являясь объектом воздействия социальной среды, человек представляется активным субъектом, влияющим на ее изменение. Следует понимать, что и среда не статична, она меняется под воздействием времени и переменчивых объективных и субъективных факторов (политических, экономических, культурных предпочтений эпохи, инновационных диффузий в различных областях производства, науки и культуры и др.). Только глубокое изучение источников может дать материал для исторической реконструкции, насколько возможно объективной и учитывающей множество параметров. Если документы федеральных и ведомственных архивов позволяют нам взглянуть на ситуацию «сверху» (с позиции верховной власти, высших и центральных органов управления), то обращение к материалам региональных архивов предоставляет шанс узнать об ответе «снизу» (намерениях и действиях местных структур губернского и уездного уровней, нуждах и чаяниях реальных людей прошлого, отраженных в прошениях в административные органы или мемуарных источниках).

Изучение вопросов взаимодействия власти и общества в отношении надзорных мероприятий позволяет рассмотреть проблему эффективности последних. Они достаточно жестко определялись верховной властью и через центральные органы управления транслировались на места для исполнения. Архивные источники содержат уникальный материал о судьбах конкретных «маленьких людей», оказавшихся в «большой» стране, не всегда по собственной воле (например, военнопленные и члены их семей). Ребусы чиновничьей волокиты и случайности в истории отдельных иностранцев при внимательном рассмотрении и критическом анализе информации предстают более сложными явлениями, нежели иллюстрации повседневной жизни провинциального города или описания индивидуальных особенностей

[180] Там же. С. 70.

отдельной личности и ее ментальных установок. Эти «казусы», рассматриваемые в своей совокупности, демонстрируют существовавшие социальные связи, показывают уровень взаимодействия властных структур при осуществлении надзора, свидетельствуют об отношении местного населения к иностранным подданным и т.п.

В данном диссертационном исследовании именно использование архивных источников позволило уйти от схематизма и упрощенной картины прошлого и получить «объемное изображение». Последнее удалось не столько благодаря детализации конкретных событий, сколько возможности понять механизм управления при осуществлении надзорных мероприятий, выявить типичную реакцию властей на обращения иностранцев, глубину адаптации последних к российской действительности. Таким образом, использование методов микроистории открывает перспективы для всестороннего рассмотрения явлений прошлого.

В настоящее время микроисторические исследования в русле новой социальной истории представляют собой отдельное направление методологических поисков[181]. По мнению Г. Фриза, если история будет изучаться «снизу», она даст возможность для дальнейшего развития новых концепций[182]. Ценным является и то, что микроистория, обращаясь к единичным событиям, поступкам отдельных личностей все же «не склонна отринуть всякую абстракцию: малозаметные признаки или отдельные казусы могут содействовать выявлению более общих феноменов»[183].

---

[181] Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 207–236; Гренди Э. Еще раз о микроистории // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1997. С. 291–302; Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные подходы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 167–190; Медик К. Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 193–202; Ревель Ж. Микроанализ и конструирование социального // Современные подходы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 236–261.

[182] Гордеева И. Изучение социальной истории России второй половины XIX – начала XX в.: «микроисторический» подход // Образы историографии. М.: РГГУ, 2001. С. 114.

[183] Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные подходы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 184.

Можно согласиться с С.В. Журавлевым, представившим обстоятельный обзор работ по новой социальной истории, в первую очередь, по микроистории и истории повседневности, в том, что «большинство конкретно-исторических трудов по микроистории посвящено XV–XVIII вв.»[184], кроме того, имеются единичные работы по советскому периоду. Можно предположить, что такая ситуация сложилась не случайно: обращение в работах по микроистории к Средневековью и Раннему Новому времени – уже традиция. Советский же период стал предметом пристального изучения в последние годы в связи с массовым рассекречиванием документов и возможностью доступа к ним исследователей.

Сам доктор исторических наук С.В. Журавлев является автором интересной монографии «“Маленькие люди” и “большая история”: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг.»[185]. В ней на основе большого круга источников, в том числе уникальных (данных анкет иностранных рабочих указанного периода и интервью, взятых у их близких в настоящее время), историк сумел непредвзято и детально описать судьбы конкретных людей и при этом вскрыть более сложные проблемы: показать меняющееся отношение иностранцев к окружавшей их действительности, динамику движения советского общества от пролетарского интернационализма к изоляционизму; раскрыть причины ликвидации иностранной колонии московского завода.

XIX век, в отличие от близкого к нам XX века, не позволяет использовать возможности «устной истории». Документы, используемые в настоящем диссертационном исследовании, в массе своей своей в момент их создания будучи секретными, давно утратили этот гриф. Поэтому, вероятнее всего, дореформенный период и оказался «забытым».

---

[184] Там же. С. 18

[185] Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. 352 с.

Исключением является лишь одна работа – подробное биографическое исследование Е.Э. Ляминой и Н.В. Самовер о И. Виельгорском (1817–1839)[186]. В нем на фоне эпохи рассматривается судьба юноши из аристократической семьи. Авторы монографии попытались увидеть «в уникальном следы типического», показать своего героя «характерным представителем своего поколения»[187].

Само появление этой работы, высоко оцененной специалистами[188], создает прецедент, являясь удачной попыткой микроисторического исследования по первой половине XIX века. При этом данную монографию можно определить как пример детальной биографии, жанр достаточно популярный для микроистории, так как объектом изучения становится отдельный человек, действовавший в контексте своей эпохи.

Затрагивая судьбы отдельных людей, избранная в настоящем диссертационном исследовании проблема предполагает комплексное исследование процесса становления и развития системы надзора за иностранными подданными на территории Российской империи.

Размышления автора на тему собственной принадлежности к определенной методологической концепции, связанной с микроисторией, историей повседневности или исторической антропологией[189], приводят к выводу, что наиболее взвешенной исследовательской позицией является подход известного историка, автора едва ли не первой отечественной работы по истории повседневности провинциального города XVIII века А.Б. Каменского. Согласно его утверждению, «источники, их содержание, характер, возможности продиктовали и тематику книги (речь идет о монографии «Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной

---

[186] Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: опыт биографии человека 1830-х годов. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 559 с.
[187] Лямина Е.Э., Самовер Н.В. Указ. соч. С. 9–10.
[188] Кром М.М. Историческая антропология. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 129.
[189] Последней посвящена отдельная монография: Кром М.М. Историческая антропология. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 168 с. Автор трактует историческую антропологию как направление, включающее в себя микроисторию и историю повседневности.

жизни XVIII века»[190]. – *А.Т.*), и использованные в ней подходы. Соответственно, данная работа построена по принципу «от источника», и именно он, источник, диктует подходы, ракурс, масштаб обобщений и пр.»[191]

Автор настоящего диссертационного исследования поддерживает подобную позицию, так как это позволяет не подгонять материал под заранее заданную схему, а попытаться извлечь из источников максимум информации об эпохе, мотивах поведения иностранцев, реакции российских властей и местного населения, системе учета и ее совершенствовании. Именно такой подход дает нам возможность получить более объективную и достоверную картину прошлого, «разговорить» источник, то есть постановкой вопросов выявить потенциальную информацию, в нем содержащуюся. Изучение эпохи на основе критического анализа источников и имеющейся историографии позволило автору при раскрытии избранной им научной проблемы выполнить профессиональные требования, предъявляемые к историку.

Среди главных из них, по мнению Дж. Гаррагена, – стремление к истине, критический ум, объективность, трудолюбие и сила интеллекта[192]. Эта мысль и сегодня не теряет своей актуальности. Профессиональная честность историка предполагает понимание исторического контекста, «отказ от прямого отождествления прошлого и настоящего»[193], навязывания прошлому требований современной конъюнктуры, отсутствие политической предвзятости.

Методологическим основанием диссертационного исследования стали базисные принципы исторического познания: историзм, научная достоверность и объективность, приоритет источника и системность.

Принцип историзма требует изучения всякого явления в конкретно-исторической обусловленности и предполагает, что историческая

---

[190] Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: РГГУ, 2006. 403 с.
[191] Там же. С. 20.
[192] Garaghan G.L. Guide to Historical Method. Chicago: Fordham University press, 1948. P. 43–54.
[193] Методология истории: некоторые актуальные проблемы / рук. проекта Е.Ю. Бобкова. Самара: ПСГА, 2014. С. 22.

действительность изменяется во времени и развивается «в силу присущих ей внутренних закономерностей»[194].

Принцип научной достоверности и объективности позволяет отказаться от политизированного подхода, представить объективный критический анализ всего корпуса фактического материала, включая новые архивные документы, впервые вводимые в научный оборот.

Принцип системности, в свою очередь, означает, что историческая действительность представляет собой совокупность взаимосвязанных, взаимодействующих объектов. Проблему необходимо исследовать комплексно, во всей ее многогранности, сложности и противоречивости, при этом все аспекты следует изучать с учетом конкретно-исторической обстановки.

Вопросы пребывания иностранцев на территории Российской империи и применения к ним надзорных мероприятий рассматриваются во взаимодействии и обусловленности политическими, экономическими и социокультурными реалиями первой половины XIX века, что отвечает цивилизационному подходу. Учет личностного фактора при изучении событий прошлого соответствует требованиям антропологического подхода.

Особенностями объекта познания и постановкой исследовательских задач определялся выбор следующих методов изучения:

– историко-генетический, позволивший последовательно рассмотреть изменения государственной политики в отношении иностранцев и особенности ее реализации на практике в изучаемый период (1801–1861 годы). Этот метод дал возможность выстроить максимально объективную, основанную на критическом осмыслении источников историческую картину становления и развития системы надзора за иностранцами в Российской империи; показать связь между сменяющими друг друга структурами, выполнявшими эту роль по поручению императора; рассмотреть взаимодействие центра с местными органами в вопросах надзора;

---

[194] Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. С. 85.

– историко-сравнительный, использовавшийся как при анализе источников, так и при характеристике позиции властей в отношении разных профессиональных групп иностранных подданных или их государственной (национальной) принадлежности;

– историко-системный, необходимый при раскрытии механизмов функционирования политико-социальной системы, в которой действовали органы государственного надзора и иностранцы, являвшиеся объектами контроля;

– количественный, применявшийся при анализе статистических данных;

– метод источниковедения, который основан на понимании источника как произведения, созданного людьми определенной эпохи, а, следовательно, являющегося ее отражением и несущего информацию о своих авторах и окружавшем их социуме[195];

– историко-психологический метод реконструкции, воссоздающий на основе источников атмосферу прошлого, культуру повседневности, особенности менталитета, что помогает лучше понять исследуемую эпоху, исходя из уникальности тех факторов и причинно-следственных связей, которые ее определяют, а также индивидуальных особенностей участников событий.

При изложении материала исследования применялся проблемно-хронологический метод, при котором тема изучения локализуется на ряд более частных проблем (условия въезда и пребывания; меры надзора в отношении иностранцев гражданских профессий и военнопленных; влияние изменения политических реалий внутри страны и ее международного положения на статус иностранцев), каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности.

В диссертационном исследовании применен и метод периодизации, позволивший выделить отдельные этапы в осуществлении надзора за иностранными подданными внутри избранных хронологических рамок.

[195] Данилевский И.Н. и др. Источниковедение. М.: РГГУ, 2000. С. 21.

Ключевыми датами, обозначавшими переломные моменты, являются: 1812 год (военная кампания Наполеона против России), 1826 год (организация III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии), середина 1840-х годов или точнее 1848 год (революции в Европе), 1853 год (начало Крымской войны), 1861 год (начало реформ Александра II).

В диссертации особое внимание уделено использующемуся в исследовании понятийному аппарату (см. введение). На основе применения как общенаучных методов (анализ и синтез, индукция и дедукция, описание и измерение, объяснение и т.д.), так и вышеперечисленных специальных методов изучения истории возможно рассмотрение обозначенной проблемы, которая имеет междисциплинарный характер. Она связана с историей права, международных отношений, межкультурных коммуникаций, а также с такими перспективными направлениями исторических исследований, как «история повседневности», «гендерная история», «новая локальная история», что открывает широкие перспективы для изучения прошлого, синтезируя возможности микро- (история конкретного события в динамике и судьбы отдельных людей) и макроисследований (влияние государственной политики на исторический процесс). Представленный историографический и источниковедческий обзоры, анализ методологической базы исследования показывают, что, несмотря на неизученность проблемы, ее можно раскрыть на основе детального изучения значительного комплекса разнообразных источников, используя научную историческую литературу и базируясь на современных методологических подходах.

ГЛАВА II. КОНТРОЛЬ НАД ИНОСТРАННЫМИ ПОДДАННЫМИ ГРАЖДАНСКИХ ПРОФЕССИЙ (1801–1826 гг.)

§ 1. Условия въезда иностранцев в Россию до 1812 года

Российские власти на рубеже XVIII–XIX веков ко всем прибывающим в империю иностранцам относились довольно настороженно, стараясь предусмотреть любые негативные последствия от их появления на территории империи. Поэтому особое внимание уделялось самой процедуре въезда иностранных подданных и вопросам их пребывания в России. Екатерина II, проводя политику массового привлечения иностранных колонистов, при этом пыталась предотвратить возможные неблагоприятные воздействия европейцев на российскую политическую ситуацию и общественные настроения. Так, по указу Екатерины II от 26 апреля 1794 года «О наблюдении за поведением приезжающих иностранцев» белорусскому генерал-губернатору предписывалось «за приезжающими иностранцами иметь наиприлежайшее наблюдение в рассуждении их сношения, упражнения и поведения»[1].

При Павле I контроль над иностранцами, особенно французами и швейцарцами, усилился. По указу от 26 декабря 1796 года «О наблюдении за проезжающими из чужих краев в обе столицы или внутрь Империи чужестранцев» в случае, если таковые «окажутся люди подозрительные … не пропускать, но высылать обратно»[2]. Павел I Именным указом Правительствующему Сенату от 7 апреля 1798 года (опубликованным затем Сенатской типографией для объявления «всенародно») ввел особую форму присяги для швейцарцев, «живущих в России и приезжающих в пределы оной». Это объяснялось следующим образом: «По беспокойствам в Швейцарии восставшим от беззаконных и возмутительных Французских правил» необходимо к присяге приводить «на хранение непричастности к зловредной неподчиненности Законам, от Правительства и единоначалия данным». Текст самой присяги содержал клятву о непричастности «ни делом, ни мыслью

[1] ПСЗ-1. Т. XXIII. № 17201.
[2] ПСЗ-1. Т. XXIV. № 17683, 17689.

правам безбожным и возмутительным во Франции, також в ея окружностях и в Швейцарии ныне введенным и исповедуемым», а также заверение в верности российскому правительству, «пользуясь безопасным убежищем, от ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержца Всероссийского, даруемым… в Империи Его» и в том, что иностранный подданный не будет поддерживать «сношения с одноземцами…, повинующимися настоящему неистовому Правительству»[3].

Опасаясь влияния Французской революции конца XVIII века, российские власти всех уровней, исполняя именные указы Павла I от 28 июня 1798 года, обязаны были с особым рвением следить за иностранцами, желавшими пересечь границы империи[4]. Так, для въезда в Россию иностранному коммерсанту следовало иметь при себе «рекомендательные или препоручительные письма от торговых домов того самаго города, или Государства, где они жительствуют, к кому либо из Наших подданных, или же из иностранных, под покровительством в Державе Нашей поселившихся, или же торговые домы в портах Наших имеющих, с которыми обязаны явиться к Министру или Поверенному в делах, или же Консулу от Нашего Двора в той земле пребывающему, и от оных требовать себе для свободнаго пропуска в Россию свидетельства, без которого ни кто и впущен быть не может»[5]. Губернаторам предписывалось вести учет въехавших иностранцев, ведомости о которых они направляли на имя императора.

Нормативно-правовые документы, связанные с въездом и пребыванием иностранцев в России, совершенствовались в период реформ Александра I. При этом правительство преследовало несколько задач: 1) допускать в Российскую империю благонадежных лиц, имевших профессию, способную их содержать; 2) своевременно реагировать на изменения политической ситуации

---

[3] Указ его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго: [О приводе к присяге живущих в России и приезжающих в пределы оной швейцарцов, по прилагаемой форме] / Из Правительствующего Сената объявляется всенародно. М.: Сенат тип.: 28 мая 1798. 2 с. (Электронный фонд РНБ)

[4] ПСЗ-1. Т. XXV. № 18564, 18565.

[5] ПСЗ-1. Т. XXV. № 18565.

в Европе, защищая национальные интересы и стабильность российского государства; 3) унифицировать документы, фиксирующие въезд и пребывание иностранцев на территории России, и организовать контроль за правильностью и сроками их составления; 4) иметь возможность отслеживать деятельность, поведение и передвижение иностранцев в империи.

Первая задача решалась с помощью российских миссий за границей, а при их отсутствии – административными органами иностранного государства, которые предоставляли сведения о лицах, желавших выехать в Россию. Только в случае «хорошего» поведения и наличия конкретного занятия (ремесла) иностранцы могли получить паспорт для отъезда. Требование паспорта для пропуска через российскую границу, полученного в российской миссии или консульстве за границей, а если таковых миссий нет, тогда «от губернаторов тех мест или главных начальников», подтверждалось именным Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату от 7 мая 1804 года[6]. Те, кто намеревался пересечь границу с целью обосноваться в России, должны были иметь для этого собственные средства, хотя бы на первое время. Приезду в Российскую империю обладателей капитала хотя бы в размере 300 гульденов способствовали Высочайше утвержденный 20 февраля 1804 года доклад министра внутренних дел «О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов»[7].

При Александре I колонизационная политика продолжалась достаточно активно, что нашло отражение в 123 его указах[8]. Стоит обратить внимание на логику этой политики, которая сводилась к тому, что иностранцы, решившиеся на переселение, не должны были рассчитывать на казенные пособия. Российские консульства и миссии, осуществляя контроль за процессом переселения, информировали Министерство иностранных дел о колонистах, получивших паспорта. Пребывание их на территории России курировало

---

[6] ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21284

[7] ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21163.

[8] Клаус А.А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб., 1869. С. 98.

Министерство внутренних дел, а контроль на местах осуществляли губернаторы[9]. Для управления колониями были созданы специальные органы. Например, в Новороссийском крае в 1800 году была организована Опекунская контора иностранных поселенцев, позже (в 1818 году) преобразованная в Попечительный комитет об иностранных поселениях Южного края России[10].

В случае, если в соответствии с Высочайше конфирмованным докладом Министра внутренних дел от 12 апреля 1804 года «О позволении помещикам водворять колонистов на своих землях»[11] колонисты работали у помещиков, последние должны были обозначать это при ревизии, но при этом колонисты не теряли своих прав. Свободу иностранных выходцев от крепостных работ гарантировал указ Александра I от 9 сентября 1805 года «О правилах, как поступать с беглыми и беспаспортными людьми, из-за границы выходящими»[12] (иностранцам, после наведения справок, обязаны были выдать при утрате новый документ).

Прибыв на границу, иностранец не только узнавал особенности отечественного таможенного досмотра и дознания, но и получал кордонное свидетельство на пребывание в России сроком на три месяца (согласно Указу императора Александра I от 9 мая 1802 года). В случае, если иностранец желал «вступить в мещанство, купечество или службу», он обязан был предъявить кордонное свидетельство в губернское правление или в городовой магистрат для получения необходимого документа (билета) для проживания в империи. Если иностранец избирал родом деятельности «хлебопашество» и поселялся на помещичьих землях, свое кордонное свидетельство он предъявлял помещику, а тот – в земский суд, который ежемесячно ставил в известность губернское

---

[9] АВПРИ. Ф.1. Разряд II. Оп. 1. Д. 3. 1803 г. Л. 545, 578.

[10] Овсянников В.П. Немцы в истории России. Книга 2. XIX в. М.: ПТИС ГАС БУ, 1999. С. 86. Подробнее о швейцарских колонистах см.: Тихонова А.В. Российская политика в отношении швейцарских колонистов в первой половине XIX века // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 82–90.

[11] ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21254.

[12] ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21910.

правление[13], а последнее – в казенную палату. После предъявления кордонного свидетельства в земский суд, где оно фиксировалось, свидетельство получало силу паспорта еще на шесть месяцев, в течение которых иностранец должен был выбрать род занятий, записаться в избранное состояние (согласно Указу Александра I от 9 сентября 1805 года)[14].

От иностранных купцов, приезжавших в Россию, закон требовал определиться – становиться ли им членами купеческой гильдии. Манифест от 1 января 1807 года воспрещал иностранцам вступление в купеческие гильдии без принятия российского подданства[15]. По Сенатскому указу от 27 мая 1807 года иностранцы, принявшие подданство Российской империи, имели право записываться в купечество[16], это право было подтверждено и в Сенатском указе от 5 января 1808 года[17]. При этом процедура принесения присяги по закону 27 мая 1807 года была довольно сложной: проживавшие в столице должны были обратиться в Министерство коммерции с объявлением о желании вступить в вечное подданство. Министерство после получения сведений о занятиях и поведении иностранцев давало заключение Сенату о допущении к присяге. Сама присяга приносилась иностранцем в губернском правлении. Губернаторы после обращения иностранцев должны были готовить представления в Сенат. Тем самым Правительствующий сенат выступал в качестве органа, контролирующего процесс натурализации иностранцев[18].

Многие из иностранных подданных решились на вступление в российское подданство после издания Сенатского указа от 27 мая 1807 года. Среди них был швейцарский купец, женевец Жак Бува (Jacques Bouvat). Он приехал в Санкт-Петербург по паспорту, выданному 26 июля 1796 года.

---

[13] ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20259.
[14] ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21910.
[15] ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22418.
[16] ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22533.
[17] ПСЗ-1. Т. XXX. № 22743.
[18] Купцы, записавшиеся в гильдии причерноморских и приазовских городов, могли пользоваться «своими законными правами по Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниям». – Поткина И. Иностранные предприниматели и их гражданский статус в Российской империи // Российская история. 2014. № 4. С. 170–171.

Ж. Бува успешно занимался книготорговлей и был записан в столичные купцы 3-й гильдии в 1799 году[19].

Этьен Дюмон упомянул Бува в своих заметках о посещении Петербурга в 1803 году: «Бува – один из моих соотечественников. Он поселился здесь 4 года тому назад и делает хорошие дела. Его магазин походит, по роду книг, на книжные лавки в Паль-Рояле. Французские классики идут хорошо, книг из словесности греческой и латинской вовсе нет, они не имеют сбыта»[20]. Но Дюмон отметил и трудные для Бюва времена в период правления Павла I, когда действовал запрет на ввоз иностранных книг: «Книгопродавец Бува боялся разорения, когда Павел запретил ввоз книг; сам он готовился поступить в приказчики, а его жена – в гувернантки, и то, что должно было его разорить, только спасло. Его магазин не пустел от людей, которые, боясь, что не будут иметь книг, приходили покупать все, что было; он доставал книги отовсюду и получил громадный барыш на товаре, который сделался редким, подобно земледельцу, запасшемуся хлебом во время голода. У него почти не оставалось книг, когда новое царствование восстановило его торговлю»[21]. По словам Н.И. Греча, от неприятностей в правление Павла I Бува спасла порядочность цензора[22]. В 1807 году, желая продолжать свой бизнес, швейцарец принял подданство России в соответствии с требованиями закона.

В Именном указе от 12 января 1808 года государь обещал рассматривать прошения о подданстве от иностранцев, желавших вступить в купечество, «во всякое время, с тем токмо, чтобы присягнувшие вступать в гильдии, платили узаконенные проценты с объявленных капиталов непременно с начала года»[23]. Сенатский указ «Об иностранцах, выписывающихся из гильдии или из

---

[19]Краско А.В. «Совершенная моя приверженность к Империи Российской…» О вступлении в подданство России швейцарских купцов в 1807 г. // Швейцарцы в России. СПб., 2002. С. 505.
[20] Цит. по: Архимандрит Августин (Никитин). Петербургские швейцарцы, I половина XIX века // Христианская культура. Пушкинская эпоха. По материалам традиционных пушкинских чтений / ред.-сост. Э.С. Лебедева. СПб.: Санкт-Петербургский центр православной культуры, 1995. С. 102.
[21] Цит. по: Там же. С. 102.
[22] Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.: Захаров, 2002. С. 159–160.
[23] ПСЗ-1. Т. XXX. № 22749.

иностранных гостей» от 9 марта 1808 года предусматривал, что в случае выписки иностранцы выходили из-под контроля Министерства коммерции и в дальнейшем находились в ведении местных губернских правлений и полиции[24]. Сенатским указом от 30 мая 1808 года подтверждалось взимание пошлины с капиталов у вступающих в подданство России иностранных купцов[25]. Вовлекая иностранцев в развитие российской торговли, российские власти старались учитывать государственные экономические интересы. Иностранные подданные только с особого разрешения императора могли свободно заниматься торговлей и предпринимательством на территории России, такие исключения касались тех, кто уже имел известность за рубежом как «знаменитый капиталист или искусный мастер»[26].

В 1809 году последовало Высочайшее повеление, о котором министр внутренних дел циркулярно сообщил всем гражданским губернаторам: «о всех таковых (имеется в виду иностранцах, желавших вступить в российское подданство. – *А.Т.*) принимающих присягу иностранцах, не воспрещая им в том, доставляемы были немедленно верные и подробные сведения»[27]. Губернаторы были обязаны сделать соответствующие предписания губернским правлениям. Так, 15 января 1810 года министр дал разъяснение Санкт-Петербургскому губернатору, какого рода сведения необходимы. Требовалось, чтобы иностранцы «по точным разведываниям оказались хорошего образа жизни и похвального поведения»[28]. Тем самым центральные власти, действуя в русле пожеланий императора, требовали от чиновников регионального уровня обеспечения надзора за нравственными качествами и поведением иностранцев, желавших остаться в России и принести присягу империи.

Выполнение второй задачи – реагирование на меняющуюся внешнеполитическую обстановку – во многом было увязано с военным

---

[24] ПСЗ-1. Т. XXX. № 22882.
[25] ПСЗ-1. Т. XXX. № 23043.
[26] Поткина И. Указ. соч. С. 169.
[27] ЦГИА Санкт-Петербурга. Ф. 253. Оп. 1. Д. 34. 1809 г. Л. 3.
[28] Там же. Л. 7.

противостоянием России и Франции в начале XIX века. Это послужило причиной издания именного Высочайшего указа «О высылке из России всех подданных Французских и разных немецких областей, которые не пожелают вступить в подданство; о не пропуске оных в Россию без паспортов Министра иностранных дел; и об учреждении комиссии для разбора дел иностранцев» от 28 ноября 1806 года. Указ констатировал разрыв торгового договора с Францией. Французским кораблям запрещалось входить в российские порты. Из России в 10-дневный срок высылались французские консулы и вице-консулы, высылке подлежали подданные Франции, Голландии, Королевства Итальянского и Неаполитанского. Исключение было сделано только для тех, кто принесет присягу «О неимении сношений с Францией».

В обеих российских столицах создавалась особенная Комиссия для разбора иностранцев, принесения ими присяги и выдачи соответствующих документов. В указе оговаривался порядок работы комиссии и прилагались формы документов. Особо было отмечено: французы, желавшие въехать в Россию, должны были получить паспорт от министра иностранных дел[29].

Именным указом, данным Сенату «О правилах пропуска в Россию иностранцев и отпуска их обратно за границу» 23 августа 1807 года, с 1 января 1808 года вводились правила, по которым для въезда в Россию иностранец обязан был иметь паспорт от российского министра иностранных дел, выданный «по представлениям Министров и Консулов Наших, в разных местах пребывающих». Представления же возможны были только: «а) по сношению того Правительства, при коем миссии наши находятся, б) по засвидетельствованию магистратов и тому подобных местных Правительств о состоянии и причине отправления в Россию того лица, которое паспорта на пропуск испрашивать будет»[30]. В случае нарушения данных правил иностранцы высылались за пределы империи[31].

---

[29] ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22371.
[30] ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22593.
[31] ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22660.

Важно подчеркнуть, что российским миссиям и в дальнейшем предписывалось быть бдительными при выдаче представлений на въезд в Россию, подчеркивалось, что необходимо вести «предварительное разведывание на счет нравственности и намерений» иностранцев, желавших отправиться в Россию[32]. Соответствующая «циркулярная цидула» предназначалась и поверенному в делах в Швейцарии[33].

Третья задача – налаженная паспортная система – осуществлялась с помощью ряда документов, формы которых оговаривались в указах и министерских предписаниях. Речь идет о билетах (видах) на жительство и билетах на переезд иностранцев из губернии в губернию. По Высочайшему повелению от 19 мая 1808 года национальный паспорт с визой российской миссии иностранец обязан был сдать по прибытии в губернское правление той губернии, куда он направлялся, и получить билет (вид) на жительство в России на трехмесячный срок, по истечении которого документ необходимо было возобновить[34]. Переезжать из губернии в губернию без «особого от Правительства вида» иностранный подданный права не имел. Это особо подчеркивалось в именном указе, объявленном начальникам губерний в циркулярном отношении Министра внутренних дел от 30 сентября 1809 года[35].

Если же иностранец при соблюдении всех необходимых формальностей переезжал из губернии в губернию, паспорт, с которым он въехал в Россию, пересылался вслед за ним из одного губернского правления в другое. Только в случае, если иностранный подданный желал покинуть Российскую империю, ему возвращали его паспорт, чтобы выдать документ для выезда из России.

---

[32] Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 1. II–23. Д. 7. 1817 г. Л. 6–6 об. (Выписка из Журнала Комитета Министров от 1 мая 1815 г.).
[33] Там же. Л. 13.
[34] Государственный архив Смоленской области (далее ГАСО). Ф. 2. Оп. 11. 1809 г. Д. 53. Св. 2. О выдаче иностранцам видов для проезда по губернии и в другие губернии. Л. 1. Со ссылкой на Высочайшее повеление от 19 мая 1808 г., по которому национальные паспорта у иностранцев отбирались и выдавались билеты на жительство, переезд из губернии в губернию требовал разрешения властей.
[35] ПСЗ-1. Т. XXX. № 23875.

Решить четвертую задачу – контроль за пребыванием иностранцев –было призвано специально созданное государственное учреждение. В 1802 году при петербургском военном губернаторе была образована Тайная полицейская экспедиция, которая с помощью своих агентов контролировала «состояние умов» иностранцев в столице, стремясь помешать распространению революционных идей[36]. В 1805 году предпринимается попытка организовать межведомственный «Комитет высшей полиции» в составе князя В.П. Кочубея (министра внутренних дел), С.К. Вязмитинова (министра военных и сухопутных дел) и князя П.В. Лопухина (министра юстиции). Предполагалось, что Комитет будет действовать во время отсутствия государя в Петербурге, но конкретных действий этот орган так и не предпринял[37]. В январе 1807 года, исполняя волю императора, московский обер-полицмейстер А.Д. Балашов должен был создать секретную полицию в этом городе, официально не увеличивая штат. При этом работа оплачивалась за счет сумму, выделяемой МВД для военного губернатора Москвы, которому подчинялся обер-полицмейстер[38].

С 1807 по 1810 год действовал «Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия»[39] (в документах, как указывал Н.П. Ерошкин, встречались и другие его названия[40]). Возглавлял Комитет министр юстиции П.В. Лопухин, членами были министр внутренних дел В.П. Кочубей, сенаторы Н.Н. Новосильцев и А.С. Макаров[41]. Комитет призван был пресекать «удобность к совершению замыслов внешних врагов государства через зловредные переписки, подсматривания (шпионства)

---

[36]Рослякова О.Б. III-е Отделение в период царствования Николая I: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Саратовский гос. университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2003. С. 38–39.
[37] Там же. С. 40 (со ссылками на работы Н.К. Шильдера и М.К. Лемке).
[38] Там же. С. 41–42.
[39] Учрежден 13 января 1807 года. – ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22425.
[40] Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М.: РГГУ, 2006. С. 182.
[41] Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 182.

и разглашения», опираясь при этом на полицию, которая бдительно обязана была «продолжать неослабное свое наблюдение»[42].

О.Б. Рослякова указывает на факт наличия при Комитете судебно-следственного органа по политическим делам со штатом в количестве 23 человек Особенной канцелярии. Среди задач Комитета было руководство слежкой за подозрительными иностранцами и перлюстрацией их переписки[43]. В июне 1807 года при Комитете появилась собственная канцелярия. О.Б. Рослякова подчеркивает, что этот орган высшей полиции просуществовал до 17 января 1829 года, однако правительство не было удовлетворено его работой[44].

Существование Комитета являлось формальным уже после 1810 года в связи с учреждением Министерства полиции (ее первым министром стал А.Д. Балашов), при последнем стала действовать Особенная канцелярия[45]. Создателем и правителем ее считают француза по отцу Я.И. Санглена, в прошлом преподавателя Московского университета. Я.И. Санглен был человеком из близкого круга Александра I, до своего назначения служил в Адресной конторе, занимавшейся регистрацией приезжавших иностранцев[46], а позже, в апреле 1812 года, Я.И. Санглен стал директором военной полиции 1-ой Западной армии и руководил русской военной контрразведкой[47].

В ведении Особенной канцелярии Министерства полиции, которую возглавил Я.И. Санглен, находились «дела по ведомству иностранцов и заграничным паспортам», в числе которых были «ведомости о проезжающих чрез границу; выдача паспортов на въезд в Россию и выезд из Государства; виды иностранцов, просьбы о принятии в подданство» и т.д.[48] В Особенной канцелярии составлялись «Алфавитные списки иностранцев прибывших в

---

[42] ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22425.
[43] Рослякова О.Б. Указ. соч. С. 41.
[44] Там же.
[45] Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 183.
[46] Рослякова О.Б. Указ. соч. С. 45.
[47] Жандармы России / сост. В.С. Измозик. СПб.: Нева, 2002. С. 141; Безотосный В.М. Русская военная разведка в 1812 г. (Организация деятельности) // Из истории России XVII – начала XX в. М.: Б.и., 1995. С. 80.
[48] ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24687. § 54.

Россию», они содержали следующие персональные данные: 1) «звание, имя и прозвание» иностранца, 2) «какой нации, 3) куда первоначально прибыл и с каким паспортом, 4) когда прибыл, 5) когда выехал из России, 6) отметки»[49].

Списки позволяют судить не только о национальной принадлежности иностранцев в России, их занятиях в империи, интенсивности работы отдельных российских консульств и миссий, но и о численности иностранцев в империи, сроках проживания конкретных лиц в России, мобильности (частоте выезда на родину и возвращений в империю).

О первых впечатлениях от встречи с российской действительностью можно судить по воспоминаниям уроженца Женевы Этьена Дюмона (Pierre Etienne Louis Dumont или Du Mont, 1759–1829) . Когда он намерился посетить своих родственников в России в 1803 году, его обязали получить паспорт для въезда в империю, иначе он не смог бы попасть в Петербург. «Ничего подобного не требуют во многих странах, никакого паспорта не спрашивают в Англии. Разве происходит от этого какое-либо неудобство»? – писал Э. Дюмон. Паспорт, по его мнению, «это лишь удостоверение того, что приезжаешь из какого-нибудь балтийскаго порта»[50]. (Требование паспорта для пропуска через российскую границу было подтверждено именным, данным Сенату Указом от 7 мая 1804 года. При этом подчеркивалось, что документ необходимо получить в российской миссии или консульстве за границей, а если таковых миссий нет, тогда «от Губернаторов тех мест или главных Начальников»[51]).

Изумление швейцарцев такими российскими правилами объяснимо контрастом с их родиной: «По поводу всех этих фискальных и других изобретений наша Швейцария – страна обетованная. Ни таможня, ни городские пошлины, ни косвенные установления – никакое из этих средств, которое французская злобность так хорошо окрестила “подвальными крысами”, не

---

[49] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1165. Оп. 2. Д. 87. Алфавитный список иностранцев, прибывших в Россию за 1817–1818 гг.; Ф. 1165. Оп. 2. Д. 94. Алфавитный список иностранцев, прибывших в Россию за 1818–1821 гг.

[50] Дюмон Э. Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. [Излож. и отрывки С. Горяинова] // Голос минувшего. 1913. № 2. С. 150.

[51] ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21284.

существуют». В Швейцарии действовала «добровольная полиция, спрашивающая у Вас для проформы паспорт (как удостоверение личности. – *А.Т.*) только в двух местах – в Люцерне и Женеве»[52].

Это обстоятельство, в свою очередь, изумляло русских путешественников. А.Д. Чертков в 1820-е годы с удивлением отмечал: «При въезде в Швейцарию (из Сардинского королевства в Женеву. – *А.Т.*) никто не требовал моего паспорта, никто не полюбопытствовал узнать о моем имени, и я не видал ни одного ненавистного лица таможенных надсмотрщиков»[53]. Черткову уже в 1840-е годы вторил А.С. Платов: «При въезде в Швейцарию не спрашивают паспортов и нет таможен; какая благодать для путешественников!»[54].

Любопытная деталь: в Швейцарии значение имели принадлежность человека к определенному кантону и общине, его занятие, материальное состояние, а не сословная принадлежность гражданина, на аристократическое происхождение могла указывать лишь частица «de» к фамилии (которую в период Французской революции из-за опасения гонений не употребляли)[55]. Поэтому в паспорте, получаемом для проезда в Россию, значилось «швейцарский гражданин» или «швейцарская гражданка» без указания сословной принадлежности. Это обычно вызывало удивление и недоумение с российской стороны: «Ах, у этих швейцарцев всегда что-то странное»[56].

Прибыв на судне в Кронштадт, Дюмон подвергся «первому осмотру», который ограничился «предъявлением паспортов, сообщением имен и фамилий

---

[52] Цит. по: Павлова Ж.К. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 131.
[53] Чертков А.Д. Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. в 1823–1825 годах. М.: Русскій Міръ, 2012. С. 405.
[54] Платов А.С. Два года за границей. 1844–1846. Ч. IV. Бельгия. Франция и Швейцария. СПб., 1889. С. 179.
[55]Павлова Ж.К. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб. : Нестор-История, 2010. С. 16.
[56] Цит. по: Там же. С. 13.

пассажиров, коротким объявлением капитана о составе груза, что сопровождается маленьким подношением в две бутылки джина»[57].

Покидая Кронштадт, чтобы отправиться в столицу, Дюмон вынужден был совершить ряд формальностей: «утренний визит адмиралу, осмотр паспортов, опрос о личности, о предмете путешествия и пр. <…> Нужно побывать также у коменданта, который подписывает паспорта. На все это уходит день. Вещи, запечатанные на судне, отсылаются в С.-Петербургскую таможню. Бумажная волокита; инстанции, учрежденные для взаимного контроля, двойное делопроизводство; нет правительства, которое бы требовало так много письма. Мне позволили взять большой мешок с постельным бельем и жестяную коробку и не хотели их осматривать»[58]. Чиновничий произвол при проведении таможенных процедур отмечался иностранцами и в последующие годы, вплоть до Великих реформ Александра II.

Не случайно язвительный француз А. де Кюстин в своем известном сочинении «Россия в 1839 году» тоже много внимания уделил своим впечатлениям от работы российских таможенников. Сама атмосфера разговора с иностранными подданными на таможне напомнила ему допрос, который призван был вызвать страх и волнение: «Мне предложили спуститься в кают-компанию, где заседал ареопаг чиновников, в чьи обязанности входит допрос пассажиров. Все члены этого трибунала, внушающего скорее ужас, нежели уважение, сидели за большим столом; некоторые с мрачным вниманием листали судовой журнал и были так поглощены этим занятием, что не оставалось сомнений: на них возложена некая секретная миссия; ведь официально объявленный род их занятий никак не располагал к подобной серьезности»[59].

Кюстина раздражало изначальное предубеждение по отношению к иностранцам: «На русской границе со всяким чужестранцем обходятся как с

---

[57] Дюмон П.Э.Л. Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. Излож. и отрывки С. Горяинова // Голос минувшего. 1913. № 2. С. 150.
[58] Там же. С. 152.
[59] Кюстин А. де. Россия в 1839 году / пер. с фр. О. Гринберг др. СПб.: Крига, 2008. С. 104.

обвиняемым». Дотошность, с которой чиновники вели допрос, сверяли документы, для иностранцев нередко превращалась в «нравственную пытку», где утешением должна была служить «неизменная вежливость» российских чиновников. Предвзятость таможенников в сочетании с нудностью работы, многократностью перевода («ответы наши звучали сначала по-французски, затем по-немецки и, наконец, по-русски») рождала в глазах иностранцев впечатление превышения полномочий и беззакония, когда «последний и самый ничтожный из писцов заносил в книгу свой приговор – окончательный и, быть может, совсем незаконный»[60].

После допроса у иностранцев отбирали паспорт, выдавали кордонное свидетельство, которое уже в столице должно было заменяться билетом на жительство. Изъятие паспорта также, по мнению Кюстина, должно было усилить ощущение беззащитности и всевластия местного чиновничества.

Кюстин был раздосадован четырехчасовым ожиданием, уже после дознания, досмотра и погрузки пассажиров и чемоданов на новый пароход для следования в Петербург. Ждали «начальника над всеми начальниками таможни», представшего «не в мундире, но во фраке, как простой смертный» (вероятно, представителя секретной экспедиции таможни или III Отделения). Стараясь играть роль светского человека, чиновник не только провел «неспешный осмотр судна», но и новый досмотр багажа. При этом Кюстина поразило, что этот наделенный властью человек демонстрировал сочетание светскости с беззаконием, фактически воровством: «Верховный этот владыка, … продолжая блистать придворными манерами, изящнейшим образом конфискует у одного пассажира зонтик, а у другого чемодан, прибирает к рукам дамский несессер, храня полнейшую невозмутимость и хладнокровие»[61]. Действительно, были случаи и конфискации на таможне ценных вещей, что приводило к необходимости предпринимать усилия по их возвращению[62].

---

[60]Кюстин А. де. Указ. соч. С. 104.
[61] Там же.
[62] АВПРИ. Ф. 161. II-6. Оп. 80. Д. 97. 1847 г. По ноте швейцарского генерального консула о возвращении Невшательской уроженке девице Луизе Цалер денег, заплаченных ею для

Описывая ситуацию, с которой сталкивались иностранцы на российской границе, Кюстин хотел подчеркнуть, что незаконные действия часто становились повседневной практикой. Этот вывод нельзя свести к явному недоброжелательному отношению Кюстина к России, атмосфера российской таможни описана им довольно достоверно. Это подтверждает и «Нравственно-политический отчет за 1843 год», подготовленный для государя III Отделением.

В отчете было обращено внимание на своеволие и нерасторопность таможенной службы даже в отношении собственных граждан: «Никогда ведомство таможенное не производило подобного всеобщего ропота, как ныне! Российские подданные, проезжая свободно по всей Европе, встречают в своем Отечестве неожиданные, даже нестерпимые затруднения! Они не могут выручить из таможни в течение двух, даже трех недель своих вещей первой необходимости! Даже министры: из Швейцарии Криднер, из Мюнхена Северин ожидали 14 дней вещей своих!»[63]

Некоторые выводы Кюстина повторяются и в отчете: «Отступление от своих обязанностей нижних чинов таможенных доходит до того, что они, вскрывая для осмотра полученные из-за границы ящики с фруктами или другими съестными припасами, отбирают часть оных для себя без согласия на то тех лиц, к которым они адресованы!»[64]

Критикуется в отчете и особое положение секретной экспедиции, призванной контролировать ситуацию, а на деле погрязшей в коррупции: «Секретная экспедиция, по общему голосу, есть вред и зло. Она составлена, как иначе и быть не может, из людей корыстолюбивых, которые идут на эти места только в надежде обогатиться и ищут или там, где могут удовлетворить свою алчность, или там, где обладатели товаров не удовлетворяют их алчности»[65].

выкупа и в виде штрафа, за конфискованные у нея Радзивиловскою таможней карманные часы.

[63]«Россия под надзором»: отчеты III Отделения 1827–1869. Сборник документов / сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры, Российский Архив, 2006. С. 330.

[64] Там же.

[65] Там же. С. 330.

Характерно, что первое знакомство иностранца с Российской империей часто начиналось в обстановке вымогательства и подозрительности.

Удивление Кюстина после прибытия в Петербург вызвала и очевидная разница в отношении чиновников к иностранцам в сравнении с представителями российской элиты: с русскими князьями таможенные чиновники «разобрались… в три минуты, меня же не отпускали в течение трех часов»[66]. Кстати, воспользоваться разницей в отношении удалось вышеупомянутому Э. Дюмону. Он вспоминал: в паспорте «том, с которым я въехал в Россию, значилось: “Этьен Дюмон”, а в газете, где печатались сведения об отъезжавших, было записано “Стефан Дюмон”; в виду такого разногласия, мне отказали выдать паспорт, требовали, чтобы английский посол удостоверил тождество обоих имен»[67]. Но Э. Дюмону помогло знакомство с российскими аристократами (в связи с близостью его семьи к российскому двору): на обеде с Г.А. Розенкампфом, Н.Н. Новосильцевым, графами Строгановыми и князем А. Чарторыйским он рассказал о своей проблеме, «эти господа мне сказали, что я не должен беспокоиться, и на следующий же день я получил от каждого из них отдельные письма, сообщавшие о выдаче мне паспорта и о том, что они сами написали губернскому правлению. Действительно, их вмешательство сократило волокиту в канцелярии»[68].

Встреча с российским бюрократизмом поразила Дюмона настолько, что он оставил в своем дневнике следующий пассаж (не потерявший своей актуальности): «В России в высшей степени поражают своею странностью педантизм разных видов, удручающая многочисленность канцелярий, письмоводства и подписей. За пропуском одной начинаете все сызнова, и вы, понятно, – в руках какого-нибудь канцеляриста, который вам устраивает все это за деньги и присовокупляет ко всем этим замедлениям собственные упущения; в последнем вы никогда не можете его убедить. Можно подумать,

---

[66] «Россия под надзором». С. 101.
[67] Дюмон Э. Дневник ЭтьенаДюмона об его приезде в Россию в 1803 г. Излож. и отрывки С. Горяинова // Голос минувшего. 1913. № 4. С. 128.
[68] Там же.

что русские, возгордившись тем, что выучились писать, пожелали умножить все случаи применения этого знания. Избыток форм всему вредит. Отчетность помрачается; формальности затрудняют самую сущность дела»[69].

Несмотря на справедливую критику организации и повседневной деятельности чиновников, в том числе служащих таможенной службы (со стороны иностранцев и россиян), именно таможня служила своеобразным заслоном к проникновению неблагонадежных иностранцев в империю. К началу Отечественной войны 1812 года в России была создана нормативно-правовая база въезда, передвижения и выезда иностранных подданных; существовал центральный орган (Особенная канцелярия при Министерстве полиции), контролировавший ситуацию в связи с нахождением иностранцев на территории империи.

Российские власти пугало возможное негативное влияние иностранных подданных на политическую стабильность и общественные настроения в стране. Снять эти опасения были призваны: регистрация и проверка документов на всех этапах въезда и пребывания иностранцев в России, внимание к их занятиям и поведению. Если в мирное время, несмотря на недостатки, надзорные мероприятия в целом решали поставленные задачи, то с началом Отечественной войны 1812 года в систему надзора потребовалось внести значительные изменения.

§2. Ужесточение надзора за иностранцами с началом Отечественной войны. «Разбор иностранцев»

Обострение международной обстановки накануне Отечественной войны 1812 года повлияло на решение российского правительства изменить политику въезда и выезда из страны. 28 мая 1812 года Александром I был утвержден доклад министра полиции, предписывавший без особого Высочайшего повеления не выдавать заграничных паспортов российским подданным. Иностранцам же, желавшим покинуть Россию «без возврата», был разрешен

[69] Дюмон Э. Указ. соч. С. 128–129.

беспрепятственный выезд через Ригу или Ревель, напротив, «приезжающих иностранцев неприязненных наций [приказано] вовсе не пропускать, объявив им, чтобы они возвратились и предварив, что если не отправятся обратно, то будут высланы в дальние города»[70].

Обычно в преддверии военных действий наблюдалась активизация шпионской деятельности иностранных подданных на территории Российской империи. Так, фон Фок в одном из своих «осведомительных писем» А.Д. Балашову от 31 мая 1812 года сообщал: «Несколько дней до передачи Вашим Превосходительством управления Министерством, прибыл сюда из Заграницы Французский поданный Симон Дюпюи (Dupui), признанный в Пруссии Лазутчиком Французского Правительства, за которым тогда же Вашим Превосходительством предписано было Полиции иметь надзор. Хотя Полицею ничего не открыто, но я под рукою получил достоверные известия, что сей иностранец действительно шпион французский, который имеет даже знак почетного легиона, который здесь не носил. За несколько дней подал он прошение о выдаче ему паспорта для проезда заграницу; вследствие чего осмелился я предложить Г. Главнокомандующему выдать ему вид до границы, остановить на дороге и отобрать все при нем находящиеся бумаги. Но ныне Граф Салтыков… по домогательству Французского Посла выдал ему паспорт и отписал Главнокомандующему о выдаче ему подорожной курьером от Французского Посла за границу, в чем ему и не отказано. Донеся о сем Вашему Превосходительству, долгом считаю присовокупить, что он наверное отправится вместе с некоей француженкой, Madamede Vinches, которой сын служит порутчиком в французской армии и который здесь был несколько лет тому назад в виде лазутчика»[71]. В своем комментарии к этому письму С.Н. Искюль отметил, что Симон Дюпюи был обозначен в перечне «отъезжающих»

---

[70] Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Юбилейное издание. Т. V. М., 1912. С. 8.

[71] Война 1812 года и русское общество («Осведомительные письма» тайной полиции) / публ. С.Н. Искюля // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения / отв. ред. С.Я. Карп. М.: РГГУ, 2001. С. 281–282. Письмо № 21.

из столицы в «Санкт-петербургских ведомостях» от 3 мая 1812 года (№ 36). Он указан «французским негоциантом», проживавшим на Малой Морской улице, в доме Клостермана, под № 99[72]. Исходя из этого письма и косвенного подтверждения достоверности изложенных в нем сведений можно утверждать, что российская разведка действовала весьма успешно.

Вышеупомянутый М.Я. фон Фок, вероятно, выполняя поручение министра полиции А.Д. Балашова, сообщил ему в одном из своих в августе 1812 года список иностранцев (свыше 100 имен), заподозренных в шпионской деятельности. При этом персональные сведения соответствовали ответам на следующие вопросы, воспроизведенные перед самим списком: «1. Имена и прозвания. 2. Какой национальности. 3. Какого состояния. 4. Имеет ли собственный дом, лавку, магазин и с какими товарами. 5. С котораго времени находится в С.-Петербурге. 6. Приемлет ли за него начальство ответственность. 7. Назначение к выезду за границу. 8. Назначение к отправлению в другие губернии»[73].

Приведем первые имена, указанные в списке: «1. Англарис Aglarus. Французской купец, не имеет. Говорит, что он получает жалование за шпионство. Присягал.

2. Анжелло Angello итальянской купец, не имеет. Подозрительный, продает контрабандные товары.

3. Баге Bage прусской. Праздноживущий, не имеет с 1800. Подозрителен.

4. Багель Baquel французской купец, магазин. Привязан к Бонапарту.

5. Балтюс Balms с женой французской купец, магазин. Они для формы имеют магазин, но известно, что получают 12 000 ливров в год от франц. посла. Присягали.

6. Бассон Basson с женой, французской парикмахер, не имеет. Подозрительны, получают деньги от посла»[74].

---

[72] Война 1812 года и русское общество. С. 349.
[73] Там же. С.
[74] Там же. С. 319.

Из указанных сведений становится понятно, что поводами для подозрений в шпионской деятельности становилось отсутствие у иностранца собственности (при позиционировании им себя как торговца) и, конечно, обнаружение факта получения материального содержания от посольства, наличие высказываний, отражающих антиправительственные настроения или политические предпочтения республиканского толка.

С началом военной кампании 1812 года контроль над иностранцами был усилен, в первую очередь, со стороны Военного министерства, Министерства полиции и администраций губерний, охваченных войной. Военная ситуация поставила в новые условия не только иностранцев, но и российские власти, которые должны были в чрезвычайных обстоятельствах следить за лояльностью уже проживавших в стране иностранных подданных и их перемещениями, а также осуществлять усиленный надзор за дезертирами, военнопленными и членами их семей. Бдительность требовалась не только от военных, но и гражданских властей разных уровней.

В первые же дни войны администрации западных губерний, в том числе и Смоленской, столкнулись с новыми проблемами. Примером может служить ситуация с французом Феликсом Бертетом, направлявшимся к своему семейству в Волковыский повет Минской губернии, имея соответствующий билет из канцелярии смоленского губернатора. Бертет попал под подозрение, поэтому предписанием командующего 1-й Западной армией Барклая де Толли минскому военному губернатору от 8 июня 1812 года за № 251 за Бертетом было установлено наблюдение. Так в условиях военных действий приоритет принятия решений перешел от гражданских властей к военным, только в отношении конкретного лица они могли передать полномочия губернатору. По предписанию Барклая де Толли в сопровождении «надежного чиновника» Бертет был отправлен к минскому, а затем смоленскому губернатору. Последний же должен был либо оставить Бертета с семьей в Смоленске (под наблюдением), либо отправить его «далее во внутрь России по своему

усмотрению»[75]. Иностранец французского происхождения не волен был теперь выбирать место жительства, это право принадлежало российским властям.

Прежде свободно занимавшиеся торговлей иностранные купцы, вне зависимости от национальности, также оказались под подозрением. Так, прусский купец Карл Николаи был задержан в Вильно как «сумнительный иностранец» и отправлен сначала в Минск, а затем в сопровождении квартального поручика Смольского 13 июня 1812 года доставлен в Смоленск, где и должен был содержаться «в полиции под непосредственным надзором впредь до получения достаточного о сем иностранце предписания»[76]. При Карле Николаи имелась подорожная на проезд, выданная ему минским гражданским губернатором 25 мая 1812 года за № 5[77].

Местная полиция оказалась не готова к появлению иностранцев в качестве задержанных. Смоленский полицмейстер Дмитрий Сверчков сообщал губернатору, что «полиция для содержания того иностранца особой комнаты, кроме присутствия и канцелярской, где помещаются учрежденной суд и квартирная комиссия, не имеет. Естли поместить ево с протчими арестантами, то будет для него весьма изнурительно». В связи с этим полицмейстер просил губернатора своим особым предписанием «приказать означеннаго иностранца для содержания на главной гаубвахте отослать к Г-ну плац-майору Врангелю»[78].

Принимая задержанного от квартального поручика Смольского, полицмейстер Сверчков сверил опись вещей прусского купца и получил их на хранение. Тщательность составления этой описи свидетельствует о принятой в полиции практике. Список вещей довольно обширный, этакий необходимый дорожный набор иностранного купца, который включал в себя: два фрака (один старый, сукна «дикого цвета», то есть серого, а другой «суконной темного цвета под спинкою тафта»), два сюртука (один старый синего и другой новый

[75] ГАСО. Ф. 1. Оп.1. Д. 70. 1812 г. Л. 23, 24.
[76] Там же. Л. 28.
[77] Там же. Л. 33 об.
[78] Там же. Л. 31.

серого сукна), два жилета («белой канифасовой» и «черной шелковой»), рубахи (две голландских, две простого полотна), три манишки белые голландские, пять косынок голландских шейных, новые рейтузы серого сукна, несколько панталон (в том числе трое фланелевых белых, казимировые горохового цвета ночлежные, наньковые «дикого цвета»), фуфайку, чулки (одни шерстяные, двое шелковых белых, двое бумажных белых, двое «белевых»), одну пару носков «белевых», по паре башмаков и сапог. Кроме того, в список вошли покрывала байковое и «лосиное», трое платков носовых белых и один полушелковый, трое «утиральников», двое шелковых подтяжек, один «зонтик тафтяной серого цвета» и двое ножниц. Примечательно, что иностранец имел 38 «кожаных книг музыкальных», а «сверх сего разных еще нот в листах и бумагах писанных на немецком диалекте» и 31 рекомендательную бумагу «на немецком диалекте»[79]. Итак, из документов канцелярии смоленского губернатора известны подробности об имуществе Карла Николаи благодаря описи, подробно составленной, как предписывалось в прежнее – мирное время. При этом в документах нет сведений о дальнейшей судьбе самого купца в условиях начавшейся войны.

Другой пример, свидетельствующий об ужесточении надзора за иностранцами, – случай с итальянцами Баптистом Пенсини и Петром Дониботи, разъезжавшими «по городам с товарами». В июле 1812 года они прибыли в Дорогобуж на ярмарку. Оказалось, что прежде купцы бывали на Смоленщине и свободно ездили в Ригу и обратно. В Дорогобуж итальянцы приехали, имея при себе билеты Рижского губернатора князя Д.И. Лобанова-Ростовского, выданные им 29 января 1812 года. В билетах было указано, что они, в свою очередь, даны иностранцам, направляющимся в Смоленск, на основе билетов смоленского гражданского губернатора от 14 августа 1811 года за № 5207 и № 5208 (см. Приложение 1). На обороте билетов, полученных от рижского губернатора, 27 апреля 1812 года была сделана отметка в Велижской

[79] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. 1812 г. Л. 33–33 об.

городской полиции под № 1 и 2[80]. Когда же иностранцы прибыли в Смоленскую губернию, они обязаны были получить от гражданского губернатора вид на жительство, чего, вероятно, не сделали. На этом основании дорогобужский городничий, проявив бдительность, не допустил их к участию в ярмарке.

В связи с началом военных действий, правительство было озабочено налаживанием системы контроля над иностранными подданными, проживавшими к началу войны 1812 года на территории Российской империи: «Его Императорское Величество Высочайше повелеть изволил, чтобы о всех вообще иностранцах, как в столицах и губернских городах, так и в прочих местах Российской империи находящихся, сделать … разбор»[81]. При разборе полагалось разделить иностранцев на три категории: 1) те, кого можно оставить в губернии, так как «точную ответственность» за их благонадежность брал на себя губернатор («в том, что они ни внушениями личными, ни перепискими или другими какими сношениями не могут подавать повода к … нарушению спокойствия или к совращению с пути порядка российских верноподданных»); 2) те, кого вследствие неблагонадежности следует выслать за границу; 3) те, кого следует выслать во внутренние губернии Российской империи, вследствие опасности разглашения ими важных сведений, что может привести «к неблагоприятным или вредным для России последствиям»[82]. О значении, которое государь придавал разбору, говорит тот факт, что сообщение о Высочайшем повелении было отправлено Главнокомандующему в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинову 29 июня 1812 года и получено им уже на третий день – 2 июля[83].

В 1812 году в столицах проживало значительное число иностранцев. Согласно «Примерному исчислению только находящихся в С.Петербурге

---

[80] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. 1812 г. Л. 5–6 об.
[81] Цит. по: Тофталушин В.П. «Разбор» иностранцев в 1812 году и Саратовская губерния // 1812 год: война и мир: материалы Всероссийской научной конференции. Смоленск: Свиток, 2009. С. 171.
[82] ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 57. 1812 г. Л. 1–2 об.
[83] Там же. Л. 1, 2 об.

иностранцев разных наций, на подданство России присяги не учинивших», в столице к июлю 1812 года проживало 6068 иностранных подданных из 25 государств. На первом месте по численности «петербургских» иностранцев были подданные Пруссии (1416 человек, или 23,3%), на втором – Франции (1049 человек, или 17,3%), на третьем – Саксонии (717 человек, или 11,8%), на четвертом – Швеции (562 человека, или 9,3%), на пятом – Великобритании (393 человека, 6,5%). Швейцарские граждане занимали тринадцатую позицию: 62 человека (1% от общего числа иностранцев), из них 52 мужчины и 10 женщин. Рядом со швейцарцами по числу столичных жителей оказались итальянцы (89 человек, или 1,5%), голландцы (63 человека, или 1%) и поляки (50 человек, или 0,8%)[84] (см. Приложение 2). Для сравнения: в Москве к началу войны находились 188 англичан[85], 3600 французов[86]. Только небольшое число последних (по разным данным 43 или 65 человек), к началу сентября 1812 года признанных неблагонадежными (по выражению Ф.В. Ростопчина, «выборные канальи из каналий»), были высланы в Саратов или Макарьев[87].

Согласно Высочайшему повелению губернаторы при «разборе» в июле 1812 года обязаны были предоставлять в Министерство полиции списки тех иностранцев, за благонадежность которых брали «на себя точную ответственность». Неблагонадежных же иностранцев «выслать за границу», а тех, чья высылка может быть опасна, так как «они разглашениями своими в иностранных Государствах известных им внутренних наших положений и обстоятельств могут подать повод к неблагоприятным или вредным для России последствиям», было решено выслать вглубь Российской империи (в Воронеж,

---

[84] ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 57. 1812 г. Л. 50.

[85] По данным полиции 1811 года. См.: Орлов А.А. Британцы в Москве в 1812 году: вымысел и реальность // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 129.

[86] Михайловский-Данилевский А.И. Полное собрание сочинений:в 7 т. СПб., 1850. Т. IV. С. 482.

[87] Проходцов И.И. Рязанская губерния в 1812 году преимущественно с бытовой стороны: материалы для истории Отечественной войны. Издание Рязанской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Рязань: тип. Н.В. Любомудрова, Ч. 1. 1913. URL: http://www.history-ryazan.ru/node/7382.

Тамбов, Кострому, Вологду, Вятку, Пермь, Оренбург, Казань, Симбирск, Пензу, Саратов, Астрахань и в другие города, по усмотрению Вязмитинова)[88].

Губернаторам сообщалось, что «Государю Императору благоугодно, чтобы мера сия по обстоятельствам, толико нужная, приведена была в действо с возможною поспешностью»[89]. Начальникам губерний предписывалось высылку иностранцев в глубь России производить, предоставляя возможность высылаемому нанять себе экипаж, а «не имеющих никакого состояния отправлять на счет казны». Обязанностями внутренней стражи стало осуществление надзора за высылаемыми. «О чем сообщать по тракту окружным начальникам для зависящего с их стороны распоряжения в благонадежном по назначенным местам доставлении»[90]. Губернаторы, включая смоленского, получили это циркулярное предписание С.К. Вязмитинова от 5 июля 1812 года[91].

Форма, по которой надо было составить «Общий список всем иностранцам в губернии пребывание имеющим»[92], была представлена в виде таблицы со следующими графами: 1) «имена и прозвания», 2) «какой нации» с указанием «кто жену и сколько детей имеет», 3) «какого состояния» (купец с указанием гильдии, иностранный гость, мещанин, ремесленник, служащий с указанием должности либо нахождения в отставке), 4) «имеет ли здесь собственный свой дом» (каменный или деревянный, лавку или «магазейн и с какими товарами»), 5) «с которого времени находится в России», 6) «приемлет ли начальник за него на себя ответственность», 7) «назначение к отправлению в другие губернии».

7 июля 1812 года было указано, что «иностранцы, присягнувшие на подданство России, не подлежат разбору»[93]. Вероятно, это положение коснулось и женевца Георга Винцента Дюваля» (George Vincent Duval). Еще 4 марта 1812

---

[88] ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 57. 1812 г. Л. 1–2.
[89] Там же. Л. 13.
[90] Там же. Л. 15–16.
[91] Там же. Л. 16.
[92] Там же. Л. 21 об.–22.
[93] Цит. по: Тофталушин В.П. Указ. соч. С. 171.

года он подал министру внутренних дел О.П. Козодавлеву прошение о приведении к присяге на подданство России и «записки в Петербургское купечество по 3-й гильдии»[94]. Решение последовало после соблюдения необходимых формальностей: предоставления свидетельства о женевском происхождении Дюваля – документа, выданного иностранцу французским послом Дюком де Винсаном 11 ноября 1808 года, наведения справки об отношении к данному вопросу Купеческого собрания, рассмотрения прошения Петербургской городской думой, а также осуществления необходимой переписки с МВД. Указом Сената от 8 июля 1812 года за № 457 было дозволено «иностранцу Георгу Дювалю вступить в российское подданство», а Санкт-Петербургскому губернскому правлению поступило предписание о «приведении оного к присяге на верность подданства, равно и в записке его в гильдию»[95].

При проведении разбора для уточнения действий местных властей в губернии поступали новые предписания С.К. Вязмитинова о высылке неблагонадежных иностранцев. Так, из Смоленской губернии последних следовало отправлять в Пермь[96]. Тех же иностранных подданных, которые подлежали высылке за границу, предписывалось отправлять морем, так как сухопутная граница была «заперта». Иностранцы, которые в условиях войны могли прибыть в Россию, также имели возможность приехать только морским путем. Государь отмечал, что «в выдаче же пашпортов я весьма осмотрителен и многим отказываю, за всем тем иметь за ними бдительный надзор и в малейшем сомнении высылать»[97].

Примечательно, что, несмотря на военные условия, правительство заботилось о развитии российской экономики, поэтому к иностранному купечеству предписывалось относиться с особым вниманием: «Об купеческих домах поступать весьма осторожно, брать об них все сведения возможные от

---

[94] РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 56. 1812 г. Л. 1–1 об.
[95] Там же. Л. 9–9 об.
[96] ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 57. 1812 г. Л. 25 об.
[97] Там же. Л. 45.

других домов, сумнению не подлежащих, и не иначе приступать к высылке как в случае явного подозрения в непозволительных намерениях»[98]. А.И. Михайловский-Данилевский отмечал, что иностранные купцы в Москве, даже в ситуации угрозы приближения неприятеля, продолжали заниматься торговлей под защитой городских властей[99]. Однако с нарастанием опасности захвата города французскими войсками наблюдался рост враждебности по отношению к иностранцам: стихийно, со стороны местного населения низших сословий, и сознательно, в результате пропаганды, проводимой графом Ф.В. Ростопчиным[100]. Конечно, московские иностранные купцы, как и другие жители столицы, в большинстве своем покинули Москву в июле–августе 1812 года, понеся значительные материальные убытки[101].

В Смоленской губернии «разбор иностранцев» в июле 1812 года местные власти произвести в полной мере не успели в связи с быстро разворачивавшимися военными действиями. Бельский предводитель дворянства 30 июля 1812 года пообещал доставить губернатору ведомость об иностранных подданных, но только после получения всех необходимых сведений[102]. Духовщинский предводитель дворянства в ответ на предписание губернатора от 26 июля 1812 года за № 5289, касающееся иностранцев, «служащих под ведомством Министерства юстиции», рапортовал, что таковых «в городе Духовщине …не имеется»[103].

В начале августа 1812 года смоленский губернатор получил ответ от исправлявшего должность вяземского уездного предводителя и уездного судьи, в котором тот сообщал, что в уезде проживает вюртембергский подданный, отставной поручик «в оной нации» Карл Карлович Сюрло с женой Сюзанной Ивановной, сыновьями Карлом и Егором и приемной дочерью Надеждой. Этот иностранец приехал в Россию в 1803 году, а в 1812 проживал в доме

---

[98] ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 57. 1812 г. Л. 45.
[99] Михайловский-Данилевский А.И. Указ .соч. С. 482.
[100] Орлов А.А. Указ. соч. С. 131.
[101] Там же. С. 130.
[102] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 3.
[103] Там же. Л. 1.

коллежского советника Шагарова, где состоял учителем детей последнего. Как отметил вяземский судья, «означенной господин Шагаров» не только проявил бдительность, но и исполнил свой гражданский долг, сообщив, что «в теперешнее время заметил в нем Сюрло великую преданность к своей нации, держать его у себя опасается». Поэтому судья «для имения за ним [Сюрло] бдительного надзора отослал к здешнему Г-ну городничему»[104]. Иностранцев в губернии, вероятно, было очень мало, и местные власти вряд ли всерьез опасались каких-либо активных действий с их стороны, но демонстрировали свое усердие и верноподданнические чувства.

Разбор продолжался и после окончания войны. 5 сентября 1813 года С.К. Вязмитинов подписал циркулярное предписание губернаторам о том, что после проведенного разбора иностранцев и принятых соответствующих мер полагалось, «чтобы выезд из места нынешнего нахождения каждого иностранца дозволяем ему был единственно в случае особенного на то предписания, без которого отнюдь сего не позволять»[105]. В своем предписании городским и земским полициям от 29 октября 1813 года смоленский гражданский губернатор вынужден был признать, что в июле 1812 года должного «разбора иностранцев за нашествием неприятеля в Смоленской губернии не учинено», а потому его необходимо произвести теперь по разрешению Главнокомандующего в Санкт-Петербурге[106].

10 ноября 1813 года С.К. Вязмитинов узнал из отношения смоленского губернатора барона К.И. Аша, что в губернии разбор только начали проводить. Циркулярное же предписание Главноуправляющего в Санкт-Петербурге от 5 сентября 1813 года смоленский губернатор трактовал так: нужно выслать иностранцев, которые были учтены по разбору в других губерниях, в те же губернии обратно. «Тем же, кои находились здесь до состояния Высочайшего повеления или возвратились по очищении губернии и нигде в разборе не

[104] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 6.
[105] ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 60. Л. 7.
[106] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 13.

вошли, выезда отнюдь без особаго повеления не позволять»[107]. Таким образом, губернатор пытался ограничить круг тех лиц, которые должны были пройти по разбору в Смоленской губернии, исключив посещавших ее до 1812 года и пытавшихся приехать на подчиненную ему территорию во время проведения разбора.

Смоленская губерния долго не могла оправиться от последствий войны и оккупации, не случайно жители спустя десятилетия называли 1812-й «годом великого разорения»[108]. Местным властям после освобождения Смоленщины необходимо было решать множество хозяйственных проблем, заниматься вопросами раненых и военнопленных, восстановлением системы управления и т.д. Потому условия для проведения «разбора» в Смоленской губернии осенью 1813 года были чрезвычайно сложными. Губернатор Аш предписал местной полиции доставить два именных списка: «во-первых, иностранцам, кои на помянутом основании будут высланы, донеся об том и впредь каждый раз; во-вторых, тем иностранцам, кои затем останутся в подведомых местах, с удостоверением о благонадежности их поведения и с приложением засвидетельствованных данных им видов.

Есть ли кто либо из сих последних окажутся неблагонадежного поведения, то полиции обязаны употребить в рассуждении их самый бдительный надзор»[109].

Губернатором были предложены особые формуляры для списков неблагонадежных лиц, подлежащих высылке, и иностранцев, оставленных в губернии. При этом для последней категории в списке должно было быть указано, проходили ли эти иностранцы по прежнему разбору, проводившемуся в Смоленской губернии в 1807 году. За остающихся в губернии иностранцев брал на себя ответственность начальник полиции города или уезда. Пояснялось, что «ответственность сия заключается в том, что они ни внушениями личными,

---

[107] ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 60. Л. 17.
[108] Энгельгардт А.Н. Из деревни. 1872–1887 / отв. ред. Б.Ф. Егоров. Издание подготовила А.В. Тихонова. СПб.: Наука, 1999. С. 20, 639.
[109] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 13.

ни перепискими, ни другими какими сношениями не могут подавать повод к какому либо нарушению спокойствия или к совращению с пути порядка российских верноподданных»[110].

Губернатор предписывал составить списки в 10-дневный срок, а «в случае малейшей медленности в доставлении требуемых мною сведений и не аккуратного отношения сего распоряжения [виновные] подвергнутся о сем скорейшему и неизбежному взысканию»[111]. Очевидно, что в условиях послевоенной Смоленщины такой короткий срок исполнения вряд ли был возможен, и губернатор это понимал, иначе бы наказал подчиненных (об этом нет никаких упоминаний в деле). Самый ранний из представленных списков был датирован 25 ноября 1813 года, а самый поздний – 2 февраля 1814 года. Это и неудивительно. Ведь чтобы заполнить графы таблицы соответствующего списка полиции, следовало не только навести справки в делах уездных судов или магистрата, но и «с видов (документов, на основании которых иностранец проживал в губернии. – *А.Т.*) приложить засвидетельствованные копии»[112].

Одним из первых 25 ноября 1812 года был прислан смоленским полицмейстером список иностранцев, подлежащих высылке. В нем было указано лишь одно лицо – представитель «цесарской нации» (то есть австрийской. – *А.Т.*), проживавший в Смоленске санкт-петербургский мещанин Иван Баттист Дегнеро[113]. 25 ноября 1813 года он собственноручно дал подписку в Смоленской городской полиции «в том, что по предписанию Его Превосходительства Г. Гражданского Губернатора и Ковалера должен я из Смоленска выехать в Санкт Петербург сего месяца 28 числа»[114]. Высылка жителя бывшей Священной Римской империи Дегнеро была связана вовсе не с его неблагонадежностью, а отвечала задаче «очистить» губернию от

---

[110] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 14–15.
[111] Там же. Л. 13.
[112] Там же. Л. 14.
[113] Там же. Л. 28.
[114] Там же. Л. 31.

иностранцев, зарегистрированных в другом месте Российской империи, в данном случае – в столице.

В Смоленской губернии, как показали представленные местной полицией списки, иностранцы проживали в городах Смоленске и Белом, Ельнинском и Сычевском уездах. В «Списке иностранцам, находящимся в городе Смоленске и за высылкою протчих остающимся в оном» от 25 ноября 1813 года обозначено 13 иностранцев с семьями[115] (см. Приложение 3). За каждого из них поручался полицмейстер и в графе «Какого поведения» следовала фраза: «Ведет себя соответственно званию, в подозрениях никаких полицией не замечен»[116].

В списке иностранцев-«смолян» указаны 5 представителей Пруссии. Раньше всех из прусских подданных – в 1774 году – приехал в Россию уроженец Данцига «Мануйла Богданов сын Шеио», который в 1813 году указан с женой Катериной и 3 детьми. Шеио сначала служил аптекарем в Смоленской казенной аптеке, а после отставки был вольным аптекарем и имел аптеку в собственном доме в Смоленске[117]. Среди пруссаков в списке назван купец 3-й гильдии, уроженец Потсдама Василий Иванович Габер с семьей (женой Марьей и 3 сыновьями), проживавший в России более 30 лет, записанный в смоленское купечество 8 лет назад, владелец винной лавки и погреба[118]. «На праве гостя» жил в Смоленске золотых дел мастер «Данила Антонов сын Гинц» с сыном Александром. Ювелир, указанный как прусский подданный, родился в Смоленске в 1779 году. Отец Данилы Гинца был уроженцем Данцига и подданство России не принимал, а потому его сын значился прусским подданным. Несмотря на работу с драгоценностями, Данила Гинц недвижимости в Смоленске не имел[119].

---

[115] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 18–21 об.
[116] Там же. Л. 18–21 об.
[117] Там же. Л. 20 об., 21.
[118] Там же. Л. 18 об, 19.
[119] Там же. Л. 21 об., 19.

Прусскими подданными были и два смоленских мещанина: с 1807 года в смоленское мещанство был записан родившийся в Данциге «Иван Яковлев сын Килау», более 30 лет живший в России и занимавшийся в Смоленске каким-то ремеслом (к сожалению, документ сохранился плохо, запись неразборчива). С 1811 года смоленским мещанином стал уроженец Мекленбурга, портной Карл Иванович Остен, прибывший в Россию через Кенигсберг и поселившийс\ в империи с 1805 года. К 1813 году он был женат, судя по имени, на русской – Дарье Алексеевне[120].

Сыном голштинского подданного из Киля, родившимся в России более 30 лет назад, указан в списке Карл Андреевич Брун с матерью Анной Давыдовной, братом Федором и сестрой Марьей. Брун был купцом 3-й гильдии, записанным в Смоленское купечество в 1804 году. Помимо коммерции занимался «пекарным мастерством». Владел деревянным домом в Смоленске[121] (см. о Бруне в § 3 этой главы)[122].

Обозначены в списке двое саксонцев, уроженцы города Эссена: «Данила Егоров сын Шлосиер», поселившийся в России с 1807 года и служивший в смоленской вольной аптеке подаптекарем[123], и «Эрнст Егоров сын Шлонеер», приехавший в Россию 3 годами ранее, смоленский купец, но к 1813 году «от онаго уволен»[124]. Как выяснилось из копии свидетельства Смоленской городской думы, выданного 1 мая 1813 года, Шлонеер был записан в 1807 году в Смоленске купцом 3-й гильдии с капиталом 2050 рублей и был исключен из смоленского купечества 27 января 1812 года в связи с тем, что не принял присягу России (в соответствии с предписанием министра внутренних дел, сообщенным Смоленской казенной палате военным губернатором города Смоленска Н.Н. Бахметьевым 4 января 1812 года)[125].

---

[120] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 20 об., 21.
[121] Там же. Л. 18 об., 19.
[122] Там же.
[123] Там же. Л. 21 об.,19.
[124] Там же.
[125] Там же. Л. 32–32 об.

Указаны в списке и два представителя «цецарской нации» (территории бывшей Священной Римской империи). Это Данила Иванович Краф, каретных дел мастер, живший в России с 1801 года «на праве гостя», к 1813 году имевший семью – жену и дочь. Деревянный дом Крафа сгорел в 1812 году[126]. «На правах гостя» с 1806 года проживал в России сапожник «Каспер Михайлов сын Галпубер» с женой Анной Мартиновой и сыном Иваном[127]. Значился в списке и австриец Иван Филиппович Пацырин, который жил в России с 1794 года «на праве гостя», его ремесло в документе также указано неразборчиво. К 1813 году он имел жену Марью Анисимовну и сына Михаила[128]. Проживал в Смоленске и итальянец, уроженец Милана Симон Иванович Чапа, приехавший в Россию через Любек более 35 лет назад. Купец 3-й гильдии Чапа имел в Смоленске каменный дом, в котором он жил с женой и где располагался «герберг», то есть постоялый двор или трактир. Предприятие было разорено в 1812 году (см. о Чапе в § 3 этой главы)[129].

Указан в списке и представитель Скандинавии, швед Федор Федорович Кревс, поселившийся в Российской империи в 1805 году. Кревс имел к 1813 году жену Марью Ивановну, с которой жил в собственном каменном доме в Смоленске. Служил подаптекарем в «каменном полевом магазейне»[130].

Таким образом, в списке иностранцев в городе Смоленске указаны представители немецких земель (Пруссии, Саксонии, Голштинии) – 8 человек, Австрии и прилежащих к ней территорий – 3 человека, 1 итальянец и 1 швед. 6 иностранцев из 13 прожили в России более 30 лет, только один к 1813 году провел здесь 5 лет. Из иностранцев 4 относились к купечеству, 4 – занимались ремеслом, имея права «гостя», 2 – были мещанами, также занимаясь ремеслом, а 3 – были связаны с медициной (аптекарским делом). Все они имели

[126] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 21 об.,19.
[127] Там же. Л. 19 об., 13.
[128] Там же.
[129] Там же. Л. 18 об., 19.
[130] Там же. Л. 21 об., 19.

документы, выданные им российскими консульствами и миссиями для приезда в Россию, но многие из иностранцев их утратили (см. § 4 этой главы).

Бельский городничий к своему рапорту от 2 декабря 1813 года за № 2198 приложил «Список иностранцам находящимся в городе Белом 1813-го года», где было указано лишь трое человек, за которых полиция брала на себя ответственность (см. Приложение 4). Все 3 «бельских» иностранца были итальянцами. При этом двое, вероятно, братья Бревольские: Яков Иванович, бельский мещанин с 1807 года (согласно указу Смоленской казенной палаты), и Франц Иванович, сапожник, живший в городе на правах «гостя». Франц Иванович Бревольский был женат на местной мещанке Авдотье Федоровне и имел двоих детей Федора и Марфу. Бревольские, вероятно, неплохо зарабатывали, владея в Белом собственными деревянными домами. Оба этих уроженца Рима приехали в Россию, как было указано в списке, 25 лет назад и уже присягали на верность империи при последнем разборе иностранцев (в 1807 году). Правда, Франц Иванович Бревольский документы свои утратил и в 1807 году обращался по поводу их восстановления.

Третий иностранец из бельского списка – Степан Иванович Фивизио, родившийся во Флоренции, прибыл в Российскую империю еще в 1778 году и «на верность России присягал уже не один раз». В 1797 году он был отнесен к Бельскому купечеству, а в 1802 – «записан в мещанство». Фивизио владел в Белом деревянным домом, содержал 2 герберга и сдавал в наем лавки[131]. Примечательно, что все три «бельских» итальянца жили в России более 25 лет, вполне адаптировались к местным условиям (один из них даже имел русскую жену, являлись вполне зажиточными горожанами) и уже приняли российское подданство, однако полиция посчитала нужным указать их в списке. Причинами такой бдительности могли послужить не только военные действия 1812 года, но и назначение нового полицмейстера города.

[131] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 65 об.–66.

В «Списке иностранцам находящихся в Ельнинском уезде за высылкою протчих остающихся в оном»[132], составленном дворянским заседателем Мавицким 2 февраля 1814 года (как приложение к его рапорту за № 359), указано 6 имен (см. Приложение 5). Принимая за них ответственность, местная полиция спешила сослаться на «поручительства тех помещиков у кого сии иностранцы жительствуют». Из 6 иностранных подданных двое были указаны немцами: Н.И. Сушарт и С.А. Штраух. Прусак Николай Иванов Сушарт поселился в России с 1803 года, являлся «экзаменованным учителем», прошедшим испытания в Московском университете. Затем жил в столице, где в Петербургском губернском правлении 8 января 1813 года принял присягу на верность России, перешел в «греко-российский закон», то есть в православие[133]. Немка Сусанна Антоновна Штраух родилась в Смоленске от немки Елизаветы Штраух, записанной в мещанство. На момент разбора мать Сусанны проживала в Смоленске «при казенном аптекаре»[134], но не была упомянута среди «смоленских» иностранцев.

В Ельнинском уезде значились также, помимо немцев: уроженец силезского города Бреславля, «седельный мастер» Карл Иванович Шперлинг, приехавший в Россию 20 лет назад и представивший аттестат помещика Ельнинского уезда Болховского, указавшего, что Шперлинг в течение шести лет работы у него «вел себя добропорядочно трезво и препоручимые ему от меня работы отделывал во всей исправности»[135]; австриец, родом из Вены, доктор, подтвердивший свой диплом в Санкт-Петербургской медицинской академии, Ефрем Готлиб Фриденталь, он прибыл в Россию в 1804 году; «весьма престарелой» француз Гуаш, приехавший в Ельнинский уезд из Санкт-Петербурга в январе 1813 года, который, не имея вида на жительство, в течение года уже проживал у подпоручика Глинки по разрешению Смоленского губернатора; фламандец, «из купцов» Гендрих Брисе, прибывший в Россию в

[132] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 69
[133] Там же. Л. 71.
[134] Там же. Л. 45 об.–46.
[135] Там же. Л. 72.

1807 году. Он был учтен в тот же год во время разбора, обозначен в списке 1813 года унтер-офицером[136].

Что касается Сычевского уезда, то судя по списку иностранцев, приложенному к рапорту заседателя нижнего земского суда от 18 января 1814 года за № 29, в уезде проживали 6 иностранных подданных[137] (см. Приложение 6). Все они находились в Дугино в имении «у действительного тайного советника действительного камергера и разных орденов кавалера графа Никиты Петровича Панина»[138]. Согласно списку, эти иностранцы в июле 1812 года прошли разбор по Московской губернии: немец, служивший егерем, Иван Краутель и, вероятно, его родственник Иоганн Краутель; прусак, уроженец Штетина, слуга Федор Колбе; француз (как позже выяснилось, швед. – *А.Т.*), слуга Иван Рейс; британец, садовник Яков Манеель; швейцарка, учительница Мария Сестие.

Любопытно, что еще до направления списка иностранцев сычевской полицией в губернский город 12 декабря 1813 года граф Н.П. Панин посчитал необходимым лично («безпосредственно») написать смоленскому гражданскому губернатору барону К.И. Ашу о находящихся у него в вотчине иностранных подданных. Поводом к письму стали опасения вельможи, что эти люди не смогут сопровождать его в поездках, так как графу Панину стало известно о предписании губернатора Сычевскому земскому суду от 19 сентября 1813 года за № 12065 «о непозволении иностранцам переехать из одной губернии в другую».

Н.П. Панин посчитал необходимым за каждого из проживавших у него иностранцев поручиться и изложить Ашу «некоторые обстоятельства достойные уважения начальства». Так, воспитатель сына Панина, «ган[н]оверской уроженец», надворный советник Иван Егорович Фогель, имел «право на все преимущества российского дворянина»[139]. Объяснения Фогеля,

---

[136] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 72.
[137] Там же. Л. 45 об.–46.
[138] Там же. Л. 44.
[139] Там же. Л. 47.

которые прикладывались к письму Панина, по мнению графа, должны были доказать: этот иностранец «без сумнения не подлежит к распоряжениям, относящимся до иностранных; по чему я надеюсь что он в список оных внесен не будет и покорнейше прошу ваше превосходительство дать сие на замечание кому следует для предупреждения недоумения воспоследовать могущего от немецкой его [нации]»[140].

В объяснении Фогеля на французском языке, датированном 13 ноября 1813 года, тот указал: «родившись в Ганновере, я прибыл в Россию в 1786 году и в краткое время был определен в должность профессора при кадетском Сухопутном корпусе, где, за десятилетнюю службу, по силе указа месяца декабря 1790 года, пожалован надворным советником, дав в месяце сентябре 1796 года присягу верности Российской империи»[141]. В январе 1813 года Герольдия утвердила титул дворянства за Фогелем (в связи с чином) и детьми его, родившимися после вступления в подданство их отца. Фогель опасался, что причисление его «по ошибке» к иностранцам могло «принесть беспокойство в последствии» его сыновьям, обучавшимся в столичном корпусе на правах российских дворян[142].

Характеризуя воспитательницу своих дочерей, уроженку Женевы г-жу Сестие, граф Н.П. Панин подчеркивал, что эта иностранка не только лояльно настроена к российским властям, но и благодарна за возможность проживать в России, так как «принадлежит к числу тех нещастных кои насильственно порабощены французскому правительству». Граф писал: «Я покорнейше и убедительнейше вас прошу снабдить ее пашпортом на неограниченное время буде возможно, в противном же случае хотя на один год с позволением переезда из одной губернии в другую при детях моих». «Охотно за нее поручаюсь», – уверял вельможа, так как «г-жа Сестие честностью своею заслужила полную мою доверенность»[143].

---

[140] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 47–47 об.
[141] Там же. Л.50–51 об.
[142] Там же. Л. 51–51 об.
[143] Там же. Л. 47 об.

Сама Мария Сестие в своем объяснении на французском языке указала, что «имела паспорт из Женевы в 1804 году явленный и записанный в Риге и Москве», благодаря чему получила билет на жительство в России, а в 1812 году сдала экзамен. Сестие приложила аттестат об успешном прохождении испытания на знание французского в Московской губернской гимназии от 19 июля 1812 года. На основании этого документа она получила вид на жительство в Российской империи от 29 июля 1812 года, документ был зафиксирован в губернском правлении и возвращен владелице при отъезде из Москвы. Швейцарка уверяла: «В 1813 году я бы исходатайствовала билет в упомянутом правлении, но оно еще не было восстановлено. Мой аттестат был явлен полицейским майором и по содержанию аттестата и по засвидетельствованию многими особами, что оной бумаги было довольно для меня чтобы долго [проживать] везде в России или по крайней мере для некоторой перемены»[144].

Н.П. Панин в письме поручался и за «дядьку при сыне моем» Ивана Рейса, «доброго человека»: «за поведение его отвечаю»[145]. Панин подчеркнул, что в документы Рейса вкралась досадная ошибка: «в пашпорте написан французом», «от невежества полиции, которая почитала Стокгол[ь]м французским городом»[146]. Рейс в своем объяснении указал, что ошибка, сделанная российским чиновником в 1793 году, доставила ему множество неудобств: «почли… как француза, заставили присягнуть в сем качестве, и вместо вида показывавшего точное время его приезда в Россию (который остался в Московской губернии) его снабдили паспортом или свидетельством» на свободное проживание в России, указав его французом, родившимся в Стокгольме. Это свидетельство до сих пор было основным документом Рейса. «Комиссия, учрежденная в 1806 году о разборе чужестранцев, видя ошибку учиненную в 1793 году, означила на обороте паспорта, что он подданный

[144] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 52–55.
[145] Там же. Л. 48.
[146] Там же. Л. 47 об.

шведский почему во всех билетах, которые он получал от губернского правления в Москве он всегда означаем происхождением “швед”»[147]. Тем не менее в упомянутом выше списке иностранцев в Сычевском уезде от 18 января 1814 года Рейс вновь был обозначен как француз.

Панин просил и за немца, егеря, имевшего «под надзором своим все леса в вотчинах моих» Ивана Краутиля и садовника, англичанина «Якова Манеила», чтобы «иметь позволение на безпрепятственные переезды», иначе «обязанность всякой раз просить о том позволения была бы для меня весьма обременительна»[148].

Прусский подданный, камердинер в доме Панина Федор Колбе «подал прошение о принятии его в российское подданство», и его письмо граф накануне лично выслал губернатору.

Примечательно, что Панин в своем письме смоленскому губернатору подчеркивал неправомочность отнесения некоторых из его людей к иностранцам и пытался своевременно получать сведения о поступающих на имя губернатора циркулярах относительно иностранных подданных: «Быть может и весьма вероятным кажется, что некоторые или все вышеозначенные особы не подвержены новым обязательствам, возложенным на иностранных: в таком случае простите мне напрасно нанесенную вам скуку, но есть ли иностранцы обязавшиеся по контрактам подлежать к сему распоряжению то кажется должны быть изъятия и в сем последнем предположении я осмеливаюсь просить ваше Превосходительство о сообщении мне нужных сведений по сему предмету»[149].

Ходатайство графа Панина и объяснения иностранцев не были оставлены без внимания. Смоленский губернатор барон К.И. Аш к своему ответному письму приложил копию списка, доставленного губернатору от Сычевского земского суда об иностранцах, проживавших в доме Панина[150], а также копию

---

[147] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 56–57 об.
[148] Там же. Л. 48.
[149] Там же. Л. 47–48.
[150] Там же. Л. 62.

предписания С.К. Вязмитинова об австрийских подданных. В связи с последним документом губернатор отмечал, что «егерь Краутель ежели он точно принадлежит к числу австрийских подданных, равномерно и жена его освобождаются от общего разбора иностранцов»[151], но если они вошли в разбор по Московской губернии, то барон Аш советовал этому семейству принять российское подданство, чтобы обезопасить себя от возможных неясностей в будущем. По поводу же свободы переездов иностранных подданных, служивших у Панина, губернатор обещал обратиться за особым разрешением к Главнокомандующему в Санкт-Петербурге, при этом «не подвергая… [вышеупомянутых иностранцев] никакому беспокойству»[152]. В данном случае губернатор использовал свои полномочия обращаться в вышестоящие инстанции за разъяснениями предписаний, а также с просьбами об исключении из документов некоторых положений в отношении конкретных лиц.

Таким образом, наделение губернатора значительными полномочиями по организации «разбора» было направлено на установление точной численности иностранцев, их политических взглядов и настроений. Кроме того, местная администрация, исполняя решения центральных властей, старалась стимулировать принятие иностранными подданными присяги на верность России как подтверждение лояльности российскому правительству и проводимой им политике.

§ 3. Следственные комиссии об иностранцах, служивших в оккупационной администрации

В ходе военной кампании 1812 года на захваченных Наполеоном территориях Российской империи устанавливался оккупационный режим. На примере Смоленска, захваченного после кровопролитного двухдневного сражения 4–5 августа 1812 года, рассмотрим деятельность оккупационной администрации с начала августа до начала ноября 1812 года. На посту военного

[151] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 62.
[152] Там же. Л.62 об.

губернатора Смоленска, сменяя друг друга, побывали французские генералы Коленкур, Шарпантье, Барбанегр и генерал швейцарского происхождения Жомини. Комендантом Смоленска был назначен Бозет, а комиссаром по продовольственной части – Сиов. Кроме того, была создана Верховная комиссия по гражданской части из двух русских членов и секретаря. Во главе комиссии Наполеоном был поставлен интендант Смоленска Арман Шарль де Вилленбланш. Верховная комиссия призвана была решать вопросы продовольствия и снабжения армии. Для исполнения предписаний Верховной комиссии были назначены уездные комиссары с помощниками, которые отвечали за сбор хлеба и фуража для французской армии. Верховной комиссии подчинялся городской магистрат, в который входили 10 членов[153] и 30 чиновников (писцов, переводчиков, комиссаров для разъездов, казначеев)[154].

27 августа состоялось первое заседание магистрата, в его протоколе говорилось: «Я, Арман-Шарль де Вилленбланш, аудитор государственного совета и интендант Смоленской губернии, по повелению его императорско-королевского французского величества, прибыл в зал заседания магистратов г. Смоленска, в 3 часа пополудни, для введения в должность нового мэра и муниципальных должностных лиц, собравшихся по нашему приглашению. Мы велели прочитать в заседании [протокол] о их назначении и приступили к обсуждению следующих дел»[155]. Среди важнейших из них, определенных Вильбланшем, были: наблюдение за расселением войск по квартирам, сбор провианта, фуража и денег в пользу французской армии, сбор подвод для раненых, поддержание чистоты и порядка в городе и т.д.

Особенностью муниципалитета, сформированного в оккупированном Смоленске, стало привлечение в его состав «местных жителей самого

---

[153] Смоленская старина. Вып. II. Смоленск, 1912. С. 59–60.
[154] Вороновский В.М. Отечественная война в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. С. 301.
[155] Цит. по: Р. Смоленск под управлением французов в 1812 г. (По документам собранным А.В. Безродным) // Русская старина. 1901. Апрель. С. 140.

различного социального положения и национальности»[156]. По распоряжению Вилленбланша мэром был назначен титулярный советник В.М. Ярославцев. Среди членов муниципалитета значился Симон Чапа, миланец, к моменту назначения 10 лет состоявший смоленским купцом 3 гильдии. 26 сентября 1812 года Чапа как член муниципалитета, по решению Вилленбланша, назначался казначеем города Смоленска и обязан был «вести счеты исправно и не выдавать [деньги] без моего [Вилленбланша] предписания»[157]. Чапа слыл богатым человеком, он владел каменным домом и лавкой, содержал в Смоленске герберг (от немецкого herberge – постоялый двор или трактир).

В состав муниципалитета был включен и Карл Андреев Брун, родившийся в России, отец его голштинец Андрей Брун был уроженцем Киля. Карл Брун, как и Чапа, – смоленский купец 3-й гильдии (в купечество был записан с 1804 года). Владел деревянным домом в Смоленске, занимался торговлей и «пекарным мастерством». Бруну Вилленбланшем было поручено «смотрение за мельницами и за доставлением съестных припасов»[158].

Вилленбланш был чрезвычайно деятельным администратором и старался наладить работу муниципалитета, забрасывая его предписаниями, касающимися хозяйственных вопросов. С другой стороны, он проявил некоторую заботу о бытовых условиях жизни новых французских чиновников. Узнав, что они «…не имеют ни одежды, ни обуви, ни пропитания, назначил выдать им от 15 до 200 франков»[159].

Но, несмотря на все его усилия, члены муниципалитета, вынужденные служить оккупационным властям «по слабости духа», хотя и опасались преследований и даже казни, откровенно саботировали работу. Вилленбланш вынужден был постоянно призывать к деловитости членов муниципалитета, о чем свидетельствуют характерные замечания из его многочисленных

---

[156] Понасенков Е. «Никто не трудится с усердием». Местная администрация на территории, занятой Великой армией // Родина. 2002. № 8. С. 95.
[157] Вороновский В.М. Указ. соч. С. 304.
[158] Там же. С. 305.
[159] Понасенков Е. Указ. соч. С. 96

предписаний: «Я просил вас… продолжать заседания до 2 час. Я посылал в муниципалитет в 1 час, а там не было даже приказного»; «требуя от вас почтарей для организуемой мною теперь почты, я желал, чтобы они были присланы тотчас же, но вам всегда надо писать о самом простом деле по три раза…»; «сегодня в 9 1/2 час., в муниципалитете не было ни мэра, ни одного из членов…»[160]. Вилленбланш грозил членам магистрата строгими мерами, так как «никто не трудится с усердием»[161].

Работы у оккупационных властей действительно было много. Смоленск был сожжен в ходе сражения 4–5 августа 1812 года и представлял собой «дымящиеся развалины» с горами трупов. В городе оставалось большое число раненых, свирепствовали эпидемии[162]. Даже в октябре (к концу оккупации) город оставался разрушенным и разоренным. Жомини, последний военный губернатор захваченного Смоленска, вспоминал о том, что надежды уже деморализованной французской армии рухнули, когда они «вместо ожидаемого изобилия увидели [в Смоленске] только сцены отчаяния»[163]. Дюпюи писал: «Мы стремились к Смоленску, где надеялись найти множество запасов. Каково же было наше разочарование, когда мы, придя в этот злополучный город, увидели, что он почти разрушен и покинут жителями, переполнен толпами голодных солдат, продовольственные магазины пусты и бывшие в них запасы уже похищены»[164].

В памяти французского сержанта Бургоня Смоленск остался таким: «Город, где мы находились, существовал, так сказать, только по имени. Виднелись еще только стены домов, выстроенных из камня; все же деревянные постройки, из которых большей частью и состоял город, исчезли; словом, город

---

[160] Р. Смоленск под управлением французов в 1812 г. С. 143.
[161] Вороновский В.М. Указ. соч. С. 305.
[162] Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев: в 2 кн. Кн. 1: Нашествие в Москву. М.: Захаров, 2004. С. 144–153.
[163] Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев: в 2 кн. Кн. 2: Отступление. М.: Захаров, 2004. С. 7.
[164] Там же. С. 8

представлял какой-то жалкий остов»[165]. Врач французской армии Роос вспоминал: когда «прибыл в город, мне показалось, что я в крепости, только что пережившей осаду и бомбардировку»[166]. Бедственное положение города не смогли поправить действия оккупационных властей, так как неприятелю не удалось получить поддержки местного населения.

После освобождения Смоленска и возвращения в город законной власти, проблем было так много, что комиссия «для исследования о лицах, находившихся в должностях у неприятеля», была учреждена в Смоленске только 18 марта 1813 года в составе К.Ф. Модераха, А.У. Болотникова и управляющего Смоленской губернией П.Н. Каверина[167]. В результате работы комиссии под следствием оказалось 37 человек. В ходе расследования было установлено, что «Симон Чапа, итальянец 64 лет, имея в городе лавку и лучший ресторан, принял должность члена муниципалитета, а затем и казначея под угрозой расстрела. В муниципалитете был не более 10 раз и никакого участия в делах не принимал»[168].

О Бруне следствие выяснило следующее: «Немец Брун, смоленский уроженец, 30 лет; он был булочником, и снабжал бельем русских чиновников. При нашествии неприятелей не успел бежать из Смоленска. По принуждению определен в муниципалитет и явился туда по предписанию майора Меца. На обязанности его лежал перевод с немецкого языка на русский. Между прочим его посылали в Духовщинский уезд за лошадьми, которых он не доставил»[169].

Был привлечен к следствию и землемер, прусак Бланкенгорн[170], которого заподозрили в помощи французским оккупационным властям. Оказалось, что «землемер Бланкенгорн, при выходе из Смоленска, был контужен и возвращен в город. Его безуспешно заставляли снять план Смоленска и его

---

[165] Там же. С. 17.
[166] Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев: в 2 кн. Кн. 2: Отступление. С. 16.
[167] ПСЗ – I. Т. XXXII. № 25356.
[168]Вороновский В.М. Указ.соч. С. 315.
[169] Там же. С. 316.
[170] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 18 об.

окрестностей»[171]. Воспоминания Брандта косвенно это подтверждают. Он стал свидетелем, что «съемкою Смоленска, плана города или, точнее, части его, по направлению к крепости» в конце августа 1812 года занимались 4 инженерных офицера армии Наполеона[172].

В конечном итоге все иностранцы, находившиеся под подозрением, что они служили в оккупационной администрации Смоленска, были освобождены из-под стражи по постановлению следственной комиссии. К этому времени бывший мэр города Василий Ярославцев, находившийся под арестом, покончил жизнь самоубийством. Окончательное решение «о лицах, находившихся в должностях у неприятеля» было оставлено комиссией на усмотрение государя, так как комиссия полагала, что хотя обвиняемые и «состояли на службе у неприятеля, но присягу Наполеону не принимали, в должности назначены по принуждению и из страха. Сами с семействами ограблены, биты и дома их сожжены и разорены; в измене или предательстве не изобличены, и что уже более полугода находятся в тюремном заключении»[173].

1 июля 1813 года следственная комиссия закрыла свои заседания; а все ее делопроизводство по Высочайшему повелению было истребовано в Сенат «для совокупного рассмотрения с поступившим в оный из Московской комиссии». По делу о «бывших в разных должностях у неприятеля чиновниках» последовал от 30 августа 1814 года манифест, согласно которому все обвиняемые освобождены были от всякой ответственности[174]. Поэтому и о Симоне Чапе, и о Карле Бруне в «разборе» конца 1813 года указано следующее: «Ведет себя соответственно званию. В подозрениях никаких полицией не замечен». При этом Симон Чапа «ныне по разорению ничем не занимается»[175]. Таким образом, иностранцы, оказавшиеся поневоле членами магистрата, были

---

[171]Вороновский В.М. Указ. соч. С. 317.
[172] Попов А.И. Инженеры-географы Великой армии в кампании 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. IX: сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2010. С. 108.
[173] Цит. по: Вороновский В.М. Указ. соч. С. 319.
[174] Там же.
[175] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 18 об.–19.

оправданы российскими властями как лица, не принимавшие активного участия в деятельности оккупационной администрации, а следовательно, не запятнавшие себя предательством в отношении России.

Карьера Василия Федоровича Бланкенгорна (умер в 1855 году[176]) после войны 1812 года сложилась весьма успешно и вполне заслуженно, что следует из его формулярного списка, сохранившегося в документах Смоленского губернского присутствия. В формулярном списке указано, что Бланкенгорн, родившийся около 1787 года, происходит «из архитекторских детей», лютеранин, окончил Берлинскую академию в 1808 году «кандидатом математики»[177], затем служил в Финляндии землемером по лесной части, с февраля 1810 по май 1811 года был смоленским землемером, с 10 апреля 1812 года по 16 ноября 1814 года – сычевским, позже бельским уездным, а с 16 июня 1822 года вплоть до 1852 года – смоленским губернским землемером, а также архитектором. Он высоко ценился как специалист: к 1852 году получил чин коллежского советника, являлся кавалером орденов Св. Владимира 4 степени и Св. Анны 3 степени, был награжден и знаком отличия за 30 лет беспорочной службы[178]. После получения ордена Св. Анны[179] В.Ф. Бланкегорн получил право на получение дворянства, этим правом он, будучи титулярным советником, воспользовался в 1826 году, когда вместе с дочерью Анной был внесен в I часть дворянской родословной книги Смоленской губернии[180].

В списке иностранцев, принявших российское подданство, который был составлен в III Отделении Собственной Е.И.В. канцелярии, Бланкегорн указан уроженцем Пруссии, который приведен к присяге России (вместе с

---

[176] ГАСО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 13. Л. 23–24 об.
[177] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. 1840 г. Л. 118.
[178] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 1–14 об.
[179] Уведомление о награждении В.Ф. Бланкегорна «за приведение в исправность Смоленской дороги». – Город Смоленск. Возвращение к жизни. 1813–1828. Документы Государственного архива Смоленской области. Смоленск: Свиток, 2012. С. 199.
[180] ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 157. Л. 41–43, 48–48 об.

семьей) в Смоленской губернии в 1840 году[181]. В формулярном списке В.Ф. Бланкенгорна указана и точная дата этого события – 18 июня 1840 года[182]. Чин коллежского советника (VI класс в Табели о рангах) давал ему права потомственного дворянства, а значит, и право на приобретение земли и крепостных душ. К 1852 году Бланкенгорн (отец большого семейства: трое сыновей и трое дочерей) имел «благоприобретенное имение» в Смоленском уезде с 51 душой мужского пола и 3 дворовыми, то есть стал добропорядочным помещиком[183].

Таким образом, оккупационным властям не удалось привлечь на свою сторону не только местное население, но и проживавших в Смоленской губернии иностранцев, которые участвовали в бойкоте действий оккупационной администрации, организованной французами. Ситуация в Смоленске оказалась характерна и для Москвы в 1812 году, где малую эффективность работы оккупационной администрации подтверждают как делопроизводственные документы, так и данные французских и русских мемуаристов[184]. В период оккупации командующим московским гарнизоном был назначен А. Дюронель, московским генерал-губернатором – маршал Э.А. Мортье, «интендантом города Москвы и Московской провинции» (гражданским губернатором) – Ж.Б. Лессепс, хорошо знакомый с российской действительностью, потому что долгие годы состоял при французской миссии в России (был консулом в Кронштадте с 1783 года, генеральным консулом в Санкт-Петербурге с 1794 года, генеральным комиссаром по торговым делам и поверенным в делах в С.-Петербурге в 1802–1812 годах). Именно Лессепс своей

---

[181] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 18 об.
[182] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 4 об.
[183] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 4 об.
[184] Болдина Е.Г. О деятельности Высочайше учрежденной комиссии для исследования поведения и поступков некоторых жителей во время занятия столицы неприятелем // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы IX Всероссийской научной конференции. Бородино, 4–6 сентября 2000 г. / отв. ред. А.В. Горбунов. М.: Калита, 2001. С. 30; Она же. Документы об Отечественной войне 1812 года в фондах Центрального исторического архива Москвы // Вестник архивиста. 2007. № 1 (97). Январь-март. С. 253–257.

прокламацией от 19 сентября 1812 года провозгласил образование московского муниципалитета, эта же информация была сообщена в 22 бюллетене Наполеона (от 27 сентября)[185].

Городской муниципалитет возглавил купец 1-й гильдии П.И. Находкин, его помощниками были определены 4 иностранца и 2 русских. Как удалось установить, «в состав муниципалитета входило по разным сведениям от 14 до 19 человек, а также два секретаря, казначей и переводчик»[186]. Муниципалитет должен был заниматься вопросами содержания дорог и мостовых, надзором за ремесленниками, охраной порядка и правосудия, расквартированием войск, надзором за богослужением, оказанием пособий нуждающимся горожанам. Каждое направление деятельности муниципалитета было закреплено за особым его отделением (бюро). Помимо муниципалитета, была сформирована полиция. «Согласно штату полиции, вводились должности двух генеральных комиссаров (ими стали иностранцы Виллерс и Пюжо) и 20 комиссаров, или полицмейстеров (по числу частей города). К комиссарам определялись помощники»[187].

Как только французские войска оставили Москву (в ночь на 11 октября 1812 года), в город вошли отряд генерал-майора И.Д. Иловайского и кавалеристы генерал-майора А.Х. Бенкендорфа. По приказу последнего, назначенного комендантом Москвы, был арестован П.И. Находкин, у которого изъяли документы муниципалитета и составили «реестр» тех, кто помогал неприятелю в период его пребывания в городе. Затем подобные списки составлялись несколько раз, сведения в них имеют разночтения (особенно в количестве, которое колебалось от 28 до 143 человек) и ошибки в именах. Первоначально были арестованы 6, в том числе городской голова. К 4 ноября под арестом находилось уже 67 человек[188], в их числе 20 иностранцев[189].

---

[185] Болдина Е.Г. О деятельности … С. 30.
[186] Там же.
[187] Там же.
[188] Там же. С. 31.
[189]Понасенков Е. Указ. соч. С. 96.

По инициативе Главнокомандующего в Москве графа Ф.В. Ростопчина Высочайшим указом, данным Сенату, 9 ноября 1812 года была образована «Комиссия, для исследования поведения и поступков некоторых московских жителей во время занятия столицы, неприятелем которой надлежало определить степень виновности всех лиц, сотрудничавших с неприятелем». Председателем комиссии стал Ф.В. Ростопчин, а членами – петербургские сенаторы К.Ф. Модерах и А.У. Болотников[190] (они же являлись членами следственной комиссии и в Смоленске).

В результате работы Комиссии был составлен общий список обвиняемых. Он был разделен на несколько групп, при этом иностранцы были выделены особо. Их, в свою очередь, разделили на иностранцев, принявших присягу на русское подданство, и иностранцев, не принимавших присягу на верность Российской империи. Выяснилось, что состав находившихся под следствием был разнообразным: помимо иностранцев, гражданских чиновников разного ранга, отставных военных, профессора, магистра, учителей, купцов и детей купеческих, в список обвиняемых входили 2 дворовых человека и 1 вольноотпущенный. Позже к общему списку подследственных в ходе расследования были добавлены имена 2 русских помощников Находкина[191].

Допрашивались свидетели, изучались формулярные списки чиновников и другие документы, характеризующие деятельность обвиняемых. Комиссия на своих заседаниях пыталась объективно установить степень вины каждого и определить для него меру наказания. С начала декабря 1813 года последовали освобождения некоторых из арестованных под поручительство. Одним из первых 7 декабря 1812 года был освобожден из тюрьмы иностранец, профессор физики Иосиф Чернич, бывший в период оккупации комиссаром полиции[192]. Сразу за пятерых иностранцев (Е. Меньена, Куета, И. Визара, Лаланса, Марка) поручился именитый гражданин Эдельман. Последним был освобожден

---

[190] Болдина Е.Г. О деятельности… С. 33.
[191] Там же. С. 33.
[192] Там же. См. № 47 в Приложении I.

иностранный подданный Карл Ласан, учитель, во время пребывания Наполеона в Москве занимавший должность комиссара полиции. Иностранец был болен и 10 декабря 1812 года был отправлен в Голицынскую больницу, а 14 февраля 1813 года отдан под поручительство католического священника Речии[193].

Кстати, среди арестованных было трое помещиков Смоленской губернии (Михаил Голынский, Николай Келпинский, Михаил Малечкин[194]), служивших в полиции в период оккупации Смоленска, но не подлежавших ведению Московской следственной комиссии. Тем не менее они сначала находились под арестом в Москве, не имея знакомых в городе, потому не могли быть освобождены под поручительство. Затем за Келпинского поручился сам Растопчин, а за Малечкина, по просьбе дочери последнего, – губернский секретарь Карпов. Однако смоляне вынуждены были жить в Москве до ноября 1814 года[195].

Комиссия завершила следствие 16 февраля 1813 года, передав документы в Сенат, который принял окончательное решение в 1814 году. Обвиняемые были разделены в зависимости от степени вины на 5 разрядов. Самыми значительными оказались первые две группы (разряда). К первому разряду относились: люди «сомнительной нравственности и правил, противных святости присяги верноподданного и доброго гражданина» – 22 человека (из них 17 иностранцев, то есть 77 %). 10 человек из этой группы (иностранные подданные) подлежали высылке за границу. Среди последних были: художник и музыкант Данило Фабер (Фабр), служивший комиссаром полиции и переводчиком коменданта Ванзулена[196]; содержатель пансиона Егор (Жорж) Лаланс, бывший комиссаром полиции в Москве[197]; вюртембергский подданный, учитель рисования Егор Меньен (Менье), служивший помощником московского городского головы, в его ведении был надзор за ремесленниками и

[193] Болдина Е.Г. О деятельности… С. 34. См. № 45 в Приложении I.
[194] Болдина Е.Г. О деятельности… С. 36.
[195] Там же. С. 34.
[196] Там же. См. № 37 в Приложении I.
[197] Там же. См. № 38 в Приложении I.

выделение пособие бедным[198]; фабрикант Франц Ребе (Робе), бывший комиссаром 18-й части Москвы[199], и другие. Русские подданные иностранного происхождения (Виллерс, Паланж, Реми, Бушот, Дюлон, Прево) были приговорены к ссылке в Сибирь на поселение.

Во второй разряд вошли те, что «приняли на себя от неприятеля должности, но в том, что добровольно, а не из-за неприятельских угроз, не изобличены» – 37 человек, среди них П.И. Находкин и иностранец И. Чернич. Принадлежавшие к следующим трем разрядам подозреваемые были признаны невиновными.

Среди арестованных 12 октября 1812 года был московский купец, в прошлом швейцарской службы капитан-поручик Иван (Луи) Леонтьевич Буржуа, одним из первых 23 декабря 1812 года он был отдан под поручительство купца Матвеева, а 14 ноября 1813 года швейцарец скончался[200], так и не дождавшись окончательного решения Государственного совета по делу следственной Комиссии. Это решение вынесли 17 мая 1815 года, основываясь на положениях Манифеста от 30 августа 1814 года. Только те, кто был уличен в уголовных преступлениях, были преданы суду других инстанций, остальные – либо прощены, либо признаны невиновными. В декабре 1814 года проходившие по делу были вынуждены дать подписки о невыезде, но при необходимости отъезда в каждом конкретном случае принималось соответствующее решение. Через год подписка о невыезде была отменена[201].

В дальнейшем судьбы иностранцев, находившихся под следствием, а затем освобожденных, сложились вполне благополучно. Бывший секретарь московского городского правления Петр Пель (Паль), признанный невиновным и принявший русское подданство, жил в Петербурге. Иван Визар, в прошлом содержатель пансиона в Москве, служивший в период оккупации комиссаром полиции Мясницкой части города, следственной комиссией был отнесен к 1-му

---

[198] Болдина Е.Г. О деятельности… См. № 6 в Приложении I.
[199] Там же. См. № 49 в Приложении I.
[200] Там же. См. № 25 в Приложении I.
[201] Там же. С. 35.

разряду и подлежал высылке за границу[202], но решением Государственного совета прощен. Известно, что Визар продолжал жить в России и преподавал иностранные языки в частном пансионе[203].

Иностранные подданные занимались восстановлением разрушенных неприятелем городов: в Смоленске землемером и архитектором, как упоминалось выше, служил пруссак В.Ф. Бланкенгорн, а шотландец по происхождению Вильям Гесте (William Hastie, в России – Василий Иванович) стал автором послевоенных проектов реконструкции Смоленска и уездных городов губернии Гжатска, Поречья, Красного и Духовщины. Проекты Гесте были Высочайше утверждены 4 января 1817 года, а 18 января того же года направлены смоленскому губернатору «для надлежащего и непременного по оным исполнения»[204]. Для составления плана Смоленска Гесте приезжал в город и хорошо его изучил, однако реализация его плана в некоторых частях города (например, в Солдатской слободе) затянулась до 1832 года[205].

Вильям Гесте был привлечен императором Александром I и для составления плана Москвы, подготовленного архитектором в июне 1813 года и утвержденного императором с некоторыми замечаниями. Восстановление Москвы продолжалось более 10 лет, и не было завершено даже в 1826 году. Однако «большая часть предложений Гесте была впоследствии реализована на практике, свидетельством чему являются современные Театральная и Манежная площади столицы»[206].

Подводя итоги деятельности комиссий «для исследования о лицах, находившихся в должностях у неприятеля» в Смоленске и Москве, можно утверждать, что следствие было проведено со всей тщательностью. Детально, по персоналиям рассматривалась степень вины и ответственности каждого

---

[202] Там же. См. № 36 в Приложении I.
[203] Там же. С. 35.
[204] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. 1817 г. Л. 130.
[205] Там же. Д. 23. 1832 г. Л. 246–246 об.
[206] Орлов А.А. Британцы в Москве в 1812 году: вымысел и реальность // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 133; Schmidt A.J. William Hastie, Scottish Planner of Russian Cities // Proceedings of the American Philosophical Society, 1970. Vol. CXIV.

состоявшего в оккупационной администрации. Сотрудничество с оккупантами было признано вынужденным, под угрозой применения насилия. Вывод Е.Г. Болдиной, отметившей «несомненную гуманность»[207] как характерную черту, проявленную российскими властями при вынесении окончательного решения в отношении «москвичей», вполне справедливо можно отнести и к «смоленским» иностранцам.

§ 4. Применение паспортного режима к иностранцам до 1826 года

После окончания военной кампании 1812 года следовало наладить: регистрацию иностранных подданных, выдачу им билетов на жительство, контроль за теми, кто уже проживал в империи до начала военных действий, и теми, кто желал приехать в Россию после освобождения ее территории от противника. Многие иностранцы, поселившиеся в Российской империи еще до Отечественной войны, в чрезвычайных военных обстоятельствах утратили выданные им документы и теперь вынуждены были их восстанавливать, чтобы проживать в стране на законных основаниях. Свидетельством актуальности этой проблемы было упоминание об утрате документов «во время нашествия неприятеля» у 6 из 13 иностранцев-смолян, указанных в «разборе» 1813 года (см. Приложение 3).

Одним из них был седельный мастер из Бреславля (Силезия) Карл Шперлинг, который «по случаю утраты бумаг во время войны 1812-го года» не мог представить удостоверения личности и документально доказать, что он имеет право на наследство, оставленное ему на родине отцом в размере 350 талеров. Потребовалась большая переписка, растянувшаяся на два года, чтобы выяснить, что в Бреславле проживают родные Шперлинга (а у него было 5 братьев и 3 сестры), которые могли бы подтвердить подлинность личности Карла Шперлинга и его право на наследство[208]. Получение же другого наследства, доставшегося Карлу Шперлингу от Галача из Бреславля,

[207] Болдина Е.Г. О деятельности… С. 35.
[208] АВПРИ. Ф. 1. Разряд II–11. Д. 50. 1824 г. Л. 1–14 об.

потребовало 8 лет переписки между МИД, МВД, губернским, уездным начальниками и Шперлингом[209].

В фонде Канцелярии смоленского губернатора сохранилось любопытное прошение «иностранца, урожденнаго в городе Берлине стальнаго фабриканта Ивана Данилова сына Поля», адресованное гражданскому губернатору барону К.И. Ашу и полученное им 23 сентября 1813 года. Документ выполнен на гербовой бумаге стоимостью 50 копеек серебром и написан «с слов самого просителя и вместо его за неумением им грамоты по личному его прошению» Иваном Белявским, учеником риторики Смоленской семинарии[210]. И.Д. Поль обращался к губернатору с просьбой снабдить его «для свободнаго в России жительства пашпортом или узаконенным поименным видом»[211].

Иностранец подробно изложил обстоятельства утраты прежних документов: в Россию он прибыл в 1806 году «с данным … от прускаго посланника пашпортом», 3 года жил в Риге, затем отправился в Москву, где получил должность «аглицкой канторы у банкира Андрея Кноф», который отправил Поля на свою «стальную фабрику» в Уфимскую губернию[212]. Там Поль проработал два года, а затем по договоренности с банкиром приехал в Москву и заключил контракт с генерал-майором Орловым, поступив на 7 месяцев мастером на его стальную фабрику в Тульской губернии.

По окончании контракта в 1811 году Поль отправился в Санкт-Петербург, куда был приглашен генерал-майором Полторацким стать управляющим его фабрики в Рязанской губернии, «от коль дабы отыскать мне настоящее для себя по мастерству моему место отправился я в город Москву». Далее Поль подробно описывает период своей жизни с мая по начало сентября 1812 года, когда он находился в Москве вплоть до французской оккупации. В город он прибыл, имея все документы, включая рекомендательные письма, свидетельствующие о нем как об искусном мастере и об иностранце с

---

[209] АВПРИ. Ф. 1. Разряд II–16. Д. 43. 1821 г. Л. 1–12.
[210] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109. 1813 г. Л. 4.
[211] Там же.
[212] Там же. Л. 1.

«хорошим поведением». В Москве Поль остановился «у иностранца слесарного мастера Ивана Карлова сына Эжпера, где и находился до самого нашествия на город Москву неприятеля»[213].

В рассказе Поля обращает на себя внимание и то обстоятельство, что он свободно переезжал из губернию в губернию, при необходимости возобновляя вид на жительство. Следовательно, незнание русского языка не было препятствием для иностранца, который вел себя «пристойно и добропорядочно» и был востребованным в России специалистом, при получении документа.

В связи с приближением неприятеля к Москве ее военный губернатор граф Ф.В. Растопчин потребовал от проживавших в столице иностранцев принести присягу «на верность Российскому императору, а притом и иметь против неприятеля вооружение». Поль присягу принес и даже был «в готовности к защите от неприятеля»[214]. Следует отметить, что шестилетнее пребывание в России, работа по контрактам с представителями российской знати на их фабриках в провинции, а затем жизнь в Москве настроили Поля на доброжелательное отношение к российской державе. В чрезвычайных условиях этот иностранец не только принял российское подданство, но и, по его словам, был готов сражаться с французами. «К нещастию» Поль попал к ним в плен, где был лишен всех имеющихся у него бумаг и всего имущества.

Предприимчивому немцу удалось бежать, и он попал к капитану Федору Кириловичу Фландеру, проживавшему в Духовщине. По поручению советника Тверской гражданской палаты Денисова Ф.К. Фландер находился в этом уездном городе «для защиты отечества с командами». Фландер являлся управляющим в вотчине графини Софьи Владимировны Паниной в селе Покрове Бельского уезда, где Поль стал управлять «заведенной стальной фабрикой»[215]. Поль просил смоленского губернатора выдать ему законный вид

[213] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109. 1813 г. Л. 1 об.
[214] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109. 1813 г. Л. 1 об.
[215] Там же. Л. 4.

на жительство. За справкой «в справедливости показаний Поля» 27 сентября 1813 года барон Аш обратился к московскому губернатору[216]. Дальнейшая судьба Поля неизвестна. Документы архивных дел, связанные с восстановлением утраченных видов на жительство, позволяют судить об алгоритме действий властей в этом случае – это наведение справок в государственных учреждениях и поиск свидетелей.

В 1814 году срок действия видов на жительство для иностранцев был увеличен до года[217], а до этого иностранцы снабжались срочными видами, возобновляемыми каждые 6 месяцев. Комитет министров утвердил единые формы видов на жительство (см. Приложение 7) и на переезд иностранцев внутри империи (см. Приложение 8).

Документы стали оформлять на обычной, а не на гербовой бумаге. В них с 1 января 1815 года обязательно указывались приметы иностранца. В билетах «на пребывание» упоминалось, по какому паспорту иностранец прибыл в Россию. В циркуляре Главнокомандующего в Санкт-Петербурге и министра полиции С.К. Вязмитинова от 7 октября 1814 года за № 736, рассылаемом в связи с этим губернаторам, говорилось: «Но как в сих видах означалось токмо подданство, имя и прозвание иностранца, без показания каких либо личных наружных отличительностей, то от сего, по большому теперь стечению в Россию иностранцев, могут произойти ощутительные злоупотребления и помешательства, ибо один легко может воспользоваться билетом другого»[218].

На гербовой бумаге выполнялись только загранпаспорта. Как только подходил срок окончания действия вида на жительство, иностранец должен был обратиться с прошением на имя губернатора той губернии, где проживал, а

---

[216] Там же. Л. 2–2 об.

[217] Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – вторая половина XIX веков). М.: Academia, 2007. С. 52. Годовой срок действия билетов на жительство был подтвержден в Уставе о паспортах. – ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 129. 1844 г. Л. 12.

[218] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. 1814 г. Л. 326.

новый вид высылался из канцелярии губернатора в уездный суд, где иностранец получал его под расписку[219].

1 мая 1815 года по инициативе С.К. Вязмитинова Комитет министров заслушал его записку «о правилах относительно выдачи паспортов на въезд в Россию» и принял во внимание содержащиеся в ней предложения: 1) выдавать паспорта лишь тем иностранцам, «о коих получатся представления от пребывающих в чужих краях Министров и Агентов наших», 2) эти последние обязаны по поручению управляющего Коллегией иностранных дел заботиться о «предварительном разведывании на счет нравственности и намерений тех людей». Те же иностранцы, которые уже прибыли на границу России до этого распоряжения и в отношении которых не было подозрений, должны были получить паспорта на въезд на территорию империи[220]. Указ государя по данному вопросу последовал 10 июля 1815 года[221].

В 1815 году было предложено провести на местах перепись иностранцев, не принявших подданство России. Для чего на местах полиция (земская и градская по губерниям) должна была собрать необходимые сведения (по городам списки на основе данных полиции и самих паспортов должны были составить магистраты). Дворяне обязаны были представить ревизские сказки о находившихся у них колонистах в Казенную палату[222]. Подобные документы сохранились по Минской губернии. «Ревизская сказка… о иностранцах мужеска и женска пола» г. Минска, датированная августом 1816 года, включала 88 человек с конкретными персональными сведениями, а также содержала информацию об изменениях, произошедших после прежней ревизии 1811 года. В документе, заполненном по форме, фиксировался состав семьи иностранца с указанием членов его семьи (жены и детей), их имена, возраст по последней ревизии и «ныне на лицо», факт временной отлучки («с которого времени») или

---

[219] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. 1825 г. Л. 471 об.
[220] АВПРИ. Ф. 1. Разряд II. Оп. 23. Д. 7. 1817 г. Л. 6–6 об.
[221] Там же. Л. 8.
[222] Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX вв.) / сост. И.Л. Вернер. Минск: Типография Макарова и К, 2012. С. 23–26.

выбытия с указанием года и причины (в связи со смертью, побегом, отъездом). Упоминались в «сказке» и пропущенные по прежней ревизии или причисленные к мещанам после нее[223].

По Именному указу Правительствующему сенату указу 13 февраля 1817 года «О правилах для пропуска чрез границы России иностранцев и разного звания людей, как приезжающих, так и отъезжающих» приезжающие из-за границы иностранцы должны были иметь паспорта «от министров и других агентов наших, при иностранных державах находящихся». Если же иностранцы прибыли из тех мест, где российских миссий нет, они должны иметь «паспорты от губернаторов тех мест или главных начальников». Для пограничных с Россией держав эти правила вступали в силу через два месяца, а для более отдаленных государств – через четыре месяца после опубликования указа[224]. При выдаче документа чиновники посольств и миссий должны были убедиться, «нет ли какого-либо подлога в именах, желающих в Россию приехать», по какой причине иностранцы хотят побывать в империи («по торговым делам или же к поездке сей побуждает одно любопытство»), «нет ли сомнений в нравственности» («не привержен ли к партии пронырливой и вредной»)[225]. Списки лиц, получивших право въезда, отсылались в Министерство иностранных дел каждые 2 недели[226]. О выдаче паспортов отъезжающим за границу иностранцам военные губернаторы или генерал-губернаторы, имевшие на это полномочия, а при отсутствии этих должностных лиц гражданские губернаторы обязаны были ставить в известность Министерство полиции[227]. Особо строго правила должны были соблюдаться в отношении к прусским и австрийским подданным (в соответствии с российскими соглашениями с Берлинским и Венским дворами)[228].

---

[223] Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX вв.)... С. 400–403.
[224] АВПРИ. Ф. 1. Разряд II. Оп. 23. Д. 7. 1817 г. Л. 43.
[225] Там же. Л. 28 об.
[226] Там же. Л. 30.
[227] ПСЗ-1. Т. XXXIV. № 26674. Ссылка на данный указ – АВПРИ. Ф. 161.II–19. Оп. 93. Д. 2. 1836 г. Л. 5.
[228] ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 86. 1817 г. Л. 2.

Российское правительство, реагируя на рост численности иммигрантов, предупреждало правительства иностранных государств и их представительства о том, чтобы в Россию ехали лишь те, «кто благодаря своим средствам и труду может извлечь выгоду из возможностей, предоставляемых им, и кто в состоянии обеспечивать свое существование самостоятельно, не находясь на иждивении государства»[229]. В случае же, если деятельность иммигрантов оказывалась полезной, способствовала развитию новых отраслей и технологий, они могли рассчитывать на вознаграждение.

Даже в случае, если предложение иностранца отвергалось, он мог компенсировать затраты на свой приезд и отъезд из России. Так произошло еще до начала военной кампании 1812 года с капитаном швейцарской службы Иоганном Каспаром Бодмером, уже бывавшем в Российской империи (он состоял на русской службе в 1802–1806 годах). В 1811 году И.К. Бодмер обратился с просьбой рассмотреть вопрос о покупке у него изобретения брата, механика И.Г. Бодмера – бронзовой пушки «с нарезным стволом, заряжавшейся с казенной части и стрелявшей разрывными снарядами, детонировавшими при соприкосновении с препятствием. Орудие также имело усовершенствованный прицел, учитывавший угол расположения на неровной поверхности»[230].

Однако после рассмотрения представленной модели русскими специалистами из Ученого комитета по артиллерии последовал отказ, мотивированный отсутствием реальной пушки, особенностями конструкции и высокими требованиями к металлу при ее производстве. К тому же «цена вопроса» была очень высокой и составляла первоначально 25 тысяч дукатов (в России эта монета в 3,4 г золота называлась червонцем), впоследствии была уменьшена просителем вдвое и все же оставалась значительной. Выяснились и

---

[229] Из Ноты поверенного в делах России в Швейцарии П.А. Крюденера Федеральной директории от 27 марта (8 апреля) 1817 года. – Россия – Швейцария – Russie – Suisse – Russland – Schweiz. 1813–1955. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 1995. С. 35.

[230] Игошин К.Г. «Испрашиваемая им награда… Признается весьма несоразмерною» // Военно-исторический журнал. 2012. № 11. С. 36.

некоторые обстоятельства, говорящие не в пользу швейцарца: он уверял, что сможет более выгодно продать изобретение французам или англичанам, но в действительности уже получил в 1810 году отказ от французского правительства[231]. Предложение И.К. Бодмера было отвергнуто и в России, но Александр I пожаловал швейцарскому капитану 200 червонцев и дал указание предоставить документы и курьерскую подорожную для возвращения на родину[232]. Впоследствии нарезные бронзовые орудия в России появятся только в 1858 году, а те из них, что будут заряжаться с казенной части, – в 1867 году[233].

В отличие от отрицательного решения относительно инициативы Бодмера российские власти заинтересовались предложениями «сырного мастера» из кантона Гларус Иоахима Лейтцингера, изложенными им в 1815 году. Швейцарский мастер уже с 1810 года владел сыродельней в Петербургской губернии. В декабре 1815 года в своем прошении министру внутренних дел О.П. Козодавлеву сыровар предложил расширить производство, получив привилегию самостоятельно избрать ту территорию империи, где лучше изготавливать изобретенный им сорт зеленого сыра (с добавлением трилистника).

Насколько серьезно отнеслись власти к инициативе швейцарца, свидетельствует тот факт, что ее рассматривали на заседании Комитета министров 25 апреля 1816 года, а представленные Лейтцингером пробы сыра («белого и зеленого») были признаны «весьма хорошего качества». В результате министру внутренних дел рекомендовали удовлетворить просьбу сыровара[234]. При подготовке вопроса к рассмотрению Комитетом министров О.П. Козодавлев 11 апреля 1816 года изложил свое «мнение». Он признал нецелесообразным применение к сыроварам Высочайшего манифеста от 1 января 1807 года, посвященного иностранным гостям и купцам, так как это предполагало значительные подати, а сыроваренное производство небольшое, и

---

[231] Игошин К.Г. Указ. соч. С. 37.
[232] Там же. С. 38.
[233] Там же. С. 37.
[234] РГИА. Ф. 1285. Оп. 3. Д. 285. 1815 г. Л. 3–4.

доход от него достигается «единственно от знания приемов, в других землях употребляемых»[235]. Потому по предложению министра внутренних дел к сыроделам следовало применять Высочайший манифест от 22 июля 1763 года и другие постановления о колонистах. Тем самым предоставлялись права на устройство производств, свободу выезда из России[236]. Следовало не облагать «никакою податью» учреждаемые иностранцами «у нас заведения, относящиеся до сельского хозяйства, и каковые свойственны простым поселянам»[237]. Это мнение было поддержано Комитетом министров, так как распространение сыроделия в России признавалось весьма желательным[238]. Оно открывало возможности для выгодной переработки молока и организации нового производства, ориентированного на рынок (изготовление твердых сыров в Российской империи тогда только начиналось, а в Швейцарии уже имело многовековые традиции)[239].

Поэтому, когда И. Лей[т]цингер в июле 1819 года в новом своем прошении к министру внутренних дел не только описал технологию производства зеленого сыра, но и ходатайствовал о помещении двоих его сыновей в Горный корпус за казенный счет[240], его желание было выполнено к январю 1820 года. Даже несмотря на то, что все казенные места в учебном заведении к тому времени были заняты, а следовательно, потребовались переписка министров внутренних дел и финансов, соответствующий доклад государю и его Высочайшее повеление[241].

---

[235] РГИА. Ф. 1285. Оп. 3. Д. 285. 1815 г. Л.5.
[236] Там же. Л. 5 об.–6.
[237] Там же. Л. 6 об.
[238] Там же. 6–6 об.
[239] Тихонова А.В. Швейцарские сыроделы: у истоков российского сыроварения // Вопросы истории. 2012. № 3. С. 110–119; Она же. Швейцарское сыроделие в XIX веке: секреты рождения международного бренда // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25). Часть 1. С. 182–185.
[240] РГИА. Ф. 1285. Оп. 3. Д. 285. 1815 г. Л. 15 об.
[241] Там же. Л. 26.

С 1819 года Министерство полиции («Министерство шпионажа», по выражению князя В.П. Кочубея[242]) было упразднено. Его аппарат был включен в Министерство внутренних дел вместе с Особенной канцелярией[243], министром внутренних дел был назначен князь В.П. Кочубей, а Особенную канцелярию возглавил М.Я. фон Фок, который к этому времени уже имел необходимый опыт: с декабря 1811 года он был помощником правителя Особенной канцелярии Министерства полиции, а с 26 марта 1813 года был назначен правителем этой канцелярии[244], поэтому вполне логичным шагом стало назначение его руководителем Особенной канцелярии МВД[245]. Она осуществляла надзор за иностранцами и контроль за паспортной системой. Подтверждались «Правила о въезде иностранных подданных в Россию», в которых подчеркивалась ответственность Министерства внутренних дел и подчинявшихся ему губернаторов за иностранцев, получивших право передвижения по территории империи.

Иностранный подданный, пересекший границы России, должен был явиться к губернскому начальству в ближайший город и получить билет для проезда по территории империи. «Начальникам губерний пограничных поставить в обязанность, в случаях, есть ли как бы то ни было дойдут до них сведения, могущие подать повод к сомнениям на щет иностранца, в пределы наши прибыть намеревающегося, хотя бы он и предъявил правильный на прибытие паспорт, отказывали ему под благовидным предлогом в выдаче билета на дальнейшее следование внутрь Государства, и задержа его таким образом во вверенной им Губернии, предоставляли о том немедленно Министерству Внутренних Дел, с присовокуплением паспорта, с коим прибыл

---

[242] Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982. С. 15.

[243] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Третий Рим, 1997. С. 152.

[244] Война 1812 года и русское общество («Осведомительные письма» тайной полиции) / публ. С.Н. Искюля // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения / отв. ред. С.Я. Карп. М.: РГГУ, 2001. С. 245–246.

[245] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Третий Рим, 1997. С. 152.

и причин к сей мере их понудивших, и ожидали разрешения, учредя между тем за таковым иностранцем надлежащий под рукою надзор»[246].

Если иностранцы подвергались надзору полиции, согласно Высочайшему повелению, объявленному начальником Главного штаба 26 октября 1822 года, «то о выдачи им [паспортов на проживание или переезд внутри империи следовало] испрашивать наперед разрешения от Министерства внутренних дел, с изъяснением, по каким именно причинам, кто подозревается или под надзором полиции состоит»[247]. В паспортах же, «по домогательству Прусского правительства», было предписано обозначать приметы иностранных подданных[248].

Из числа всех иностранцев особую тревогу правительства вызывали учителя и гувернеры, несмотря на то, что именно у них обучались представители российской элиты и правящей династии (достаточно вспомнить воспитателя Александра I швейцарца Лагарпа)[249]. Еще в 1810 году предложение установить контроль за иностранными наставниками высказал министр народного просвещения граф А.К. Разумовский. 19 января 1812 года Александр I утвердил «мнение министра» о необходимости требовать с иностранных учителей письменных свидетельств об их способностях и знаниях. Их выдавало русское училищное начальство[250]. Первоначально

---

[246] ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 86. 1817 г. Л. 10–11.
[247] Там же. Л. 46.
[248] Там же. Л. 92.
[249] Александр I вынашивал планы широкомасштабных преобразований системы народного просвещения, стремясь реформировать ее с учетом европейского опыта. Император планировал увеличить количество российских педагогов, получивших образование в отечественных университетах. Путем внедрения ланкастерских школ предполагалось решить задачу организации начального обучения, используя систему, заимствованную из Англии. Об этом см.: Орлов А.А. «Школы для всех». Ланкастерская система обучения в России в первой четверти XIX века (1814–1826 гг.). М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. 200 с.; Он же. Из истории реформирования народного образования в России в XIX веке: опыт внедрения ланкастерской системы обучения // Этнодиалоги. Научно-информационный альманах. 2012. № 4 (41). С. 208–221; № 1(42). С. 150–168; Он же. Ланкастерские школы в России в начале XIX века // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2013. № 1. С. 11–20; № 2. С. 9–23.
[250] Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 51.

свидетельство было бесплатным для иностранных педагогов, а с 20 февраля 1823 года они обязаны были при его получении оплачивать 50 рублей в качестве обязательного сбора[251].

Если подозрения в нелояльности к российским властям или в нарушении законодательства империи[252] подтверждались, иностранец высылался из России. Примером может служить секретное предписание управляющего Министерством внутренних дел В.С. Ланского смоленскому гражданскому губернатору от 13 декабря 1824 года за № 893. В документе говорилось: «Г. Генерал от артиллерии граф Алексей Андреевич Аракчеев сообщил мне, что Московский г. Военный генерал-губернатор уведомил его: что в следствие вышедших в доме покойного генерал-майора Творогова неприятностей от иностранцов, бывшего гувернером при сыне его, поручика Мейера и родственника сего последнего, Гинденланга, решился он удалить сих иностранцов из России, поелику Мейер, находясь и прежде под присмотром полиции, всего менее был достоин заниматься воспитанием русских дворян, и дабы сим средством предостерег тех, кои, по легковерию к иностранцам, не редко вручают детей своих надзору и воспитанию людей, всего менее того достойных, что родственник Мейера, Гинденланг, имея коммерческие дела, должен был и по оным оставить Москву; и на конец, что оба сии иностранца, получив от него, князя Голицына, заграничные паспорты, выехали из Москвы.

Но ныне Г-жа Творогова известила графа Алексея Андреевича, что по слухам до нее дошедшим, Мейер отправился в Смоленск и поместился учителем»[253].

---

[251] Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 53.

[252] Таким нарушением могла быть, например, принадлежность к масонской ложе, так как Именным указом Александра I, данным управляющему Министерством внутренних дел князю В.П. Кочубею от 1 августа 1822 года тайные общества, «из коих иные под наименованием Лож масонских», были запрещены. – ПСЗ-1. Т. XXXVIII. № 29151. Не случайно, копия данного документа встречается среди переписки вдовствующей императрицы Марии Федоровны по вопросам деятельности учебных заведений. – ГАРФ. Ф. 663. Оп. 1. Д. 21. Л. 47.

[253] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. 1824 г. Л. 1001–1002.

Это сообщение должно было насторожить смоленского губернатора, так как появление на вверенной ему территории опасного иностранца накладывало на местные власти большую ответственность и требовало адекватных действий: «отыскать поручика Мейера, обязать его подпискою, чтобы он непременно, под опасением законного преследования, тотчас выехал бы из России, на основании выданного ему в Москве паспорта, с коим он в пределах наших [пребывать] более права не имеет»[254]. Документ этот поступил в канцелярию смоленского губернатора из Особенной канцелярии Министерства внутренних дел 22 декабря 1824 года, и на нем была сделана помета: «К исполнению»[255]. Неизвестно, прибыл ли Мейер в Смоленскую губернию или нет, однако губернатор сделал городским и уездным полициям необходимые распоряжения о действиях в случае появления этого «горе-учителя».

Высылке подвергались и представители религиозных орденов, которых подозревали в нелояльности к правительству и негативном влиянии на юношество. Примером может служить Высочайше утвержденный доклад министра духовных дел и народного просвещения «О высылке из России Иезуитов и о упразднении Полоцкой Иезуитской Академии и подведомственных ей Училищ» от 13 марта 1820 года[256]. Тем не менее запрещение деятельности иезуитов не означало распространения этого запрета на все католические общины, существовавшие на территории Российской империи.

Согласно «Уставу о предупреждении и пресечении преступлений» (Свод Законов Российской империи. 1832 г. Т. XIV) при выдаче российскими миссиями и консульствами паспортов духовным лицам, едущим в Россию, обязаны были «требовать от них письменного объявления, что они не принадлежат и не принадлежали к иезуитскому ордену, и о таковых

---

[254] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. 1824 г. Л. 1001–1002.
[255] Там же. Л. 1001.
[256] ПСЗ-1. Т. XXXVII. № 28198. О влиянии на это решение императора Александра I Ф.-С. Лагарпа: Инглот М., S.J. Александр I, Фредерик-Сезар де Лагарп и изгнание иезуитов из Российской империи // Россия и иезуиты. 1772–1820 / отв. ред. М. Инглот, S.J., Е.С. Токарева. М.: Наука, 2006. С. 266–284.

объявлениях упоминать не только в донесениях Министерству иностранных дел, но и в самих паспортах»[257].

Надзор за иностранцами мог быть вызван не только проступками конкретного лица, но и его принадлежностью государству, находившемуся в международном конфликте. Так, по секретному предписанию управляющего Министерством внутренних дел губернаторам от 26 января 1825 года следовало, исполняя Высочайшее повеление, провести розыск тех «неополитанских подданных, коим запрещен въезд в Отечество их, частию по той причине, что они принимали участие в последней Гишпанской войне, частию же потому, что они изгнаны были из Королевства Неаполитанскаго, или посланы в ссылку». Если бы эти люди были найдены на российской территории, их следовало «немедленно принять под бдительный надзор местной Полиции» и «с первою почтою» уведомить об этом управляющего Министерством внутренних дел[258].

В сентябре 1825 года новое предписание Особенной канцелярии МВД касалось греков, которые, как «азиатские христиане», на основании Высочайшего повеления, не допускались в столицу и должны были быть высланы в свое отечество[259]. После окончания наполеоновских войн Александр I, будучи сторонником доктрины легитимизма, не считал нужным поддерживать греков в их антитурецких выступлениях, несмотря на то, что такая позиция императора противоречила российским общественным ожиданиям в пользу греков.

Циркуляры губернаторам из Особенной канцелярии МВД касались и иностранных аферистов, и иностранцев, находящихся под следствием на родине. Об этом ходатайствовали иностранные послы, обращаясь с соответствующими просьбами в Министерство иностранных дел, а последнее ставило в известность управляющего Министерством внутренних дел. Один из

---

[257] АВПРИ. Ф. 161. II-19. Оп. 93. Д. 4. 1835 г. Л. 36 об.
[258] АВПРИ. Ф. 161. II-19. Оп. 93. Д. 5. 1825 г. Л. 205–206.
[259] Там же. Д. 29. 1825 г. Л. 500.

таких циркуляров от 26 декабря 1823 года за № 847, распечатанный типографским способом для рассылки по губерниям, получил смоленский гражданский губернатор И.С. Храповицкий. В нем говорилось, что «Французский Посол Граф де ла Ферроне сообщил Г. Управляющему Министерством Иностранных дел, что Лионский уроженец Юлий Бинар (Lules Binard) сделавшийся несостоятельным по торговым делам своим, выехал скрытным образом из Франции неудовлетворив своих заимодавцев и поселился назад тому несколько лет под именем Жулиена в России, где имеет в управлении своем фабрику шелковых товаров находящуюся в хорошем состоянии. Сему Бинару Жулиену около тридцати лет от роду и он часто пишет отцу своему, жительствующему в Лионе, но в каковом именно месте имеет свое пребывание, о том неизвестно.

Граф де ла Ферроне по повелению Правительства своего, просит о принятии мер к отысканию местопребывания сего Иностранца»[260].

Исполняя это «домогательство Французского Посла»[261], граф К.В. Нессельроде просил управляющего Министерством внутренних дел В.С. Ланского сделать соответствующие распоряжения. Ланской предписывал произвести розыск места жительства иностранца Жулиена в губерниях России, в том числе и на Смоленщине, и уведомить его о результатах[262].

Получив подобный циркуляр, губернатор рассылал уездным исправникам и городничим предписание о розыске на вверенной им территории иностранца, а затем получал от них рапорты, проживает ли таковой в уезде или городе или его «не имеется». После сбора всех рапортов губернатор уведомлял Особенную канцелярию МВД об итогах розыска.

В столицах в подобном розыске могли помочь документы управ благочиния, где регистрировались билеты иностранцев (как проезжавших, так и проживавших в столицах). В фонде Московской управы благочиния Центра

[260] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. 1824 г. Л. 5.
[261] Там же.
[262] Там же.

хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива города Москвы сохранились книги для записи билетов, коллекции самих билетов иностранцев за 1814–1820-е годы[263]. В книгах для записи иностранцев, приезжающих в Москву и проезжающих через Москву, записывались следующие данные: дата явки иностранца в палату благочиния, его имя и подданство, профессия, документ, на основании которого он путешествовал по России, место, куда направлялся, а также автограф иностранного подданного, если он самолично, а не через доверенное лицо, получал билет обратно. Так, об архитекторе, швейцарце Пьетро Мадерни из книг записи билетов иностранцев Московской палаты благочиния следует, что 7 сентября 1818 года он прибыл в Москву по билету санкт-петербургского обер-полицмейстера за № 336, данному ему для проезда в Полтавскую губернию и обратно. «Мадерни Петр швейцарский подданный города Лугано каменных дел мастер» лично получил свой билет и расписался «Петр Мадерни»[264]. Этот архитектор работал у графа Милорадовича в Полтавской губернии, известен как руководитель строительства в 1826–1828 годах Александро-Невской заводской церкви в Петрозаводске (Карелия), ныне являющейся кафедральным собором Александра Невского[265].

Одни и те же иностранцы, занимавшиеся торговлей, могли фиксироваться в книгах многократно. Например, швейцарский купец Жорж Перего, как ездивший из Петербурга в Москву и обратно «по торговым делам» и предъявлявший «паспорт» от санкт-петербургского обер-полицмейстера, указан в книге записи билетов 17 сентября 1818 года, 17 марта 1819 года, 21 февраля

---

[263]Центр хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 года ЦГА Москвы, бывший Центральный исторический архив Москвы). Ф. 105. Оп. 4. Д. 111–116. 1814 г.; Д. 250–262. 1815 г.; Д. 641–644. 1816 г.; Д. 934. 1817 г.; Д. 1091–1095. 1818 г.; Д. 1609–1612. 1822 г.; Д. 1986–1988, 2051–2051. 1818 г.; Д. 2227. 1820 г.; Оп. 5. Д. 65. 1821 г.

[264] ЦХД до 1917 года ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 4. Д. 2051. 1818 г. Л. 15.

[265] Петрозаводская и Карельская епархия. История кафедрального собора св. благоверного кн. Александра Невского. URL: http://nevsobor.karelia.ru/istoria-sobora.html (дата обращения 28.07.2013).

1820 года[266]. «Для приискания места» иностранцы активно посещали не только столицы, но и провинцию. Так, баденский подданный Александр Рейзле в 1818 году побывал не только в Санкт-Петербурге, но и в Новгородской, Тверской, Московской, Ярославской и Смоленской губерниях[267]. Это свидетельствует о том, что при признании благонадежности иностранца он получал достаточную свободу передвижения по территории Российской империи.

Таким образом, после войны 1812 года и заграничных походов русской армии в паспортный режим Российской империи были внесены существенные изменения: до года был продлен срок действия билетов для иностранцев, введены единые формы для видов на жительство и при переезде из одной губернии в другую. Надзор за иностранцами был передан Министерству внутренних дел в связи с упразднением Министерства полиции. По вопросам, связанным с иностранцами, взаимодействовали министерства иностранных дел и внутренних дел, Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Губернаторы, опираясь на местную полицию, пытались контролировать ситуацию с иностранцами на вверенных им территориях.

Оценивая систему надзора за иностранными подданными гражданских профессий, можно констатировать, что она с поставленными перед ней задачами в целом справлялась. Верховная власть в лице императора Александра I уделяла внимание созданию и реформированию органов управления, руководивших надзорными мероприятиями в стране. Начиная с российских миссий и консульств за рубежом и заканчивая местными административными органами на территории империи, эти учреждения направляли свои усилия на то, чтобы иностранцы, которые прибыли в Россию, работали на ее благо и не представляли для монархии политической опасности. Действовавшая при Александре I система отслеживания неблагонадежных лиц из числа подданных других государств будет совершенствоваться в годы правления Николая I.

---

[266] ЦХД до 1917 года ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 4. Д. 2051. Л. 16, 22, 52.
[267] Там же. Л. 1.

ГЛАВА III. ДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ ПОСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

§ 1. Военнопленные Великой армии Наполеона как объект российской политики

С началом военной кампании 1812 года российские власти всех уровней не только обязаны были решать сугубо военные вопросы, но и столкнулись со сложнейшей проблемой, требующей постоянного внимания, – это военнопленные Великой армии Наполеона: их содержание, размещение, возвращение на родину. Появление на территории России значительного числа иностранцев вынуждало власти к быстрому реагированию на меняющуюся в ходе войны ситуацию, хозяйственные и социальные проблемы послевоенного времени. Правительству приходилось рассматривать и условия предоставления иностранным пленным права остаться в Российской империи.

С проблемами военнопленных наполеоновской армии российским властям пришлось столкнуться еще в 1806–1807 годах. По мнению В.А. Бессонова, нормативно-правовые документы, связанные с содержанием пленных, во многом стали основой позднейшего законодательства 1812–1813 годов[1]. История появления и пребывания на российской территории пленных в результате военной кампании 1806–1807 года имела много общего с ситуацией, сложившейся после Отечественной войны 1812 года. В обоих случаях необходимо было решать вопросы размещения, перемещения в глубь России (в губернии, «лежащие позади Казани»[2]), обеспечения пленных кровом, одеждой, суточным содержанием, улаживать конфликты и т.д. Тогда также возникали сложности со своевременным получением информации, финансированием партий, происходили нестыковки в маршрутах передвижения и распределения

---

[1]Бессонов В.А. Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы VII Всероссийской научной конференции. Бородино, 1999. С. 12–23.

[2]Миловидов Б.П. Военнопленные армии Наполеона в России в 1806–1807 гг. // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814. Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 9.

военнопленных по губернским городам, были проблемы с комплектованием конвойных команд, проявления злоупотреблений со стороны конвоя, бюрократические проволочки при решении вопросов о вступлении пленных в российское подданство и т.д.

В 1806–1807 годах Смоленск являлся важным пересылочным пунктом и местом пребывания военнопленных[3]. В переписке смоленского военного губернатора С.С. Апраксина с министром внутренних дел В.П. Кочубеем упоминаются пленные офицеры, находившиеся в Смоленске (Ф.П. де Сегюр, Ж. Кистер, А. Брюан, Г. Гимри, Дюлон, О. Лагранж и др.), и позже, в течение января – июля 1807 года, направленные в Казань, Вологду, Кострому, Калугу. Партии пленных в 1807 году были размещены также в Симбирске, Перми, Вятке, Пскове. По Тильзитскому мирному договору, подписанному 25 июня (7 июля) 1807 года и утвержденному 27 июля (9 июля), военнопленные с обеих сторон возвращались «без размена и все вместе»[4]. Они вынуждены были вновь проходить по территории Смоленской губернии, двигаясь к Минску и далее к границе[5].

Стоит отметить существенные отличия в ситуации 1806–1807 годов по сравнению с 1812 годом, которые были связаны с гораздо меньшей численностью пленных в первом случае. Согласно итоговой ведомости о движении пленных, составленной 20 июля 1807 года, пленных насчитывалось 6316. Эта цифра неточна, по обоснованному мнению Б.П. Миловидова, она составляла до 6654 человек[6]. Это в десятки раз ниже цифр 1812 года. При этом умерших в госпиталях к 1808 году было всего 776 человек[7].

Кампания 1806–1807 годов не велась на российской территории, в то время как в 1812 году в результате военных действий экономика центральных губерний, где и находилось затем подавляющее число пленных, была

---

[3] Миловидов Б.П. Военнопленные армии Наполеона в России в 1806–1807 гг. С. 14–15.
[4] Цит. по: Там же. С. 33.
[5] Там же. С. 45.
[6] Там же. С. 46, 47.
[7] Там же. С. 48–49.

разрушена. Кроме того, можно с уверенностью утверждать, что и сами военнопленные 1806–1807 года находились не в таком плачевном состоянии, как в 1812 году, смертность среди них была редким явлением, они не занимались мародерством и т.п.

Отечественная война 1812 года, несомненно, стала серьезным испытанием, вынудившим российские власти решать множество проблем, связанных с развертыванием на территории Российской империи военных действий. Непосредственно перед началом и в первые дни войны российским военным и гражданским чиновникам уже пришлось заниматься перебежчиками и дезертирами из Великой армии. Первоначально отношение к ним было вполне лояльным. Так, «валтижер войск французских» Масле 4 июня 1812 года получил билет Виленского гражданского губернатора за № 5307 и 12 июня 1812 года по открытому повелению минского гражданского губернатора (вследствие предписания военного министра, Главнокомандующего 1-й Западной армией М.Б. Барклая де Толли) был отправлен в Смоленск с другими дезертирами-поляками в сопровождении русских унтер-офицеров. При этом в открытом повелении минского гражданского губернатора особо предписывалось, чтобы «как градские, так и земские полицейские в случае необходимости оказывали им вслед должное пособие, равно отводили на ночлегах квартиру, а по прибытии в Смоленск, представить их к тамошнему г. Гражданскому губернатору»[8]. Масле прибыл в Смоленск и 11 июля 1812 года получил билет № 4687, удостоверяющий в том, что «предъявитель сего выходец французский Масле, доставленный … вследствие приказания Г-на Главнокомандующего 1-ю Западною армиею военного министра [определен] на жительство в город Смоленск».

31 июля 1812 года дезертирам французской армии Людангу Гнуту, Пьеру Лимузу, Иплену Виоле и прусскому гусару Фридриху Штихову, а 2 августа – еще одному прусскому дезертиру Иогану Подивингу, как добровольно сдавшимся, были выданы билеты от смоленского губернатора, при

[8] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. 1812 г. Л. 21.

предъявлении которых дезертиры могли получить «пашпорта… для свободного избрания рода жизни во внутренних губерниях России исключая столицы»[9]. В первые же месяцы войны дезертиры появились и в Пскове: 3 июля 1812 года прибыли 5 рядовых французской службы, присланных из 1-й русской армии с паспортами литовского генерал-губернатора А.М. Римского-Корсакова. В июле 1812 года, согласно отношению директора госпиталей полковника лейб-гвардии Преображенского полка Г.Г. Белоградского к исправлявшему должность гражданского губернатора Ренненкампфу, в Псков были отправлены 12 дезертиров. Французам губернское правление должно было выдать паспорта для свободного проживания в России, а немцев следовало отправить в Ревель, где шло формирование Русско-германского легиона[10]. К 15 июля 1812 года в рапорте командира псковского гарнизонного батальона майора Эльдерна псковскому губернатору сообщалось, что в губернском городе уже находятся 17 дезертиров и 34 пленных[11]. Дезертирство в начале войны вряд ли было массовым явлением. С 23 июня по 3 сентября 1812 года комендантом Главной квартиры 1-й Западной армии в тыл было отправлено 66 дезертиров[12]. По сведениям, которые были присланы губернаторами на имя императора, в 44 губерниях до 15 февраля 1813 года находилось только 44 дезертира, при

---

[9] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. 1812 г. Л. 34.

[10] Миловидов Б.П. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в июле–октябре 1812 г. // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г. Саратов, 2002. С. 207–216. URL: http://adjudant.ru/capitave/mil05.htm. Об истории легионов из военнопленных см.: Апухтин В.Р. Формирование легионов из пленных французов, итальянцев и голландцев в Орле в 1812–1813 гг. Вып. 1. М., 1913; Бессонов В.А. Легион из французских, итальянских и голландских военнопленных // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004. С. 406; Миловидов Б.П. История орловских легионов из военнопленных. 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. VI / Труды ГИМ. Вып. 166. М., 2007. С. 186–199.

[11] Там же.

[12] Бессонов В.А. Военнопленные 1812 г. в России // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814. Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 78.

этом подавляющее большинство их были обозначены в Подольской – 41 и только 3 человека – в Оренбургской губернии[13].

Данные о численности военнопленных Великой армии весьма противоречивые и уточняются до сих пор. В.А. Бессонов полагает, что в результате войны 1812 года на территории Российской империи оказалось 110 тысяч военнопленных и 60 тысяч из этого числа умерло к началу 1813 года (54,5%!)[14]. Прежде высказывались иные точки зрения: В.Г. Сироткин указывал 140–150 тысяч «организованных» (в лагерях) и 50–60 тысяч «неорганизованных» («шаромыжников», от французского обращения cherami – «дорогой друг») военнопленных[15]. М. Любавин в своей статье приводит другую цифру – 196 975 военнопленных[16], А.И. Попов указывает, что из 560-тысячной наполеоновской армии в декабре 1812 года Россию покинуло приблизительно 100 тысяч человек[17].

В Смоленской губернии, по сведениям к 15 февраля 1813 года, находилось 699 военнопленных, из них 548 нижних чинов, 149 обер-офицеров и 2 штаб-офицера. При этом Смоленская губерния к этому моменту не была в числе «лидеров» по численности военнопленных (из 44 губерний она оказалась на 19-й позиции, в первую пятерку вошли Саратовская, Виленская, Минская, Витебская и Киевская губернии). Зато по числу умерших военнопленных к 15 февраля 1813 года среди 44 губерний Смоленская оказалась на первом месте – 7729 человек, из них 7680 нижних чинов, 48 обер-офицеров и 1 штаб-офицер. Помимо Смоленщины в этом печальном списке лидировали Минская,

---

[13] Бессонов В.А. Численность военнопленных 1812 года в России // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы X Всероссийской научной конференции. М., 2002. С. 18–38. Приложение I.

[14] Бессонов В.А. Военнопленные 1812 г. в России // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 78; Бессонов В.А. … Не считая шаромыжников. Численность военнопленных 1812 года в России // Родина. 2002. № 8. С. 59.

[15] Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 185.

[16] Любавин М. Пленные 12-го года // Нева. 1987. № 9. С. 195.

[17] Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара: НТЦ, 2012. С. 308–309.

Витебская, Могилевская, Тверская и Московская губернии[18]. Высокая смертность не случайна: на территории этих губерний велись активные военные действия, следовательно, было большое число тяжелораненых. Быстрое изменение ситуации (с численностью пленных, снабжением, эпидемиологическим фоном) требовало от властей значительных материальных вложений и быстрых, без чиновничьей волокиты, решений. При этом количество пленных значительно превышало возможности разоренных войной губерний[19].

В Смоленской губернии, по неполным данным госпитальных ведомостей о расходе продовольствия с 28 января по 7 апреля 1813 года, было учтено 8495 военнопленных[20]. Из документов канцелярии смоленского губернатора (тетрадей выдачи порционных денег в госпиталях, списков прибывающих в Смоленск и выбывающих на родину, разнообразной делопроизводственной переписки) за период с 1812 по 1815 год были установлены именные сведения о 827 иностранных военнопленных. Среди них преобладали французы, но были и поляки, австрийцы, саксонцы, прусаки, вестфальцы, голландцы, испанцы, итальянцы.

С началом военной кампании 1812 года военнопленные, согласно «Учреждению для управления большой действующей армией» от 27 января 1812 года, поступали в ведение штаба армии[21]. При Главном штабе было создано Дежурство армии (во главе с дежурным генералом), второе отделение которого ведало полицией армии и занималось вопросами военнопленных. Под началом дежурного генерала находился генерал-гевальдигер (военный полицмейстер), комендант и конвой Главной квартиры. В 20-х числах июня 1812 года для дежурного генерала было разработано постановление о

---

[18]Бессонов В.А. Численность военнопленных…; Он же. Военнопленные 1812 г. в России // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 114.

[19] Миловидов Б.П. Военнопленные в Псковской губернии в конце 1812 – начале 1813 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. VIII / Труды ГИМ. Вып. 181. М., 2009. С. 197–221.

[20] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 214. 1813 г. Л. 1–3 об., 9–12.

[21] ПСЗ-1.Т. XXXII. № 24975.

содержании военнопленных, четко зафиксировавшее суммы порционных денег, выдаваемых помимо провианта пленным в зависимости от чина (от 10 копеек нижним чинам до 8 рублей полковым генералам в сутки).

Если в первые дни войны пленных при малочисленности отправляли в губернии вблизи театра военных действий, в том числе в Смоленскую[22], то со второй половины июля 1812 года, по Высочайшему повелению, их стали направлять в глубь страны[23]. 19 июля 1812 года партию военнопленных в количестве 173 человек отправили в Тверь. Из корпуса П.Х. Витгенштейна пленные стали поступать в Псков, а затем Новгород (офицеры и нижние чины – отдельными партиями) или Ревель (главным образом дезертиры, для поступления в Русско-германский легион). Как удалось установить Б.П. Миловидову, 22 июля 1812 года Багратион предписывал направлять пленных из 2-й русской армии в Чернигов и Киев, так как государь своим повелением позволил ему «по собственному назначению» определить внутренние губернии для размещения военнопленных[24].

На основании Именного указа, данного 26 июля 1812 года новгородскому, тверскому и ярославскому генерал-губернатору принцу П.-Ф-Г. Ольденбургскому, пленных из Новгорода следовало отправлять дальше – в Тамбовскую и Саратовскую губернии[25]. Эти губернии были определены для всех пленных, захваченных 1-й и 2-й русскими армиями[26].

---

[22] Бессонов В.А. Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812 г. // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы:материалы VII Всероссийской научной конференции. Бородино, 1999. С. 15.

[23] Бессонов В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. IV / Труды ГИМ. Вып. 147. М., 2005. С. 50–51.

[24] Миловидов Б.П. Военнопленные Великой армии в Тамбовской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 г. и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2004. С. 176–191. URL: http://adjudant.ru/capitave/mil08.htm.

[25] Миловидов Б.П. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в июле – октябре 1812 г. // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г. Саратов, 2002. С. 207–216.

[26] Об особенностях размещения на территории Российской империи см.: Бессонов В.А. Военнопленные поляки. 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: сборник материалов. Вып. VII. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Труды ГИМ. М., 2008. С. 134–189.

Решение об отправке пленных в глубь страны вызывало в русском обществе разные, но нередко негативные оценки. Чиновник санкт-петербургского почтамта И.П. Оденталь 30 июля 1812 года писал А.Я. Булгакову, служившему личным секретарем у Главнокомандующего в Москве Ф.В. Ростопчина: «Удивляюсь, что французов берут живых в плен. Это сущая зараза, которую вводят вовнутрь России. Я могу сие говорить по верным сведениям, которые имею чрез спасшихся от истязаний варваров. Изверги сии напитаны таким духом, что их больше еще должно опасаться пленных, нежели сражаясь с ними»[27].

Один из французских офицеров, взятый в плен возле Шклова 29 июля 1812 года, Пьер Ноказ[28] в своих воспоминаниях свидетельствует о крайне негативном отношении к пленным со стороны конвоиров из числа казаков (француз был раздет «вплоть до галстука», а в ответ на просьбу о лошадях для передвижения измученных соотечественников был ранен в бедро конвоиром). Затем, направляясь в госпиталь, Ноказу «следовало пройти мимо пяти-шести тысяч русских раненых» и «вынести множество оскорблений» в свой адрес. Враждебно были настроены к французу и русские крестьяне, находиться в окружении которых значило подвергаться «величайшей опасности». Ноказ вспоминал: «Одна милая девушка, очень молодая, сказала мне, что ее величайшим желанием было бы выцарапать мне глаза своими собственными ногтями. Она закончила свои нежности, плюнув мне в лицо, и уступила место другой мегере»[29]. Для многих записок военнопленных характерно представление «о России как о варварской стране, где им только каким-то

---

[27] К чести России. Из частной переписки 1812 года / сост., авт. предисл. и примеч. М. Бойцов. М.: Современник, 1988. С. 58.

[28] Имя установлено А.И. Поповым и С.Н. Хомченко // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 527.

[29] Цит. по: Сент-Излер М. де. История кампании 1812 г. в России и пребывания французских пленных в Сибири и в других провинциях империи, предваренная кратким изложением русской истории // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 515.

чудом удалось уцелеть»[30], так как особенно в начальный период войны и плена население проявляло к ним часто открытую неприязнь.

Однако представителям местных властей не приходилось рассуждать о правильности принимаемых вышестоящими инстанциями решений и изменениях настроений населения, им надо было заниматься организацией движения партий, обеспечением их конвойными из гарнизонных батальонов, деньгами и провиантом. За период с 23 июня по 3 сентября 1812 года в тыл было отправлено, по данным коменданта Главной квартиры 1-й Западной армии, 2729 военнопленных[31].

В течение июля и августа 1812 года псковские власти при выдаче содержания военнопленным были вынуждены руководствоваться лишь отношением литовского генерал-губернатора А.М. Римского-Корсакова от 30 июля 1812 года. В этом документе со ссылкой на Высочайшую волю Александра I указывалось, что пленным следует «отпускать по 10 коп. в день сверх провианта против обыкновенного солдатского пайка» (эта норма снабжения была определена в постановлении дежурного генерала 1-й армии Ф.О. Паулуччи)[32].

В августе 1812 года была осуществлена передача вопросов по военнопленным в ведение Министерства полиции, то есть гражданским властям. Обеспечением взаимодействия с гражданскими губернаторами ведал 3-й стол Особенной канцелярии министра полиции. Возглавлявший Министерство полиции С.К. Вязмитинов в предписании своем псковскому губернатору П.И. Шаховскому от 1 августа 1812 года сообщал о распоряжении государя (полученном С.К. Вязмитиновым через А.А. Аракчеева) об отправлении военнопленных, находившихся в Пскове, в Петербург. По мнению исследователя Б.П. Миловидова, вероятно, это «была инициатива Аракчеева, помнившего, что в 1808–1809 годах, во время русско-шведской войны, часть

---

[30]Бессонов В.А. Военнопленные 1812 г. в России… С. 93.
[31]Там же. С. 78.
[32]Миловидов Б.П. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в июле – октябре 1812 г.

пленных отправлялась в Петербург (сам Аракчеев был тогда министром военно-сухопутных сил и вопрос о военнопленных входил в компетенцию его ведомства)»[33]. Но от идеи в 1812 году отправить пленных в столицу быстро отказались, вернув партию, вышедшую в Петербург, с середины пути. По новому предписанию Министерства полиции от 8 августа 1812 года пленных по-прежнему требовалось направлять в Новгород.

Следует учитывать, что на первом этапе войны в качестве конвойных часто использовалось гражданское население (выбор проводников был возложен на земские суды и земские полиции). 3 августа 1812 года псковский губернатор обращался к С.К. Вязмитинову с просьбой о присылке воинских команд для конвоирования. Дело в том, что были случаи бунтов и бегства пленных. Так, в конце августа близ Торопца предводитель дворянства и городничий были вынуждены вести расследование причин бегства 40 человек из партии пленных, сумевших отнять пики у крестьян, их сопровождавших. 6 крестьян и 2 пленных в ходе бунта были ранены. Поимкой беглых занималась команда внутренней стражи и обыватели, которых смог собрать земский суд. В результате 35 из 40 были пойманы и арестованы. 29 были наказаны телесно, 5 освобождены от наказания по слабому здоровью. Причиной бунта, по словам пленных, стало плохое питание, грубое отношение крестьян, бивших их пиками. После этого инцидента губернатор Шаховской предписал увеличить число конвойных крестьян, вооружив их привычными для них дубинами, усилить дисциплину в самой конвойной команде и следить за питанием и поведением пленных. С.К. Вязмитинов отреагировал на случившееся предписанием о том, что беглых пленных, в случае их поимки, следует «отправлять далее как колодников»[34]. Бегство пленных было распространенным явлением в первый период войны.

---

[33] Миловидов Б.П. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в июле – октябре 1812 г.
[34] Там же.

В целях осуществления надзора Министерство полиции 16 августа 1812 года своим предписанием потребовало от местных властей каждые две недели доставлять списки военнопленных, прибывавших и выбывавших в другие губернии. Губернаторам, по просьбам местной полиции, приходилось составлять «наказы». Так вынужден был поступить псковский губернатор, издав «наказ» городничим от 2 сентября 1812 года, в котором в обязанности последних входило составление списков пленных, если таковые документы отсутствовали. В наказе были четко прописаны маршруты следования партий из Торопца, Великих Лук и Опочки в Новгород. Предписывалось пресекать мародерство со стороны пленных, поступая с ними в этом случае, «как с колодниками». Городничий должен был обеспечить пленных продовольствием «как солдат, выдавая кроме того им по 10 копеек вместо мяса, вина и приварка. Но до тех пор, пока городничим будут высланы деньги, они должны выдавать пленным мясо быков, собранных в уезде. В случае отсутствия хлеба в провиантских магазинах предписывалось брать сухари из сельских магазинов»[35].

29 августа 1812 года последовало циркулярное предписание С.К. Вязмитинова, касавшееся положения военнопленных Великой армии. Пленных следовало направлять в глубь России: в Астраханскую, Вятскую, Пермскую, Оренбургскую и Саратовскую губернии, что определило «два основных маршрута движения пленных: северный – через Тверь и Ярославль, и южный – через Тамбов»[36]. В предписании определялись условия конвоирования пленных во внутренние губернии России, обеспечения их подводами (по одной на 12 человек для пленных и конвоя, по одной – на 2 человек для больных и офицеров). Уточнялась ответственность конвойной команды и губернских властей.

---

[35] Миловидов Б.П. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в июле – октябре 1812 г. С. 207–216.

[36]Миловидов Б.П. Военнопленные Великой армии в Тамбовской губернии… С. 176–191.

Финансирование должно было осуществляться из средств казенных палат: «В предписании вводилось новое денежное содержание пленных. Унтер-офицерам, рядовым и нестроевым положен был солдатский провиант и 5 коп., обер-офицерам – 50 коп., майорам – 1 руб., полковникам и подполковникам – 1 руб. 50 коп., генералам – 3 руб.»[37]. При этом испанцам нижних чинов, по предложению М.И. Кутузова, С.К. Вязмитинов согласился выдавать по 15 коп. в сутки, о чем отношением от 29 октября 1812 года сообщил управляющему Военным министерством и циркулярами – начальникам губерний[38]. Выдача порционных денег должна была проводиться на 7 дней вперед[39]. Данное предписание в дальнейшем не раз дополнялось и уточнялось. Губернаторы, получая новые указания от Министерства полиции, направляли соответствующие предписания городничим, земским судам, командиру гарнизонного батальона и казенным палатам.

Больных следовало помещать в госпитали, а остальные пленные должны были находиться в уездных и губернском городах. Губернаторы, опираясь на полицейские органы (городничих и земских исправников), должны были обеспечить надлежащий надзор за пленными. Циркуляром С.К. Вязмитинова от 29 августа 1812 года предписывалось, чтобы «пленным нигде ни от кого никакого притеснения оказываемо не было, но чтоб и они вели себя скромно и послушно, за чем иметь наблюдение, внушая им, что за дерзкое поведение одного, отвечают все они»[40].

Однако в условиях военных действий даже за право стать пленным, а не быть убитым, иногда приходилось сражаться. В воспоминаниях женевца Жана Газо, заместителя директора военного обоза Главной квартиры Великой армии,

---

[37]Бессонов В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным … С. 53.

[38] Там же. С. 55.

[39] Бессонов В.А. Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных… С. 17.

[40] Белоусов С.В. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье: размещение, содержание, взаимоотношения с местным населением // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Самара, 2006. № 1. С. 48–55. URL: http://adjudant.ru/capitave/bel02.htm.

содержится рассказ о том, как с приходом русских войск в Москву раненые Наполеоновской армии, находившиеся в здании московского Воспитательного дома, опасаясь быть убитыми, вынуждены были, под руководством Газо, трижды отбивать атаки на Воспитательный дом. «Наше сопротивление заслужило нам уважение в глазах неприятеля, – пишет Газо, – генерал Бенкендорф предложил мне положить оружие, обещая пощадить госпитальное население. Мы, конечно, согласились на это условие». 30 солдат, не пожелавших сдаться, были «окружены казаками и изрублены на наших глазах»[41]. Воспитательный дом получил караул из числа гусаров, подчинявшихся Бенкендорфу, а сам Газо потом «был отослан в Вологду»[42].

В своем циркуляре от 5 сентября 1812 года С.К. Вязмитинов подчеркивал необходимость соблюдения строгого надзора и помещения под стражу нарушителей порядка из числа пленных. При перемещении военнопленных предписывалось их впредь «отправлять под обывательскими конвоями при наблюдении дворянских и земских чиновников»[43]. Псковский губернатор издал наказ городничим и нижним земским судам от 20 сентября 1812 года, повторив основные положения предписания и возложив ответственность на подчиненных, но вынужден был им грозить наказаниями из-за плохого содержания и надзора за пленными, которых требовал не задерживать в Пскове и ближайших селах более 2 дней[44], не рассылать по деревням «ибо от сего происходят разные шалости»[45]. Задержки же с отправлением партий происходили, главным образом, из-за перебоев в поставках продовольствия, одежды и обуви, порционных денег. 26 сентября псковский губернатор в очередном наряде упоминал случаи ненадлежащего надзора, когда партионные офицеры не выдают положенные деньги пленным, а распускают их в селения,

---

[41]Цит. по: Попов А.И. Обзор мемуаров, дневников и писем военнопленных Великой армии, побывавших в России в 1812–1814 гг. // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. сост. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 543.
[42] Там же.
[43] Миловидов Б.П. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в июле – октябре 1812 г.
[44] Там же.
[45] Цит. по: Там же.

«где они самовольно, а иногда насилием требуют, а иногда берут молоко, мясо и одним словом все, что им понадобится, а в иных домах в отсутствии самих хозяев делают бесчинство и буянство»[46].

В сентябре 1812 года общая численность военнопленных в Саратовской губернии, одной из первых определенной для их размещения, составила, по оценкам историков В.А. Бессонова и В.П. Тофталушина, 18 офицеров и 164 нижних чина[47]. Основная масса военнопленных стала пребывать в губернию с конца октября 1812 года[48].

26 октября 1812 года принц Ольденбургский, бывший тогда тверским, новгородским и ярославским генерал-губернатором, осмотрев партию пленных, прибывших в Ярославль, узнал, что, не получая денег и провианта, пленные «кормились… на пути единственно тем, что обыватели из жалости им уделяли». Принц Ольденбургский был потрясен их внешним видом («босы, оборваны, одним словом в рубищах…»)[49]. Он не только написал об увиденном императору, но и потребовал от подчиненных ему губернаторов строжайшего следования правилам в отношении пленных, приказав использовать средства из казенных палат, а по поводу ассигнований на одежду обратился к С.К. Вязмитинову.

Император Александр I в своих рескриптах Кутузову и Витгенштейну от 7 ноября 1812 года предписал, чтобы главнокомандующие требовали от губернаторов соблюдения норм продовольствия и снабжения одеждой военнопленных. Последовало предписание Министерства полиции от 8 ноября 1812 года, по которому надлежало «гражданским губернаторам строжайше следить» за снабжением пленных продовольствием и одеждой, а также под

---

[46] Цит. по: Там же.

[47] Бессонов В.А., Тотфалушин В.П. Военнопленные Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г.: материалы Всероссийской научной конференции, 30 мая – 1 июня 2002 г. / под ред. Н.А. Троицкого. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2002. С. 164.

[48] Там же.

[49] Миловидов Б.П. Военнопленные в Ярославской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2003. С. 142–152. URL: http://adjudant.ru/capitave/mil10.htm.

страхом личной ответственности «ни под каким видом не отпускать пленных из одной губернии в другую» без одежды[50]. В циркуляре Министерства полиции от 19 ноября 1812 года указывалась необходимая экипировка для военнопленного в зимнее время (шапка, полушубок, кафтан, штаны, рубашка, онучи, рукавицы и лапти, для офицеров рекомендовались тулупы и шинели вместо полушубков и кафтанов)[51].

На деле же порционные деньги нередко поступали с задержками, а пленные часто не имели самого необходимого. Так, псковский губернатор П.И. Шаховской писал 24 ноября 1812 года Витгенштейну, что пленные препровождаются с территории Витебской губернии «без всякого снабжения их одеждой и обувью»[52]. В своем отношении смоленскому губернатору от 28 ноября 1812 года принц Ольденбургский упоминал, что среди пленных, прибывших в Тверскую губернию из Смоленской, очень много больных, большое число пленных погибло в дороге, люди не имели ни одежды, ни обуви. Смоленский губернатор вынужден был признать, что эта партия пленных не получала ни порционных денег, ни продовольствия, содержалась в неотапливаемых помещениях. Губернатор объяснял такое положение тем, что эти люди были отправлены в Тверскую губернию из Вязьмы, где к этому моменту скопилось 1500 военнопленных. Вязьма разорена и разрушена, торговли нет, одежды добыть нельзя, и только часть пленных получила крестьянскую одежду, которую удалось «отыскать в селениях». Поэтому губернатор оправдывал неотложную отправку военнопленных из Смоленской губернии в Тверскую, не имея возможности исправить ситуацию с их содержанием и лечением[53].

---

[50] Миловидов Б.П. Военнопленные в Ярославской губернии в 1812–1814 гг. …

[51] Бессонов В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным… С. 57.

[52] Миловидов Б.П. Военнопленные в Псковской губернии в конце 1812 – начале 1813 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. VIII / Труды ГИМ. Вып. 181. М., 2009. С. 197–221.URL: http://adjudant.ru/capitave/mil11.htm.

[53] Миловидов Б.П. Принц Георгий Ольденбургский и военнопленные Великой армии в 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. III / Труды ГИМ. Вып. 142. М., 2004. С. 107–124. URL: http://adjudant.ru/capitave/mil03.htm.

При переходах из губернии в губернию в партиях военнопленных отмечалась значительная убыль. 8 декабря 1812 года в Псков из Полоцка дошло из 478 человек 98, остальные умерли или были оставлены из-за болезни по дороге. 11 декабря 1812 года в Торопец из Белого прибыла партия в 60 человек, по дороге 39 человек умерли. Не меньше впечатляют другие цифры: из партии в 470 человек, направленной в Торопец, 342 умерли; в середине декабря 1812 года в Псков дошла партия в 86 военнопленных из 336[54]; 18 декабря в Опочку прибыло 77 военнопленных из 620[55]. Эти примеры можно продолжать.

Причины высокой смертности объяснялись не только состоянием здоровья пленных, но и плохим питанием (весьма скудным или даже голодом по 2 суток), отсутствием теплой одежды и обуви. Не было лекарств и элементарной медицинской помощи. Ознакомившийся с положением пленных в Ярославской губернии адъютант принца Ольденбургского, гвардейский штабс-капитан Нагель в своем рапорте отмечал, что медицинской помощи нет никакой, и офицеры «не имея приличной их болезням пищи и присмотру, совершенно изнемогают»[56].

Вероятно, имела место и коррупция со стороны местного чиновничества. При изучении материалов расследования, проводимого в Тверской губернии по поводу расходования казенных денег, выделяемых на содержание пленных, выяснилось, что, «несмотря на большую смертность, ни одного счета о возвращенных деньгах представлено не было»[57].

Местное население зачастую негативно относилось к военнопленным. Были случаи, когда крестьяне не пускали пленных на постой или «портили печи, выставляли окна, не давали дров для топки, посуды, воды, сена и соломы», объясняя такое отношение к французам тем, что они «все опоганят, ибо они безбожники»[58]. Самарский городничий И.А. Второв признавал в своем

---

[54]Миловидов Б.П. Военнопленные в Псковской губернии в конце 1812 – начале 1813 гг. …
[55] Там же.
[56] Белоусов С.В. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье…
[57] Там же.
[58] Там же.

рапорте, что некоторые жители города оскорблениями и грубыми выпадами пытались спровоцировать драку с военнопленными. «Не было прохода ни одному французу по улице, чтобы его толпы ребят и даже взрослых и старых людей не дразнили как собаку»[59]. Городничий был вынужден реагировать: запрещая такое поведение «через полицейских служителей и солдат к ним [пленным] приставленным. Дабы не случилось важнейшей между ними ссоры и драки, я принужден был некоторых буянов брать под караул и тем несколько уменьшил озлобление противу пленных. Однако ж и поныне еще сие продолжается. Так недавно случилось, что четверо пьяных людей избили жестоко одного француза. Почти всегда от пленных и от приставленных к ним солдат доходят ко мне жалобы на сии озлобления и на разные притеснения их от хозяев квартир, и по разбирательству, я всегда находил невинными пленных»[60]. Хотя справедливости ради стоит отметить, что преступления совершали и военнопленные. «Громкий» инцидент произошел в Арзамасе Нижегородской губернии, где около 80 пленных французских офицеров, изрядно выпив, позволили себе «дерзкие речи», а затем избили городничего, прибывшего вместе с 12 «старыми и увечными» солдатами[61]. В Саратове 6 пленных французов, нанятые помещиком Устиновым для очистки водосточной канавы, избили до смерти мещанина Смирнова и за это преступление были осуждены на каторгу в Нерчинск[62]. Рапорты полиции свидетельствовали о том, что и между самими военнопленными возникали конфликты, нередко заканчивавшиеся доносами, драками, даже дуэлями и убийствами[63]. Скопление военнопленных в городах доставляло властям и местным жителям много неудобств. Потом псковский губернатор принял решение о размещении партий пленных перед отправкой дальше не в самом Пскове, а в ближайших к городу

---

[59] Цит. по: Белоусов С.В. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье…
[60] Цит. по: Там же.
[61]Там же.
[62] Там же.
[63] Там же; Хомченко С.Н. «Находится во всегдашнем пьянстве и делает ссоры и наглые поступки…» Правонарушения, связанные с военнопленными армии Наполеона в 1812–1814 годах на примере Поволжья и Приуралья //1812 год: война и мир: материалы Всероссийской научной конференции. Смоленск: Свиток, 2009. С. 196–199.

селениях[64]. В связи с этим возникла новая проблема: не хватало караулов из солдат гарнизонных батальонов и инвалидных команд.

Несмотря на предписания, со стороны конвойных встречались проявления жестокости к пленным. В партии пленных из 14 обер-офицеров, 919 нижних чинов и 4 дезертиров, направлявшейся из Москвы в Оренбургскую губернию, по дороге до Симбирска погибли 2 обер-офицера, 310 нижних чинов, а до Бузулука Оренбургской губернии умерли еще 170 нижних чинов. Причины такого положения дел стали понятны самарскому городничему уездному судье И.А. Второву, когда он увидел пленных в ветхой, не зимней одежде, с которыми конвойная команда не церемонилась: «Шедших медленно ополченцы погоняли палками как скотину, падавших также били палками; тех, кто не мог встать, клали на телеги, ехавшие следом, по пять человек на одну». Второв возмутился и стал требовать принятия мер от командира конвойной команды Языкова, но каково же было его изумление, когда «конвойный начальник одобрил действия подчиненных, заявив, что стыдно жалеть злодеев, наделавших столько бед отечеству. Дальнейшие призывы к милосердию по отношению к несчастным не произвели никакого действия»[65].

Объяснение такой бесчеловечности в отношении к пленным дал русский офицер французскому врачу Ф. Мерсье, участнику партии военнопленных, из которой погибло 60% (1800 человек) по дороге из Вильны в Тамбовскую губернию: «Дело в том, что возбуждение против вас, французов, в данный момент настолько сильно, как среди русских крестьян, так и среди русских солдат, что мы почти беспомощны, если бы даже и хотели, подавлять проявления подобной ненависти. Ведь эти люди совершенно не понимают, как можно щадить людей, которые сожгли священную Москву, и в большинстве деревень, если бы появились пленные, они были бы прямо задушены, несмотря

---

[64]Миловидов Б.П. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в июле – октябре 1812 г. …

[65] Хомченко С.Н. Военнопленные Наполеона в Оренбургской губернии // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XV Международной научной конференции. Можайск, 2009. С. 360–386. URL: http://adjudant.ru/captive/hom08.htm.

на присутствие конвоя»[66]. Редко, но в воспоминаниях военнопленных встречаются противоположные примеры милосердного отношения к ним командиров конвоя. О человечности и доброжелательности майора Булыгина, начальника конвойной команды, сопровождавшей пленных осенью 1812 года в Оренбургскую губернию, писал в своих мемуарах «Военнопленный в сердце России» унтер-лейтенант вестфальского 2-го гусарского полка Э. Рюппель[67].

Крайне негативное отношение местного населения к пленным стало сменяться жалостью только после окончания военной кампании на территории России[68]. В 1812 году чаще именно губернские и уездные власти, размещавшие военнопленных, пытались повлиять на облегчение их участи: упорядочением выплат порционных денег, проведением расследований и наказанием виновных в казнокрадстве, решением вопроса с экипировкой военнопленных (путем обращения к населению, выдачей шуб из пожертвований, сделанных русской армии, воинскими запасами и закупкой одежды). Псковский губернатор даже «предписал местным властям, чтобы они выдавали обувь и одежду пленным “от селения до селения”, то есть на время прохождения через подведомственную территорию. Члены же земских судов должны были также постоянно находиться на трактах и способствовать сохранению жизни пленных и при этом следить, чтобы забранные у населения для этих целей вещи были потом вновь возвращены их владельцам»[69]. Как позже выяснилось, решение о временном использовании военнопленными одежды обывателей оказалось опасным из-за возможности заражения и распространения эпидемий. Во многом этим обстоятельством объяснялось принятие Комитетом министров Положения, отраженного в предписании С.К. Вязмитинова от 24 декабря 1812 года. В документе подчеркивалось, что начальники губерний должны были

---

[66] Цит. по: Белоусов С.В. Конвоирование военнопленных армии Наполеона в Поволжье //Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 4(38). С. 80–86. URL: http://adjudant.ru/captive/bel01.htm.

[67] Хомченко С.Н. Симбирская губерния в мемуарах пленных военнослужащих армии Наполеона. 1812–1814 гг. // Научный альманах: сборник научных статей. Вып. III. Т. II. Самара, 2006. № 1. С.48–55. URL: http://adjudant.ru/captive/hom02.htm.

[68] Там же.

[69] Миловидов Б.П. Военнопленные в Псковской губернии в конце 1812 – начале 1813 г. …

оставлять больных военнопленных на своей территории до излечения, а не включать их в состав партий пленных, направляемых в дальние губернии России[70].

Для примера, суточный рацион питания военнопленного офицера в феврале-марте 1813 года в Ельнинском военно-временном госпитале включал: хлеб ржаной по 1 ½ фунта (фунт равен 409,5 г), говядину для щей 1 ½ фунта, говядину для жаркого 1 фунт, капусту по ½ кружки, крупу овсяную по ¼ фунта, соль по 7 ½ золотников (золотник равен 4,26 г), 1 бутылку пива[71]. На содержание больного в Смоленском военном госпитале в ноябре 1813 года полагалось в сутки хлеба белого 1 фунт, говядины 1 фунт, крупы овсяной ¼ фунта, соли 5 золотников, хрена ¼ фунта, лекарств на сумму 16 копеек, на прочее (мыло, сало, свечи, дрова) по 26 копеек на человека[72]. Казалось бы, вполне достойное содержание, но нужно принять во внимание, что большинство «выморозков» (так часто в быту называли военнопленных[73]) были больны и крайне истощены. К тому же в реальности содержание в соответствии с нормой из-за большого числа пленных и разорения губернии обеспечить было фактически невозможно. Смоляне могли бы подписаться под уверениями торопецкого городничего Псковской губернии, что сохранить жизни военнопленных возможно «только разве с лишением себя крайнейшей своей необходимости»[74].

Некоторых раненых военнопленных брали под свою опеку генералы и офицеры российской армии. Генерал А.П. Ермолов, например, отправил в отцовское имение раненого на Бородинском поле генерала Ш. Бонами. Вместе со своим адъютантом П.Х. Граббе Ермолов опекал раненого под Красным полковника-артиллериста Мариона. «Из жалости» несколько пленных

---

[70] Бессонов В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным … С. 59.
[71] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 208. 1813 г. Л. 1–8.
[72] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 211.1813 г. Л. 28.
[73] Сироткин В.Г. Судьба французских солдат в России после 1812 года // Вопросы истории. 1974. № 3. С. 129.
[74] Миловидов Б.П. Военнопленные в Псковской губернии в конце 1812 – начале 1813 гг. …

находились при генералах Д.С. Дохтурове и М.А. Милорадовиче[75]. Дохтуров писал жене 5 декабря 1812 года: «Я взял из жалости под Красным молодого итальянца. Он не ел несколько дней и, верно бы, замерз, ежели бы бог не привел меня на его счастье. Теперь он здоров и уже распевает. Я его одел, как только можно было. Приехав сюда, нашел несколько сот пленных, кои сами пришли, в том числе 18 офицеров. Я одного взял к себе, у него ознобленыногиноги и в прежалком положении, но Коширевский (личный врач Д.С. Дохтурова. – *А.Т.*) меня уверяет, что он выздоровеет. Еще тут же взял немца с немкой, которые умирали также с голоду. Нельзя не сжалиться на их несчастное положение. Вот, душа моя, как неожидаемым образом кончается сия кампания к великой славе нашего оружия и патриотизма целой России»[76].

Условия содержания больных в госпиталях напрямую зависели от состояния местного хозяйства. Так, в разрушенной Вязьме в военном госпитале в течение января 1813 года из 1709 больных умерло 116 человек. При разбирательстве, учиненном в июне 1813 года, выяснилось, что больные, в том числе военнопленные, «по случию разорения и сожжения в городе Вязьме неприятельскими войсками домов размещались с великою трудностию по баням и караулням а притом по холодному времени и свирепствовавшим болезням таковое множественное число военных служителей лишились жизни»[77]. В июне 1813 года Вяземский уездный предводитель дворянства и капитан внутренней стражи смоленского гарнизонного батальона Фиров уверял управляющего Смоленской губернией П.Н. Каверина в том, что ситуация изменилась к лучшему: «больныя находящиеся во оном размещены в трех домах содержание им как в пищи одежде равно и в комнатах чистота в надлежащем порядке лечение им от медицинских чинов происходит с

[75] Мошина Т.А., Гутина Н.А. Нескорое возвращение.
URL: http://www.museum.ru/1812/library/Cutinal/index.html (дата обращения 28.07.2013).
[76] К чести России. Из частной переписки 1812 года. С. 182.
[77] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. 1813 г. Л. 7–7 об.

рачительностию»[78]. Вскоре госпиталь в Вязьме был ликвидирован, а больные (их было уже не более 60 человек) переведены в Смоленский госпиталь[79].

Часто в холода дрова поставлялись с перебоями, и военнопленные нередко сами пытались заботиться о себе. Так, в своем рапорте смоленскому гражданскому губернатору барону К.И. Ашу командир смоленского гарнизонного батальона подполковник Устьянцов, в ведении которого находились военнопленные, содержавшиеся в губернском городе в помещении Авраамиевского монастыря, признавал, что «в декабре, генваре, и феврале месяцах [1813 г.] в случае недостатка дров в жестокия морозы [военнопленные] выламывали в семинарских школах несколько половиц, а иногда собирали лежащие в монастыре и около онаго дрова, но и то часовыми было отнимаемо и виновные были наказываемы»[80].

Вне зависимости от решений властей местное население в послевоенный период все чаще проявляло милосердие к побежденным. Даже язвительный А. де Кюстин поместил в своей книге воспоминания Грассини, встреченного им в Милане в феврале 1842 года. Итальянец рассказал, «что в 1812 году, находясь в армии вице-короля Италии, он во время отступления попал в плен в окрестностях Смоленска. После этого он два года прожил в глубине России». Грассини, вернувшийся на родину «почти слепым», признал, что русские проявляли к пленным жалость и сострадание: «в глубине страны мы встретили неожиданную помощь. Простые крестьянки и знатные дамы присылали нам одежду от мороза, лекарства от болезней, пищу и даже белье; иные из них приходили выхаживать нас прямо в лагерь, пренебрегая заразою, которую мы несли с собою…»[81] В одном из писем В.И. Ланской в начале 1813 года русская дворянка М.А. Волкова точно определила отношение к поверженным воинам Великой армии: «Пленные точно достойны сожаления; глядя на страдания,

---

[78] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. 1813 г. Л. 7–7 об.
[79] Там же. Л. 6.
[80] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201. 1813 г. Л. 13.
[81]Кюстин А. де. Россия в 1839 году. СПб.: Крига, 2008. С. 655.

забываешь о зле, которое они нам сделали»[82]. В 1813 году С.К. Вязмитиновым в адрес губернаторов было направлено несколько предписаний, касающихся военнопленных. В циркуляре от 6 мая 1813 года разъяснялось, что провинности военнопленных должны рассматриваться на основе российских законов военными судами, а в случае их отсутствия – гражданскими[83]. По другому предписанию Вязмитинова от 10 июня 1813 года в случае побега пленного все его товарищи несли за это ответственность. Однако, несмотря на то, что побеги (носившие единичный характер после войны) зафиксированы документально, примеров наказаний по принципу круговой поруки не выявлено[84]. В случае побегов военнопленных, начинался их розыск «по горячим следам… исправником», однако нередко обнаруживали беглых не сразу (от нескольких дней до полугода). Помещики, виновные в «передерживании военнопленных», подлежали суду «обще с виновными»[85]. Существовало Высочайшее соизволение, на основании которого полагалось тех, кто был замечен в укрывательстве оружия и военнопленных, предавать военному, а не гражданскому суду (об этом минскому губернатору сообщил 1 июня 1813 года главнокомандующий армиями М.Б. Барклай де Толли)[86]. Как установил В.А. Бессонов, за период с августа 1813 по февраль 1814 года под стражей для предания военному суду оказалось 29 человек, из них 19 обвинялись в укрывательстве, а 4 – в содействии побегу пленных[87]. Следовательно, это явление не было массовым, и количество «неорганизованных» пленных, по мнению В.А. Бессонова, не превышало нескольких сотен человек[88].

---

[82] Цит. по: Иванова Н.И. «Французский национальный характер» в представлениях российского столичного дворянства первой четверти XIX века // Россия – Франция. XVIII–XX века. Вып. 8. М.: Наука, 2008. С. 142.
[83]Хомченко С.Н. «Находится во всегдашнем пьянстве и делает ссоры и наглые поступки…» С. 193.
[84] Там же. С. 203.
[85]Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX вв.) / сост. И.Л. Вернер. Минск: Типография Макарова и К, 2012. С. 88–89.
[86] Бессонов В.А. Военнопленные 1812 г. в России… С. 77.
[87] Там же. С. 78.
[88] Там же.

Поведение некоторых пленных требовало особого полицейского надзора. Основная причина – подозрения в «неблагонамеренности к России», что требовало перевода такого пленного в другой город (чтобы изолировать от соотечественников и не допустить «пагубного» влияния) либо секретного наблюдения «за знакомством его и поведением, так и за домашними занятиями»[89].

В предписаниях было уделено внимание вопросам составления ведомостей о численности пленных (точных списков с именами), суммах, истраченных на их содержание и лечение, вопросам контроля за корреспонденцией и т.д. По решению правительства особо нуждающимся выдавалось единовременное пособие в размере 100 рублей на человека[90]. Среди тех, кто получил на него право, был и подпоручик «польской службы уланского полку» Александр Монастырский, прежде прибывший из Смоленской губернии. В своем прошении харьковскому губернатору поляк сетовал на то, что положенного ему жалования на Смоленщине недодали, «в одеянии... крайность, дабы от зимнего холоду не получить в здоровье повреждения, и могущих последовать болезней, ибо я с получаемых ныне на день 50 копеек денег одеть себя не могу»[91]. В Харьковской губернии единовременная помощь была выплачена до марта 1814 года 178 пленным[92].

Согласно предписанию за октябрь 1813 года военнопленным разрешалась выдача в зимнее время сапог и чулок вместо лаптей и онучей[93]. Однако из-за значительного числа военнопленных были серьезные трудности с выполнением данного предписания. Так, в партии военнопленных, прибывших из Рославля

---

[89] Белоусов С.В. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье…

[90] Потрашков С.В. Военнопленные Великой армии в Слободско-Украинской губернии // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы / отв. ред. А.В. Горбунов. Бородино, 1998. С. 146.

[91] Цит. по: Потрашков С.В. Указ. соч. С. 146.

[92] Потрашков С.В. Указ. соч. С. 146.

[93] Бессонов В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным…С. 65-66.

Смоленской губернии в Пензу в ноябре 1813 года, из 143 человек 34 не имели полушубков, а их одежда и обувь были ветхими[94].

Среди военнопленных, взятых в Москве и отправленных в Пензу, оказался иностранец мирной профессии – учитель детей статской советницы А.И. Анненковой (матери будущего декабриста И.А. Анненкова) – швейцарец Ле Блан. Он не успел покинуть город вместе с хозяйкой, а позже был схвачен по «дороге казаками, которые, не зная французского языка, сочтя его за человека подозрительного, ранили и привезли вместе с пленными в Тверь». С партией военнопленных Ле Блана отправили в Пензу, где «единственно за болезнию» он был оставлен в местном госпитале[95]. Анненкова в это время находилась в деревне в той же Пензенской губернии и, узнав о судьбе швейцарца, просила губернатора отдать ей учителя «на поручительство». Дело потребовало переписки пензенского губернатора Г.С. Голицына с Главнокомандующим в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитиновым, занявшей два месяца, пока 14 января 1813 года разрешение было получено, и женевцу выдали билет для проезда в Нижегородскую губернию.

О периоде, когда Ле Блан был в плену, сохранились воспоминания врача 1-го класса польского 10-го гусарского полка С.Б. Пешке, оказавшегося с ним в одной партии пленных. Мемуарист упоминает о своей встрече с Ле Бланом в Твери, когда он поразил Пешке не только гражданской одеждой среди военнопленных, но и своим жалким видом: «голова и тело его были синими, выглядел, как снятый с креста»[96]. Несмотря на то, что все время в плену швейцарец бедствовал, он, по словам Пешке, хранил драгоценности хозяйки, зашитые в подкладку его одежды. Неудачная попытка бежать, предпринятая Ле Бланом при проходе через уездный городок Кашин Тверской губернии, закончилась для швейцарца плачевно: «он получил на рынке сто розог» и затем

---

[94] Цит. по: Белоусов С.В. Конвоирование военнопленных армии Наполеона в Поволжье…

[95]Цит по: Белоусов С. Невероятные приключения швейцарца в России, или Судьба «маленького человека» в эпоху Отечественной войны 1812 г. // Библиотечное дело. 2012. № 16. С. 4.

[96]Цит по: Там же. С. 5.

шел пешком со связанными руками под зорким наблюдением конвойных[97]. Только встреча с помещицей в Арзамасе дала ему надежду на освобождение, однако из-за бюрократических проволочек ему пришлось проделать дальнейший путь в Пензу, где он, наконец, получил свободу. Выбрал Ле Блан дальнейшую службу у Анненковой или возвращение на родину, осталось неизвестным.

Чтобы сгладить проблемы с обеспечением военнопленных самым необходимым и сократить казенные расходы на их содержание, Комитет финансов (секретный совещательный орган при императоре, в который входили: председатель Государственного Совета и Комитета министров Н.И. Салтыков, Главнокомандующий в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинов, министр финансов Д.А. Гурьев и «доверенное лицо государя» А.А. Аракчеев[98]) еще в декабре 1812 года предлагал использовать квалифицированных ремесленников, художников на российских фабриках и заводах с оплатой, равной той, что получали отечественные работники. Пленные, способные к земледельческому труду, могли бы, по мнению Комитета, устроиться в Саратовской и Екатеринославской губерниях среди поселенцев, а затем получить участки земли для заселения (но без денежной ссуды). Важно отметить, что Комитет считал: это нужно делать только с добровольного согласия. Пленных же, не способных ни к каким занятиям, кроме «солдатской жизни», Комитет рекомендовал привлечь к работам по строительству в Москве и других разрушенных войной городах[99]. Добровольность по отношению к этой категории пленных не предполагалась, что вполне соответствовало отечественной практике использования военнопленных на принудительных неквалифицированных работах в XVIII веке[100]. Мнение Комитета было

---

[97] Белоусов С. Невероятные приключения швейцарца в России… С. 5.
[98] Миловидов Б.П. Использование военнопленных 1812 г. на работах: тенденции правительственной политики // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVI Международной научной конференции, 6–7 сентября 2010 г. / сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2011. С. 165.
[99] Там же. С. 163–164.
[100] Там же. С. 165.

одобрено государем, и 14 января 1813 года С.К. Вязмитинов издал соответствующее циркулярное предписание (ссылаясь на решение Комитета министров, так как Комитет финансов действовал негласно)[101]. Согласно документу, губернаторы должны были навести справки о военнопленных-специалистах и востребованности их на фабриках и заводах, а также сообщить об отправке этих пленных на работы в Министерство полиции. О возможных колонистах из числа военнопленных губернаторы должны были получить сведения и ждать особых предписаний, ничего не предпринимая. Губернаторы могли использовать по собственному усмотрению остальных военнопленных, сообщая о том, на каких работах и за какую оплату они задействованы.

Заинтересованность в специалистах выразил Департамент горных и соляных дел, получивший ряд донесений губернаторов об интересующих ведомство специалистах, однако по разным причинам (чиновничья волокита, сложности транспортировки, отсутствие знания ремесла, низкая оплата труда, плохое состояние здоровья пленных и др.) реально использовать военнопленных на квалифицированных работах так и не удалось[102]. Известно, что пленные участвовали в «крепостных работах» в Бобруйске, Борисове, Динабурге, Риге[103], а привлечь их к дорожному строительству не удалось, несмотря на длительное обсуждение этого вопроса вплоть до начала 1814 года (в первую очередь, из-за несогласованности в действиях министерств, а также отказа Военного министерства предоставить команды внутренней стражи для охраны и надзора за пленными)[104]. Пленные строили сохранившиеся до сих пор здания в бывших помещичьих имениях близ Саратова (с. Зубриловка Балашовского уезда, с. Чердым Петровского уезда, с. Сосновка Аткарского уезда), а также занимались ирригационными сооружениями (пруд в с. Дьячевка Петровского уезда, плотина в с. Отрада (Отрадное) Царицынского уезда)[105]. С

---

[101] Миловидов Б.П. Использование военнопленных 1812 г. на работах…С. 166.
[102] Там же. С. 166–170.
[103] Там же. С. 179–182.
[104] Там же. С. 183–186.
[105] Белоусов С.В. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье…

разрешения Комитета министров, последовавшего 20 мая 1813 года, в Вятской губернии в губернском и уездном городах пленные осуществляли «городские работы», занимались благоустройством площадей и улиц. В Вологодской и Пермской губерниях военнопленных «насильно приписывали к казенным заводам и фабрикам»[106]. По решению Комитета министров от 20 июня 1813 года пленные использовались как колонисты-земледельцы в Херсонской губернии и Крыму. Тенденция, намеченная еще Комитетом финансов в отношении военнопленных, сохранялась: принудительный труд – для большинства, добровольность – для квалифицированных специалистов, а также стремление со стороны правительства сохранить последних в империи, предлагая им принять российское подданство[107].

Среди пленных, которых губернские власти хотели бы оставить на своей территории как можно дольше, были иностранные медики. Их труд был одним из самых востребованных как в условиях военных действий, так и в послевоенный период. Медицинский персонал Великой армии Наполеона к началу военной кампании 1812 года насчитывал 5112 человек (в том числе свыше 2 тысяч хирургов)[108]. К 1812 году в русской армии состояло всего лишь 800–850 лекарей (старшие и младшие лекари 1-го и 2-го классов) и 1000–1200 фельдшеров 1-го и 2-го классов. К тому же известно, что многие штатные медицинские должности оставались вакантными[109]. Губернские и уездные города России испытывали большой недостаток квалифицированных медиков. Острая нехватка собственных врачей заставляла российские военные и гражданские власти обратить особое внимание на специалистов из числа военнопленных[110]. Так, уже в ходе войны оказавшийся в русском плену после

---

[106] Белоусов С.В. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье…
[107] Миловидов Б.П. Использование военнопленных 1812 г. на работах… С. 188.
[108]Баранов А.А. Медицинская служба французской армии // Отечественная война 1812 года: энциклопедия / рук. авторского коллектива В.М. Безотосный. М.: Росспэн, 2004. С. 459.
[109] Там же. С. 449.
[110] Карташов В.С. Судьба Доминика де ла Флиза // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. IV / Труды ГИМ. Вып. 147. М., 2005. С. 80; Миловидов Б.П. Военнопленные медики Великой армии // Отечественная война 1812 года и российская

сражения под Красным в ноябре 1812 года медик (в чине капитана 2-го гренадерского полка наполеоновской армии) Доминик де ла Флиз продолжал исполнять профессиональные обязанности в отношении своих товарищей-военнопленных[111].

М.И. Кутузов в декабре 1812 года утвердил право использовать пленных медиков прежде всего для лечения больных пленных, а в случае надобности разрешил им работать в российских госпиталях под надзором военного ведомства. Пленные врачи по своему желанию могли вступить в службу в российскую армию, предварительно подвергшись экзамену главного медицинского инспектора по армии. Военный министр А.И. Горчаков в ответ на обращение Главнокомандующего в Санкт-Петербурге, председателя Комитета министров и управляющего Министерством полиции С.К. Вязмитинова в марте 1813 года предложил распределить военнопленных врачей по госпиталям разных губерний. В Смоленскую губернию, например, рекомендовалось направить 12 пленных медиков (столько же в Псковскую). Это было меньше, чем в Минскую (26), Виленскую (24), Рязанскую и Владимирскую губернии (по 16), но больше, чем в госпитали других губерний[112]. Оказывать помощь гражданскому населению иностранным медикам разрешалось только после сдачи экзамена[113].

Реальная же практика была иной в силу экстраординарных обстоятельств, вызванных военными действиями и ситуацией с ранеными и больными сразу после кампании[114]. Так, вюртембержец, старший врач 3-го конно-егерского

провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: материалы Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2006. Вып. XIV. С. 177.

[111] Карташов В.С. Указ.соч. С. 80; Миловидов Б.П. Военнопленные медики Великой армии... С. 177; Баранов А.А. Указ. соч. С. 459.

[112] Миловидов Б.П. Военнопленные медики Великой армии... С. 179.

[113] Там же. С. 188.

[114]Миловидов Б.П. Жизнь и судьба военнопленного врача Генриха фон Рооса // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы: материалы II Международной научной конференции (Бородино, 3–5 сентября 2007 г.) / сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2008. С. 310; Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Казанской губернии в 1812–1814 гг. // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы: материалы II

герцога Людовика полка Генрих фон Роос без всякого экзамена с апреля 1813 по январь 1814 года был уездным доктором в г. Борисове Минской губернии[115], а французский хирург Дезире Фюзейе с ноября 1813 по июнь 1814 года врачевал в уездном городе Спасске Казанской губернии[116]. Известно, что в Харьковской губернии, согласно предписанию губернатора, польские лекари Фердинанд Вагнер и Симон Свитковский были испытаны врачебной управой. В результате выяснилось, что «Вагнер сведущ довольно в производстве врачебной практики, а Свитковский посредственно»[117].

По разрешению хозяев пленные оказывали медицинскую помощь крепостным крестьянам в сельской местности. Уже упоминавшийся Доминик де ла Флиз лечил нуждающихся в имении Белая Церковь Киевской губернии, принадлежавшем графини А.В. Браницкой. Только в 1815 году Д. де ла Флиз успешно сдал экзамен на степень лекаря в Московском отделении Медико-хирургической академии[118].

Многие российские помещики пользовались помощью пленных медиков, не прошедших квалификационных испытаний в России. В Смоленской губернии итальянец, лекарь в походных госпиталях итальянской армии Франсуа Палиари (Paglieri) занимался врачебной практикой в селе Мошенец Рославльского уезда, принадлежащем штабс-капитану А. Лешевич-Бородуличу, и заслужил такое уважение владельца, что тот стал мечтать о заведении госпиталя и аптеки под началом итальянского медика[119]. В отношении Главнокомандующего в г. Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова смоленскому гражданскому губернатору от 28 февраля 1814 года за № 59 говорилось: «Вследствие представления Вашего Превосходительства от 29 прошедшего Генваря о желании, объявленном пленном лекаре Палиари вступить в

Международной научной конференции (Бородино, 3–5 сентября 2007 г.) / сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2008. С. 300–301; Карташов В.С. Указ.соч. С. 80–81 и др.

[115]Миловидов Б.П. Жизнь и судьба военнопленного врача Генриха фон Рооса... С. 310.

[116] Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Казанской губернии в 1812–1814 гг. С. 300–301.

[117] Цит. по: Потрашков С.В. Указ. соч. С. 147.

[118] Карташов В.С. Указ. соч. С. 80–81.

[119] ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д. 183. 1813 г. Л. 21.

подданство России и производить врачебную практику, я прошу Вас, объявить врачу сему, что для получения права на отправление врачебной практики в России, он должен выдержать экзамен в ближайшем Российском Университете, для чего Ваше Превосходительство можете снабдить его надлежащим на проезд паспортом»[120].

Француз Людовик Гренан (Grenanne), подлекарь, состоявший с 1803 года при штаб-докторе Ларшамбо в 4-й итальянской армии, после войны оказывал медицинскую помощь в имении капитана А.И. Каховского в Бельском уезде[121], и «во время свирепствования в тамошних местах епидемических болезней пользование его принесло значительную пользу помещикам и их крестьянам»[122]. В дальнейшем Л. Гренан принял подданство России и 17 февраля 1814 года был снабжен «для избрания рода жизни пашпортом»[123].

Уроженец Вестфалии, пленный врач Каспер Вильгельм Либерт лечил крестьян в имении действительной статской советницы Рибопьер в Вяземском уезде[124]. Из рапорта уездного исправника смоленскому гражданскому губернатору от мая 1813 года за № 569 известно, что К.В. Либерт «преподает врачевание крестьянам с пользою, поведения скромного», «оказался во врачевании знающ»[125]. Врач подтвердил свои знания, получив свидетельство штаб-лекаря в Императорской медико-хирургической академии[126].

Среди бывших пленных медиков, лечивших в Смоленской губернии и оставивших о себе добрую память, особое место занимает французский врач Франц Иванович Валь. Смоленские исследователи упоминали его, опираясь на дневниковые записи А.А. Лесли[127]. И.В. Панисяк указал на факт захоронения

---

[120] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 241. 1814 г. Л. 214.
[121] Ермоленко Г.Н. Французские военнопленные 1812 года на Смоленщине // Край Смоленский. 2002. № 5–6. С. 31.
[122] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. 1813 г. Л. 36.
[123] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201. 1813 г. Л. 8 об.,9.
[124] Ермоленко Г.Н. Указ. соч. С. 31.
[125] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 163. 1813 г. Л. 2-3.
[126] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. 1814 г. Л. 250.
[127]Панисяк И. Отечественная война 1812 г.: трагедия и милосердие // Край Смоленский. 2002. № 7–9. С.43.

Франца Ивановича Валя на Смоленском Богословском кладбище без указания даты (на основе опубликованных материалов к «Русскому провинциальному некрополю»)[128]. Новые архивные материалы о деятельности Ф.И. Валя в Смоленской губернии позволили составить его биографию.

Франц Иванович Валь родился около 1792 года, так как, согласно формулярному списку, в 1853 году ему был 61 год[129]. В этом же документе в графе «Из какого сословия происходит» указано: «Из военно-пленных французов во время их нашествия в 1812 году»[130]. С большой долей вероятности можно предположить, что Ф.И. Валь после взятия в плен был задействован как медик (хирург) уже в русской армии.

31 декабря 1813 года Высочайше утвержденным Положением о приеме в российскую военно-медицинскую службу иностранных врачей они («всех наций и всякого звания») приглашались на время военной кампании «для определения в армию по полкам и временным госпиталям». Иностранные медики разделялись на три класса: 1) доктора медицины и хирургии или лекари, знающие анатомию, физиологию, патологию, терапию, хирургию, ботанику, химию, физику, повивальное искусство и судебную медицину, способные лечить внутренние болезни и производить хирургические операции; 2) доктора или лекари, лечившие внутренние болезни, но не занимавшиеся хирургией и 3) «подлекари, находящиеся большею частью в Германии, где они известны под названием Хирургов, т.е. обучавшиеся только Анатомии, Физиологии и Практической Хирургии и знающие Латинский язык в такой мере, чтобы могли удобно разбирать рецепты в Латинских фармакопеях и писать оные правильно»[131].

От принадлежности к определенному разряду медика зависел размер его жалования, а от времени службы – возможность получения и размер пенсиона. Иностранный врач мог всегда получить отставку и выехать из России,

---

[128] Река времен. Книга истории и культуры. М.: Эллис Лак, 1996. Кн. 4. С. 51.
[129] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. Л. 1 об.
[130] Там же.
[131] ПСЗ-1. Т. XXXII. № 25508.

исключая лишь время военных действий. Медики-иностранцы, желавшие поступить на российскую службу, обязаны были явиться к Главному по армии медицинскому инспектору или полевому генерал-штаб-доктору. При невозможности этого – предъявить свои свидетельства военным начальникам ближайших корпусов, дивизий или отрядов, а те, в свою очередь, направить их на рассмотрение Главному по армии медицинскому инспектору. Этот чиновник или его доверенное лицо должен был подвергнуть иностранных медиков «испытанию во врачебной науке», в соответствии с результатами которого определялся класс медика и его дальнейшее назначение. Изготавливались соответствующие дипломы, которые вручались иностранцам Медицинским департаментом Военного ведомства. Принятые на службу врачи приводились к присяге, а их присяжные листы отсылались в Медицинский департамент.

О Франце Вале, согласно его формулярному списку, известно, что 2 марта 1815 года он успешно выдержал экзамен в Императорской медико-хирургической академии и был признан лекарем 3-го отделения (т.е. хирургом). Затем он работал вольнопрактикующим врачом, состоял ординатором в Артиллерийском госпитале в Санкт-Петербурге и врачом при депо-батальоне учебного карабинерного полка. Вскоре после отставки, последовавшей 3 сентября 1825 года, Ф.И. Валь переехал в Смоленск и вновь стал работать вольнопрактикующим врачом[132]. Кроме того, «по приглашению управляющего Смоленской удельной конторой» от 29 декабря 1832 года Валь в течение трех лет безвозмездно лечил государственных крестьян[133]. В 1835, 1836 и 1838 годах его приглашали «освидетельствовать рекрут» при губернском рекрутском присутствии[134]. В 1837 году Валь принес присягу на верность Российской империи и был указан в списке принявших подданство из фонда III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии[135]. 6 ноября 1848 года Франц Иванович был определен врачом в Смоленский детский приют.

[132] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. 1830 г. Л. 7.
[133] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. Л. 3 об.
[134] Там же. Л. 5 об.
[135] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 34 об.

Высочайшим приказом Министерства внутренних дел от 28 февраля 1853 года за № 42 он был произведен за выслугу лет в титулярные советники[136].

За время своей врачебной практики Ф.И. Валь проявил себя настоящим профессионалом. Среди его заслуг перед смолянами, упоминаемых в формулярном списке: активное участие в ликвидации эпидемии холеры в 1831 и 1848 годах в Смоленске и Смоленском уезде, лечение государственных и помещичьих крестьян, сложнейшие успешные операции. В фонде Смоленской врачебной управы сохранилась копия акта, составленного в августе 1848 года жителями города Смоленска и адресованного гражданскому губернатору, с просьбой о признании заслуг доктора Ф.И. Валя на самом высоком уровне[137]. Из переписки губернатора с врачебной управой стало известно о сложных взаимоотношениях между Ф.И. Валем и провинциальными медицинскими чиновниками[138]. Тем не менее обращение смолян было рассмотрено губернатором. По представлению министра внутренних дел от 31 января 1849 года Ф.И. Валю была объявлена признательность начальства[139], о чем вынуждена была сообщить медику Смоленская врачебная управа в соответствии с указанием губернатора[140].

За время работы на медицинском поприще Франц Иванович Валь неоднократно получал награды за свою профессиональную деятельность: помимо признательности министра внутренних дел, в 1833 году ему был «всемилостивейше» пожалован бриллиантовый перстень. Дважды (5 ноября 1849 года и 13 января 1853 года) как врач Смоленского детского приюта он удостаивался благоволения императрицы. Скончался Франц Иванович Валь в 1855 году в возрасте 63 лет, а на его могильном памятнике была сделана

---

[136] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. Л. 7 об.; Ф. 754. Оп. 2. Д. 88. Л. 2.
[137] См. публикацию документа: Помогал, «не различая звания и состояния». Судьба французского лекаря Франца Валя в России / публикацию подготовила А.В. Тихонова // Исторический архив. 2010. № 6. С. 154–158.
[138] ГАСО. Ф. 754. Оп. 2. Д. 59. Л. 5–9.
[139] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. Л. 6 об.–7.
[140] ГАСО. Ф. 754. Оп. 2. Д. 59. Л. 9 об.

характерная надпись: «Друг человечества»[141]. Как известно, выражение «друг человечества» появилось в эпоху античности по отношению к Прометею. В России, в связи с известным высказыванием Н.М. Карамзина, оно было адресовано Ж.Ж. Руссо. Может быть, при упоминании провинциального лекаря пафос крылатой фразы «Amicus humani generis» не был столь явным, но остался глубинный смысл: задача настоящего доктора – прийти на помощь больному вне зависимости от его национальности, вероисповедания, пола, возраста, сословной принадлежности, политических взглядов и материальной состоятельности.

Если принятие присяги России бывшим военнопленным Ф.И. Валем произошло уже после 25 лет проживания на территории империи, и для врача это было возможным, то другие военнопленные решение о подданстве должны были принять уже вскоре после окончания кампании.

Указом императора Александра I от 4 июля 1813 года[142] пленным было разрешено вступать в российское подданство, при этом нижние чины можно было сразу приводить к присяге, а об офицерах, изъявивших желание принять российское подданство, следовало сообщить в Министерство полиции для получения разрешения. Согласно «Правилам какие наблюдать при приеме в подданство пленных», Министерство полиции требовало, чтобы при объявлении иностранным военнопленным желания принять российское подданство «у оного отбирать от каждого показание 1-е какой он нации и закона, 2-е откуда родом, 3-е из какого сословия тамошних жителей, т.е. из хлебопашцев, купцов, мещан и проч., 4-е сколько ему от роду лет, 5-е в каком войске, долго ли и каким чином и званием служил, 6-е холост или женат, 7-е где оставил отца или ближних сродственников, 8-е знает ли на своем языке грамоты, так же другие какие языки, науки, мастерство, или рукоделие и 9-е

---

[141] Река времен. Книга истории и культуры. М.: Эллис Лак, 1996. Кн. 4. С. 51.
[142] ПСЗ-1. Т. XXXII. № 25415.

чем надеется до избрания рода жизни пропитать себя»[143]. Эти списки следовало направлять в Особенную канцелярию Министерства полиции.

Подав прошение и получив согласие губернского начальства, военнопленные приносили присягу на подданство России и обязаны были в течение 9 месяцев избрать род деятельности (согласно предписанию Вязмитинова губернаторам от 5 августа 1813 года[144]), затем срок, по предложению Комитета министров, был сокращен до 2 месяцев (что отражено в предписании Вязмитинова от 4 ноября 1813 года[145]). Гражданский губернатор той губернии, где была принесена присяга, должен был выдать новому российскому подданному паспорт на проживание в любой российской губернии, кроме присоединенной территории бывшей Польши, а также Курляндии, Финляндии, Бессарабии, Белостокской и Тарнопольской областей и обеих столиц. Военнопленные, знающие ремесла и принявшие подданство России, должны были быть записаны в мещане и на 10 лет освобождены от всех положенных по сословной принадлежности податей и повинностей, «яко новые подданные не имеющие еще оседлости и собственности». Ремесленники, по их добровольному желанию, могли определяться на частные и казенные фабрики и заводы и заключать контракт с дирекцией или хозяином[146]. Принявшие русское подданство могли работать как «садовники, портные, сапожники и тому подобные», записываясь мещанами[147].

Последовавшие в 1813 году циркуляры касались срока избрания новым подданным России рода занятий, сбора полных сведений о вступающем в российское подданство (национальность, вероисповедание, место рождения, возраст, сословие, место службы, семейное положение, местонахождение родственников, образование, профессия, способ пропитания), а также права

---

[143] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. 1813 г. Л. 23 об.
[144] Миловидов Б.П. Использование военнопленных 1812 г. на работах… С. 171.
[145] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. 1813 г. Л. 48; Миловидов Б.П. Использование военнопленных 1812 г. на работах… С. 175-176.
[146] Подробнее о контракте см.: Сироткин В.Г. Судьба французских солдат в России после 1812 года // Вопросы истории. 1974. № 3. С. 132–133.
[147] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. 1813 г. Л. 48. Л. 48–49.

проживать в губернских городах, но вне столиц[148]. По данным В.А. Бессонова, немногим более 2 000 человек из числа военнопленных пожелали принять российское подданство[149].

В имеющихся документах канцелярии смоленского губернатора удалось установить 42 имени военнопленных, присягнувших на верность России за 1813–1815 годы. В связи с плохой сохранностью фондов гражданского губернатора, губернского правления, городской думы мы не имеем точной статистики о количестве принявших подданство на территории Смоленской губернии. Нет таковой и по Российской империи: часто упоминаемая прежде цифра в 60 000 военнопленных, вступивших в российское подданство, в настоящее время оспаривается специалистами[150].

Одно из дел 1814 года из канцелярии смоленского губернатора «О причислении в Смоленское мещанское общество принявшего подданство России Иоганна Карлова Клауса» дает представление о процедуре принятия российского подданства и оформлении необходимых документов. Судьба И.К. Клауса – история одного из военнопленных Великой армии Наполеона, уроженца княжества Брауншвейг-Вольфенбюттель.

Клаус был слугой у майора Фердинанда Баннама из 3-го кирасирского французского полка. Когда полк Баннама шел к Москве через Смоленскую губернию, на подступах к Вязьме, Клаус «избрав случай к свободе… получил от него Баннама аттестат полагая было возвратиться в отечество но по приходе… в отчину артиллерии майора и кавалера Ивана Ивановича Барышникова Дорогобужского уезда в село Николу Погорелое взят был по человеколюбию Г-ном майором и кавалером Лукою Филипповичем Ладынином, управляющим имением упомянутаго Гна Барышникова». Сначала иностранец жил у Ладынина в Николо-Погорелом, а затем со своим благодетелем переехал в Петербург, где и проживал, получив от «тамошнего

---

[148]Бессонов В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России... С. 63–64.
[149]Бессонов В.А. Военнопленные 1812 г. в России… С. 96.
[150] Миловидов Б.П. Алфавит военнопленных, оставшихся в России… С. 265.

начальства» вид на жительство, «представя данной … от майора Баннама аттестат и пашпорт бывший … тамошнего Вестфальскаго правления». Эти сведения о себе Клаус сообщил в прошении смоленскому губернатору в марте 1814 года: «имея желание быть русским верноподданным испрашиваю позволения Вашего Превосходительства учинить мне на подданство России присягу после чего для прожития в России снабдить меня пашпортом»[151]. К прошению был приложен билет № 573, принадлежавший Клаусу, «следующему ныне до Смоленска или Вязьмы на жительство». Билет был подписан санкт-петербургским обер-полицмейстером 26 августа 1813 года. При этом в билете было указано, что в Петербурге он проживал по срочному виду № 314, полученному с внесением пошлин в размере 3 рублей[152].

Губернатор уведомил о прошении Смоленское губернское правление, предложив «позволить просителю учинить присягу на подданство на законном основании и снабдить для свободнаго прожития надлежащим видом взыскав с онаго за листы бумаги на прозбу употребленной указные пошлины»[153]. Губернское правление в соответствии с правилами получило необходимые показания от Клауса, подлинник которых был им подписан («руку приложил»). Показания были оформлены в виде таблицы (см. Приложение 9).

19 марта 1814 года Клаус принял присягу в губернском правлении, подписав «Клятвенное обещание» (см. Приложение 10). В тот же день 19 марта 1814 года Клаус получил в Смоленском губернском правлении «пашпорт», дающий ему право в течение 2 месяцев избрать «род жизни или состояние, в противном же случае сочтен будет за бродягу». В документе было оговорено, что Клаус может «жить во всех Российских губерниях, кроме присоединенных к России от бывшей Польши, также Курляндии, Финляндии, Бессарабии, областей Белостокской и Тарнапольской и обеих столиц»[154]. «Пашпорт» был

---

[151] ГАСО. Ф. 1. Оп.1. Д. 47. 1814 г. Л. 2–2об.
[152] Там же. Л. 3.
[153] Там же. Л. 1.
[154] Там же. Л. 8. 10 октября 1814 года Комитет министров положительно рассмотрел вопрос о снятии запрета на поселение в столицах для иностранных художников, мастеровых и

приложен к прошению, которое «из военнопленных присягнувший на подданство России Иоган Карлов сын Клаус» подал в мае 1814 года на высочайшее имя, желая «быть причисленным в Смоленское мещанство»[155].

Те из военнопленных, кто не принял российское подданство, подлежали репатриации. Процесс постепенного возвращения военнопленных на родину был начат в 1813 году. Уже 16 января 1813 года по предписанию Вязмитинова пруссаки должны были отправляться в Ригу, но 28 января 1813 года перемещение пленных по территории империи было отменено, 10 марта того же года прежнее решение о репатриации прусских военнопленных через Ригу Вязмитинов подтвердил, а 22 июля 1813 года предписал оставшихся еще в России прусских офицеров направлять в Главную квартиру главнокомандующего армиями. Затем последовали предписания по поводу мекленбургских офицеров, возвращающихся через Ригу и Вильну (от 25 марта 1813 года), уроженцев герцогства Ангальт-Дессау – через Ригу (от 18 апреля 1813 года), саксонцев, саксен-веймарцев и саксен-кобургцев – через Ригу и Белосток (от 25 апреля и 31 мая 1813 года, но через Белосток уже 25 июня передвижение было приостановлено и возобновлено 9 ноября 1813 года), австрийцев – через Радзивилов Волынской губернии (23 мая 1813 года), баварцев – через Ригу, Брест-Литовск и Радзивилов (от 17 октября 1813 года), вюртембержцев, подданных Великого герцогства Вюрцбург и герцогства Саксен-Мейнинген – через Ригу и Белосток (от 9 и 14 ноября 1813 года), военнопленных Рейнского союза и Великого герцогства Франкфуртского – также через Ригу и Белосток (26 ноября, 2 декабря 1813 года)[156].

Процесс продолжался и в 1814 году: возвращению подлежали поляки и неаполитанцы – через Радзивилов Волынской губернии (предписание от 31 марта 1814 года). Поляки могли возвращаться и через Белосток (от 6 апреля

ремесленников, 3 ноября 1814 года С.К. Вязмитинов сообщил об этом решении в своем циркулярном предписании губернаторам. (Бессонов В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России… С. 72).

[155] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. 1814 г. Л. 6–6 об.

[156] Бессонов В.А. Военнопленные 1812 г. в России... С. 101–104.

1814 года), те, «кто был отправлен для укомплектования полков на Кавказ, в Грузию и Сибирь», возвращались по линии Военного министерства[157].

Полная репатриация военнопленных предусматривалась Высочайшим повелением о том, что «все без изъятия пленные, в России находящиеся, каких бы они наций не были, отпущены были в отечество»[158]. Об этом своим циркулярным предписанием 13 мая 1814 года С.К. Вязмитинов известил губернаторов. Из Акта по репатриации все же были исключены иностранцы, сосланные под надзор полиции, которые не могли возвратиться на родину без особого разрешения российского императора. Оно могло последовать только после «ответственного донесения» губернаторов (согласно секретному циркулярному предписанию Министерства полиции гражданским губернаторам от 12 мая 1814 года[159]). Все исключенные из Акта по репатриации подлежали освобождению после подписания 30 августа 1814 года Всемилостивейшего манифеста, «в 19-м пункте которого говорилось о прощении всех, кто был связан с врагом или служил у неприятеля»[160].

Новость о репатриации военнопленные встретили с радостью. Находившийся в плену в Симбирской губернии с февраля 1813 года унтер-офицер 2-го швейцарского пехотного полка Ш. Мино в своем «Дневнике кампаний и ранений» вспоминал: «Городничий, сообщая о ближайшем отправлении, сделал предложение всем желающим остаться в России. Он обещал большие преимущества, дом, лошадь, корову, четырех баранов и освобождение от всех налогов на десять лет, но никто не принял этих

---

[157] Бессонов В.А. Военнопленные 1812 г. в России... С. 104–105.
[158] ГАСО. Ф. 1. Оп 1. Д. 241. 1814 г. Л. 413.
[159] ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 177. 1814 г. Л. 1.
[160] Бессонов В.А. Военнопленные поляки. 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: сборник материалов. Вып. VII. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Труды ГИМ. М., 2008. С. 162. Среди тех, кто был освобожден по Манифесту от 30 августа 1814 года, были лица иностранного происхождения, находившиеся прежде в русской службе, а затем поступившие в наполеоновскую армию и плененные в 1812 году на территории России. Эти «перевертыши» были взяты под строгий надзор и, несмотря на прошения о помиловании, получили его только после издания вышеупомянутого манифеста. (Бессонов В. Перевертыши. Полицейский надзор за пленными 1812 года // Родина. 2002. № 8. С. 97–98).

предложений, так как все стремились на родину»[161]. По поводу «подъемных» – это явное преувеличение, вероятно, чтобы подчеркнуть, от каких перспектив ради своего отечества отказывались пленные. Реальной же мерой, на которую при принятии российского подданства бывшие военнопленные могли рассчитывать, было освобождение от налогов.

С.К. Вязмитинов подписал 13 мая 1814 года распоряжение об отправлении в отечество военнопленных всех наций, в России находящихся[162]. В секретном циркуляре Министерства полиции гражданским губернаторам от 12 мая 1814 года особо оговаривалось, что «отправление в отечество военнопленных всех наций, в России находящихся» должно было проводиться через три сборные пункта: в Радзивилове, Риге и Белостоке. При этом итальянцы из всех губерний направлялись в Радзивилов, а представители других наций «со включением и Данцигского гарнизона» должны были быть отправлены либо в Ригу, либо в Белосток. Для иностранных военнопленных из Смоленской губернии сборным пунктом был назначен Белосток[163]. Партии пленных, направляемых в Ригу и Радзивилов, также проходили через Смоленскую губернию.

Порядок отправки пленных был четко прописан: «Отправление пленных из губерний к назначенным пунктам, чинить партиями в таком числе каждую, как признают гг. начальники Губерний удобнее, но не более двух сот человек». Следовало отправлять партии «одну за другою через несколько дней, с соразмерным числом Штаб и Обер-Офицеров их» (не менее 3 штаб- и обер-офицеров на каждые 100 человек), снабжая предписанием, инструкцией и деньгами, выдаваемыми казенными палатами[164]. Военнопленные снабжались в дорогу не только порционными деньгами, но и необходимым обмундированием

---

[161] Хомченко С.Н. Симбирская губерния в мемуарах пленных военнослужащих армии Наполеона. 1812–1814 гг. …
[162]Бессонов В.А. Военнопленные 1812 г. в России. С. 105–106.
[163] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 241. 1814 г. Л. 413.
[164] Там же.

и обувью[165]. Обычно комплект казенной амуниции включал куртку с панталонами, шинель и фуражку серого сукна, сапоги, чулки и рукавицы[166].

На каждых двух человек пленные офицеры получали по одной пароконной подводе. Каждым двенадцати военнопленным нижних чинов или двоим больным («буде случатся»), а также конвойной команде полагалось по одноконной подводе. Обычно конвой при партии более ста человек состоял из одного офицера и 6–8 нижних чинов гарнизонного батальона. Составлялись именные списки партии с указанием «всем чинам без изъятия, по нациям, именам и фамилиям, с показанием: кавалерийских, пехотных, артиллерийских и каждого рода служений, фрунтовых, нестроевых и другого звания. Сии списки должны быть написаны, как на природном их языке так и по русски, и таковых списков один экземпляр давать конвойному начальнику, другой посылать начальнику на сборном месте, а третий препроводить в Особенную Канцелярию Министра Полиции, в то же время, когда об отправлении которой партии доносимо будет»[167]. По этим спискам возглавлявший конвой офицер передавал партию, достигнув губернского города. «Партионным Начальникам …предписываемо было, дабы они порученныя им партии вели без малейшего раздробления, не позволяя ни одному человеку от оной отлучаться или отставать, и как по утрам, так и по вечерам делали бы переклички»[168].

В ордере № 5580, подписанном смоленским губернатором бароном К.И. Ашем от 6 июня 1814 года и адресованном унтер-офицеру смоленской внутренней стражи, говорилось о доставлении в Радзивилов Волынской губернии партии военнопленных из 7 итальянских обер-офицеров и 1 рядового. В ордере особо подчеркивалось: «на пути с пленными обходиться ласково и человеколюбиво»[169].

---

[165] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 331. 1815 г. Л. 26; Д. 345. 1815 г. Л. 39.
[166] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 306. 1815 г. Л. 62.
[167] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 241. 1814 г. Л. 413 об.
[168] Там же. Л. 509.
[169] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 295. 1814 г. Л. 41.

По прибытии партии военнопленных городские и земские власти должны были предоставить «добраго поведения по одному проводнику, а на случай болезни и подводы»[170], помочь разместить военнопленных с сопровождавшими их конвойными на квартирах местных обывателей[171]. При этом конвойный офицер, согласно полученному от губернатора ордеру, обязан был получать от обывателей письменные свидетельства о том, что препровождаемые им пленные «проходили смирно и добропорядочно», а за ночлег обывателям было заплачено из денег, выделенных конвойному для сопровождения партии. Свидетельства от обывателей офицер должен был предъявлять в городах городничим, в сельской местности – земским судам, в губернских городах – начальникам губерний[172].

Четкие инструкции, по мнению властей, должны были предотвратить возможные эксцессы. Однако это не всегда удавалось сделать. Так, 14 января 1815 года заседатель Духовщинского суда Карницкий свидетельствовал об инциденте, произошедшем на его глазах в Пневой Слободе Духовщинского уезда Смоленской губернии во время прохода партии военнопленных. 186 пленных следовали в сопровождении 6 конвойных из Казани в Белосток. После ночлега в Слободе (во время которого, кстати, у одного из военнопленных были украдены шерстяные носки стоимостью, по справочным ценам, 1 рубль 35 копеек) партия выдвинулась в путь. Но штабс-капитан Ивашников из расквартированного в селении 1-го батальона 2-го Костромского полка устроил драку с пленными поляками: Францишке Палицкому и Стефану Дуцкому «дал на лице боевые знаки, Палицкому на носу знак, Дуцкому на правой щеке рубец и на голове имеет от ударов палочных шишку». Кроме того, в присутствии Карницкого, который вместе с конвойным офицером Роговым пытался пресечь драку, Ивашников заявил, что «имеет право оной партии партионного офицера

[170] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 345. 1815 г. Л. 143.
[171] Там же.
[172] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 295. 1814 г. Л. 45.

Г-на Рогова связать и арестовать», да еще «он крыкнет своих воинов и всех прикажет придушить в оной деревне»[173].

В своем рапорте смоленскому гражданскому губернатору от 16 января 1815 года Рогов также кратко описал произошедшую драку и неадекватное поведение её устроителя – штабс-капитана Ивашникова. Рогов представил квитанцию, подписанную за обывателей Пневой Слободы земским писарем. Квитанция была дана «партийному офицеру Рогову в том что имея ночлег в оной Слободе обывателям обид и притеснений чинимо не было. Без денег нечево не брано. Кормовые и прогонные деньги все сполна получены»[174]. В этом конфликте конвойные на законном основании старались защищать безопасность пленных, и судья при рассмотрении конфликта был на стороне начальника партии. Инциденты при проходе партий пленных, как свидетельствуют документы, не были редкостью[175].

По неполным данным, «в свое отечество» в первые годы после Указа о репатриации 1814 года вернулось около 30 тысяч бывших военнопленных Великой армии Наполеона[176]. Некоторые пленные к моменту издания Акта по репатриации успели принять российское подданство, но желали вернуться домой. Им была дарована свобода «возвратиться, буде пожелают, в их отечество»[177], согласно Высочайшему указу 17 августа 1814 года, данному на имя Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова. Оказавшийся в русском плену су-лейтенант 9-го шволежерского полка, граф К.А.В. фон Ведель в своих мемуарах свидетельствовал: «Из всего, что я видел и слышал в России, а также из того, что я узнал от других вернувшихся на родину пленных, я вынес убеждение в том, что ни один пленный не был задержан в России против своей воли. Но были, правда, и такие, которые, добровольно оставшись в России, затем разочаровались в принятом решении, нашли возможность для

---

[173] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 345. 1815 г. Л. 6.
[174] Там же. Л. 5.
[175] Хомченко С.Н. «Находится во всегдашнем пьянстве и делает ссоры и наглые поступки…» С. 196–199.
[176] Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 136.
[177] АВПРИ. Ф. 1. Разряд II. Оп. 15. 1814 г. Д. 5. Л. 7; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 319. 1815 г. Л. 310.

возвращения на родину и рассказывали там ужасные истории о насилии, которому подвергались пленные и об оставшихся в России томящихся в неволе несчастных товарищах, чтобы тем самым подвигнуть доверчивых собеседников к вспомоществованию»[178]. 96 % военнопленных вернулись на родину[179].

Многие иностранные военнопленные все же не изменили своему прежнему решению и остались в империи. Среди них был Богдан Клаус, как он именовался в документах Смоленской городской думы. На своем заседании 5 марта 1815 года Дума заслушала сообщение Смоленского городового магистрата и постановила Клауса, присягнувшего на верность России 19 марта 1814 года, «принять в Смоленское мещанство с освобождением от сего времени на десять лет от всех мещанских податей и повинностей и о причислении его в оклад с льготою на показанное время представить казенной палате доношением. О чем губернскому правлению отрапортовать и здешней городовой магистрат уведомить сообщением»[180]. В журнале Думы отмечено, что постановление исполнено 5 апреля 1815 года[181].

Были и случаи вступления бывших военнопленных в российскую воинскую службу, хотя это явление вряд ли можно назвать массовым. Например, в именном списке прусских, мекленбургских и гессенских подданных, составленном витебским гражданским губернатором П.П. Тормасовым для представления санкт-петербургскому военному генерал-губернатору С.К. Вязмитинову в январе 1817 года, из 18 человек таковых только трое[182].

Возвращение на родину для многих военнопленных, которые подлежали репатриации, часто затягивалось из-за болезни. В списке больных

---

[178]Ведель К.А.В. История одного офицера в войне против России в 1812 году, в русском плену в 1813-1814 годах, в походе против Наполеона в 1815 году. Воспоминания // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814. Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 477.
[179]Бессонов В.А. Военнопленные 1812 г. в России. С. 96.
[180] ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 14. 1815 г. Л. 65–65 об.
[181] Там же.
[182]Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX вв.) / сост. И.Л. Вернер. Минск: Типография Макарова и К, 2012. С. 100–101.

военнопленных, оставленных в Смоленске в 1814 году вместо следования с партией в Белосток, были указаны 44-летний поляк Готлиб Гофман, воловщик из 4 корпуса, взятый в плен под Красным[183], 36-летний француз из Безансона Жан Лаварье из 5 корпуса, взятый в плен при Магдебурге в 1813 году[184]. 23-летний вестфалец Генрих Штрунк, служивший во «2 пехотном полку 8 корпуса» был пленен под Красным и «оставлен в Рославле за болезнью по удостоверению штаб-лекаря»[185]. Австриец Петр Михайлов, служивший во французской армии, будучи больным, был «приготовлен к отправке» на родину только в марте 1816 года[186], а венецианец Людвиг Колленто из 12-го линейного пехотного батальона итальянских войск, взятый в плен в Берлине и лечившийся в Смоленском госпитале, – в сентябре 1816 года [187]. В июле 1817 года в Белосток были отправлены военнопленные французы: бывший рядовой 10-го гусарского полка, плененный в Смоленске Этьен Гитон (Etienne Guiton) и унтер-офицер 18-го полка легкой пехоты, взятый в плен под Бородино Антон Боне (Antoine Bonné) с женой[188].

В 1824 году, согласно официальным источникам, «численность эмигрантов войны 1812 г.» составила около 1800 человек[189]. Сведения «касательно увольнения в свое отечество иностранцев, присягнувших на подданство России» предоставлялись в Министерство иностранных дел и позже – в 1827 году, через 13 лет после Акта по репатриации[190]. По сведениям В.Г. Сироткина, полученным на основании материалов посольства Франции в

---

[183] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 207. 1813 г. Л. 14.
[184] Там же. Л. 14 об.–15.
[185] Там же. Л. 16 об.–17.
[186] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 331. 1815 г. Л. 3, 7.
[187] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1816 г. Л. 11.
[188] Там же. Л. 45 об.–46, 47об.–48.
[189] Алфавит военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 г. (Публикация Б.П. Миловидова) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: сборник материалов. Вып. IX. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Труды ГИМ. М., 2010. С. 278.
[190] АВПРИ. Ф. 1. Разряд III. Оп. 5. Д. 25. 1827 г.

России, только французов из бывших военнопленных в 1826–1829 годах вернулось 300 человек, в большинстве своем с семьями[191].

Правом на возвращение воспользовались 11 человек из учтенных 42, принявших присягу в Смоленской губернии, то есть 26% присягнувших военнопленных. На Смоленщине были случаи, когда решения о возвращении на родину принимались бывшими военнопленными, состоявшими уже российскими подданными, после 15 лет пребывания в империи. Так, бывший военнопленный француз Обер, проживавший в Сычевском уезде Смоленской губернии, стал собирать бумаги на отъезд в 1829 году[192], а в следующем году покинул Россию[193]. Сардинский подданный Франциск Компанини, «находившийся во французской службе в 72-м полку и с 1812 года оставшийся в Смоленске», ссылаясь на плохое здоровье, пожелал вернуться домой в 1830 году[194]. Из документов канцелярии смоленского гражданского губернатора известно, что билет на выезд был выдан Компанини 17 августа 1831 года[195].

Учитель французского языка Александр Делатр (Alexandre Delattre), родившийся в Камбре в 1792 году, служивший «во время войны 1812 года сержантом в 48 пехотном полку в корпусе маршала Нея» и взятый при Орше в плен[196], 5 декабря 1813 года принес присягу в Витебском губернском правлении[197], а в 1831 году подал прошение на имя смоленского губернатора о возвращении домой[198]. Необходимость так долго оставаться в Смоленске и вступить в российское подданство он объяснил болезнью. На улаживание всех формальностей также ушел год, и Делатр вместе с женой Катериной

---

[191] Сироткин В.Г. Судьба пленных солдат и офицеров Великой Армии в России после Бородинского сражения // Отечественная война. Источники. Памятники. Проблемы: материалы VIII Всероссийской научной конференции (Бородино, 6–7 сентября 1999 г.) / сост. А.В. Горбунов. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 260.
[192] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1829 г. Л. 1133.
[193] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. 1830 г. Л. 184 об.
[194] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. 1830 г. Л. 258–258 об.; АВПРИ. Ф. 1. Разряд II. Оп. 15. Д. 6. 1830 г.
[195] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. 1831 г. Л. 32 об.
[196] Там же. Л. 590–591.
[197] Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX вв.) / сост. И.Л. Вернер. Минск: Типография Макарова и К, 2012. С. 97.
[198] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. 1831 г. Л. 590–591.

отправились в свое «Отечество в Камбру» в июне 1832 года, получив заграничные паспорта у Смоленского, Витебского и Могилевского генерал-губернатора[199]. Причины возвращения на родину спустя многие годы были различными: семейные обстоятельства, трудности адаптации к российским реалиям, болезни и желание увидеть родных, обрести покой на отчей земле. Длительные рассмотрения дел тех, кто желал вернуться, были связаны с бюрократической волокитой, перепиской между чиновниками МВД и МИД (наводились подробные справки, касавшиеся семейного и материального положения, а также возможных препятствий для выезда и т.п.).

31 октября 1834 года последовал Именной указ Николая I, объявленный гражданским губернаторам министром внутренних дел. Поводом к появлению указа стали многочисленные запросы в Министерство внутренних дел от губернаторов в связи с обращениями военнопленных, оставшихся в России после 1812 года и принявших подданство империи. Однако спустя некоторое время они желали выйти из него и возвратиться на родину. По поводу таковых иностранцев сложился следующий порядок действий: гражданские губернаторы испрашивали «частно Высочайшее разрешение чрез Комитет гг. Министров». В случае положительного решения увольнение от подданства осуществляли губернские правления, а казенные палаты исключали уволенных из оклада. По указу от 31 октября 1834 года гражданским губернаторам в представлении в Министерство внутренних дел просьбы военнопленного, желавшего вернуться в отечество, следовало указывать: «а) Женат ли сей иностранец, на ком именно и имеет ли детей. б) Какого исповедания жена и дети его и каких сии последния лет. в) Согласна ли жена его ехать с ним за границу, равно и дети его, если они совершеннолетния. г) Не имеется ли на нем казенных по званию его недоимок, не заключал ли он каких либо с казною или частными лицами контрактов и условий еще неисполненных, и вообще не лежат ли на нем какие либо общественные повинности или частные иски; и д) не встречается ли со стороны губернского начальства каких либо особых

[199] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 1832 г. Л. 235, 249.

препятствий к удовлетворению помянутой его просьбы»[200]. В Смоленской губернии случаев просьб о возвращении на родину после 1834 года нам неизвестно. Нет и общероссийской статистики о численности бывших военнопленных, воспользовавшихся Указом от 31 октября 1834 года.

Применить термин «пропавшие без вести» возможно было бы в отношении значительного числа иностранных военнопленных. В.А. Бессонов обнаружил 13 предписаний Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова, изданных в 1813–1814 годах, о поиске пленных: 16 человек в 1813 году и 20 – в январе-марте 1814 года[201]. Инициатива розыска принадлежала государю и вдовствующей императрице Марии Федоровне[202].
В дальнейшем предписания Вязмитинова гражданским губернаторам о наведении справок о военнопленных, их судьбе и возможной гибели в России были связаны с запросами иностранных консульств о своих соотечественниках.

В сентябре 1815 года был составлен список швейцарских военнопленных, уроженцев Базеля, включавший 324 имени. Среди них два человека во время военной кампании 1812 года оказались в Смоленске и были оставлены в госпитале при возвращении других военнопленных на родину. Это Франсуа Антуан Алоиз Штокман (Francois Antoine Aloÿse Stockmar), служивший в 5-й роте 1-го эскадрона 3-го кирасирского полка и Игнас Иосиф Вальтер (Jgnace Joseph Walter) из 10-й роты 5-го эскадрона 9-го гусарского полка французской армии[203]. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Нота Бернского правительства от 28 ноября 1815 года была посвящена швейцарскому уроженцу Якобу Изели (Jacob Jseli), служившему в 4-м швейцарском полку в составе Великой французской армии. Изели поступил на службу 18 мая 1810 года, был ранен во время кампании 1812 года и, по сведениям Бернского правительства, на 31 декабря 1812 года находился в

---

[200] ПСЗ-2. Т. IX. Ч. 2. № 7524.
[201] Бессонов В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным … С. 65.
[202] Там же. С. 65.
[203] АВПРИ. Ф. 1. II–15. 1815 г. Д. 7. Л. 4 об.

Полоцке. Кантональные власти просили навести справки о своем соотечественнике. Изложенные данные были проверены по линии российского Министерства внутренних дел. Оказалось, что Изели никогда не был в полоцком госпитале. На новую попытку из Берна от 30 октября 1818 года узнать о судьбе Изели, а в случае его смерти получить свидетельство об этом, ответом стала «канцелярская цидула»–отписка, повторившая прежний ответ[204].

По просьбе наследного принца Августа Гольштейн-Ольденбургского циркулярным предписанием санкт-петербургского военного генерал-губернатора, возглавлявшего Особенную канцелярию Министерства полиции С.К. Вязмитинова от 19 февраля 1817 года губернаторам следовало навести справки об итальянцах и жителях герцогства Ольденбург, служивших в Великой армии Наполеона. Список состоял из 67 человек[205]. В связи с доставленным прусским посланником генералом Шелером списком соотечественников управляющий Министерством иностранных дел граф Нессельроде обратился к Вязмитинову, последний 19 апреля 1819 года разослал губернаторам, в том числе смоленскому, очередное предписание. С.К. Вязмитинов просил узнать о 6 военнопленных, которые присягнули на верность России, но хотели бы возвратиться на родину, поэтому их следовало «снабдить на выезд из России паспортами и доставить им всевозможныя способы к возвращению в отечество»[206]. На предписании стоит резолюция смоленского губернатора: «30 октября [1819 года] о неотыскании донести»[207].

«Домогательство нидерландского посланника Верстолка де Зелена» к Нессельроде заставило последнего просить С.К. Вязмитинова об очередном предписании, последовавшем 5 мая 1819 года «о доставлении … сведения о Карле Гиллесе де Верте (Charles Gillesde Weert), оставшемся в 1812-м году по

[204] АВПРИ. Ф. 1. II–15. 1816 г. Д. 32. Л. 1–12.
[205] ГАСО. Ф .1. Оп. 1. Д. 3. 1817 г. Л. 285.
[206] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. 1819 г. Л. 531–532.
[207] Там же. Л. 531.

болезни в Смоленске, а в случае еже ли он умер, о доставлении сему законного свидетельства»[208].

Больше всего ходатайств, что вполне объяснимо, поступало от французского поверенного, о чем Нессельроде информировал С.К. Вязмитинова для содействия в розысках. На примере документов канцелярии смоленского губернатора можно составить своеобразный перечень предписаний С.К. Вязмитинова о пропавших французах:

– от 2 сентября 1818 года – просьба сообщить «о настоящем местопребывании артиллерийского капитана Графа Альфонса Дамуассо (Damoijscou), оставшагося в 1812-м году военнопленным в России; в случае же смерти его желает иметь надлежащее о том свидетельство. В ноте французскаго поверенного в делах сказано: что означенный Дамуассо вместе со своим отрядом, близ Смоленска взят в плен»[209];

– от 17 ноября 1819 года – узнать «о пленном Феликсе Жерве Удиетте (Oudiette), служившем в 18-м полку военных экипажей и взятом в плен между Смоленском и Вильною»[210]. Оба, согласно резолюции губернатора, «не отысканы»[211];

– от 11 октября 1820 года – отыскать братьев Николая и Габриеля Иммелене, «которые служили солдатами во французской армии, из коих первый остался якобы больным в Смоленске»[212].

Беспокойство о военнопленных проявляли и их родные, ходатайствовавшие о розыске. Вязмитинов поручал 31 октября 1817 года смоленскому гражданскому губернатору «учинить… надлежащую выправку» и донести о старшем адъютанте французской службы Камилле Додье [Camille Daudier], так как его родственники сообщили, что последний раз «офицер сей, сколько известно, писал в декабре 1812-го года из Смоленска». Примечательно,

---

[208] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. 1819 г. Л. 574.
[209] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1818 г. Л. 200–200 об.
[210] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. 1819 г. Л. 376.
[211] Там же.
[212] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. 1820 г. Л. 275.

что Вязмитинов полагал и в этом случае, что французский пленный, вероятнее всего, умер и просил губернатора о «доставлении в случае смерти его, законного о том свидетельства»[213]. 27 января 1819 года Вязмитинов обращался за справкой о Себастиане Викторе Бланшо (Blanchor), который служил гренадером в первом пехотном полку прежней французской гвардии и «по удостоверению родственников его, взят был в плен под Смоленском в 1812-м году и препровожден в Казань, откуда писал он письмо в июле месяце 1814 года». К Вязмитинову по этому делу обращался управляющий коллегией иностранных дел («по домогательству французского поверенного в делах кавалера Мальвирада»)[214].

Запросы о военнопленных Великой армии в канцелярии губернаторов продолжались и спустя десятилетие после военной кампании. Так, управляющий Министерством внутренних дел граф Кочубей в предписании смоленскому гражданскому губернатору от 13 апреля 1823 года за № 177 требовал «учинить выправку о военнопленном, бывшем служащем 33 французского пехотного полка Амедея Барбазана д`Алгейре». Он был ранен в сражении под Москвой, отправлен 19 октября 1812 года «в Варшавскую гошпиталь», но туда не доехал, «почему и полагают, что он умер на пути между Москвой и Варшавой». На документе есть отметка канцелярии о том, что соответствующие запросы были направлены смотрителю госпиталя, а также Вяземскому, Гжатскому, Дорогобужскому и Краснинскому судам. На документе имеется краткая резолюция: «26 июля [1823] отвечено»[215].

30 мая 1824 года из Особенной канцелярии МВД губернаторам, в том числе и Смоленскому, был разослан циркуляр с просьбой отыскать 16 тирольцев, служивших во французской армии, попавших в плен и, вероятно, оставшихся в России[216]. Управляющий Министерством внутренних дел В.С. Ланской своим предписанием от 16 ноября 1827 года «поручал»

---

[213] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. 1817 г. Л. 507.
[214] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д.3. 1819 г. Л. 114.
[215] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1823 г. Л. 232.
[216] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. 1824 г. Л. 522.

смоленскому гражданскому губернатору «открыть место пребывания Нидерландского уроженца Матвея Бенена, служившего в 1-м артиллерийском пехотном полку французской армии и взятого в плен в России в декабре месяце 1812 года»[217].

Министр внутренних дел А.А. Закревский в своем предписании смоленскому гражданскому губернатору Н.И. Хмельницкому от 26 апреля 1830 года требовал навести справки о Якове Марико из 18-го линейного полка французской армии, участнике Смоленского сражения 1812 года. Жена Марико обратилась с прошением к управляющему Главным штабом, желая узнать о судьбе мужа и в случае его смерти получить соответствующий документ[218]. 28 июня 1830 года министр внутренних дел по просьбе французского поверенного потребовал от смоленского гражданского губернатора навести справки о Жане Батисте Гиларии Брюделе (Jean Baptiste Hekaire Brudelle), бывшем сержанте 15-й роты 1-го пехотного артиллерийского полка из 8-го корпуса Великой армии. «Во время отступления французских войск в 1812 году, остался в Смоленске, и, как говорят, получил позволение завести там школу взаимного обучения. С тех пор семейство Брюделя не имеет о нем никакого известия»[219].

Министр внутренних дел обращался к губернатору с подобной просьбой 4 декабря 1830 года относительно солдата 108-го пехотного полка Николае Вагнере (Nicolas Wagner), взятого в плен в Смоленске 10 декабря 1812 года. «По дошедшим до его семейства частным сведениям должно полагать, что после плена своего он находился еще в живых, хотя и не доставлял о себе никакого известия своим родственникам»[220]. Несмотря на значительное число запросов в течение почти 20 лет после военной кампании, в документах канцелярии смоленского губернатора не удалось обнаружить положительных ответов («отыскания» сведений) о бывших военнослужащих Великой армии. Это, вероятно, связано с высокой смертностью иностранных военнопленных на

[217] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. 1827 г. Л. 925.
[218] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. 1830 г. Л. 414–414 об.
[219] Там же. Л. 603–603 об.
[220] Там же. Л. 1335–1335 об.

территории губернии. Не случайно эпидемиологическая ситуация на Смоленщине и в ряде других губерний долгое время была чрезвычайно сложной из-за большого числа трупов убитых и умерших от ран[221].

Оценивая российскую политику в отношении военнопленных, следует подчеркнуть ее определенную гуманность, направленную на сохранение жизни и здоровья пленных[222]. В реальности же местным властям по многим причинам это трудно удавалось из-за значительного количества пленных. Большие материальные издержки, связанные с пребыванием военнопленных на территории конкретных губерний, являлись тяжелым бременем для бюджета, а губернаторам приходилось решать множество каждодневных вопросов, связанных с обеспечением помещением, продовольствием, одеждой, обувью, конвоированием, улаживанием конфликтов между местным населением и пленными и внутри самого сообщества военнопленных. В силу целого ряда обстоятельств попытки задействовать военнопленных на строительстве и в сфере производства в целом оказались малоэффективными. Решение о репатриации, проводимое достаточно целенаправленно и гуманно, в действительности реализовывалось годами, что подтверждает Указ 1834 года (после 22 лет по окончании военной кампании в России). Неудачи в розысках бывших пленных объяснимы не столько нежеланием местных властей наводить справки, сколько реальным отсутствием разыскиваемых ввиду их смерти, официально не зафиксированной. Поэтому столь ожидаемые за границей документы – свидетельства о смерти – в большинстве случаев выданы быть не могли.

---

[221] Иванов А.М. Захоронение трупов на территории Вяземского уезда Смоленской губернии в 1812 году // 1812 год: война и мир: материалы III Всероссийской научной конференции. Смоленск: Свиток, 2012. С. 130–134; Миловидов Б.П.Военнопленные в Ярославской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2003. С. 142–152 URL:http://adjudant.ru/captive/mil10.htm; Белоусов С.В. Конвоирование военнопленных армии Наполеона в Поволжье //Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 4(38). С. 80–86. URL: http://adjudant.ru/captive/bel01.htm.

[222] Бессонов В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным … С.76.

Отмеченная в официальных делопроизводственных документах и воспоминаниях жестокость, которая проявлялась в отношении военнопленных со стороны местного населения и конвоя в период войны и непосредственно по ее окончании, отражала масштабы той «гуманитарной катастрофы», в которую были втянуты Наполеоном значительные массы людей.

§ 2. Судьбы женщин и детей из числа пленных в Российской империи

Особые и малоизученные страницы послевоенной истории – это судьбы оказавшихся в русском плену женщин и детей. «Французы шли к нам на верную победу, на прочное житье, и в этой уверенности многие взяли с собою свои семейства», – вспоминала знаменитая кавалерист-девица Н.А. Дурова[223]. Как известно, Великую армию и сопровождающих ее лиц в России ждало не просто разочарование, а страшные испытания.

В частных письмах российских дворянок встречаются отдельные замечания, ярко рисующие трагедию, постигшую семьи военнослужащих, оказавшихся в России. В переписке М.А. Волковой с В.И. Ланской в январе-феврале 1813 года с состраданием упоминаются бедствия военнопленных, «особенно женщин и малолетних детей; их целые тысячи следуют за армией Наполеона. Вся дорога от Минска до Вильны усеяна этими несчастными…»[224].

В полной мере увидеть ужасы войны в отношении женщин и детей неприятельской армии довелось российским военным. Участник Отечественной войны, смолянин Ф.Н. Глинка с сочувствием заметил: «Как жалко смотреть на пленных женщин! Их у нас много»[225]. Инженерный офицер армии Чичагова Мартос вспоминал, что он увидел, когда, покидая Россию, наполеоновские

---

[223] Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы Дуровой / вступ. ст. К.А. Военского. СПб., 1912. С. 68.

[224] Цит. по: Иванова Н.И. «Французский национальный характер» в представлениях российского столичного дворянства первой четверти XIX века // Россия – Франция. XVIII–XX века. Вып. 8. М.: Наука, 2008. С. 142.

[225] Глинка Ф.Н. Письма русского офицера / сост., вступ. ст. и коммент. С. Серкова, Ю. Удеревского. М.: Московский рабочий, 1985. С. 173.

войска смогли уже переправиться через Березину: «Ввечеру того дня равнина Веселовская, довольно пространная, представляла ужаснейшую, невыразимую картину: она была покрыта каретами, телегами, большею частью переломанными, наваленными одна на другую, устлана телами умерших женщин и детей, которые следовали за армией из Москвы, спасаясь от бедствий сего города или желая сопутствовать своим соотечественникам, которых смерть поражала различным образом. Участь сих несчастных, находящихся между двумя сражающимися армиями, была гибельная смерть; многие были растоптаны лошадьми, другие раздавлены тяжелыми повозками, иные поражены градом пуль и ядер, иные утоплены в реке при переправе с войсками или, ободранные солдатами, брошены нагие в снег, где холод скоро прекратил их мучения... По самому умеренному исчислению, потеря простирается до десяти тысяч человек...»[226]

Те же, кто сумел выжить в военных условиях, оказывались в плену, где также могли лишиться жизни по болезни или в результате преступления. В декабре 1812 года был случай убийства военнопленной двумя конвойными, которые в Опочке на Псковщине были арестованы и признаны виновными[227]. Даже уцелев в испытаниях, семьи военнопленных могли быть разлучены насильно. М.И. Кутузову 28 ноября 1812 года принцем Ольденбургским был направлен оригинал жалобы французского подполковника Жирарда, в которой последний писал, что 18 октября 1812 года казаками был захвачен в плен вместе с женой – 19-летней итальянкой. Казачий подполковник Чернозубов согласился не разлучать супругов, но генерал Иловайский оставил при себе мадам Жирард и игнорировал письмо французского пленного. Жирард при проходе его партии через Тверскую губернию просил содействия у принца Ольденбургского. Француз приводил следующие доводы: беда может

---

[226] Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: АСТ: АСТ-Москва, 2009. С. 344–345.

[227] Миловидов Б.П. Военнопленные в Псковской губернии в конце 1812 – начале 1813 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. VIII / Труды Государственного исторического музея.Вып. 181. М., 2009. С. 197–221. URL: http://adjudant.ru/captive/mil11.htm.

случиться с каждым, «все то, что принадлежит пленным должно быть сбережено и почитаемо», а главное, его любимая женщина «погружена в глубокое отчаяние от разлуки и неизвестности»[228]. Осталось неизвестным, проявил ли главнокомандующий чуткость к горю этой семьи, удалось ли мадам Жирард увидеть мужа.

Неизвестна и судьба вдовы французского офицера Терезии Клешенцовой после приезда ее в Харьков. В 1813 году Терезия (как своего рода трофей) была взята в дом майора Сумского гусарского полка Гежелинского в слободе Боромля Харьковской губернии. Предполагалось, что Терезия станет компаньонкой жены майора, но на деле иностранке была отведена роль прислуги. Обращение француженки к ахтырскому городничему не осталось без последствий: на его рапорт губернатор наложил резолюцию – «отобрать» иностранку и выслать в Харьков…[229]

Из данных, которые были присланы губернаторами на имя императора и содержали сведения о численности военнопленных, находившихся по 15 февраля 1813 года в 44 губерниях империи, известно, что на 39 465 мужчин приходилось 50 женщин и 7 детей. Из них женщин в Воронежской и Калужской губерниях – по 4, Оренбургской и Орловской – по 2, Саратовской – 30, Черниговской – 7, Ярославской – 1[230]. Дети упомянуты: 3 – в Калужской, 4 – в Саратовской губерниях. Это явно неполные сведения, так как в Смоленской

---

[228]Миловидов Б.П. Принц Ольденбургский и военнопленные Великой армии в 1812 году // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. Вып. III / Труды Государственного исторического музея. Вып. 142. М., 2004. С. 107–124. URL: http://adjudant.ru/captive/mil03.htm.

[229]Потрошков С.В. Военнопленные Великой армии в Слободско-Украинской губернии // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы / отв. ред. А.В. Горбунов. Бородино, 1998. С. 147–148.

[230] Бессонов В.А. Численность военнопленных 1812 года в России // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы X Всероссийской научной конференции. М., 2002. С. 18–38. Приложение 1.

По данным Алфавита военнопленных, оставшихся в России после 1812 года, датированного Б.П. Миловидовым 1816–1826 гг. указано (при исключении повторов) 1413 мужчин, 34 женщины и 11 детей. – Алфавит военнопленных, оставшихся в России после 1812 г. (Публикация Б.П. Миловидова) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: сборник материалов. Вып. IX. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2010. С. 277.

губернии женщины не указаны. В то время как среди 827 военнопленных, учтенных по документам канцелярии смоленского губернатора за 1812–1815 годы, оказалось 53 женщины и 6 детей[231]. У многих женщин не указаны ни национальность, ни подданство, среди прочих было 12 француженок, 4 итальянки, 3 уроженки Пруссии, 2 голландки и 1 шведка.

В подавляющем большинстве военнопленные женщины были солдатскими женами, лишь 8 являлись женами офицеров. Две «капитанские жены» находились на фронте с малолетними детьми (30-летняя Маргарита Моен [Moyen] с 7-летней дочерью Маре[232] и Маргарита Франтишка тоже с маленькой дочкой[233]), а потом оказались с ними в плену[234]. В именном списке военнопленных женщин, отправленных из Рославля Смоленской губернии в г. Пензу в сентябре 1813 года, который был составлен штабс-капитаном Милковским и приложен к рапорту рославльского предводителя дворянства смоленскому гражданскому губернатору от 23 сентября 1813 года за № 906, в числе 8 женщин упомянута Полин Каменская с двумя сыновьями Александром и Луи[235].

Некоторые женщины были серьезно больны (24 из 53 оказались в госпитале). С июня 1813 по 2 августа 1814 года в смоленском госпитале находилась Франтишка с дочерью[236], с июня по 16 августа 1813 года в том же госпитале была француженка София Гронже, затем «по болезни» она проживала в Духовщинском уезде[237]. В госпитале в Смоленске «по болезни» с 16 апреля 1813 по 21 марта 1814 года оставалась солдатка «голландской нации»

---

[231] ГАСО. Ф. 1. Оп.1. Д. 296. 1814 г. Л. 27 об.–28; Д. 206. 1813 г. Л. 7, 52; Д. 209. 1813 г. Л. 31–32, 41–42, 53. Д. 210. 1813 г. Л. 8, 12. 13, 14, 20, 22. 23, 26, 29; Д. 212. 1813 г. Л. 10, 23–25, 28, 32; Д. 213. 1813 г. Л. 70, 72, 77–78.
[232] Там же. Д. 296. 1814 г. Л. 26.
[233] Там же. Д. 212. Л. 10, 13, 23, 24, 28.
[234] Там же. Д. 212. Л. 10, 13, 23, 24, 28; Д. 296. 1814 г. Л. 27 об.–28; Д. 206. 1813 г. Л. 52.
[235] Там же. Д. 206. 1813 г. Л. 52.
[236] Там же. Д. 212. 1813 г. Л. 10, 13, 23, 24, 28.
[237] Там же. Д. 206. 1813 г. Л. 7,8; Д. 209. 1813 г. Л. 55; Д. 212. 1813 г. Л. 10, 23, 24, 25, 32; Д. 213. 1813 г. Л. 78, 77, 78; Д. 252. 1814 г. Л. 2–3; Д. 306. 1814 г. Л. 30, 31, 33, 37.

Иоганна Шнирелянд[238]. Согласно тетрадям «на записку в приход и расход отпущенной на раздачу военнопленным порционной суммы», женщинам вне зависимости от национальной принадлежности полагалось по десять копеек в сутки[239] (что в 2 раза больше, чем получали нижние чины, но в 5 раз меньше, чем офицеры)[240].

В наполеоновской армии женщины присутствовали в качестве маркитанток, солдат, членов семей военнослужащих, проституток[241]. Маркитанкой, например, была Катарина, урожденная Кауфманн (Kaufmann, 1790–1876). Дочь трактирщика, она являлась женой трубача 2-го швейцарского полка Генриха Пайера (Peyer, 1785–1837), уроженца Виллисау, бывшего до войны шорником в Люцерне. Молодая женщина в военном походе «сопровождала мужа верхом на лошади и помогала ему, чем заслужила репутацию деловой женщины». Катарина вела дневник и, находясь под Полоцком в августе 1812 года, записала: «Судьба забросила меня в эту пустыню, полную страданий и ужаса, и заставила пройти по дороге, где вместо деревень и городов мы нашли только пепел»[242].

В записках Катарины отражены события осени 1812 года, швейцарка указывает на проблемы нехватки кавалерии и артиллерии, испытания холодом и голодом, требования к армейским музыкантам исполнять в этих условиях только бравурную музыку, поднимающую дух. В тяжелых условиях военного быта Катарина заболела брюшным тифом и мужу с большим трудом удалось доставить ее в Вильно 1 ноября 1812 года, а затем через Кенигсберг и Бранденбург супруги смогли продолжить свой путь на родину и избежать

---

[238] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. 1813 г. Л. 7; Д. 209. 1813 г. Л. 32, 41, 42, 53; Д. 210. 1813 г. Л. 8, 12, 13, 14, 20, 22, 23, 26, 29; Д. 212. 1813 г. Л. 24, 25, 32; Д. 213. 1813 г. Л. 70, 72, 77, 78.
[239] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. 1813 г. Л. 6.
[240] Там же. Д. 209. 1813 г. Л. 27.
[241] Чиняков М. Венера в объятьях Марса. Женщины наполеоновских легионов // Родина. 2002. № 8. С. 51.
[242] Клот Л. Березина в Люцерне // Наша газета: Швейцарская русскоязычная интернет-газета. 22.03. 2012. URL: http://www.nashagazeta.ch/news/13182 (дата обращения 09.03.2014).

новых испытаний – русским пленом[243]. Подобный случай можно считать скорее счастливым исключением.

Иностранки упоминаются среди партий военнопленных, попавших в конце 1812–1813 годах вглубь Российской империи, иногда вместе с детьми. В мае–августе 1813 года, в числе прибывших из Саратовской губернии в Астраханскую указано 15 женщин и 5 детей[244]. В плену в Тамбове находились «жены наполеоновских офицеров, последовавшие на войну вместе с мужьями: Фредерика Ломбар, жена поручика, Мария Ланглуа, жена лейтенанта, Анна Шаррен, жена поручика и т. д.»[245] В Рязанской губернии в январе 1814 года в числе военнопленных оказалась Катерина Отто, уроженка Голландии, жена фельдфебеля итальянской службы, взятая в плен под Красным 13 ноября 1812 года[246].

Были случаи, когда девушки из числа военнопленных находили суженных среди соотечественников. Так, 16-летняя француженка Марианна

---

[243]Roggen R. Eine Luzerner Wirtstochterauf dem Russlandfeldzug //Neue Zürich Zeitung. 2012. 16 juni. URL: http://www.nzz.ch/aktuell/schweiz/eine-luzerner-wirtstochter-auf-dem-russlandfeldzug-1.17245155 (дата обращения 10.03.2014). Удивительно, но в дальнейшем супруги продолжили военную службу в Голландии (1815–1821), затем, вернувшись в Швейцарию, стали владельцами отеля «Ангел» в Люцерне. После смерти мужа, во втором браке Катарина увеличила свое состояние и после смерти второго супруга Й. Мореля расширила свой гостиничный бизнес. В 1844–1845 годах участвовала в либеральном движении. Катарине Морель (Пайер, урожденной Кауфманн) посвящено несколько публикаций: Keller G. Die Schweizer Frauen. Ein Familienbuch / Unter Mitwirkung von N. Bergmann, I. Kaiser, A. von Liebenau, D. Schlatter, H. Bleuler-Waseru.a. Vorwort von E. Coradi-Stahl. Neuenburg, Verlag von F. Zahn., 1911. 679 p.; Sprenger Viol I. Katharina Morel : die Geschichte einer Luzernerin, die auszog, das Fürchtenzulernen. Luzern: Keller, 1987. 57 p. Muff S. Das Leben der Katharina Morel-Peyergeb. Kaufmann (1790-1876) lautihrer Erinnerungsschrift "Mémoire". Luzern, 1998. 199 p.; Schärli J., Vogel L. Gepfefferte Zeiten. In: Leuenmänner und Pfefferfrauen. Das Leben der Katharina Morel in den Umbrüchen der Luzerner Revolutionszeit.Ausstellung im Historischen Museum Luzern 11.Junibis 2. November 1997. Luzern, 1997. S. 32–35.

[244] Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Астраханской губернии в 1812-1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XIV Всероссийской научной конференции. М., 2007. С. 166–175. URL: http://adjudant.rucaptive/hom01.htm.

[245]Отечественная война 1812 года и Тамбовская губерния: Метод.-библиогр. пособие / авт.-сост. Н.А. Макарова. Тамбов, 2012. URL: http://www.tambovlib.ru/index.php?view=books.1812_tambov.

[246]Проходцов И.И. Рязанская губерния в 1812 году преимущественно с бытовой стороны: материалы для истории Отечественной войны. Издание Рязанской губернской ученой архивной комиссии. Рязань: Тип. Н.В. Любомудрова, Ч. 2. 1915. Глава:Военно-пленные 1812 г. в Рязанской губернии. URL: http://www.history-ryazan.ru/node/7463.

Энкен вместе с отцом фуражиром Жаном Энкеном (Эннекен, Инге) в январе 1813 года прибыла в уездный Енотаевск Астраханской губернии с партией пленных, захваченных в сентябре под Калугой. В мае 1814 года девушка вышла замуж за 25-летнего военнопленного кирасира Жана Губера, который зарабатывал в плену как портной. Покровителем молодой семьи стал помощник хирурга французского 2-го кирасирского полка Луи Франсуа Эммануэль Руссо, который из-за отсутствия католического священника «взял с жениха слово немедленно по возвращении во Францию узаконить гражданское состояние, о чем был составлен соответствующий протокол, а так же устроил приезд из Астрахани монаха-иезуита, который благословил молодых. После этого, в присутствии всех пленных, состоялась блестящая свадьба». Характерно, что временное отсутствие городничего перед заключением брачного «протокола» задержало свадьбу, как упоминал в своем исследовании о войне 1812 года французский автор Сент-Илер[247]. Вероятно, полагалось согласие местной полиции на изменение семейного статуса военнопленных.

Факт рождения в плену детей в обязательном порядке являлся предметом донесения полиции начальнику губернии. 17 марта 1814 года пудожский городничий рапортовал олонецкому губернатору о том, что у французского военнопленного нижнего чина Сипроена Борелли и его жены Юрсоль родилась дочь Дарья, крещенная в православие[248]. Последнее обстоятельство вовсе не означало «обрусения» французов. Крещение в православной церкви предполагало регистрацию ребенка в метрической книге, то есть документальное оформление факта рождения, последнее было единственно возможно при отсутствии католического священника.

Жизнь в плену могла, несмотря на все ее тяготы, подарить женщинам счастье материнства, а иногда, что бывало чаще, могла привести к трагедии – потере малолетних детей. Горем обернулось участие в военной кампании для

---

[247] Хомченко С.Н. Указ. соч.

[248] Петухова И.Г. Военнопленные войны 1812–1814 гг. Из фондов Национального архива Республики Карелия. Из материалов сайта «Архивные учреждения Республики Карелии» URL: http://www.rkna.ru.

семьи подполковника французских войск Ланоа, которая попала в плен под Красным в ноябре 1812 года и была отправлена в Вильно. По дороге подполковница Ланоа «лишилась... в несколько дней мужа ея, который вероятно и жизни лишен, так как об нем никакого сведения не имеется; да кроме того отняли у нея малолетняго сына ея в одной деревни и оставили оного у тамошнего священника»[249]. Благодаря усиленным поискам местной полиции, стало известно, что сын подполковницы Ланоа «по дошедшим слухам находится Бельского уезда в имении г. генерал-майора Цыбульскаго» и смоленский губернатор барон К.И. Аш 13 февраля 1814 года предписывал бельскому уездному исправнику поехать на место, отыскать ребенка и отдать бельскому уездному предводителю дворянства «для отправления по принадлежности»[250]. То есть российские власти пытались помочь, но удалось ли вернуть ребенка матери – неизвестно.

Также не ясна судьба 13-летнего шведа Андерсона в русской транскрипции Ивана. Он вместе с матерью и отцом-типографщиком в 1812 году попал во французский плен. Потом мать была отбита русским отрядом генерал-лейтенанта барона Корфа при городе Красном[251], но шведка потеряла сына и просила содействия у российских властей в его поисках. Главнокомандующий в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинов в циркулярном предписании смоленскому гражданскому губернатору барону К.И. Ашу от 24 июля 1815 года за № 332 требовал навести справки и донести: «не находился ли означенный малолетний Андерсон в числе пленных, жительствовавших в Губернии управлению Вашему вверенной, ежели был, то куда отправлен? В случае же смерти его, доставить ко мне надлежащее свидетельство"[252]. Смогла ли мать найти сына после двух с половиной лет после завершения военной кампании 1812 года? Ответить за неимением документов невозможно. Официальные запросы и деятельность местной полиции далеко не всегда давали результат. Даже

[249] ГАСО. Ф. 1. Оп 1. Д. 252. 1814 г. Л. 2.
[250] Там же. Л. 3.
[251] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 319 а. 1815 г. Л. 70.
[252] Там же.

высочайшее покровительство не могло гарантировать успех в розыске: троих малолетних детей попавшего в плен и пропавшего музыканта Иосифа Оноре опекала сама вдовствующая императрица Мария Федоровна. Благодаря ее участию С.К. Вязмитинов 18 марта 1813 года разослал губернаторам предписание о розыске самого Оноре, его жены и еще одного сына, но тщетно...[253]

Человеческое сострадание часто оказывалось для детей единственной надеждой на жизнь и обретение родных. В памяти офицера-смолянина Ф.Н. Глинки навсегда осталась история двух малышей, свидетелем которой он стал: «В пылу самого жаркого боя, под сильным картечным огнем двое маленьких детей, брат и сестра, как Павел и Виргиния (персонажи из романтической идиллии “Поль и Виргиния” французского писателя Бернардеча де Сен-Пьера. – *А.Т.*), взявшись за руки, бежали по мертвым телам, сами не зная куда.

Генерал Милорадович приказал их тотчас взять и отвести на свою квартиру. С того времени их возят в его коляске. Пьер и Лизавета, один 7, а другой 5 лет, очень милые и, по-видимому, благовоспитанные дети. Всякий вечер они, сами собой, молятся богу, поминают своих родителей и потом подходят к генералу целовать его руку.

Теперь эти бедняжки не вовсе сироты. Вчера между несколькими тысячами пленных увидели они как-то одного и вдруг вместе закричали: “Вот наш батюшка!” В самом деле это был отец их, полковой слесарь. Генерал тотчас взял его к себе, и он плачет от радости, глядя на детей. Мать их – немка – убита»[254].

В своем письме поручик лейб-гвардии Семеновского полка А.В. Чичерин 6 декабря 1812 года рассказал друзьям А.В. Строганову и В.С. Апраксину о маленьком швейцарце: «… я потому только не взял [его] к себе, что им занялся Жан Вадковский (сослуживец Чичерина. – *А.Т.*). Я просил Жана быть к нему

---

[253] Бессонов В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. Вып. IV / Труды ГИМ. Вып. 147. М., 2005. С. 65.
[254] Глинка Ф.Н. Указ. соч. С.173.

сколько можно заботливее, и он очень привязался к пленному и совершенно доволен им. Сей народ дороже мне всех после моего родного, и я буду счастлив, ежели сумею помочь какому-нибудь пленному швейцарцу. Скажите об этом моему другу (речь идет о Малербе, бывшем гувернере А.В. Чичерина, ставшем воспитателем В.С. Апраксина. – *А.Т.*) не для того, чтобы придать мне достоинства в его глазах, а чтобы доказать, как он научил меня любить его народ»[255].

В мемуарах Н.Г. Добрынкина рассказана история его матери, младенцем оставшейся сиротой в 1812 году. Отец малышки, уроженец г. Болоньи, майор итальянской армии Фанте погиб в бою под Смоленском, а мать, сопровождавшая мужа во время военной кампании, умерла при родах. Сестра смоленского губернатора барона К.И. Аша[256] взяла на воспитание сироту. Маленькую итальянку крестили в 1819 году в православии и нарекли Марией, по крестному отцу дав ей отчество – Павловна. Впоследствии приемная дочь вышла замуж за сельского священника Г.И. Добрынкина, а их первенец Николай Гаврилович Добрынкин (1835–1902), автор воспоминаний, стал известным муромским краеведом[257].

Трогательный случай о маленькой француженке описала в своих «Записках» кавалерист-девица Н.А. Дурова. Смотрительница на российской почтовой станции рассказала ей о ребенке, для которого стала благодетельницей. 8-летняя девочка отстала от своей семьи, боясь русских казаков «забежала в непроходимую чащу и до самого вечера ползала в глубоком снегу, не имея на себе ничего, кроме белого платьеца. Бедное дитя, совсем окоченевшее, выползло наконец при закате солнца на большую дорогу; оно не имело сил идти, но ползло на руках и ногах. В это время проезжал

---

[255] К чести России. Из частной переписки 1812 года / сост., авт. предисл. и примеч. М. Бойцов. М.: Современник, 1988. С. 184.

[256] Семейные корни барона К.И. Аша уходят в Силезию, откуда приехал дед будущего губернатора Фридрих Аш (Asch) и поступил на русскую военную службу. – Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711–1917. Смоленск: Маджента, 2004. С. 178.

[257] Чернышев В.Я. Муромский краевед Добрынкин Николай Гаврилович // Край Смоленский. 2009. № 1. С. 8–24. Мемуарист допустил явные ошибки в должности и инициалах Аша, назвав его генерал-губернатором А.И. Ашем.

верхом казацкий офицер; он мог бы и не видать ее, но девочка имела столько присутствия духа, что, собрав все силы, кричала ему: mon ami! Par bonte prenez moi sur votre cheval! (мой друг! сделайте милость, посадите меня на вашу лошадь! (франц.)) Удивленный казак остановил лошадь и, всматриваясь в предмет, шевелящийся на дороге, был тронут до слез, видя, что это дитя почти полунагое, потому что все ее одеяние изорвалось, руки и ноги ее были совсем закоченевши; она упала наконец без движения. Офицер взял ее на руки, сел с нею на лошадь и поехал к Смоленску. Проезжая мимо станции, он увидел жену смотрителя, стоящую у ворот, и обратился к ней: «Возьмите, сделайте одолжение, эту девочку на ваше попеченье». Смотрительша отвечала, что ей некуда с ней деваться, что у нее своих детей много».

Тогда казак пригрозил, что убьет ребенка, и женщина пощадила девочку, забрав ее у офицера. Ребенок более двух месяцев был на грани смерти, но благодаря уходу и заботе поправился. «Теперь эта девочка у смотрительши как любимая дочь, выучилась говорить по-польски и, благодаря незрелости возраста своего, не сожалеет о потерянных выгодах, на какие имела право по знатности своего рода: она из лучшей фамилии в Лионе. Многие знатные дамы, которым смотрительша рассказывала, так же, как и нам, эту историю, предлагали трогательной сироте жить у них; но она всегда отвечала, обнимая смотрительшу: “Маменька возвратила мне жизнь; я навсегда останусь с нею!”»[258]

Не только в воспоминаниях, но и в официальных документах отразились судьбы детей военнопленных. Так, из тетрадей выдачи порционных денег известно, что в смоленском военном госпитале с 1 марта по 1 апреля 1814 года находился французский мальчик Еремей Левесьи. С партией других военнопленных он затем был отправлен в Симбирск[259].

---

[258] Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы Дуровой / вступ. ст. К.А. Военского. СПб., 1912. С. 68.
[259] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. 1813 г. Л. 30, 28. Д. 306. 1814 г. Л. 8, 28.

Из отношения калужского гражданского губернатора от 19 мая 1814 года за № 2069 смоленский гражданский губернатор был уведомлен о приближении к Смоленску очередной партии военнопленных, следующих из Воронежа в Ригу. Партия из девяти голландских обер-офицеров, одной обер-офицерской жены и двенадцати нижних чинов сопровождалась конвоем из унтер-офицера и рядового Калужского гарнизонного батальона. Калужский губернатор сообщал своему смоленскому коллеге, что присоединил к этой партии военнопленных «одного малолетняго голандца Мартына Вандервельда, находившагося здесь у доктора Гиппенрейтора, взятого им во время управления гошпиталем из человеколюбия из числа военнопленных, и объявившаго желание возвратиться в Отечество, так как из сих препровождаемых голандцов многие объявили знающими его родственников».

Благодаря помощи соотечественников у Мартына Вандервельда появился шанс вернуться к родным. Калужский губернатор писал смоленскому: «Об отправлении пленных далее в Ригу благоволите сделать Ваше распоряжение, дав знать или рижскому военному или соседственному по тракту с Смоленской губернией губернатору о присоединении с партией сей означенного малолетнего»[260].

Документы канцелярии смоленского губернатора позволяют восстановить «российские страницы» в судьбе француза Жана Вейера. Сын маркитанта 84-го пехотного полка французских войск Батиста Вейера Жан в возрасте пяти лет попал в плен в местечке Ляды, а родители его были убиты. Командир лейб-гвардии Его Величества кирасирского полка Будберг, «войдя в сострадание», отдал Жана «для излечения и воспитания в местечке Дубровне Белорусско-Могилевской губернии доктору медицины Егору Цекерт, у коего и воспитывался до 1822 года»[261].

В соответствии с Высочайшим манифестом 30 августа 1814 года Цекерт обязан был объявить в присутственное место о содержащемся у него

[260] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 303. 1814 г. Л. 3 об.–4.
[261] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. 1828 г. Л. 1.

иностранном военнопленном, но не сделал этого. Лишь из разговоров Цекерта Жан знал о своем французском происхождении. В 1822 году по договоренности со своим воспитателем Жан Вейер прибыл в Смоленск и был определен к иностранцу Даниле Графу для обучения каретному мастерству[262], которым мог бы «снискать себе… пропитание в России»[263].

6 декабря 1827 года Жан закончил обучение и, будучи уже совершеннолетним (22 года), «принял непременное намерение возвратиться в свое отечество»[264]. В мае 1828 года он обратился с прошением к смоленскому гражданскому губернатору И.С. Храповицкому: «приказать Смоленской градской полиции снабдить меня для беспрепятственного прожития в Смоленске сроком на один год свидетельством в продолжении коего времени я мог бы приобресть себе необходимо нужное к достижению моего отечества трудами рук моих состояния», чтобы в дальнейшем получить паспорт для выезда на родину[265]. Так как Вейер не мог рассчитывать на помощь своих родственников из-за границы, он должен был заработать на проезд и обустройство на родине. При этом сам Жан Вейер полагал, что года ему будет для этого достаточно.

К прошению Жан Вейер приложил свидетельство доктора медицины Егора Цекерта от 26 июня 1826 года, в котором тот подтверждал описанные Жаном Вейером обстоятельства. Свидетельство было заверено подписью и личной сургучной печатью доктора Цекерта[266]. 4 августа 1828 года губернатор предписал смоленской градской полиции выдать Жану узаконенный годовой вид на жительство в Смоленске, что и было выполнено[267]. Однако попытки властей навести справки о родственниках Вейера за границей результата не

---

[262] Данила Граф или Краф был каретных дел мастером. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 21 об., 19.
[263] ГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д. 13. 1828 г. Л. 1 об.
[264] Там же. Л. 2.
[265] Там же. 2 об.
[266] Там же. Л. 3.
[267] Там же. Л. 10, 11.

дали[268]. Дальнейшая судьба Вейера неизвестна: остался ли он в России, приняв здесь подданство, или сумел выехать на родину.

Так же как и Вейер, в возрасте 5 лет, оказался в России в 1812 году Иван Иванов Берман. Он был привезен офицером Московского гренадерского полка Балкашиным «без всяких бумаг» в Бельский уезд в имение родителей офицера и оставлен там на их попечение[269]. «По малолетству» Берман не знал своего подданства[270], а когда в возрасте 26 лет он решил принять присягу на верность России, то в документах III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии был записан «прусским подданным»[271]. 10 июля1833 года Иван Берман в Смоленском губернском правлении принес присягу на верность Российской империи, а 27 июля того же года получил «билет на избрание рода жизни на 2 месяца»[272]. В документах III Отделения указано, что он служил почтальоном[273]. У тех детей иностранных военнопленных, которые в 1812 году остались в России, в случае если у них не было родственников за границей, подтверждавших их происхождение и согласных оказать им поддержку, фактически не было шансов вернуться на родину. К тому же, повзрослев, эти иностранцы чаще всего не знали ни языка родной страны, ни ситуации в ней, не имели и материальных средств, чтобы начать там жизнь «с чистого листа».

Однако и в России в отношении малолетних сирот-военнопленных приютившие их российские «благодетели» не всегда проявляли милосердие. Так, в сентябре 1818 года Министерству полиции стало известно, что учитель танцев, бывший военнопленный поручик, поляк Игнатий Ясуд «учинился жертвою мщения» со стороны нанимателя – Бельского уездного предводителя дворянства Коленова за то, что пытался помочь «разными средствами к освобождению» малолетним детям умершего французской службы полковника Лагранжа, которые находились на попечении Коленова. Предводитель

---

[268] ГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д. 13. 1828 г. Л. 13–13 об.
[269] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 1833 г. Л. 54.
[270] Там же.
[271] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 14.
[272] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 1833 г. Л. 53 об., 54.
[273] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 14.

дворянства лишил Ясуда паспорта, не платил ему за уроки, подвергал побоям, а затем отдал Ясуда под стражу земской полиции[274].

Только после двух обращений бывшего военнопленного к вдовствующей императрице Марии Федоровне смоленский гражданский губернатор в сентябре 1819 года получил предписание выдать Игнатию Ясуду «просимый пашпорт на законном основании»[275]. Дальнейшая судьба детей полковника Лагранжа не известна.

Малолетство, гибель родителей, незнание языка, традиций и прав – все это делало сирот-военнопленных абсолютно беззащитными в России. Дочь капитана 24-го черного гусарского полка Генриха Блюма Витенштейна Шарлотта оказалась в России в возрасте четырнадцати лет. Отец отдал ее на воспитание родной тетке, вестфальской полковнице 12-го уланского полка Ласковской, которая с началом военной кампании 1812 года вместе с мужем и племянницей отправилась в Россию. В сражении под Можайском тетка была убита на глазах у Шарлотты, а саму девушку ранили в правую руку, и она уже в числе военнопленных была отправлена в смоленский госпиталь.

Дальнейшая судьба Шарлотты Витенштейн напоминает роман с неожиданными поворотами сюжета: сначала жизнь приживалки в семье коменданта Бобруйской крепости, недолгое супружество с унтер-офицером дворянином Шванским, вдовство с ужасающей бедностью и работа прачки при воинской части в Новом Быхове Могилевской губернии, затем предложение майора 46-го егерского полка Ильина выйти замуж за живущего у него свободного человека, открытие крепостного состояния жениха, отказ от брака, но из-за утраты «пашпорта»[276] и под угрозой физической расправы венчание с крепостным.

---

[274] ГАСО. Ф. 1. Оп.1. Д. 1. 1818 г. Л. 270–271.
[275] ГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д. 2. 1819 г. Л. 248.
[276] Историю утраты паспорта и последующую судьбу другой иностранкой упоминает Т. П. Пассек в своих мемуарах «Из дальних лет». – Пассек Т.П. Из дальних лет. Том 1. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1878. С. 4–5.

Так Шарлотта, а теперь, в России, Тереза Витенштейн (Тереза Иванова), оказалась крепостной, без всяких прав и документов о ее иностранном подданстве. Добавим, что она не знала русского языка, не имела средств к существованию, а также ясных представлений о реалиях российской действительности. Спустя какое-то время крепостная Тереза Иванова узнала, что «муж находится только у его [Ильина] в услужении; а принадлежит по крепостям, отставному капитану Ивану Владимировичу г. Сорневу, находящемуся Смоленской губернии в Духовщинском уезде», и женщина отправилась туда и «явилась к матери Господина Сорнева»[277]. Следовательно, Тереза предприняла отчаянный поступок: она решилась бежать от своего хозяина майора Ильина, чтобы обратиться к истинному владельцу своего мужа.

Любопытно сравнить мотив побега иностранной уроженки и того же поступка русской крепостной в первой четверти XIX века. Казалось бы, мотив близкий – физические оскорбления. Только иностранка терпела их со стороны хозяина, а русская крепостная чаще со стороны собственного мужа. Совершив побег, русские женщины пытались «затеряться в толпе» и, если они не совершали на свободе противоправных действий, иногда это удавалось[278]. Иностранка же, несмотря на годы, проведенные в России, была, с одной стороны, законопослушна, а с другой, не имела возможности «затеряться»: любая деталь, мелочь могла ее выдать (внешний вид, сильный акцент и т.д.). К тому же вернуться домой она вряд ли могла иначе, как только законным путем. Следовательно, иностранка, попавшая в крепостную зависимость и совершившая побег (нарушение закона), могла уповать лишь на великодушие и справедливость законного владельца и представителей российских властей.

Однако, когда Шарлотта (Тереза) смогла разыскать имение Сорнева (к сожалению, о том, как ей это удалось, она в прошении не упоминает), ее злоключения не закончились. Мать Сорнева, «не поверив мне, что я нахожусь

---

[277] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1822 г. Л. 209.

[278] Кузнецов В.Н. Побег крепостных от помещика, как социально-психологический феномен (на примере Усольской вотчины гр. В.Г. Орлова) // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 148–152.

за их крепостным человеком, отослала меня в Духовщинский нижний земский суд; который не допросив меня, отослал в Смоленск, из Смоленска в Могилев. А как в оной Губернии не находилось майора Ильина, то отослали меня в Витебск; из Витебска для суждения по лифляндским правам в Ригу. Где взяв с меня допрос, отослали опять в Могилев; а из оного города в Смоленск, который переслал меня в Духовщинский уездный суд, откуда взята секретарем Кислинским, онаго же суда, от него на росписку Господином мужа моего, Сорневым, который желая мне свободы, сам советовал подать в Смоленское губернское правление просьбу, о даче мне свободного пашпорта; но Губернское правление не могло меня снабдить оным, а отослало опять к господину Сорневу»[279].

«Верноподданнейшая Тереза Витенштейн» 7 января 1822 года обратилась с прошением к вдовствующей императрице Марии Федоровне и ждала от нее справедливого решения: «Я надеюсь, что буду иметь свободу по одному милостивому вниманию Вашему; уверена, что доставите сладостное удовольствие престарелым родителям моим, обнять потерянную дочь их; и вместе со мною славить им Всемилостивейшею Государыню»[280]. Дожидаясь исхода дела, Тереза не возвращалась к мужу, а жила в имении отставного лейтенанта флота Василия Николаевича Клачкова в Духовщинском уезде Смоленской губернии, куда определил ее Сорнев[281].

Прошение Терезы Ивановой по соизволению императрицы Марии Федоровны было доставлено министру юстиции, который 19 февраля 1822 года в своем отношении за № 1361 к смоленскому гражданскому губернатору указывал, что необходимо, «удостоверившись в справедливости показаний просительницы», «предложить Губернскому Правлению об учинении по настоящему предмету на законном основании определения»[282]. При этом министр юстиции явно был настроен на благополучный для Терезы исход: он

[279] ГАСО. Ф. 1. Оп.1. Д. 1. 1822 г. Л. 209.
[280]Там же. Л. 209 об.
[281] Там же.
[282] Там же. Л. 207.

обращал внимание на «насильную отдачу ее в замужество» и согласие Сорнева на выдачу ей паспорта для возвращения на родину. На отношении министра юстиции в канцелярии смоленского губернатора сделали пометы о трижды посланных распоряжениях в Духовщинский суд за 1822 год и единожды (6 июня) за 1824 год[283].

Департамент полиции Министерства внутренних дел 13 октября 1824 года рекомендовал смоленскому губернатору «сделать зависящие от губернского начальства распоряжения, о доставлении просительнице удовлетворения на основании законов», уведомив об этом Министерство внутренних дел[284]. К отношению Департамента прилагалась копия нового прошения Терезы Витенштейн, датированного 26 августа 1824 года и адресованного российскому императору[285]. В нем она указывала имена свидетелей угроз ей со стороны майора Ильина, если она не выйдет замуж за дворового: «капитана Кашперовича, поручика Масневского и фельдфебеля Соколова»; объясняла, что решилась бежать потому, что «майор Ильин стал делать <…> притеснения, безвинные нападки и жестокие наказания, так, что бывши я беременною от своего мужа, и от больших наказаний розгами и палками родила неживого мужеска полка младенца». Тереза перечисляла уже описанные выше мытарства по судам и правлениям, закончившиеся тем, что она была отдана Сорневым в Духовщинский уезд «в услужении флота капитан-лейтенантше Катерине Клачковой». В 1821 году Тереза «приняла христианскую веру» и продолжала жить у Клачковой, «не имея ни от кого никакой себе защиты и покровительства, равно и настоящего прибежища»[286].

Примечательно упоминание Терезой (Шарлоттой) Витенштейн факта принятия православия, в своем обращении к государю она просила: «решить судьбу несчастной многостраждущей, более пяти лет претерпеваю нещастный случай, не имея себе для пропитания ни заработков ни какого законного вида».

---

[283] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1822 г. Л. 207.
[284] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. 1824 г. Л. 854–854 об.
[285] Там же.
[286] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. 1824 г. Л. 855 об.– 856.

Теперь в сравнении с прошением к вдовствующей императрице Тереза (Шарлотта) предлагала иной выход: она уже не стремилась на родину, а умоляла дать ей законный вид на жительство и предоставить свободу как ей, так и законному ее супругу: «Я не отвергаю себя от законного брака и желаю жить вместе с мужем моим, но только чтоб не быть в подданстве, которому подвергнут муж мой, и быть под игом рабства майора Ильина; и претерпевать от него несносные истязания»[287].

Решение дела вновь затягивалось, так как в мае 1826 года в журнале исходящих бумаг указано предписание смоленского гражданского губернатора Духовщинскому уездному суду, от которого губернатор требовал: «решить дело сие на законном основании без малейшего промедления», о чем тотчас довести до его сведения «для донесения министру внутренних дел». «В случае дальнейшей медленности» губернатор грозил «подвергнуть членов суда строгому взысканию»[288]. Со времени прошения к государю прошло уже почти два года, что свидетельствует о многолетнем игнорировании предписаний министра внутренних дел, губернатора на уездном уровне!

В описях фонда Смоленского губернского правления удалось обнаружить «Дело по сообщению Могилевского губернского правления о высылке сведений о иностранке Терезе Ивановой» на 30 листах, имеющее крайние даты 7 июля 1820 года – 23 марта 1830 года[289]. К сожалению, выяснилось, что оно утрачено. Судьбу иностранки оказалось возможным узнать из документов канцелярии Смоленского губернского прокурора. Исполнявший должность Смоленского губернского прокурора И.П. Делло должен был ответить на отношение директора Общей канцелярии министра юстиции В.А. Солоницына от 31 мая 1829 года за № 1473, в котором последний просил сообщить, как было исполнено распоряжение министра юстиции от 19 февраля 1822 года (о

[287] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. 1824 г. Л. 856 об.
[288] Там же. Д. 18. 1826 г. Л. 810.
[289] ГАСО. Ф. 2. Оп. 21. Д. 414. Св. 9. 1820 г.

наведении справок о «Терезе Вит[т]енштейн» и принятии по ее делу справедливого решения).

Так, по прошествии семи лет (с 1822 по 1829 год) власти озаботились судьбой прусской подданной. Причина такого внимания объясняется «блаженной памятью» о скончавшейся в октябре 1828 года вдовствующей императрице Марии Федоровне, к которой и обращалась иностранка[290]. 12 июня 1829 года И.П. Делло в своем ответе В.А. Солоницыну представил справку «по делу иностранки Терезы Витенштейн, о дозволении ей возвратиться в Отечество к своим родственникам»[291]. Кратко изложив все обстоятельства дела, сопровождавшегося бюрократической и судебной волокитой, И.П. Делло сообщал, что из рапорта Духовщинского уездного суда Смоленскому губернатору от 8 июня 1826 года стало известно о смерти иностранки, наступившей «назад тому уж год»[292]. Поэтому дело было закрыто (вероятно, к облегчению местных чиновников, затягивавших его решение), а его материалы сданы в архив.

В записках смоленского дворянина А.А. Лесли (1810–1877) упоминается француженка Мария Федоровна, которая в юном возрасте в 1812 году оказалась в России, позже вышла замуж за дворового человека помещика Цызырева, а затем, желая выкупиться на волю вместе с семейством, «ходила в Париж, пешком большую часть дороги; там у родных и от других пожертвования собрала, а на возвратном пути от Прусского короля получила значительное пособие, который к нашему правительству писал, прося содействовать ее освобождению от крепостной зависимости. От имени Государя Николая Павловича писали об этом к Цызыреву. В Париже много об этом говорили, как француженка свободная сделалась крепостною». При этом мемуарист отметил, что «были сделаны перемены в законе об отъезде за границу с крепостными людьми, которым велено было сперва дать вольную». Вероятно, имеется в виду

[290] ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. 192. 1829 г. Л. 1–1 об.
[291] Там же. Л. 3.
[292] Там же. Л. 4 об.

требование, по которому крепостные, выезжая за границу с хозяевами, именовались слугами, а потому, находясь за границей, считались свободными людьми. «Вопрос о свободе крепостных стал развиваться у нас и за границей, и ее хождение туда сильно подвинуло этот вопрос вперед и здесь и заграничным влиянием на наше правительство»[293].

Именным указом, объявленным управляющему Министерством внутренних дел генерал-адъютантом А.Х. Бенкендорфом «О правилах, соблюдаемых при освобождении от крепостных работ иностранных выходцев» от 28 января 1827 года, предписывалось: «чтобы военные губернаторы и военные начальники представляли о подобных людях Всеподданнейшими рапортами Его Императорскому Величеству по III-му Отделению Собственной Его Величества канцелярии, которой обязанностию будет о Высочайших разрешениях, уведомлять Министерство Внутренних дел, для должного к исполнению оных распоряжения»[294].

В документах канцелярии смоленского губернатора за 1831 год упоминается еще одна история иностранки, ставшей крепостной, некоей Бехты Христины Рикварт, вышедшей замуж за крепостного человека помещика Денисовича. Особо оговорено, что помещик не должен считать иностранку «своею крепостною, как происходящую от родителей вольного вольности»[295], при этом подчеркивалось «требование… относительно прав вольного происхождения упоминаемой Рикварт, выполнено было со стороны Денисовича, на основании существующих на сей предмет узаконений»[296]. Следовательно, несмотря на брак с крепостным, иностранки сохраняли права свободного человека.

Подтверждает это и документ, касающийся вышеупомянутой «жены крепостного человека помещика Цызырева французской уроженки Марьи Федоровой». Это препроводительное письмо смоленского, витебского и

---

[293] Лесли А.А. В войне 1812 года / авт.- сост. О.Н. Лесли. Смоленск: Маджента, 2005. С. 77.
[294] ПСЗ-2. Т. II. № 851.
[295] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. 1831 г. Л. 155 об.
[296] Там же.

могилевского генерал-губернатора П.Н. Дьякова смоленскому гражданскому губернатору П.И. Трубецкому от 12 октября 1840 года за № 5700 к заграничному паспорту, выданному этой француженке по разрешению А.Х. Бенкендорфа для поездки «ея во Францию для получения наследства сроком на один год»[297]. То есть факт крепостного состояния мужа не лишал француженку собственной свободы передвижения и возможности решать имущественные вопросы за границей.

Оценивая отношение российских властей к оказавшимся в плену женщинам и детям иностранного происхождения, можно констатировать, что если положение военнопленных в Российской империи нашло отражение в разработанной законодательной базе, то каждый конкретный случай, связанный с пленными женщинами и детьми, рассматривался особо. Верховная власть в лице государя или члены императорской семьи были настроены гуманно. Тем не менее на местах разбирательства «тонули» в бюрократической волоките. Особенностями работы российского чиновничьего аппарата после окончания военной кампании 1812 года были: рьяное начало разбирательства и постепенная утрата интереса к результату – решению вопроса в соответствии с буквой закона в интересах человека, в данном случае – подданных иностранных государств, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и беззащитных (женщины, дети) в условиях российской действительности. Подлинный гуманизм чаще проявляли не власти, а обычные россияне, которые помогали обездоленным вне зависимости от их национальности и социального статуса.

Подводя итоги работы надзорных органов в отношении военнопленных, женщин и детей, сопровождавших Великую армию Наполеона, можно утверждать, что в отношении указанных лиц российские власти на местах вынуждены были в кратчайшие сроки обеспечить исполнение многочисленных нормативно-правовых актов. Это, в свою очередь, заставило губернские и уездные органы работать на пределе своих возможностей (людских и материальных) и осуществить, несмотря на серьезные трудности, контроль над

[297] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. 1840 г. Л. 331–331 об.

военнопленными и последующую их репатриацию на родину. В условиях военных действий наиболее сложным для органов надзора был учет военнопленных, который не отличался точностью. Впоследствии это стало причиной проблем с установлением местопребывания конкретных иностранцев на территории России и наведением справок о них по требованиям правительств европейских государств.

Российские власти предоставляли возможность принимать присягу на верность империи всем военнопленным, кто этого желал. Последние в дальнейшем могли изменить прежнее решение и вернуться в свое отечество. В более сложной ситуации, чем военнослужащие Великой армии Наполеона, оказались женщины и дети, попавшие в плен. В большинстве случаев они могли рассчитывать лишь на милосердие местного населения, чиновников, государя и членов его семьи.

В послевоенное время изменились внутриполитическая ситуация в Российской империи (декабристские организации, восстание на Сенатской площади, восшествие на престол Николая I) и международная обстановка в Европе (создание Венской системы, организация Священного Союза, революции 1820-х годов). В этих условиях правительство вынуждено было принять меры по дальнейшему совершенствованию политики и практики надзора в отношении иностранцев, находившихся на территории России.

ГЛАВА IV. НАДЗОР ЗА ИНОСТРАНЦАМИ (1826–1861 гг.)

§ 1. Изменения в политике и практике надзора за иностранными подданными с середины 1820-х до середины 1840-х годов

Эпоха правления Николая I стала временем усиления политической реакции, поводом для которой явилось выступление декабристов, ставшее открытым вызовом неограниченной монархии. Появление оппозиции ставило под угрозу безопасность государства, а потому, по справедливому замечанию Р.С. Уортмана, российской императорской властью в этих условиях «целесообразность понималась как противостояние любым политическим переменам»[1]. Монарх рассматривался как единственный обладатель и дарователь общественного блага, гарант эффективности действия всей вертикали власти. Николай I предпринял ряд реформ, направленных на упорядочение и укрепление судебных органов, но, главным образом, на усиление исполнительной власти. Твердая позиция государя состояла в том, что самодержавие должно было сохраняться незыблемо, а «революционная зараза пришла из Западной Европы», так как, по мнению Николая I, «не в свойствах, не в нравах русских был сей замысел»[2]. Поэтому при реформировании Собственной Его Императорского Величества канцелярии, проводившемся в 1826 году с целью централизации системы управления, на надзорные функции в отношении иностранцев было обращено особое внимание.

Каждое отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии должно было контролировать определенный круг вопросов. Особую известность получило III Отделение с корпусом жандармов, занимавшееся политическим сыском и цензурой. Оно непосредственно подчинялось императору и действовало от его имени, и начальник III

---

[1] Уортман Р.С. Властители и судии. Развитие правового сознания и императорской власти / авториз. пер. с англ. М.Д. Долбинова при участии Ф.Л. Севастьянова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 25.

[2] Цит. по: Власть и реформы. От самодержавия к советской России / отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 235.

Отделения, являясь доверенным лицом государя, имел возможность регулярного с ним общения, что подчеркивало особое положение этого учреждения во властной вертикали[3]. Для верховной власти очевидной стала необходимость отслеживания общественных настроений и обеспечение соблюдения законности, эти задачи и призвано было решать III Отделение[4]. По мнению В.С. Измозика, создание этого Отделения было связано с реализацией идеи императорской власти перейти от политического розыска к системе политического контроля[5], что непосредственно касалось и иностранных подданных, так как особо пристальное внимание к себе многие из них испытали в первые же дни и месяцы после выступления декабристов.

События 14 декабря 1825 года потребовали от властей усиления действий контрразведки, работы по перлюстрации корреспонденции. В связи с этим стоит упомянуть историю Флориана Жиля, женевца, работавшего в пансионе пастора И. Муральта. В январе 1826 года Жиль был принят преподавателем к наследнику престола и его сестрам. Этому назначению предшествовало знакомство с В.И. Жуковским, положительные рекомендации Муральта и личная аудиенция, которой Жиля удостоили император с супругой[6]. Но 22 апреля 1826 года, как утверждает учитель в своей «Исповеди», он был предупрежден воспитателем цесаревича генералом К.К. Мердером, что на его счет есть обстоятельства компрометирующего характера: дружба с соотечественником из Нейшателя Штоллем, с которым Жиль был знаком через Муральта. Жиль помогал Штоллю деньгами и с поиском места домашнего учителя в семье помещика Скарятина, а также был посредником в переписке Штолля с семьей Клиффорд из Гааги. Как раз эта переписка стала предметом подозрений и была представлена императору. Жиль отмечает в «Исповеди»,

---

[3] Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство-СПБ, 1999. С. 37–38.

[4] Анчеев А.В. Место и роль III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии в системе государственных учреждений Российской империи (1826–1855 гг.) // Основы государства и права. 2005. № 6. С. 88.

[5] Жандармы России / сост. В.С. Измозик. СПб.: Нева, 2002. С. 249.

[6] Жиль Ф. Исповедь // Павлова Ж.К. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 255–257.

что «тогда производились аресты в связи с событиями 14 декабря 1825 года»[7]. Швейцарский педагог тоже был заподозрен в политической нелояльности, хотя сам был незнаком с содержанием писем, которые передавал. Жиля спасли поручители К.К. Мердер и И. Муральт, пользовавшиеся большим доверием Николая I, поэтому данный инцидент не повлиял на дальнейшую успешную карьеру Ф. Жиля. Штолл в дальнейшем был арестован и выслан из России[8]. Этот случай является свидетельством активных действий надзорных органов в связи с восстанием декабристов.

В 1826 году Особенная канцелярия МВД была упразднена, находившиеся в ее производстве дела были переданы в ведение III Отделения, а часть завершенных или признанных маловажными – возвращена в Министерство внутренних дел (например, дела по мелким правонарушениям и жалобам, проходившие по канцелярии военного или гражданского губернатора)[9]. Лишь номинально до 19 января 1829 года действовал «Комитет для рассмотрения дел по преступлениям к нарушению общего спокойствия»[10], созданный в январе 1807 года. С учреждением 3 июля 1826 года III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии ему были переданы «все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в предел Государства прибывающих и из оного выезжающих» [11].

В ведении 3-й экспедиции III Отделения находился надзор за иностранцами[12]. Изучение общего журнала входящих документов этой экспедиции за отдельный год свидетельствует о том, что через нее проходили

---

[7] Жиль Ф. Исповедь // Павлова Ж.К. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 258.
[8] Там же.
[9] Макарова Н.В. Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I. М.: Экон-информ, 2012. С. 38–39.
[10] Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М.: РГГУ, 2006. С. 184.
[11] ПСЗ-2. Т. I. № 449, п. 7. В активизации работы III Отделения в отношении иностранцев, по мнению И.В. Оржеховского, сыграло польское восстание 1830 года. (Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982. С. 52).
[12] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Третий Рим, 1997. С. 143.

дела, связанные с проживанием и проездом иностранных подданных: документы Министерства иностранных дел и Министерства внутренних дел «касательно выдачи иностранцам билетов на пребывание в России»[13] и «касательно паспортов от прибывающих в Россию иностранцев», ведомости Министерства внутренних дел «о иностранных подданных, присягнувших на подданство России»[14], переписка с Департаментом полиции исполнительной об иностранцах, «приезжающих в Россию с срочными паспортами»[15], а также переписка с генерал-губернаторами и гражданскими губернаторами о конкретных иностранных подданных[16].

Некоторые дела об иностранцах, заподозренных в недоброжелательстве к российским властям, вольнодумстве, связи с тайными обществами, а также дела по наблюдению за пребыванием в России высокопоставленных лиц иностранных держав могли передаваться в делопроизводство 1-й экспедиции (наиболее важной и секретной)[17].

Негласный надзор за иностранными подданными осуществлялся многочисленной агентурой III Отделения[18], в то время как его штат первоначально составлял 16 человек, не считая начальника А.Х. Бенкендорфа и управляющего М.Я. фон Фока. К 1855 году штат вырос до 40 человек (менее чем в 3 раза)[19].

Исполнительным органом III Отделения стал Корпус жандармов, созданный 28 апреля 1827 года[20] (он имел предысторию, начиная с жандармских частей в армии с 1815 года), и позже, в 1836 году, был

---

[13] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 228. Д. 15. 1843 г. Л. 193 об.
[14] Там же. Л. 144 об.
[15] Там же. Л. 285.
[16] Там же. Л. 4 об.–318.
[17] Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Наблюдение за иностранцами в России. По материалам III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии // Петербург – место встречи с Европой: материалы IX Царскосельской научной конференции. СПб.: Царское село, 2003. С. 305–306.
[18] Макарова Н.В. Архивные дела III Отделения о полицейском надзоре при Николае I // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 154.
[19] Анчеев А.В. Указ. соч. С. 90.
[20] ПСЗ-2. Т. II. № 1062.

преобразован в Отдельный корпус жандармов[21]. Согласно Именному указу Николая I, данному управляющему Главным штабом 28 апреля 1827 года, страна делилась на 5 жандармских округов (во главе с жандармским генералом в каждом): 1-й с центром в Петербурге (к нему относилась и Смоленская губерния), 2-й – в Москве, 3-й – в Витебске, 4-й – в Киеве, 5-й – в Казани. В свою очередь, округа делились на отделения во главе с жандармскими и штаб-офицерами. Так, Смоленская губерния была избрана центром 4 отделения 1-го округа, это отделение контролировало территорию Смоленской, Псковской и Новгородской губерний[22]. В дальнейшем менялось число округов, отказались от отделений, в каждой губернии был жандармский штаб-офицер[23], росло число жандармских команд[24].

В III Отделении велась документация, касающаяся иностранцев, например «Общие годовые алфавиты иностранцев, прибывших в Россию», которые имели соответствующие графы: 1) «№№ Контр-марок», 2) «Месяц и число», 3) «Имя, фамилия и звание», 4) «Нация и подданство», 5) «Откуда прибыл», 6) «Предмет приезда», 7) «Жительство». Эти записи были схожи с алфавитами Особенной канцелярии[25]. Кроме того, ежегодно III Отделение составляло всеподданнейшие отчеты, в которых был раздел «По наблюдению за иностранцами». В нем отражалась статистика въехавших и выехавших, принятых в подданство и высланных из империи[26]. В течение нескольких лет (в 1830–1837 годах) III Отделение с Высочайшего одобрения тщательно занималось проверкой всех французов, проживавших в России, на предмет их благонадежности, опасаясь революционных веяний. Начало проверки не

---

[21] Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие... С. 187.
[22] ПСЗ-2. Т. II. № 1062. См. Роспись Корпуса жандармов по округам и отделениям.
[23] ПСЗ-2. Т. XI. № 9355.
[24] Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. С. 188.
[25] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Алфавиты дел. 1826–1880 гг. Д. 1. 1833–1834 гг. 206 л. Общий годовой алфавит иностранцев, прибывших в Россию.
[26] Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Указ. соч. С. 306.

случайно: события Французской революции 1830 года подтолкнули Николая I к введению временного запрета на въезд в Россию иностранцев[27].

С учреждением III Отделения (с 1826 года) туда стали передаваться национальные паспорта иностранцев, которые прежде оставались в губернских правлениях. Это положение было отражено затем и в Своде законов Российской империи[28]. Потому смоленский гражданский губернатор 24 декабря 1836 года направил в III Отделение «представленный Швейцарским подданным Яковом Карленом билет за № 8/42 выданный от правительства Кантона Бернского»[29]. К отношению губернатора был приложен и сам паспорт с пометой Российской миссии при Швейцарском Союзе от 31 августа (12 сентября) 1836 года[30]. В фонде III Отделения сохранились и два паспорта швейцарских уроженок, прибывших в Россию «в целях воспитания юношества» – Амалии Валерии Ландерер из Базеля (1833 г.) и Софии Франциски Генри из кантона Ваад (1840 г.), выполненные на официальных бланках кантонов с отметками российского поверенного в делах Швейцарского Союза, а также сведениями о прибытии их в Россию[31]. Наименование кантона и общины, откуда приезжали швейцарцы, в 1843 году было предписано указывать в российских видах на жительство, выдаваемых в России взамен национальных паспортов по просьбе Генерального консульства в Берне[32]. Возможно, эта мера была связана с попытками швейцарского правительства отслеживать эмиграцию своих граждан. К тому же, в самой Швейцарии в это время наблюдались проявления гражданской войны, что оказывало влияние и на эмиграционные процессы.

---

[27]Сироткин В.Г. Судьба пленных солдат и офицеров Великой армии в России после Бородинского сражения // Отечественная война. Источники. Памятники. Проблемы: материалы VIII Всероссийской научной конференции (Бородино, 6–7 сентября 1999 г.) / сост. А.В. Горбунов. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 261.
[28] СЗ. Т. XIV. Гл. 4. Ст. 343.
[29] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 122. 1837 г. Д. 15. Л. 1.
[30] Там же. Л. 2–2 об.
[31] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 145. Д. 204. 1860 г. Л. 21–21 об., 46–46 об.
[32] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58. 1843 г. Книга предложений МВД. Л. 442. Отношение министра внутренних дел смоленскому гражданскому губернатору от 15 ноября 1843 г. за № 4490.

При выдаче паспортов иностранцам для въезда в Россию чиновники российских миссий и консульств по-прежнему были обязаны проявлять бдительность. Согласно «Уставу о предупреждении и пресечении преступлений» (Свод Законов Российской империи. 1832 г. Т. XIV) от духовных лиц, направлявшихся в империю, следовало «требовать … письменного объявления, что они не принадлежат и не принадлежали к иезуитскому ордену, и о таковых объявлениях упоминать не только в донесениях Министерству иностранных дел, но и в самих паспортах»[33]. В 1835 году, с изданием соответствующего указа, деятельность неправославных миссий была прекращена, их представители утратили право приезда в Россию[34].

Под контролем III Отделения находились и общественные организации, созданные иностранцами в Российской империи. Первым национальным благотворительным учреждением было Швейцарское благотворительное общество в Петербурге[35], основателем которого в сентябре 1814 года стал пастор реформаторской церкви в Петербурге, уроженец Цюриха Иоганн фон Муральт (Johannes von Muralt, 1780–1850)[36]. Официальной датой основания общества является 3 февраля 1815 года[37]. Первоначально общество призвано было помочь соотечественникам на родине, пострадавшим от наполеоновских войн[38]. Однако позже его главной задачей стала помощь бедным швейцарцам,

---

[33] АВПРИ. Ф. 161. II-19. Оп. 93. Д. 2. 1836 г. Л. 36 об.

[34] Августин, архимандрит (Никитин). Россия и Базель. К 700-летию истории Швейцарского государства // Журнал Московской патриархии. 1991. № 11. URL: http://www.jmp.ru (дата обращения 15.06.2014).

[35] Благотворительные организации были традиционны для Швейцарии, как впрочем и оказание частной благотворительной помощи. – Исаев А. Общественное призрение и частная благотворительность в Швейцарии // Юридический вестник. 1885. № 5. С. 58–90; Переписка княжны Варвары Туркестановой и Фердинанда Кристина // Исмаил-Заде Д.И. Княжна Туркестанова. Фрейлина высочайшего двора. СПб.: Крига, 2012. С. 128.

[36] Емельянцева Е. Швейцарское благотворительное общество (1814–1918) // Швейцарцы в Петербурге. Сборник статей / сост. М.И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб.: Петербургский институт печати, 2002. С. 78.

[37] Россия–Швейцария = Russie – Suisse = Russland –Schweiz. 1813–1955. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 1995. С. 84.

[38] Емельянцева Е. Указ. соч. С. 70.

жившим в Петербурге[39]. После запрета Александром I в 1822 году всех тайных обществ в России швейцарская организация сумела продолжить свою деятельность, получив с Высочайшего соизволения разрешение от министра внутренних дел В.П. Кочубея 27 января 1823 года[40].

В 1826 году, в связи с вступлением на престол императора Николая I, пастор Муральт обратился за новым подтверждением в Министерство внутренних дел, и швейцарцу было дано устное разрешение на проведение собраний Общества при условии предоставления полиции списков участников. Таким образом, с правовой точки зрения работа Общества носила полулегальный характер, а официальный статус организация получила лишь в 1842 году, когда А.Х. Бенкендорф дал письменное разрешение на проведение собраний Благотворительного общества[41].

Желанием видеть в пределах империи иностранцев, способных себя содержать, было продиктовано издание именного Указа от 27 февраля 1835 года «О непропуске в границы наши тех из простого звания иностранцев, которые не имеют при себе по крайней мере десяти рейхсталеров»[42]. Этот Именной указ был объявлен А.Х. Бенкендорфом министру финансов Е.Ф. Канкрину. Надо признать, что такая мера себя оправдывала, избавляя государство от необходимости финансирования иммигрантов. Многие из них (даже среди ремесленников) не были бедными людьми: ювелиры, часовщики, сыровары и др. После продолжительного пребывания в России они, накопив капитал и передав свое дело в руки соотечественников, возвращались на родину[43].

III Отделение внимательно следило за политическими настроениями иностранных колонистов, несмотря на то, что существовали попечительные

---

[39] Аделунг Ф.П. О благотворительном обществе швейцарцев, имеющим целию вспомоществовать бедным своим единоземцам // Журнал Императорского человеколюбивого общества. 1817. Ч. 2. Ноябрь. С. 199–206.
[40] РГИА. Ф. 1282. Оп.2. Д. 125. Л. 5.
[41] Емельянцева Е. Указ. соч. С. 69–81.
[42] ПСЗ-2. Т. X. Ч. 1. № 7908.
[43] Tschudin G. Schweizer Käse im Zarenreich. Zur Mentalität und Wirtschaft ausgewanderter Bauernsöhner und Bauerntöchter. Zürich: Hans Rohr. 1990. S. 43.

органы для иностранных колоний, которые подчинялись МВД. Как осуществлялось со стороны III Отделения реагирование на ситуацию в случае проявления недовольства, можно судить по делу 1830 года о жалобе колониста Роберта Мариона на имя великого князя Михаила Павловича. Швейцарец описывал «нещастное … положение» соотечественников в созданной ими в 1822 году колонии Шабо близ Аккермана. Марион жаловался на недостаточное количество выделенной земли, неудачное ее расположение, просил учредить сельский комитет из поселян с участием мэра для управления колонией и т.д.

В мае 1830 года А.Х. Бенкендорф сообщил министру внутренних дел А.А. Закревскому, что по поручению шефа жандармов полковник Гофман побывал на месте и счел жалобу справедливой. Об этом А.Х. Бенкендорф подготовил докладную записку на Высочайшее имя, и на ней государем была сделана резолюция: «Поручить особенному попечению г. Закревского»[44].

Министр внутренних дел первоначально навел справки у главного попечителя и председателя комитета о колонистах Южного края России И.Н. Инзова о положении дел в Шабо и получил от последнего уверения в несправедливости жалобы. В качестве компромисного решения И.Н. Инзов предложил ввести должность «особого смотрителя» для Шабо[45]. Управляющий МВД, действительный тайный советник Ф.И. Энгель «находил удобнейшим предоставить сию колонию заведованию Бессарабской конторы иностранных поселенцев, под особенным наблюдением Главного попечителя с тем, чтобы один из членов конторы обозревал оную ежегодно несколько раз и сделав нужные к лучшему устройству ея… распоряжения… доносил Главному Попечителю»[46]. Когда А.Х. Бенкендорф доложил Николаю I о поступивших предложениях, государь велел «послать на место доверенного чиновника» Министерства внутренних дел[47].

---

[44] РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5576. 1831 г. Л. 1.
[45] Там же. Л. 4 об.
[46] Там же. Л. 4 об.–5.
[47] Там же. Л. 6.

В январе 1831 года в колонию был командирован надворный советник барон Франк «для подробного обозрения состояния означенных поселенцев», который, подтвердив свои данные статистикой, счел все жалобы необоснованными, а положение колонии «весьма хорошим»[48]. Управление Шабо Франк нашел вполне соответствующим инструкции, изданной для новороссийских колоний. Поэтому в качестве реакции властей на поступившую жалобу предложил удалить из колонии людей «беспокойного характера» и «малодушных», и тогда Шабо, по его мнению, «пришла бы в совершенно цветущее состояние»[49].

После рассмотрения сведений, предоставленных бароном Франком, Комитет министров предложил тех колонистов, которые будут подавать необоснованные жалобы, впредь высылать за границу и даже сократить количество земли, предоставляемой колонистам[50]. Однако государь Высочайшим повелением от 26 мая 1831 года оставил всю землю в пользовании колонии[51].

В отличие от иностранных колоний, имевших особое управление, в губерниях России ответственность за осуществление своевременного и эффективного надзора возлагалась на губернаторов. Они, в свою очередь, опирались в решении этих вопросов на полицию. Причинами для установления секретного надзора за иностранными подданными могли стать: шпионаж, контрабанда, бродяжничество, распутная или «праздная» жизнь[52], но в материалах секретной переписки они сообщались не всегда.

Так, в документах нашло отражение пребывание в России уроженца Берна, майора швейцарской службы Рудольфа Дестейгера, который, проживая в Петербурге, попал под секретный полицейский надзор. Затем швейцарец уехал в Смоленскую губернию, потом вновь вернулся в Петербург «по билету,

---

[48] РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5576. 1831 г. Л. 8.
[49] РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5576. 1831 г. Л. 10–10 об.
[50] Там же. Л. 14 об.–16 об.
[51] Там же. Л. 1.
[52] ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 3 а. Д. 2336, 2336 а. 1826 г.

выданному на жительство только в Смоленской губернии; однако же по уважению надобности и ходатайства о нем, дозволено ему отправиться отсюда в Москву; для чего и билет будет выдан». Об этом сообщал санкт-петербургский военный генерал-губернатор Московскому военному генерал-губернатору в своем секретном отношении от 15 января 1824 года за № 13. Последний, в свою очередь, дал указание об установлении надзора Московскому губернатору, который сообщил, что 21 января 1824 года швейцарец прибыл в Москву, а на следующий день отправился в уездный город Сычевку Смоленской губернии, получив паспорт на проезд. Об этом уведомили смоленского губернатора[53].

Р. Дестейгер поселился в вотчине графа Н.П. Панина. В рапорте старосты этой вотчины Парфена Ануфриева в Сычевский нижний земский суд от 4 октября 1824 года сообщалось, что швейцарец желал отправиться в Ригу. Дестейгер имел к этому моменту «билет выданный ему от Смоленского гражданского губернатора Храповицкого от 19-го сентября сего года под № 151, на свободное в Сычевском уезде [Смоленской губернии] пребывание по 1-е марта будущего 1825-го года». В связи с предстоящим отъездом иностранца в Ригу староста просил снабдить его в соответствии с законом видом на переезд[54]. После обращения старосты в земский суд последний должен был сообщить о просьбе в канцелярию губернатора и получить оттуда требуемый документ.

Если губернатору требовалось навести справки «о состоянии и образе жизни» иностранцев, в случае, когда речь шла о бывших «в услужении» или занимавшихся воспитанием детей помещиков, губернатор обращался к губернскому предводителю дворянства, а тот – к уездному. Так, смоленский гражданский губернатор получил сведения от губернского предводителя дворянства об итальянке Андриенне Копелло, урожденной Гуар, жившей в Сычевском уезде в доме коллежского секретаря Нахимова и обучавшей его

[53]ЦХД до 1917 года ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 31. Д. 82. 1824 г. Л. 3–3 об.
[54] ГАСО. Ф. 89. Оп. 2. 1824 г. Д. 357. Л. 92.

детей за 1000 рублей в год. Губернатор был поставлен в известность о сложном материальном положении иностранки, вынужденной оплачивать долги своего умершего отца. Ее «старанием оные почти все уже уплочены», но итальянка очень нуждалась: одна содержала всю семью – мужа и двух малолетних детей. Такие подробности о положении иностранки губернскому предводителю для доклада губернатору мог сообщить только уездный предводитель. Губернатор узнал и о том, что Копелло «пособия от казны никакого не получала, поведения по удостоверению Гг. дворян она весьма хорошего и заслуживает монаршего воззрения»[55].

Поводом к наведению справок об А. Копелло стало письмо к губернатору И.С. Храповицкому от действительного члена Совета Императорского человеколюбивого общества, князя Александра Голицына от 5 июля 1826 года. Князь писал: «Жительствующая Смоленской губернии Сычевского уезда в деревне Валашоке, смотрительницею за детьми иностранка Адриенна Копелло, урожденная Гюар, утруждала Государя Императора всеподданнейшим прошением об оказании ей пособия упоминая, что она осталась сиротою без матери и отца, и что отец ея занимался преподаванием уроков танцования». Голицын желал знать мнение губернатора, «какого рода пособие оказать ей нужно, буде она того заслуживает»[56].

Судя по журналу исходящих бумаг канцелярии смоленского губернатора, его решение, вынесенное 5 ноября 1826 года, звучало так: «По мнению моему означенная иностранка по образу жизни… заслуживает щедрость монарха денежного пособия которым она доселе не воспользовалась»[57]. В результате в феврале 1827 года Копелло получила единовременное пособие в 500 рублей от Императорского человеколюбивого общества[58]. На рассмотрение вопроса Андриенны Копелло потребовалось в общей сложности 7 месяцев (довольно оперативно для того времени с учетом отечественной волокиты).

---

[55] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1826 г. Л. 1042 об.–1043.
[56] Там же. Л. 56.
[57] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1826 г. Л. 1043.
[58] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. 1827 г. Л. 123.

Случай с итальянкой свидетельствует, что российские власти не только контролировали поведение и настроение иностранцев, но, при признании их благонадежности, оказывали им материальную помощь через благотворительные организации. Так, в том же 1827 году вдовствующая императрица Мария Федоровна дала согласие на выдачу денежных пособий более 200 москвичам, обратившимся к ней с прошениями, в том числе и проживавшим в Москве иностранкам. При имени каждой нуждающейся иностранной подданной, после указания ее семейного и материального положения значилось: «от своих трудов, поведения хорошего, состояния бедного и в пособии имеет необходимость»[59]. Размер пособия не указан, возможно, он был разным, в зависимости от обстоятельств. Все сведения о просителях подтверждались полицией. Графа в списке так и называлась: «что по выправке полиции оказалось»[60].

Справки об иностранцах были необходимы губернаторам при выдаче билетов на проезд в другую губернию, однако чрезвычайные обстоятельства иногда не позволяли оперативно получить необходимые сведения. В подобных случаях, даже выдав билет, губернатор обращался к тому губернатору, с территории которого приехал иностранец, чтобы при возникновении малейших подозрений в неблагонадежности сообщить об этом губернатору уже той губернии, куда направился иностранец. Каковы могли быть чрезвычайные обстоятельства, можно судить по записи от 2 сентября 1826 года в журнале исходящих бумаг канцелярии Смоленского губернатора.

В журнале воспроизведен текст отношения Смоленского гражданского губернатора к начальнику Пензенской губернии. В документе упоминается рапорт смоленской городской полиции, из которого смоленский губернатор узнал о явке «в оную» француза Петра Александрова Ламберта «без всякого вида», но с «бумагами», выданными иностранцу Можайским земским судом, «из коих значит что он в сей суд объявил, что во время прохода его из Москвы

---

[59] ГАРФ. Ф. 663. Оп. 1. Д. 244. Л. 12, 12 об., 15 об., 16, 16 об.
[60] Там же.

в Варшаву на большой Смоленской дороге в лесу называемом им Вяземским отнято у него неизвестными людьми все имущество, в том числе и пашпорт», полученный Ламбертом от пензенского гражданского губернатора. Иностранец имел «крайнюю необходимость ехать в г. Вильно» и обращался с просьбою «выдать ему на проезд туда билет». Смоленский гражданский губернатор сообщал в Пензу: «Убеждаясь таковою прозбою его я выдал ему билет на проезд до Вильно, и покорнейше прошу Ваше Пре[восходительст]во приказать учинить достоверную выправку в делах ваших и уведомить меня с первою почтою действительно ли помянутому иностранцу Ламберту был выдан от вас билет, в какое время и до какого места». Кроме того, смоленский губернатор просил уведомить об этом и виленского губернатора, так как Ламберт «туда отправился… с выданным от меня билетом»[61].

Губернаторы, являясь представителями власти на местах, обязаны были гарантировать иностранцам исполнение законов. Взаимодействие министерств и губернатора при решении вопросов, касающихся имущественных споров с иностранцами, отражает дело Мольденгауера. 5 апреля 1827 года управляющий Министерством внутренних дел В.С. Ланской направил смоленскому губернатору И.С. Храповицкому предписание: уведомить смоленского помещика, князя П.Ф. Шаховского, что брауншвейгский подданный Мольденгауер требует вернуть ему долг за работу, выполненную на фабрике князя в течение 1820–1827 годов. Нота прусского посланника генерала Шелера по данному вопросу была выслана губернатору, и он, после ознакомления с ней Шаховского, должен был уведомить МВД об ответе помещика[62]. Губернатор немедленно обратился в Юхновский земский суд за справкой о деле[63]. Однако неизвестно, был ли удовлетворен иск Мольденгауера.

Чтобы документально подтвердить факт заключаемой сделки и быть уверенными в возможности взыскать долг, в случае нарушения ее условий,

---

[61] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1826 г. Л. 518 об.–529.
[62] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. 1827 г. Л. 528–528 об.
[63] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1827 г. Л. 799 об.–800.

иностранцы оформляли контракты нотариально. Предметом договора могло быть: предоставление денежной ссуды, аренда дома или торговой лавки, принятие иностранным мастером учеников (из числа крепостных) на обучение или наем слуги. Такого рода договоры были зафиксированы публичными нотариусами при окружном суде в составляемых ежегодно книгах записи контрактов с указанием их условий.

В книге смоленского нотариуса Петра Павлова за 1834 год под датой – 8 марта – записан договор, заключенный между прусским подданным Иоганном Христианом Кингером и чиновником 12 класса Яковом Осиповичем Федоровым. Кингер сроком на 5 лет арендовал у Федорова большой каменный дом в губернском городе («в 1 части, 1 квартала под № 16»). В контракте описывался дом с мебелью из десяти комнат и двух передних, с двумя «теплыми погребами» и несколькими строениями при доме (двумя деревянными флигелями, ледником, двумя сараями, двумя конюшнями на 4 и 10 лошадей, коровником, садом и баней). Кингер обязывался ежегодно выплачивать владельцу 1750 рублей ассигнациями (внося «впредь за четыре месяца деньги без промедления»), но с условием, что все ремонтные работы в доме, чистку труб и т.п., в случае необходимости, будет производить владелец, а не арендатор. В свою очередь, иностранец давал обязательства: соблюдать «бережливость, чистоту и опрятность» и возвратить все «в точном виде в каком… принял»; если же что-то будет испорчено, разбито или утрачено, возместить убытки. В случае пожара и уничтожения строений, Кингер должен был «своим собственным капиталом выстроить и исправить». Неисполнение договора иностранцем привело бы к необходимости заплатить владельцу построек 3000 рублей ассигнациями. Текст контракта был выполнен на гербовой бумаге соответствующей стоимости («писан на двадцатирублевый лист»), подписан обеими сторонами и нотариусом с «приложением нотариальной печати». Условия договора были зафиксированы в книге под № 6, Кингер получил подлинник контракта, а Федоров – копию. По истечению срока оба явились к нотариусу и, предъявив документы, расписались в книге,

тем самым подтвердив окончание сделки и отсутствие взаимных претензий. Кингер, вероятно, не владел русским, так как подпись оставил на немецком языке (в противном случае иностранцы расписывались по-русски)[64].

Распространенным явлением в провинции были договоры о принятии крепостных мальчиков на обучение ремеслу. Подобные контракты заключались между помещиком и иностранным мастером на определенный срок. Примером такого договора является соглашение от 28 марта 1834 года между помещиком Иваном Богдановичем Вонлярлярским и каретных дел мастером Данилой Ивановым Графом [Крафом] (последний проходил «по разбору» 1812 года, см. Приложение 3). Помещик передавал иностранцу «крепостных своих двух мальчиков для обучения мастерства Тимофея Азарьева и Максима Никонова». Далее в документе шло перечисление того, чему должен был обучить их Д.И. Граф: «1го, Азарьева, каретному дрожечному, колясочному, брички, станки, ходы колеса и кузова, зимние кибитки, сани и всему оному принадлежности. 2го, Никонова, кузнечному мастерству, как-то ковки дрог, оковки колес и всему тому до принадлежности принадлежит до экипажей». Срок обучения – 4 года, то есть до 1 мая 1838 года. Однако мастер имел право, по своему усмотрению, продлить этот срок еще на год или два, обязываясь «обучить вышеписанному мастерству в прочном и лучшем виде что нужно для отделки летних и зимних экипажей», помещик же не имел права забрать ребят раньше срока. Иностранец должен был предоставлять ученикам «хлеб, харч равно портомойное и банное за свой щет», а И.Б. Вонлярлярский должен был обеспечивать мальчиков одеждой и обувью.

В случае нарушения соглашения одной из сторон виновная выплачивала неустойку в размере 200 рублей. Условия были подписаны обоими участниками сделки и нотариально заверены. Запись в книгу была внесена под № 16. Подлинник договора «на рублевом листе» должен был хранить у себя Д.И. Граф, а копию – И.Б. Вонлярлярский. По истечении срока оба явились к нотариусу и предъявили документы, контракт был выполнен. В книге есть

[64] ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 11. Л. 5–5 об.

подписи Данилы Графа и Вонлярлярского (последний дал подписку в том, что подлинник предоставлен). Данила Граф расписался по-русски[65]. Вероятно, каретный мастер пользовался успехом и имел хорошую репутацию, так как подобные договоры с другими помещиками он заключал ежегодно[66].

Обучением мастерству крепостных или вольноотпущенных, отданных им на определенный срок смоленскими дворянами, занимались и другие иностранцы. Так, в 1839 году, помимо Графа, похожие соглашения заключили каретных дел мастер иностранец Кристоф Богданович Вебер, шляпник Федор Иванович Штерн[67]. Характерно, что последний, принимая по договору 14 сентября 1839 года на четыре года, то есть до 14 сентября 1843 года, «вольноотпущенную девку» губернского секретаря В.В. Потемкина Матрену «на обучение головных дамских уборов шитья, мытья и глаженья оных», обязывался «содержать ее во все время на моем Штерна хлебах, харчах, банном и портомойном». В то же время иностранный мастер волен был, «есть ли надобность укажет за леность и неповиновение ее Матрену наказать розгами по мере вины отечески но не жестоко смотреть за ее поведением». Помещик же обязывался в течение всего срока обучения «давать ей [Матрене] обувь и одежду приличную», а мастеру платить «ежегодно по пятидесяти рублей ассигнациями», внося плату «при начале каждой половины года с роспискою»[68].

В этом договоре обращает на себя внимание возможность для иностранца применять физические наказания. Вероятно, они были обыденным явлением дореформенной России, с другой стороны, это право оговаривалось в контракте. Можно предположить, что иностранные мастера при обучении могли не церемониться с учениками, находящимися в крепостной зависимости, а упомянутая выше Матрена – вольноотпущенная, поэтому вопросу наказаний было уделено особое внимание. Договор заключал помещик, он же обязывался

---

[65] ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–2 об.
[66] ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 11. Л. 8–8 об.; Д. 15. Л. 2–3.
[67]ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 20. Л. 13 об., 26.
[68] Там же. Л. 26.

выплачивать денежную сумму и рассчитывал, что в дальнейшем девушка будет работать в его семье.

Иностранец мог взять на попечение русского ребенка, что тоже требовало оформления договора у нотариуса. 15 ноября 1839 года подобный договор был заключен прусским подданным Александром Александровичем Кернером с дворовым человеком помещика В.К. Макалинского Петром Трофимовым. Дочь Трофимова Софья в 6 лет получила вольную, засвидетельствованную в Духовщинском уездном суде, а теперь иностранец брал ее «Софью Петрову в отце Трофимову имеющую от роду девять лет для обучения русской грамоте, французскому и немецкому языкам, музыке на фортепиано, танцовать и разным женским рукоделиям сроком впредь на девять лет», т.е. до 15 ноября 1848 года. По договору Кернер обязывался содержать Софью Петровну Трофимову «на своем иждивении прилично как свою родную дочь». В документе были прописаны все возможные жизненные коллизии. Если Софья в будущем захочет выйти замуж, то «не позволять ей выйти замуж без позволения родителей». Если с ней в течение девяти лет случится беда, и она («чего Боже сохрани») умрет, иностранец был обязан известить об этом родителей. Если по благополучному окончанию срока обучения Софья «пожелает еще остаться на дальнейшее усовершенствование наук», то Кернер соглашался заниматься этим и «на дальнейшее время»[69].

Обращает на себя внимание, что подобный договор в документах нотариальной конторы Смоленского окружного суда за 1829–1861 годы исключительный. Можно предположить, что прусский подданный желал взять на воспитание именно этого ребенка. Не имея возможности удочерить девочку, не являвшуюся сиротой, он нашел выход в таком договоре с четкой фиксацией собственных обязательств, так как никаких упоминаний об обязанностях родителей в отношении девочки документ не содержит.

Стоит отметить, что иностранцы считали необходимым и сделки, заключаемые между собой, фиксировать у местных нотариусов. В книге

[69] ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 20. Л. 36.

смоленского нотариуса Петра Павлова есть запись от 25 мая 1835 года о договоре между шведским подданным Андресом Густавом Гегбломом (Andres Gustav Högblom, но в искаженном варианте фамилия его была прочитана как Гедблиом) и испанцем Доменикoм Робба (Dominique Robba). Швед нанимал испанца в качестве слуги, поэтому последний должен был выполнять поручения «во всяком случае без малейшего прекословия и везде стараться быть ему [Гегблому] полезным» и до срока (договор заключался на один год) не мог покинуть хозяина. Испанцу за службу полагалось «жалованья семьдесят пять целковых серебром и нужный гардероб к представлению», а «в свободное время… полусапожки для представления» и «также квартиру и харчи и мытье белья».

В случае нарушения условий полагалось «заплатить правой стороне пятьсот рублей ассигнациями и заплатить без промедления». Подписанный и заверенный нотариусом договор был зафиксирован в книге под № 23, и подлинник на гербовой бумаге стоимостью 3 рубля серебром получил швед (наниматель), а копию – испанец (слуга). Подписи в книге нотариуса свидетельствуют о благополучном завершении сделки, выполнены они иностранцами на родном языке[70].

Фиксация контрактов у нотариуса давала возможность контролировать заключаемые сделки с точки зрения соответствия их условий законам Российской империи. Нотариальное оформление отвечало интересам обеих сторон сделки, так как позволяло в случае ее невыполнения получить компенсацию в судебном порядке (контора действовала при окружном суде) или при чиновничьей волоките подать соответствующую жалобу губернатору.

Иногда неосведомленность или нерасторопность губернского начальства могла лишить иностранца заслуженных им привилегий. Так, саксонский подданный Карл (в русской транскрипции Константин) Бетхер, проживавший с отцом в Ельнинском уезде у князя Долгорукова, спас «утопавшего в озере крестьянского мальчика Ефима». Прошло около двух лет, и отец Карла

[70] ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 15. Л. 18 об.

(Константина) Бетхера решился обратиться с прошением к Министру внутренних дел «о принятии сына его Константина в военно-сиротский дом или Морской кадетский корпус»[71]. Министр потребовал от витебского, могилевского, смоленского и калужского генерал-губернатора князя Н.Н. Хованского высказать свое отношение, последний полагал справедливым «удостоить сына Бетхера к награждению медалью… за человеколюбивый подвиг». Речь идет, вероятно, о медали «За спасение погибавших», учрежденной в 1818 году и имевшей надпись «За спасение человечества», а с апреля 1828 года получившей надпись «За спасение погибавших». Но управляющий Министерством внутренних дел в отношении своем генерал-губернатору от 13 мая 1829 года «известил… что так как произшествие случилось тому около двух лет, и что о человеколюбивом поступке сына иностранца Бетхера не было со стороны местного губернского начальства доведено в свое время до сведения Министра Внутренних дел; то он ныне за силою Высочайшаго повеления, 15 Декабря 1828 года состоявшегося, ничего не может сделать в пользу иностранца Бетхера». Генерал-губернатор изложил этот неутешительный для иностранца результат в своем отношении к смоленскому гражданскому губернатору Н.И. Хмельницкому от 18 мая 1829 года за № 2588, а тому предстояло «объявить просителю»[72]. В свою очередь, губернатор предписал это сделать Ельнинскому уездному суду[73].

Своевременное принятие решений губернатором напрямую зависело от эффективной работы подчиненных. Начальнику губернии, судя по журналам исходящих бумаг, не раз приходилось грозить уездным властям наказанием за медлительность в исполнении предписаний. Характерная запись от 12 сентября 1829 года была адресована в журнале смоленскому земскому исправнику: «Не имея от вас донесения на предписание от 10 июля за № 678 о наблюдении за поведением великобританского подданного дворянина Жефферва,

[71] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. 1829 г. Л. 324.
[72] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. 1829 г. Л. 324 об.
[73] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41. 1829 г. Л. 869 об.–870.

проезжавшего для осмотра мест сделавшихся в России достопамятными в течении войны 1812 года, я подтверждаю сим учинить… без всякого отлагательства надлежащее исполнение»[74]. Губернатор негодовал – с момента предписания прошло 2 месяца: «мне донести… сколь можно поспешнее с объяснением причины медленности»[75].

Местная полиция в отношении иностранцев иногда проявляла не только нерасторопность, но и своеволие, превышая полномочия, данные законом. Для иностранных подданных при этом губернатор оставался надеждой на справедливость. Так, когда из Дорогобужа в Смоленск был послан в губернское правление «прусский подданный столярных дел подмастерий Иоган Фердинант Апцподин», он явился в канцелярию смоленского губернатора для «перемены билета», где «показал: 1) что при проходе его чрез Дорогобуж взят он был неизвестно ему почему в полицию, где вовремя нахождения его пропал из чемодана его галстук, стоющий 5 р. 2) Полицейский служитель взял у него 3 р. 80 ко[п]. на покупку пищи, но оной не покупал ему и денег не возвратил. 3) Во время нахождения его в доме …[дорогобужского городничего] пропала его легавая собака стоющая 50 р. и 4) при отправлении его посредством внутренней стражи в Смоленск отобран от него аглинской (т.е. английский. – *А.Т.*) несессер и отдан конвойному и после ему не возвращен»[76]. Губернатор не мог оставить это дело без разбирательства, 17 января 1831 года он потребовал от дорогобужского городничего распорядиться «о возвращении означенному иностранцу упомянутых вещей и собаки» и доставить их в губернский город, «по жительству его [иностранца] в г. Смоленске»[77].

Как представитель государя «во вверенной» территории, губернатор обязан был защищать права населения, вне зависимости от национальной принадлежности. Нарушителями закона могли быть и иностранные подданные. Так, когда смоленская врачебная управа в 1831 году уведомила губернатора,

---

[74] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1829 г. Л. 549 об.
[75] Там же.
[76] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1831 г. Л. 65.
[77] Там же.

что в Духовщинском уезде проживает подпоручик Николай Прейс, который «выдает себя за вольнопрактикующего медика и не имея на то никакого права занимается зловредным лечением людей», начальник губернии 14 августа 1831 года дал необходимые предписания духовщинскому исправнику: «отыскав непременно помянутого шарлатана Прейса выслать его в здешнюю врачебную управу для поступления с ним по законам и … о последующем донести»[78]. Согласно российскому законодательству, Прейс должен был быть выслан за границу. Прецеденты уже были: именной указ Николая I, объявленный 6 декабря 1827 года управляющему Министерством внутренних дел санкт-петербургским военным генерал-губернатором, красноречиво назывался «О высылке Прусского подданного Дитриха, выдающего себя за врача, как обманщика, за границу, и о поступании впредь таким же образом при подобных случаях»[79].

Покушение на здоровье российских подданных должно было караться по закону. Однако торжества справедливости им приходилось иногда ожидать годами. В 1826 году проезжавший через станцию Васино Дорогобужского уезда курьер испанского чрезвычайного посланника Аениас «разрубил саблею голову» смотрителю станции губернскому секретарю Бердяеву. Причины столь серьезного инцидента в документах канцелярии губернатора не отражены. Пострадавший возбудил иск, и через 5 лет после происшествия денежная компенсация с обидчика была взыскана. Она оказалась «436 реалов составляющих по курсу на ассигнац[ии] сто девять рублей за вычетом в пользу почты одного рубля девяти коп[еек]»[80]. Эти деньги были удержаны из жалования испанского курьера и «доставлены от посланника Нашего, в Мадриде, г. Тайного Советника Убри» управляющему Министерством иностранных дел П.Г. Дивову, тот отослал их смоленскому гражданскому губернатору, а последний 8 августа 1831 года направил деньги в

[78] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1831 г. Л. 820.
[79] ПСЗ-2. Т. II. № 1601.
[80] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1831 г. Л. 796–796 об.

Дорогобужский земский суд. Губернатор предписывал уездному суду «выдать деньги станционному смотрителю Бердяеву с роспискою» с предоставлением ее губернатору «немедленно»[81]. Со времени драматических событий на захолустной смоленской станции прошли годы, закон все-таки был исполнен, но сумел ли поправить за этот срок свое здоровье станционный смотритель?

О проживавших на территории губернии иностранных подданных губернаторы обязаны были предоставлять ведомости в вышестоящие инстанции: Министерство полиции (затем Министерство внутренних дел) и III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 7 апреля 1827 года начальник Главного Штаба в Санкт-Петербурге информировал шефа жандармов графа А.Х. Бенкендорфа, что «Его Императорскому Величеству благоугодно, дабы со всех пограничных мест Империи, присылаемы были в III Отделение Собственной Его Величества Канцелярии, семидневные ведомости о всех прибывающих в Россию иностранцах, как к портовым городам, так равно и чрез сухопутные заставы, и чтобы таковые ведомости представлялись к Высочайшему воззрению»[82]. Ведомости представляли собой таблицу с указанием: 1) порядкового номера иностранца в списке, 2) его имени, фамилии и звания, 3) национальности («нации») или подданства, 4) «откуда прибыл и с каким паспортом», 5) цели («предмета») приезда[83].

В одной из первых ведомостей 1827 года о прибывших в Россию иностранцах упоминались швейцарцы. Так, в Волынскую губернию в период с 8 по 15 мая приехал для свидания с братом в городе Владимире офицер «швейцарской службы» Фази, прибывший из Австрии «с паспортом своего Правительства», засвидетельствованным российским поверенным в делах в Швейцарии[84]. В Кронштадтский порт с 31 июля по 7 августа того же 1827 года прибыл из Любека швейцарец Иосиф Гель. Он имел паспорт поверенного в

[81] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1831 г. Л. 796–796 об.
[82] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 226. Д. 7. 1827–1830 гг. Л. 1.
[83] Там же. Л. 537.
[84] Там же Л. 16.

делах в Швейцарии Д.П. Северина. В графе «Предмет приезда» И. Геля значилось: «В качестве гувернера в дом графа Сологуба»[85] и т.д.

Отслеживая въезд и пребывание иностранцев в России, III Отделение проявляло заботу о росте доходов государства и выступало с инициативами фискального характера в отношении иностранных подданных. Так, по предложению А.Х. Бенкендорфа, поддержанному Комитетом министров, 11 октября 1827 года было Высочайше утверждено Положение, согласно которому на всей территории империи виды на жительство и паспорта для проезда из одного места в другое выдавались иностранцам на гербовой бумаге 50-копеечного достоинства (пошлина поступала в пользу государственных доходов)[86]. Другая же инициатива III Отделения – о взыскании с проживавших в провинции иностранцев ежегодной пошлины в городской бюджет – Комитетом министров была отвергнута[87]. Правительство сочло, что «исполнение сего правила по губернским и уездным городам было бы для иностранцев стеснительно, сверх того сопряжено с большими неудобствами и не принесло бы значительной для городских доходов пользы» [88]. Только в столицах в пользу адрес-контор, то есть городских доходов, иностранцы обязаны были ежегодно вносить по 3, 5, 10 рублей (в зависимости от занятия)[89].

Отдельный учет велся в отношении иностранцев, принявших подданство России. На основании циркулярного предписания шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа гражданским губернаторам от 3 марта 1828 года, губернаторы обязаны были, получая сведения от уездных исправников и городничих, ежемесячно подавать III Отделению ведомости об иностранцах принявших подданство в губернии[90]. По предложению губернатора Смоленское губернское правление своим указом от 18 апреля 1828 года утвердило необходимость предоставления уездными властями ведомостей об

---

[85] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 226. Д. 7. 1827–1830 гг. Л. 67.
[86] ПСЗ-2. Т. II. № 1456.
[87] Там же.
[88] Там же.
[89] Там же.
[90] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 1833 г. Л. 3.

иностранцах, присягнувших и проживавших в уездах и уездных городах. При этом в указе делалась ссылка на «Высочайше утвержденные правила, изъясненные в предписании Министерства внутренних дел от 15 ноября 1809 года»[91]. Ведомость о принявших подданство иностранцах имела определенные графы: 1) номер по порядку, 2) «имя и фамилия, женат или холост, имеет ли детей», 3) «какого ремесла или состояния», 4) «где родился и в чьем состоял подданстве», 5) «в котором году и с каким паспортом прибыл в Россию», 6) к какому прибавлен состоянию после учинения присяги»[92].

Были случаи, когда иностранцы, приняв присягу на верность России получив паспорт, годами не спешили принять решение о причислении к определенному сословию. И только проведение переписи вынуждало их предпринять необходимые шаги в этом направлении. Так, австриец Иосиф Герман стал подданным Российской империи еще в 1815 году и получил паспорт из Смоленского губернского правления на «свободное прожитие и приискание рода жизни», после этого он проживал в разных уездах Смоленщины, женился и стал отцом, но только в 1834 году в период 8 ревизской переписи обратился с прошением о причислении себя и родных к смоленскому мещанскому обществу. Дума, рассмотрев 27 марта 1834 года прошение И. Германа и представленный им паспорт, вынесла решение в пользу иностранца и подала соответствующее «доношение» в Казенную палату[93].

В 1830-е годы принятие российского подданства в провинции не было частым явлением. Так, в 1831 году в Смоленской губернии российское подданство приняли: турок-шинкарь Дмитриев Павео с семейством[94], полковник 8-й артиллерийской бригады граф де Шамборант, проживавший в Рославле, который, по Высочайшему соизволению, вместе с семейством был

---

[91] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 1833 г. Л. 14.
[92] Там же. Л. 54.
[93] Будни старого Смоленска. 1829–1837 годы: сборник документов. Смоленск: Свиток, 2013.С. 231.
[94] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 64 об.

причислен к дворянству[95], в 1832 году – уроженка Кракова Евгения Иванова с сыновьями[96], в 1833 году – без указания подданства Иван Иванов Берман, с пятилетнего возраста проживавший в России (в имении помещиков Балкашиных Бельского уезда)[97], в 1834 году – прусский подданный Иван Иванов[98], в 1836 году – прусский сапожник Готфрид Фасгейер[99], в 1837 году – французский врач Франц Валь (о нем упоминалось выше)[100] и английский архитектор Егор Макгель[101], в 1839 году – саксонец-эконом Кирила Линке[102]. В 1840 году на верность России присягнул прусский подданный, архитектор Василий Бланкегорн с семейством[103], баденский подданный, золотых дел мастер Федор Рейман[104], подданный Нассау Богдан Штриттер с детьми[105].

Еще 16 сентября 1835 года последовал Сенатский указ, подтверждающий, что приведение к присяге иностранца, изъявившего на то желание, обязательно должно происходить в присутствии губернского правления[106]. Присяжные листы, подписанные иностранцем, засвидетельствованные «духовной особой сего исповедания» (при наличии таковой) и губернским правлением, ежегодно направлялись последним в Сенат[107].

Губернатору губернским правлением ежемесячно предоставлялась «Ведомость иностранцам учинившим присягу на верность и подданство Российскому престолу», которая содержала ценную информацию об иностранце. Это, в первую очередь, биографические сведения (имя, место и дата рождения, семейное положение, карьера до принятия подданства, дата

---

[95] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. 1831 г. Л. 1–4.
[96] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 92 об.
[97] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 1833 г. Л. 54.
[98] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 93.
[99] Там же. Л. 228.
[100] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 34 об.
[101] Там же. Л. 141.
[102] Там же. Л. 127 об.
[103] Там же. Л. 18 об.
[104] Там же. Л. 189 об.
[105] Там же. Л. 264.
[106] ПСЗ-2. Т. X. № 8409.
[107] АВПРИ. Ф. 161. II–19. Оп. 93. Д. 4. 1835 г. Л. 18.

приезда в Россию, место жительства). Кроме того, по ведомости можно судить о степени адаптации в империи (владение русским языком, заключение брака с россиянкой), веротерпимости (указание на вероисповедание жены и детей). Иностранец имел право вступать в российское подданство вместе с детьми[108]. Если же это специально не оговаривалось, дети иностранцев, вне зависимости от рождения на территории России и срока пребывания в империи, обязаны были вступать в российское подданство установленным порядком (согласно выписке из отношения министра внутренних дел министру иностранных дел от 11 октября 1835 года под № 4865)[109]. Следовательно, сам факт рождения в России был недостаточным основанием, чтобы считать их подданными империи[110]. Только дети иностранцев, родившиеся в России и вступившие затем в государственную службу, «почитаются наравне с природными подданными»[111].

Вероятно, именно заботой о будущем своих детей руководствовался коллежский асессор 54-летний Богдан Иванович Штриттер, когда в 1840 году принес присягу на верность России. Из ведомости о принятии им российского подданства известно, что Штриттер – уроженец Нассау, в 1808 году окончил Вирцбургский университет в Баварии, а затем поступил лекарем в Симбирский гренадерский полк. Выйдя в отставку, проживал в Рославльском уезде в собственном имении со своей семьей. Женат Штриттер был на «капитанской дочери Наталье Михайловой Полтевой», овдовел к 1840 году, имея детей (4 сыновей и 2 дочерей). «Все дети православного вероисповедания». После принятия подданства Штриттер был причислен «к дворянству Смоленской губернии по Рославльскому уезду»[112]. По уверенной и сделанной на русском языке подписи Богдана Штриттера под ведомостью можно утверждать, что для этого иностранца, много лет прожившего и прослужившего в России, имевшего

---

[108] АВПРИ. Ф. 161. II–19. Оп. 93. Д. 4. 1835 г. Л. 17 (со ссылкой на: СЗ. Изд. 1832 г. Том IX. ст. 916).
[109] Там же. Л. 42–43 об.
[110] Там же.
[111] Там же (со ссылкой на: СЗ. Изд. 1832 г. Т. IX. Ст. 1369).
[112] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. 1840 г. Л. 76.

русскую жену и православных детей, принятие российского подданства было вполне логичным и обдуманным шагом. Став российским дворянином, он дал возможность своим детям обладать всеми привилегиями потомственных дворян.

В 1843 году в Смоленской губернии в российское подданство перешли саксонец, учитель Фридрих Кейзер, и гессен-дармштадтский подданный, каретных дел мастер Данила Краф с детьми[113], в 1844 году – пруссак Георгий Мейер с семейством и любекский подданный Иоганн Александр Андреев Гессе.

Уроженец города Кейзберга Георгий Петров Мейер, несмотря на одинадцатилетнее проживание в России, ссылаясь на неграмотность, просил 25 апреля 1844 года расписаться за него в ведомости о принесении присяги на верность России писца 1-го разряда Смоленского губернского правления Ивана Федосеевича Высоцкого. Из ведомости известно, что Г. Мейер, механик, 41 года, имел «жену, которая находится на жительстве в городе Москве и сына Матеуса 13-ти лет и дочь Марию 6 лет, коих он оставляет в Российском подданстве». В графе «К какому причислен состоянию после принесения присяги» указана традиционная формулировка: «Выдан билет для избрания в 9 месяцев рода жизни какой сам пожелает»[114].

Собственноручно расписаться в «Ведомости иностранцам учинившим присягу на верность подданства Российскому престолу» сумел любекский уроженец, учитель музыки 32-летний Иоганн Александр Андреев Гессе, прибывший в Россию в 1839 году. Весь текст ведомости заполнен канцеляристом, включая фразу «К сему показанию бывший любекский подданный руку приложил», а иностранец вывел: «Александр Гессе»[115]. В архивном деле помимо ведомости сохранился билет «на свободное пребывание в Смоленской губернии» Иоганна Александра Гессе[116]. Вместо него иностранец

[113] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. 1840 г. Л. 112 об.
[114] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. 1844 г. Л. 29.
[115] Там же. Л. 79.
[116] Там же. Л. 77 об.

получил билет на 9 месяцев, в течение которых обязан был избрать занятие в России[117]. Присягу на верность иностранец принес 23 августа 1844 года в Смоленском губернском правлении в присутствии лютеранского пастора, о чем сообщили губернатору из канцелярии губернского правления.

Иностранцы могли выйти из российского подданства и вернуться на родину. В соответствии с Высочайше утвержденным 3 июля 1837 года мнением Государственного совета, в случае выхода из российского подданства иностранцы исключались из оклада и должны были в течение года покинуть Россию. Если же они оставались в империи, то вновь включались в прежний оклад до выезда из страны[118]. Все дела, связанные с увольнением иностранцев из российского подданства, рассматривались Сенатом, за исключением случаев, требовавших Высочайшего утверждения[119].

Согласно статье 929 «Законов о состояниях», иностранец при оставлении российского подданства обязан был «продать недвижимое имение свое, выполнив при этом повинности того состояния, к коему он принадлежит в России и внеся в казну установленную за вывод движимого имущества пошлину, буде платеж оной не отменен взаимными трактатами с тою Державою, куда они возвращаются»[120].

Иностранец, ставший российским подданным, получал уравнение в правах с коренными жителями[121]. Его национальная принадлежность с этого момента уже могла не отмечаться в документах, и он «растворялся» среди своих российских сограждан.

В отношении иностранных подданных, то есть сохранивших подданство своего государства, с начала 1830-х годов (по Именному указу Николая I, объявленному 8 июля 1831 года гражданским губернаторам министром внутренних дел, «О формах всеподданнейших рапортов гражданских

---

[117] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. 1844 г. Л. 77 об.
[118] ПСЗ-2. Т. XII. Ч. 1. № 10410.
[119] ПСЗ-2. Т. XV. Ч. 1. № 13210.
[120] АВПРИ. Ф. 161. Оп. II-19. Оп. 93. Д. 4. 1835 г. Л. 22 об.–23.
[121] Там же. Л. 77.

губернаторов по годичному обозрению губерний») начальникам губернии в годовом обзоре предписывалось указывать «число иностранцев, проживающих в городах, или уездах, и занятия их (в общих чертах)» на основании сведений полиции[122].

В Своде Законов Российской империи 1832 года («О состояниях людей в государстве») было определено, что «иностранцами признаются все вообще подданные других держав, не вступившие установленным порядком в подданство России»[123]. Правила въезда и выезда иностранцев были четко определены. Согласно статье 895 «Законов о состояниях», по прибытии в Россию иностранный подданный должен был явиться к гражданскому губернатору, представить свой паспорт и получить взамен паспорт для свободного жительства в империи или переезда в другую губернию. Иностранный паспорт представлялся губернатором в III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии[124].

При объявлении иностранцем пограничной страже «о желании водвориться в России» выдавалось кордонное свидетельство на 3 месяца, после предъявления и фиксации этого документа в земском суде свидетельство приобретало силу паспорта еще на 6 месяцев, за которые иностранец мог избрать себе занятие в России. В кордонном свидетельстве указывалось время прибытия иностранца на границу и место, откуда он прибыл. Обозначался состав семьи «с именами, летами и приметами каждого лица»[125].

При передвижении иностранца по территории России в каждом губернском городе он обязан был возобновлять у гражданского губернатора вид для проезда, по прибытии на место назначения, предъявив путевой вид, – получить от гражданского губернатора годовой билет на жительство. В столицах этот документ иностранным подданным выдавался канцелярией военного генерал-губернатора (согласно «Уставу о паспортах и беглых» 1832

---

[122] ПСЗ-2. Т. VI. № 4689. Ст. 4.
[123] СЗ Изд. 1832 г. Т. 9. («О состоянии людей в государстве»). Ст. 890.
[124] Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Указ. соч. С. 304.
[125] АВПРИ. Ф. 161. II–19. Оп. 93. Д. 4. 1835 г. Л. 10 об.

года)[126]. Местные власти всегда ссылались на данный Устав при приеме и выдаче документов, связанных с пребыванием иностранцев на территории вверенной им губернии[127].

Если иностранный подданный желал переехать в другую губернию, гражданский губернатор той губернии, которую собирался покинуть иностранец, снабжал последнего билетом на проезд и обязательно уведомлял начальника губернии, в которую направлялся иностранец, о том, что «препятствия к выезду отсутствуют». Так, в канцелярии орловского губернатора сохранились дела об иностранцах, которые содержат подобные уведомления[128].

Сообщить губернатору информацию о скором приезде конкретного иностранного подданного мог и лично глава III Отделения Е.И.В. канцелярии А.Х. Бенкендорф. Такого внимания обычно «удостаивались» те иностранцы, которые попали под подозрение в нелояльности или мошенничестве, а потому находились под секретным надзором, и в отношении их последовали Высочайшие повеления. Так, в предписании смоленскому гражданскому губернатору (под грифом «Секретно») от 7 августа 1832 года А.Х. Бенкендорф сообщал, что им был сделан доклад государю об отношении, поступившем от наместника Царства Польского. Речь шла «о желании проживающего в Варшаве прусского подданного, часовых дел мастера Фридриха Черниха, по делам семейственным отправиться на год в губернии: Смоленскую и С. Петербургскую». По этому поводу император Николай I «изволил изъявить Высочайшее согласие на снабжение помянутого иностранца установленным на сей конец видом, с тем однако же, чтобы за ним учрежден был неослабный и крайний надзор»[129]. О «Монаршей воле» А.Х. Бенкендорф уведомил наместника Царства Польского и губернаторов. Смоленский губернатор,

---

[126] АВПРИ. Ф. 161. II–19. Оп. 93. Д. 4. 1835 г. Л. 39.
[127] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 122. 1837 г. Д. 15. Л. 1.
[128] Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Оп. 1. Д. 1034. 1854 г.; Д. 1374. 1858 г.; Д. 1437. 1859 г.; Д. 1441. 1859 г. и др.
[129] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. 1832 г. Л. 553.

получив это сообщение, не замедлил сделать «надлежащие распоряжения»[130] смоленскому полицмейстеру и Смоленскому земскому суду. Об этом свидетельствует соответствующая резолюция на предписании Бенкендорфа[131]. Перед государем и III Отделением губернатор выступал гарантом осуществления секретного и строгого надзора за попавшими под подозрение иностранцами.

Меры губернаторов в отношении иностранцев могли осуществляться только во взаимодействии с III Отделением, что и подчеркивалось в циркуляре министра внутренних дел Д.Н. Блудова от 22 октября 1832 года за № 4582, адресованном гражданским губернаторам. Министр напоминал о Высочайшем повелении от 19 июня 1825 года, согласно которому «воспрещено Начальникам пограничных наших губерний, высылать самим за границу иностранцев, кои по дурному поведению, сомнительности, или другим каким либо причинам не могут быть терпимы в пределах наших»[132]. Предварительно губернаторы обязывались донести в III Отделение обо всех иностранцах, подлежавших, по их мнению, «к удалению за пределы Государства»[133].

Начальник губернии должен был, при возникновении каких-либо сомнений задержать выдачу иностранному подданному билета на проезд и сообщить в III Отделение о своих подозрениях. В свою очередь, III Отделение давало губернатору предписание о том, как следует поступить. При этом решение принимал даже не шеф жандармов и одновременно главный начальник III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, а сам император. Пример тому – отказ в проезде в Петербург из Варшавы француженке Элизе Гарнерен в 1833 году. К этому моменту Элиза с отцом «профессором воздухоплавательной физики» Жаном-Батистом Гарнереном, компаньонкой и

[130] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. 1832 г. Л. 553 об.
[131] Там же. Л. 553.
[132] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. 1832 г. Л. 691.
[133] Там же.

секретарем-поляком два года жила в Варшаве[134]. Прежде, в 1803 году, вместе с отцом Элиза приезжала в Петербург и Москву. Тогда в Павловске они демонстрировали аттракцион с парашютом в присутствии вдовствующей императрицы Марии Федоровны[135], а в столицах изумляли дворянскую публику возможностью совершить полет на воздушном шаре[136].

Однако, когда в 1833 году Элиза Гарнерен вновь захотела отправиться в российскую столицу, ей было отказано. Причиной стало поведение отца Элизы, замеченного в связях с «мятежническим правлением» в Польше, о чем докладывал А.Х. Бенкендорфу польский наместник И. Ф. Паскевич. Последний утверждал, что, «судя по слухам», Ж.-Б. Гарнерен «предлагал мятежническому правительству проект выделки нового рода огнестрельного оружия»[137]. К тому же «Гарнерен был изгнан за предосудительные поступки из Гамбурга, Венеции и Марселя. В Гамбурге под предлогом что дает зрелище, выманивал деньги. В Венеции и Марсели наделал долгов и не уплатив оных, уехал... В настоящее время содержится в тюрьме за долги»[138].

---

[134] Жан-Батист и его брат Андре-Жак (1769–1823) Гарнерены были известны в Европе показательными прыжками с парашютом (при этом именно им принадлежит честь создания того типа парашюта и принципа его раскрытия, который используется и сегодня). Элиза Гарнерен в 1799 году стала второй в истории женщиной-парашютисткой (после Жанны-Женевьевы Ляброcс, вышедшей замуж за Андре-Жака Гарнерена). В возрасте 15 лет Элиза научилась самостоятельно управлять воздушным шаром.

[135] Ж.-Б. Гарнерен отправил в полет на парашюте кошку, которая «в совершенном здоровье спустилась на землю и была представлена Императрице» (Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Указ. соч. С. 308).

[136] В Петербурге в полет отправился известный генерал С.Л. Львов, что стало надолго предметом обсуждения столичной публики (Смолярова Т. Взлет как взгляд, или Бельгиец в русском небе // Новое литературное обозрение. 2005. № 6. С. 126–142).

В одном из московских полетов Гарнеренов пассажиркой стала первая русская воздухоплавательница Тушенинова, а позже в полетах участвовали и другие россиянки П.Ю. Кологривова, А. С. Турчанинова. Последняя писала брату о впечатлениях от полета: «...мадам Гарнерен 6-го числа летала в шару, но не без меня и как весело было летать, что сказать невозможно, только не верьте газетам, лжи много <…>. Не сердитесь на меня, дражайший братец, что мне так сильно хотелось попарить в воздухе, что я в конце концов себе это позволила сделать» (Алябьева Л. Воздушный шар как развлечение: Из истории английской «воздухоплавательной лихорадки» // Новое литературное обозрение. 2005. № 76. С. 101–125; Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Указ. соч. С. 308).

[137] Цит. по: Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Указ. соч. С. 308.

[138] Там же.

В вопросах, касающихся иностранных подданных, III Отделение координировало и анализировало информацию, предоставляя ее государю для принятия окончательного решения. Так произошло и в отношении возможного въезда семейства Гарнерен в Петербург: 13 июля 1833 года на докладе Бенкендорфа по этому поводу император начертал резолюцию: «Нет нужды дозволять»[139].

Собирая сведения о «подозрительных» иностранцах, III Отделение взаимодействовало с ведомствами, в первую очередь с МВД и МИД. Это подтверждает одно из типичных для николаевской эпохи циркулярных предписаний министра внутренних дел гражданским губернаторам «Об открытии места пребывания и задержании некоего барона Миллера» от 12 ноября 1832 года за № 4911[140]. В циркуляре описывалась суть дела: министр иностранных дел вице-канцлер К.В. Нессельроде, «по домогательству Прусскаго Повереннаго в делах, графа Галена», просил графа А.Х. Бенкендорфа принять меры к поиску и задержанию Карла Августа барона Миллера, который значился прусским подданным. По одним документам Миллер являлся капитаном статистики, по другим именовался капитаном прусского королевского Генерального штаба. В марте 1832 года Миллер приезжал в Саратов и, явившись к «Супер-интенданту тамошних немецких колоний, пастору Конради и объявив себя родственником жены родного его брата, занял у него значительные суммы денег, украл несколько драгоценных вещей и потом внезапно скрылся»[141].

Войти в доверие к пастору авантюрист сумел благодаря хорошему образованию, обаянию и артистическим способностям. Он убедил Конради, что «будто бы от Прусской Миссии в С. Петербурге, посылаем был в Константинополь, откуда возвращаясь, отослал депеши свои из Одессы в С. Петербург, к бывшему Прусскому Посланнику Генералу Шелеру, от коего

---

[139] Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Указ. соч. С. 308.
[140] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. 1832 г. Л. 695–695 об.
[141] Там же. Л. 695.

между тем получил отпуск для свидания с родственниками и посещения Кавказских вод и Грузии»[142].

По делу Миллера Бенкендорф обратился к министру внутренних дел, и последний предписывал, «кому следует учинить надлежащее розыскание» не только в городах, где побывал Миллер, но и в «протчих губерниях России». Иностранца следовало задержать и немедленно донести об этом министру внутренних дел. В предписании особо указывалось, что иностранец может проживать и под чужим именем, а «дабы он не мог скрыться», прилагалось «Описание примет Карла Августа барона Миллера». Оно было крайне лаконично: «Лета 31. Рост средний. Волосы, брови светло-русые. Глаза серые. Нос, рот умеренные. Лицо овальное. Голова бритая»[143].

Благодаря информации о «похождениях» Миллера, несмотря на краткость описания его внешности, «след» иностранца вскоре был обнаружен. Лифляндский гражданский губернатор сообщил министру внутренних дел, что в Вязьме Смоленской губернии «находится на жительстве некто Герман Иванов Миллер, называющийся Рижским уроженцем, который с августа до октября 1832 года нескудно проживал в Риге, и имеет некоторое сходство с отыскиваемым Миллером судя по приметам его и рассказам о поездке в Грузию»[144]. Лифляндский губернатор отметил, что «означенный Герман Миллер» был сыном рижского парикмахера и «за учиненные им некоторые плутовства» по решению магистрата 1823 год провел в тюрьме, а после освобождения около 7 лет не приезжал в Ригу[145].

Министр внутренних дел своим предписанием от 12 августа 1833 года за № 3323 потребовал от смоленского гражданского губернатора собрать сведения о Миллере и в случае подтверждения, что это и есть тот самый разыскиваемый, задержать его[146]. «Для вящего же открытия истины и сличения … показаний»

---

[142] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. 1832 г. Л. 695–695 об.
[143] Там же. Л. 695 об.
[144] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1833 г. Л. 466 об.–467.
[145] Там же.
[146] Там же. Л. 467.

министр сообщал о новых похождениях Карла Августа барона Миллера: в Чернигове он заложил вещи у иностранца Журавского; в Могилеве занял 200 рублей у губернского предводителя дворянства Голынского; в августе 1832 года приезжал в Витебск и оттуда отправился в Петербург[147].

В столицах III Отделение получало сведения об иностранцах от генерал-губернаторов. Так, в 1834 году велась активная переписка между III Отделением и санкт-петербургским генерал-губернатором «о неблагонамеренных поступках» швейцарца Штейбле «относительно артиллерийской машины, предложенной им … [российскому] Правительству, о высылке его за границу и о поступивших на него денежных претензиях» [148].

От губернаторов в III Отделение ежемесячно поступали ведомости о присягнувших на верность России иностранцах, а ведомости об иностранцах, проживавших в губернии и не присягнувших империи, то есть сохранявших свое подданство, предоставлялись трижды в год и включали следующие графы: 1) «имя и фамилия иностранца и откуда родом», 2) «лета», 3) «с какого времени прибыл в Россию», 4) «по какому билету, откуда и когда по данному проживает», 5) «имеет ли семейство и кого именно», 6) «у кого живут», 7) «чем занимаются»[149]. В свою очередь, губернаторы получали эти данные из рапортов уездных исправников и городничих (ведомость «за генварскую треть», то есть январскую треть года, подавалась в начале мая; «за майскую треть» – в начале сентября; «за сентябрьскую треть» – в начале января следующего года). Указание в документе годовых билетов на жительство, выданных иностранцам гражданским губернатором, призвано было подчеркнуть, что все упоминаемые в ведомости находятся на территории губернии на законном основании.

По не полностью сохранившимся сведениям, в Смоленской губернии «за майскую треть 1832 года» известно, что в Юхновском уезде при местных помещиках проживало 4 иностранца (3 саксонца и 1 прусак). Все иностранцы

---

[147] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1833 г. Л. 467 об.
[148] АВПРИ. Ф. 161. II–6. Оп. 80. Д. 36. 1834 г.
[149] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 1833 г. Л. 106 об.

находились в России без семей, несмотря на возраст (29 лет и старше), занятия имели характерные для усадебной жизни: компаньон, учитель, земледелец и скотовод. Двое из них приехали в империю относительно недавно – в 1830 году, а двое значительно раньше – в 1806 и 1814 годах[150].

«За февральскую треть 1833 года» в Гжатском уезде иностранцев указано было 8, из них 4 швейцарца (гувернер Самуель Ульман, два сыровара – Иван Федоров Миллер и Иоанн Рудольф Карнет, смотрительница за скотом Мария Арнольд), поляк-сыровар Бернард Антонов Массино, сардинский уроженец-сыровар Павел Чиан, англичанин-ткач Вильям Маршеон, француженка-скотовод Фанни Гетте. Все жили в домах дворян: Мальцовых, графа Орлова-Денисова и князей Голицыных[151].

«За сентябрьскую треть 1833 года» в Ельне указан только один иностранец, сохранивший свое подданство, уже упоминавшийся в разборе 1812 года, – «Карл Иванов сын Шперлинг, прусский подданный из города Бреслау», 63 лет, приехавший в Россию в 1792 году, вдовец с двумя сыновьями Фридрихом и Ипполитом, живший в собственном доме и являвшийся «седельным мастером»[152]. В Сычевском уезде за то же время (то есть «за сентябрьскую треть 1833 года») в ведомости обозначено 4 иностранца (2 швейцарца, 1 голландец «французской службы отставной подпоручик», происхождение одного иностранца неизвестно из-за плохой сохранности документа). Швейцарцы Бальтазар Вильд и, предположительно (из-за утраты фрагмента текста), Николай Вильд занимались скотоводством с 1832–1833 годов, а неизвестный иностранец был садовником в имении Дугино у графа Панина. Уроженец Нидерландов Адольф Стори с 1812 года учительствовал в «доме княгини Урусовой»[153].

Получаемые иностранцами билеты на жительство в империи являлись инструментом контроля, и российское правительство было заинтересовано в

---

[150] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 1833 г. Л. 106 об.
[151] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. 1834 г. Л. 35–36.
[152] Там же. Л. 21.
[153] Там же. Л. 2 об.–3.

соблюдении четких правил выдачи этих документов, их своевременной замены в соответствии со сроком действия. 10 октября 1833 года Высочайше утвержденным Положением Комитета министров был установлен порядок, по которому помещики, принимавшие у себя иностранцев без узаконенных видов, должны были выплачивать штраф – за каждый день просрочки по 2 рубля. Данная сумма соответствовала взысканию со столичных домохозяев «за держание у себя людей с просроченными паспортами»[154]. Собираемые таким образом деньги следовало «обращать в пользу Приказа общественного призрения»[155]. Сохранилось уведомление Смоленской градской полиции о направлении в 1834 году в Смоленский приказ общественного призрения взысканных с майора Александра Генгроса деньгах за 82 дня «продерживания у себя иностранки графини фон Вилер с просроченным паспортом за каждые сутки по 2 рубля»[156]. Сумма уже оказывалась весьма внушительной[157]. Правительство, ужесточая надзор, пыталось, таким образом, использовать финансовые рычаги воздействия.

В соответствии с существующим порядком иностранец обращался с прошением о новом документе к губернатору той губернии, где он к этому времени проживал. Билет оформлялся на гербовой бумаге достоинством 2 рубля серебром и включал в себя описание примет иностранца, упоминание его имени, подданства и занятия, наличия семьи, места проживания, указания документа, на основании которого прибыл в губернию, а также даты выдачи самого билета и срока его действия. Билет подписывался гражданским губернатором и заверялся сургучной печатью[158]. В канцелярии смоленского

---

[154] ПСЗ-2. Т. VIII. Ч. 1. № 6483.
[155] Там же.
[156] ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 140. Л. 950. Автор выражает благодарность Н.В. Романковой за возможность использовать данный документ.
[157] Согласно «Смоленским губернским ведомостям» за 1838 год, пара нитяных чулок стоила 1 рубль, холст салфеточного полотна – 20 рублей, серебряная ложка – 28 рублей, золотое кольцо – 25 рублей, серьги бриллиантовые старинной работы в сафьяновом футляре – более 100 рублей, пара кисейного платья, шитого золотом и шелками с золотой бахромою – 100 рублей и т.д. (Смоленские губернские ведомости. 1838. № 47. Официальная часть. С. 1).
[158] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 117. 1843 г. Л. 4.

губернатора в связи со смертью мекленбургского подданного Иоганна Бремпеля сохранился подлинный его билет на жительство, оформленный и оплаченный, но не полученный владельцем[159].

Вместе с билетом на проживание иностранцу вручался «экземпляр правил, с которыми обязан был сообразовываться по коим должен исполнять все (российские. – *А.Т.*) законы, следовательно, никто из них [иностранных подданных] не может отзываться неведением»[160]. Находясь на территории России, иностранцы подчинялись общим уголовным законам, согласно Сенатскому указу от 19 июня 1835 года. В документе подчеркивалось, что допускавшиеся в прошлом «изъятия из общих законов» не следует разрешать впредь (исключая лишь шведов и норвежцев, в отношении которых было обещано особое постановление). Выделение шведов объяснялось тем, что в законодательстве их государства были предусмотрены «изъятия» для российских подданных[161].

Нарушает ли иностранец закон, чем занимается, каков его «образ мыслей» – это на местах должна была отслеживать полиция, сообщая вышестоящему начальству «вернейшие по возможности сведения». Гражданские губернаторы, в соответствии с «Наказом губернаторам» 1837 года, обязаны были наблюдать за тем, чтобы «виды, по коим они [иностранцы] прибыли и живут в губернии, были всегда в надлежащем порядке и не подлежали сомнению», а также гарантировать иностранцам покровительство законов и возможность осуществлять «безвредные для общества» занятия[162].

Проявляли внимание к своим соотечественникам некоторые посольства, в частности французское, запрашивая данные в Министерстве иностранных дел Российской империи. Министр иностранных дел сообщал об этом Главному начальнику III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, а тот – начальникам губерний. Так, еще в 1834 году французский посол, маршал маркиз Мезон

---

[159] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 117. 1843 г. Л. 4–4 об.
[160] ПСЗ-2. Т. X. Ч. 1. № 8253.
[161] Там же.
[162] ПСЗ-2. Т. XII. Ч. 1. № 10303. § 49.

подал ноту в Министерство иностранных дел, в которой сообщал, что на основе изданного во Франции 28 ноября 1833 года постановления французским консульствам предписывалось «иметь списки жительствующим в местах пребывания их французским подданным», сохранившим верность своему Отечеству.

В связи с этим Мезон просил «принять за правило» сообщать во французское посольство «сведения о всех французах, вступающих в подданство России, с 1-го генваря 1827 года», а также предоставить данные о живущих в Москве и Петербурге французах, перешедших в подданство России «прежде 1827 года» (точнее, с 1813 года)[163]. При этом сведения должны были быть подробными: имя, звание, ремесло, время и место рождения и прибытия в Россию, произошло ли принятие подданства или лишь запись на службу либо в купечество, ремесленные цехи; дети родились до или после принятия присяги[164]. Министр иностранных дел поставил в известность А.Х. Бенкендорфа, а тот – московского гражданского губернатора и санкт-петербургского генерал-губернатора, от которых и были получены требуемые данные[165].

Чтобы ежегодно (с 1838 года) предоставлять французскому посольству, по его просьбе, списки «жительствующих в России французских подданных», министр внутренних дел разослал гражданским губернаторам предписания о необходимости «доставлять непременно в последней трети каждого года» сведения о «французских подданных, не принявших на подданство России присяги»[166]. Такое предписание 6 января 1838 года было направлено и смоленскому губернатору, а затем время от времени возобновлялось[167].

12 февраля того же 1838 года своим циркулярным предписанием смоленский гражданский губернатор указал местной полиции на

---

[163] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 119. Д. 90. 1834 г. Л. 1.
[164] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 119. Д. 90. 1834 г. Л. 1об.–2.
[165] Там же. Л. 15–15 об., 67.
[166] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1840 г. Л. 64.
[167] АВПРИ. Ф. 161. II–8. Оп. 82. Д. 119. 1841 г.; Д. 132. 1844 г.

необходимость доставлять ему эти сведения[168]. Выяснилось, что в Смоленской губернии в 1839–1840 годах проживали: 40-летняя парижанка Каролина Лельевер [Lelièvre], урожденная Булель, с дочерью Каролиной и 45-летний Клод Морис Фашерон [Faucheron], уроженец Ерани близ Парижа[169]. Об этих французах 16 апреля 1840 года смоленский губернатор сообщил министру иностранных дел[170]. Француженка Каролина Лельевер с дочерью поселилась в России в 1834 году и занималась «обучением музыки» у помещика Николая Шупинского в Талашкино Смоленского уезда. Позже в 1844 году у этого помещика преподаванием музыки занималась Каролина Мельгавер, прибывшая в Россию в 1834 году[171]. К.М. Фашерон тоже прибыл в империю в том же 1834 году, сначала работал в Париже на «шерсти прядильной фабрике четыре года», затем в Москве, а с марта 1839 года проживал в Ельнинском уезде у барона Черкасова, занимаясь на его фабрике «чесанием шерсти»[172].

Своим рапортом от 29 февраля 1840 года дорогобужский уездный исправник донес губернатору об отъезде парижского гравера Жана Марии Маиаса Рожера, по истечении срока действия годового вида, выданного губернатором 21 января 1839 года. Француз-гравер занимался «обучением иностранного языка» в имении помещика Повало-Швыйковского[173]. В 1840 году в Дорогобужском уезде у штабс-капитана Ильи Повало-Швыйковского поселился другой учитель иностранного языка – француз Иосиф Рулан[174].

В 1840–1841 годах в Гжатском уезде, согласно ведомостям об иностранцах «за сентябрьскую треть 1840 года» и «за январскую» и «майскую» трети 1841 года, проживала уроженка Риги Софья Полет, жена французского подданного, учителя, сама служившая гувернанткой в имении Петра

---

[168] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1840 г. Л. 1.
[169] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. 1841 г. Л. 43.
[170] Там же. Л. 64.
[171] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 66. 1844 г. Л. 44.
[172]ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1840 г. Л. 65, 72.
[173]Там же. Л. 47.
[174] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. 1840 г. Л. 173.

Кушникова в сельце Соловьеве[175]. Француз Клод Морис Фашерон по-прежнему служил в Ельнинском уезде, судя по ведомости о французах «за генварскую треть 1841 года»[176].

Помимо французов, в Смоленской губернии, согласно ведомостям, составленным уездными исправниками по требованию губернатора, в 1839–1841 годах проживали представители и других европейских государств. Так, в Бельском уезде в 1840–1841 годах (за 1839 год сведений нет) указаны 4 иностранца: пруссак Швенк с женой (служил управляющим имением Покров графини С. Паниной); подданный Сардинии Монастьер (управляющий имением Татево майора А.А. Рачинского); уроженец Ганновера Руст (садовник имения Холм генерал-майора Ф. Уварова) и Теобольд Фребус из Веймара (учитель у детей штаб-ротмистра В. Лыкошина)[177]. В «Ведомости об иностранцах, проживающих в Вяземском уезде за сентябрьскую треть 1840 года» названы двое: уроженец Люблинского воеводства Иван Массин и польский уроженец Бернард Массин, занятые в имении Рибопьер «деланием сыра»[178].

Росло число иностранцев в Гжатском уезде. В 1839 году в ведомостях указаны 3 швейцарца-сыровара из семейства Карлен с семьями, учитель (подданство неизвестно) Август Неимеер с семьей и люблинский уроженец, садовник Георг Тернети[179]. В 1841 году указанным иностранцам прибавились еще 8 человек: швейцарец-сыровар Ребер, 3 австрийских подданных, служивших у князя Павла Голицына в Самуйлове («дятька» Яков Юст, ключница Елизавета Людвиг и экономка Терезия Форентер), 4 англичанки, проживавших в имении Петра Воейкова в Скугарево (учительница Сусанна

[175] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. 1841 г. Л. 42 об.; Д. 39. 1840 г. Л. 17, 25.
[176] Там же. Д. 38. 1841 г. Л. 63.
[177] Там же. Л. 40.
[178] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. 1841 г. Л. 12.
[179] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1840 г. Л. 11 об.

Финен и 3 женщины из семейства Кларк: вдова Мария Кларк, служившая компаньонкой, учительница Сусанна Кларк и 8-летняя Елизавета Кларк)[180].

В «Ведомостях об иностранцах, не принявших подданство России» в Дорогобужском уезде в 1839 году были указаны 3 иностранца: помимо вышеупомянутого француза Рожера (бывшего гравера, ставшего учителем), саксонец Карл Тейхман (содержатель мельницы) и неизвестного подданства (документ поврежден) учитель Адам Мачинский[181]. В 1840 году в этом уезде – уже 4 иностранных подданных: по-прежнему саксонец-мельник К. Тейхман и «новые лица» (француз-учитель Иосиф Рулан, сменивший Рожера, и швейцарцы Жан Вассерваль и Амалия Линдерф, учительствовавшие у Барышниковых)[182].

В Ельне только в 1840 году обозначен единственный иностранец – прусский подданный, занимавшийся изготовлением седел, Карл Иванович Шперлинг[183]. Он давно находился в России и уже упоминался в ведомостях по Ельне в 1833 году[184]. В Рославле в ведомостях за 1839 год указана уроженка Кенигсберга, прусская подданная Мария Клекль с дочерьми Шарлоттой и Лаурой. Они жили в доме лейтенанта Повало-Швейковского. Мария Клекль поселилась в России в 1824 году, к 1839 году «по старости лет» ничем не занималась, а ее дочь Лаура зарабатывала рукоделием[185]. В феврале 1840 года в Рославле помимо Клекль с дочерьми находились прусский подданный Иоганн Гейнрих Мелавиль, поселившийся в России в 1832 году, и саксонец Рудольф Рейнвард. Оба трудились столярами в доме титулярного советника Жадейки[186]. По сведениям Рославльского городнического правления, поданным в мае 1844 года, в городе к этому времени осталось только семейство Клекль[187]. В

[180] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1840 г. Л. 19–20 об.; 27–28.
[181] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1840 г. Л. 95 об.
[182] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. 1840 г. Л. 173.
[183] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1840 г. Л. 107.
[184] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. 1834 г. Л. 21.
[185] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. 1834 г. Л. 94 об.
[186] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. 1840 г. Л. 11 об.
[187] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. 1844 г. Л. 40–40 а.

ведомости об иностранцах по Рославльскому уезду в 1840 году указаны лишь 4 человека, но их имена из-за плохой сохранности документа не читаются[188].

В Смоленском уезде, помимо француженки Каролины Лельевер, в ведомости «за генварскую треть 1841 года» упоминаются проживавшие в сельце Жукове швейцарки – учительница Юлия Боасье и Генриетта Говард, обучавшая музыке детей помещика[189].

В Сычевском уезде иностранцы указаны «за сентябрьскую треть» 1839 года, их 6 человек: швейцарцы Марья Аммиет, Давыд и Сюзанна Карлен, а также англичанка Ефимия Дейк, пруссак-форстмейстер (лесничий) Эдуард Морграф и садовник Вильгельм, последний неизвестного подданства и фамилии (вследствие утраты фрагментов документа)[190].

В Юхновском уезде за «сентябрьскую треть 1840 года» указана только гамбургская подданная Елизавета Юринсон, служившая компаньонкой при жене штабс-капитана И.Н. Станкевича[191]. Позже, в ведомости «за генварскую треть 1844 года», приложенной к рапорту юхновского уездного исправника от 8 мая 1844 года за № 2028, было обозначено 5 иностранцев, не принявших присягу России. Среди них уже нет Елизаветы Юринсон, а у штабс-капитана Ивана Станкевича проживал к этому времени 58-летний прусский подданный, учитель Готлиб Лебрехт Годман, приехавший из Москвы (так как имел билет московского обер-полицмейстера от 29 февраля 1844 года за № 18). У поручика Дмитрия Семенова находился соотечественник Годмана 24-летний «механических дел подмастерье Генрих Вильгельм Теодор Горстман» (по билету калужского гражданского губернатора от 4 мая 1844 года за № 59). В семье генерала Храповицкого с 12 октября 1840 года служила компаньонкой 23-летняя прусская подданная Эмма Роза Розе[192].

---

[188]ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1840 г. Л. 97 об.
[189] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. 1841 г. Л. 57–57 об.
[190] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1840 г. Л. 6 об.
[191] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. 1841 г. Л. 20 об.
[192] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. 1844 г. Л. 41 об.

Помимо названных трех представителей Пруссии в Юхновском уезде жили француженка Габриель Гено, 26 лет, компаньонка в доме поручика Дмитрия Семенова, приехавшая из Москвы, судя по билету московского полицмейстера от 14 декабря 1843 года за № 1278, а также дармштадтская подданная, дочь профессора юриспруденции девица Каролина Катерина Гельдман, 34 лет. Последняя приехала в Россию в 1841 году и по билету санкт-петербургского обер-полицмейстера от 14 декабря 1842 года за № 216 прибыла в Смоленскую губернию, где служила компаньонкой у коллежского регистратора Храповицкого[193].

Выяснить достоверность сведений, сообщаемых уездными исправниками и заседателями суда, губернатор мог, опираясь на данные собственной канцелярии. Так, получив ведомость из Гжатского уезда «за майскую треть 1841 года», начальник губернии вынужден был обратить внимание суда: «из произведенной моей канцелярией переписки видно, что в Гжатском уезде в имении князя Голицына проживает прапорщик Адальберт Нудер»[194]. Дело в том, что летом 1840 года австриец Иван Нудер наводил справки, живы ли его родственники Иосиф Нудер и Адальберт Нудер, в Смоленской губернии. Выяснилось, что Иосиф Нудер умер, а Адальберт Нудер жив и находится у князя А.А. Голицына. Адальберт Нудер даже взял на себя почтовые расходы, связанные с пакетом, присланным родственником из Австрии[195].

В ведомости же об иностранцах Адальберт Нудер назван не был, поэтому губернатор потребовал от Гжатского суда в июле 1841 года «надлежащего объяснения присовокупив по какому виду иностранец Нудер проживает в Гжатском уезде и у кого именно и с какого времени»[196].

«Дело Нудера» растянулось на годы. Сначала губернатор требовал ответа от уездного суда, а исправник молчал. Наконец, 13 октября 1841 года заседатель Гжатского уездного суда в своем рапорте сообщил, «что из

---

[193] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. 1844 г. Л. 41 об.
[194] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1840 г. Л. 21.
[195] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1840 г. Л. 11–14.
[196] Там же. Л. 21 об.

иностранцев прапорщик Адальберт Матвеев Нудер, проживающий в здешнем уезде управляющим имением князя Александра Голицына», представил свидетельство о дворянстве, «данное ему Тверской губернии от Зубцовскаго уезднаго дворянства предводителя под № 244» от 12 октября 1841 года[197]. Переписка о Нудере продолжилась с тверским гражданским губернатором, который навел справки у предводителя дворянства, зубцовского уездного исправника. Выяснилось, что документы о принятии Нудером в Тверской губернии присяги на верность России утеряны. Он именуется дворянином в документах Тверского дворянского собрания, но не отмечен как дворянин в соответствующей части родословной книги[198].

После получения бумаг о Нудере Смоленское губернское правление объявило 5 мая 1842 года Гжатскому уездному суду «строгое замечание» за то, что Нудер не был отмечен в ведомости об иностранцах и проживал без надлежащих документов. Уездному суду было «велено на будущее время быть осмотрительнее под опасением подвергнуть себя строжайщему взысканию»[199]. Гжатский суд 29 июня 1842 года принял решение о «распубликовании в губернских ведомостях об отыскании и представлении в сей суд иностранца Адальберта Нудера» для предоставления объяснений и документов[200]. У князя Голицына были взяты «объяснения» «в продерживании в имении своем без всякого письменного вида означенного Нудера»[201]. Отставной штаб-ротмистр князь А.А. Голицын в своем письме губернатору 30 июня 1842 года отверг обвинения, указав, что Нудер «беспрепятственно проживал в России более 30 лет» и «представил ныне в уездный суд документы подтверждающие его звание»[202]. Губернатор обратился с письмом к князю Голицыну, требуя от него, «чтобы Нудер есть ли еще не причислен какому либо состоянию, то чтобы

[197] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1840 г. Л. 32.
[198] Там же. Л. 39-40.
[199] Там же. Л. 41 об.–42.
[200] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1840 г. Л. 44.
[201] Там же. Л. 45 об.
[202] Там же. Л. 47-47 об.

немедленно причислился»[203]. 20 декабря 1842 года князь Голицын написал подробное письмо смоленскому гражданскому губернатору И.В. Капнисту о Нудере, объясняя, что иностранец попросил родственников в Богемии выслать ему «немедленно надлежащие акты, доказывающие его дворянское происхождение». Голицын выражал надежду, что после их получения Нудера уже не будут «тревожить». В пользу иностранца, по мнению князя, говорило «33-х летнее его пребывание в России, где он составил себе имя честнейшего и благороднейшего человека, доверенность многих знатных особ, вверивших ему управление своих имений, которую он оправдал совершенно, и наконец доверенность самого Правительства, которое употребляло его неоднократно по своим поручениям и выдало ему одобрительные аттестаты. К тому же все акты, требуемые теперь местным начальством представил он в Сенат в 1811-м году с намерением перейти в подданство Русского Правительства, и оные бумаги до сих пор ему не возвращены». «Все изложенное… довольно для того, чтобы личность его не заслуживала никакого подозрения. Но есть ли всего этого недостаточно к успокоению местного начальства, то я почту за долг и обязанность лично за него поручиться»[204], – писал князь.

Губернатор в январе 1843 года ответил Голицыну, что он вынужден направить дело Нудера в Гжатский уездный суд и ждать от иностранца необходимых документов. Губернатор обещал обратиться к «министру внутренних дел о сделании Нудеру снисхождения за проживание его без вида, тем более что это было до Манифеста 16 апреля 1841 года»[205]. Имеется в виду требование судебного разбирательства по отношению к местным чиновникам за «явное нерадение к службе или намеренное преступление своего долга». В случае же если таковое произошло до издания Всемилостивейшего манифеста от 16 апреля 1841 года и действия чиновников не являлись «видами умышленного злоупотребления», они заслуживали снисхождения.

---

[203] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1840 г. Л. 31.
[204] Там же. Л. 55 об.
[205] Там же. Л. 57 об.–58.

Дело, действительно, было возвращено в Гжатский уездный суд, и уже 6 ноября 1844 года губернатор интересовался его решением[206]. В рапорте заседателя уездного суда от 13 ноября 1844 года было указано, что решение по делу вынесено 21 июля 1844 года и «представлено на ревизию в Смоленскую палату уголовного суда при рапорте от 5 августа 1844 года за № 461»[207]. Из дела выяснилось, что в Россию Адальберт Нудер прибыл в 1812 году как австрийский подданный и прапорщик австрийской службы, тогда же принял подданство на верность России, но документы, это подтверждающие, утеряны. С другой стороны, без принятия присяги Нудер не мог бы заниматься доставкой в российскую армию провианта, о чем выдано ему удостоверение Зубцовским земским судом. Кроме того, австриец получил свидетельство Зубцовского уездного предводителя, что в документах 1812 года он именуется прапорщиком и был послан за провиантом. Имеется и свидетельство Зубцовского земского суда о том, что в 1825 году Нудер принес присягу на верность России «при возшествии на престол императора Николая Павловича»[208].

29 ноября 1844 года смоленская уголовная палата вернула дело Нудера в Гжатский уездный суд «для дополнения замеченных недостатков»[209], последний 12 декабря 1844 года направил дело в Зубцовский земский суд[210]. Документы из Зубцовского суда не возвращались, несмотря на обращения Гжатского суда и требования губернатора «немедленно» сообщить о решении по делу Нудера. На отношение смоленского губернатора тверскому гражданскому губернатору с просьбой поторопить возвращение дела в Гжатский суд. 25 сентября 1845 года тверской губернатор сообщил о соответствующем распоряжении[211]. 31 декабря 1845 года Тверское губернское правление уведомило смоленского гражданского губернатора об исполнении

[206] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1840 г. Л. 65.
[207] Там же. Л. 66.
[208] Там же. Л. 68 об.
[209] Там же. Л. 71.
[210] Там же. Л. 72.
[211] Там же. Л. 77.

Зубцовским земским судом требования Гжатского уездного суда по делу Нудера.

После получения документов Гжатский суд, приняв решение, отправил его на очередную ревизию в смоленскую уголовную палату при рапорте от 26 марта 1846 года[212]. Смоленская уголовная палата выяснила у Адальберта Нудера, что приехал он из Австрии в Россию по вызову дяди Иосифа Иванова Нудера все-таки в 1811 году, получив «паспорт на проезд» в 1808 году из Министерства иностранных дел. До приезда в Россию служил в легкоконном австрийском полку, при отставке из которого в чине прапорщика получил паспорт. Смоленская уголовная палата 27 июня 1846 года сообщила смоленскому губернатору, что теперь желает выяснить обстоятельства службы австрийца и когда ему был выдан паспорт при отставке[213]. Губернатор 9 июля 1846 года обратился по этому поводу в Департамент внутренних сношений Министерства иностранных дел[214]. Из ответа Департамента от 5 марта 1847 года выяснилось, что «сделанные в Австрии о Нудере разыскания не подтвердили показаний его о нахождении в австрийской военной службе и о дворянском его происхождении»[215], но паспорт на проезд в Россию ему, действительно, был выдан в 1808 году Государственной коллегией иностранных дел по просьбе дяди, отставного поручика Осипа Нудера, служившего тогда управляющим имением княгини Александры Петровны Голицыной, урожденной Протасовой[216]. 9 апреля 1847 года губернатор сообщил о полученных сведениях Смоленской уголовной палате[217]. На этом «дело Нудера» обрывается, какие решения затем были приняты о нем – неизвестно. Однако «разыскания» об Адальберте Нудере, продлившиеся почти 6 лет (за это время в Смоленской губернии сменилось 3 губернатора!), демонстрируют бюрократическую волокиту и своеобразный «футбол», когда

[212] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1840 г. Л. 82.
[213] Там же. Л. 85–86.
[214] Там же. Л. 90–90 об.
[215] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1840 г. Л. 93; АВПРИ. Ф. 161. II–8. Оп. 82. Д. 248. 1846 г.
[216] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1840 г. Л. 93–93 об.
[217] Там же. Л. 95–95 об.

решение не принимается, а передается на дополнение, вновь не решается, вновь уточняется и вновь передается на решение и дополнение… И так без конца. Характерно, что «дело Нудера» имеет «открытый финал» (термин, употребляемый в литературоведении при отсутствии развязки произведения).

Российское правительство особенно пристально следило за учителями-иностранцами, опасаясь их влияния на мировоззрение и формирование политических взглядов юношества. Правила пребывания иностранных учителей в Российской империи были специально оговорены законом, который должен был «неукоснительно» соблюдаться. В 1826 году последовали «Правила о выдаче паспортов иностранцам, желающим приехать в Россию для занятия мест учителей и гувернеров»[218]. Согласно Уставу учебных заведений 1828 года, иностранные учителя, как мужчины, так и женщины, обязаны были получать свидетельства от российского учебного начальства[219]. 8 декабря 1830 года во все российские консульства и миссии из Министерства иностранных дел была разослана «циркулярная цидула». При выдаче или «засвидетельствовании» паспортов иностранцев, желавших отправиться в Россию «с целию искать службы по учебной части и заниматься наставлением юношества», предписывалось сообщать министру народного просвещения сведения «о их поведении, всегда действующем на ум и сердце воспитанников»[220].

12 июня 1831 года последовал Именной указ Николая I, данный министру народного просвещения, «О людях, занимающихся содержанием частных учебных заведений и обучением юношества». В нем обращалось внимание на иностранцев, в первую очередь, на их нравственное поведение и воздействие на юношество[221]. Директора губернских гимназий при осмотре

---

[218] АВПРИ. Ф. 1. Разряд II. Оп. 23. 1826 г. Д. 2. Л. 6.
[219] ПСЗ-2. Т. III. № 2502.
[220] АВПРИ. Ф. 1. Разряд II. Оп. 23. 1830 г. Д. 2. О предписании всем миссиям и консульствам нашим, чтобы оне о всех иностранцах, получающих от них паспорты для приискания в России места по учебной части давали знать Министерству просвещения о их поведении и образе мыслей. Л. 3–4 об.
[221] ПСЗ-2. Дополнение к VI тому. Ч. 1. № 4647а.

частных учебных заведений должны были при возникновении сомнений в нравственной стороне обучения ставить в известность гражданского губернатора. Тот, в свою очередь, при отсутствии в губернии университета, мог закрыть попавший под подозрение пансион. В случае же наличия университета обязан был туда обратиться для создания соответствующей комиссии и принятия ею необходимых мер.

От посольств требовалось: «внушать» иностранцам, желавшим учительствовать в империи, чтобы «при отправлении в Россию, они снабжали себя нужными документами о своем состоянии, образовании, вероисповедании и поведении» [222]. Кроме того, посольства должны были «разведывать … о сих людях и сообщать… все то, что о них узнают», а в случае неблагонадежности таковых «вовсе не выдавать паспортов на отъезд в Россию»[223].

По прибытии в империю иностранец, претендовавший на место учителя в частном доме или в учебном заведении, должен был получить как свидетельство от училищного начальства о своих знаниях, так и удостоверение о добропорядочности от местного гражданского начальства или «от мест и лиц, у которых прежде» находился. Право на открытие частного пансиона иностранец получал лишь после пятилетнего проживания в России, а губернские власти должны были «быть сколько можно разборчивее при выдаче иностранцам разрешений на заведение пансионов». Даже «от дядек и мамок иностранных, употребляемых в частных домах для присмотра за физическим воспитанием детей», а потому не обязанных иметь документы «о познаниях», надлежало требовать свидетельств о «добром поведении» и о благочестии (последнее «от священника их вероисповедания»). Эти строгие требования не распространялись лишь на тех иностранцев, которые обучали детей «не из платы, по родству, по дружбе, или по знакомству»[224]. Положения

[222] ПСЗ-2. Дополнение к VI тому. Ч. 1. № 4647а.
[223] Там же.
[224] Там же.

Указа были отражены и в Высочайше утвержденных 12 июня 1831 года «Дополнительных правилах к уставу 8 декабря 1828 года». Таким образом, от иностранного учителя требовались не только знания, но и высокая нравственность, политическая благонадежность.

Характерно предписание министра внутренних дел гражданским губернаторам от 3 июля 1831 года, в котором министр, со ссылкой на Высочайшее повеление, требовал «собрать сведения по всем спокойным губерниям, сколько живет под разными воспитательными названиями иностранцов и иностранок у партикулярных людей»[225]. Это нужно было сделать «немедленно», так как данные предполагалось включить в доклад императору[226].

Через пять дней – 8 июля 1831 года – министр внутренних дел напоминал смоленскому гражданскому губернатору о Высочайшем указе, данном на имя министра 12 июня 1831 года. В нем, в частности, предписывалось осуществлять «гражданским Губернаторам… *без всякой однако огласки* надзор за поведением и нравственностью иностранцев и иностранок, содержащих частные учебные заведения, и обучающих юношество в сих заведениях или в домах частных; Губернаторы при сем обязаны будут о доходящих до них касательно сих людей сведениях сообщать Попечителям учебных округов, или, смотря по важности и обстоятельствам, и прямо Министерству народного просвещения, а родителей силою благонамеренных внушений убеждать к удалению из своих домов таких воспитателей, коих поведение или учение покажется им подозрительным»[227]. В документе особо было подчеркнуто, что надзор «должен быть производим осторожно, *без всякой огласки*»[228].

Секретный полицейский надзор за конкретным иностранным учителем или гувернером устанавливался по воле самого государя. Император лично просматривал ведомости об иностранцах, еженедельно предоставляемые с

---

[225] ГАСО Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. 1831 г. Л. 793.
[226] Там же.
[227] Там же. Л. 794.
[228] Там же. Л. 794 об.

пограничных пунктов и портов Российской империи в III Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии. Читая списки прибывших, Николай I на полях писал свои резолюции. Например, в ведомости «О прибывших иностранцах к Кронштадтскому порту с 27-го сентября по 4-е октября 1830-го года» император 15 октября того же года напротив записи о гувернере Мануеле Марии, прибывшем из Берна «с паспортом Российского повереннаго в делах при Швейцарском Союзе», собственноручно оставил лаконичную и красноречивую фразу – «Смотреть»[229]. За иностранцем был установлен секретный надзор.

Своим рапортом (под грифом «Секретно») санкт-петербургский обер-полицмейстер 23 октября 1831 года уведомил московского военного генерал-губернатора о выезде иностранца Мануеля Мария, «экзаменованного учителя», из Петербурга в Москву (после получения им «из Иностранного отделения с разрешения Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора билета № 1108»)[230]. Московский военный генерал-губернатор дал распоряжение московскому обер-полицмейстеру об установлении над Мануелем, как только тот приедет, секретного полицейского надзора в Москве. Но 10 декабря 1831 года обер-полицмейстер вынужден был сообщить начальству, что Мануеля «на жительстве в Москве не оказалось, коль же скоро он сюда приедет, то предписание исполнено быть имеет»[231].

О намерениях приехать в Россию учительствовать и дальнейших передвижениях иностранца по территории империи власти следовало уведомлять заранее. Существовал следующий порядок: после засвидетельствования в посольстве паспорта иностранца для проезда в Россию

---

[229] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 226. Д. 7. Ведомости о прибывших в Россию иностранцах 1827–1830 гг. Л. 537.

[230] ЦХД до 1917 года ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 31. Д. 453. 1831 г. Л. 1–1 об. Вид на жительство в Петербурге выдавало Иностранное отделение при Канцелярии генерал-губернатора Санкт-Петербурга. Для проезда в глубь империи иностранец должен был явиться в Иностранное отделение, чтобы получить от пристава билет на проезд (Пашкова Т.И. Учителя-иностранцы в петербургских гимназиях первой половины XIX века // История Петербурга. 2010. № 6. С. 77, 79).

[231] ЦХД до 1917 года ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 31. Д. 453. 1831 г. Л. 3.

дипломатический представитель сообщал об этом в Министерство народного просвещения, которое, в свою очередь, ставило в известность попечителя учебного округа, куда направлялся иностранец[232]. Характерно, что современная исследовательница проблемы участия иностранных гувернанток в воспитании и образовании россиян во второй половине XVIII – первой половине XIX века О.Ю. Солодянкина, в качестве примера подобных действий приводит ситуацию со швейцарской учительницей Иоанной Марией Эмилией Лакомб из кантона «Ваядтланд»[233] (речь идет о кантоне Вауд (Vaud)).

Документы Департамента народного просвещения в отношении «иностранцев в Россию приезжающих для обучения юношества» подтверждают вышеупомянутый алгоритм действий. Секретарь русской миссии в Швейцарии Л.Г. Виолье писал министру народного просвещения С.С. Уварову о приезде в Россию учителя швейцарского происхождения с указанием, куда он едет. Виолье при своем письме высылал копию аттестата иностранца, в котором, кроме полного имени, места рождения, имени и занятия отца, указывался возраст иностранного учителя, его вероисповедание, семейное положение, название учебного заведения, им оконченного, сведения о кантональном паспорте и о заверении его в русской миссии. Затем Департамент народного просвещения спешил уведомить попечителя соответствующего учебного округа еще до прибытия иностранца о его приезде для установления своевременного контроля[234]. Подобная переписка с аттестатами иностранных учителей сохранилась за 1837–1841 годы, при этом к 1841 году произошла унификация формы аттестата[235].

Как только иностранец оказывался в выбранной им губернии, он обязан был пройти испытания в университете или губернской гимназии и получить

---

[232] Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М.: Academia, 2007. С. 56.
[233] Там же.
[234] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 7. Д. 274. 1837 г. Л. 8–70.
[235] РГИА. Ф. 733. Оп. 8. Д. 4. 1841 г. Л. 38–49.

свидетельство на право учительствовать, уплатив необходимую пошлину (согласно предписанию министра народного просвещения от 8 июля 1831 года)[236]. Характерно, что о прибывавших иностранных преподавателях тут же наводили справки. Так, учитель из Берна, швейцарец Фредирик Жиго прибыл в Петербург в период с 13 по 30 июля 1831 года. Он имел паспорт с отметкой российской миссии и направлялся в Рязань в дом генерала Морозова. Было выяснено, что Жиго проходил испытания в Московском университете и получил право обучать французскому языку, о чем ему и было выдано свидетельство[237].

Сам государь, просматривая «Ведомости о прибывших в Россию иностранцах», писал карандашом напротив имени иностранного преподавателя или воспитателя: «Имеет ли аттестат?» Наведенные справки не всегда давали положительный ответ. Так произошло с учителем английского и французского языков из Берна Яковом Вистом, прибывшим в Кронштадский порт в период с 25 апреля по 2 мая 1832 года («для приискания места»). Уже 9 мая 1832 года Николай I сделал отметку, интересуясь по поводу аттестата. Выяснилось, что Вист прошел испытания в Санкт-Петербургском университете и признан неспособным и недостойным аттестата, а потому «обязан подпискою не заниматься обучением и воспитанием юношества»[238].

После же осведомления государя 15 мая 1832 года об аттестате гувернантки из Берна, швейцарки Изолины Зигель, также приехавшей в Кронштадт со 2 по 9 мая 1832 года и остановившейся в доме князя Дондукова-Корсакова, оказалось, что она подверглась испытанию в Санкт-Петербургском университете. Экзаменаторами Зигель «признана способною обучать в частных домах французскому языку и нести звание гувернантки, снабжена надлежащим на сей конец свидетельством»[239].

---

[236] Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 56.
[237] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 226. Д. 8. 1831–1853 гг. Кн. 1. Л. 117–119.
[238] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 226. Д. 8. 1831–1853 гг. Кн. 1. Л. 256–259.
[239] Там же. Л. 262–264.

Свидетельства обязаны были иметь все: домашние учителя, гувернеры и воспитатели. Об этом гласил Именной указ, данный Сенату от 25 марта 1834 года «О воспрещении принимать в должности по домашнему воспитанию иностранцев, не получивших аттестатов от Русских университетов»[240]. Ответственность за неисполнение несли иностранец и подданный России, принимавший его в качестве учителя.

В 1834 году Министерство народного просвещения в очередной раз обратилось к проблеме обучения юношества иностранными наставниками[241]. По мнению как дореволюционных ученых, так и современных исследователей, 1834 год стал наиболее значимым в создании нормативно-правовой базы для воспитательной и преподавательской деятельности иностранцев в Российской империи в период до реформ 1860-х годов.[242] 1 июля 1834 года было Высочайше утверждено «Положение о домашних наставниках и учителях»[243]. Оно устанавливало четкую грань между домашними надзирателями или надзирательницами, задачей которых была забота лишь о физическом здоровье воспитанников; домашними наставниками, которые должны были окончить университет; и домашними учителями или учительницами, обязанными пройти специальное испытание в университете, лицее или гимназии. С каждого свидетельства «на право обучать в частных домах» предусматривалась плата в 50 рублей. Эта сумма взималась на основании Высочайше утвержденного Положения от 20 февраля 1823 года и поступала казну (в состав капитала Призрения при Департаменте народного просвещения). К моменту принятия Положения 1834 года она составляла 45 000 рублей ассигнациями[244].

---

[240] ПСЗ-2. Т. IX. Ч. 1. № 6928.

[241] АВПРИ. Ф. 161. II–8. Оп. 82. Д. 259. 1834 г. По отношению Министра Народного просвещения о извещении иностранцев, приезжающих в Россию в должности домашних учителей, о правилах для домашних учителей и наставников постановленных.

[242] В качестве примера: По вопросу о домашнем учении (о домашних наставниках и учителях, первоначальных учителях и учительницах) // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. № 1–3. С. 125; Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 57.

[243] ПСЗ-2. Т. IX. Ч. 1. № 7240.

[244] РГИА. Ф. 733. Оп. 8. Д. 461. 1843 г. Л. 11–11 об.

«Положение о домашних наставниках и учителях» от 1 июля 1834 года также было призвано систематизировать прежние нормативно-правовые документы, принятые в отношении иностранного учительства. Согласно «Положению» 1834 года домашние наставники и учителя обязаны были предоставлять директору училищ ежегодные отчеты о своей деятельности и одобрительные свидетельства от работодателей и уездного предводителя дворянства[245].

Так, уроженец Женевы Филипп Гау[246], проживавший в России с 1816 года, прошедший в 1837 году с успехом испытания в Московском университете на учителя французского языка и получивший соответствующее свидетельство, преподавал в Смоленской губернии[247]. Он неоднократно получал необходимые аттестаты от смоленских дворян, удостоверявших, что швейцарец «вел себя благопристойно и исполнял обязанность свою отлично хорошо»[248], «с отличным рвением и старанием»[249], а своей «примерною нравственностию заслужил полное… уважение»[250]. На основании аттестатов смоленских дворян смоленский уездный предводитель дворянства также выдавал положительные свидетельства о деятельности и поведении Ф. Гау[251].

Иностранным педагогам, в отличие от русских домашних учителей и учительниц, не предоставлялись права на получение классного чина и продвижение по службе. Для иностранцев не предусматривалась материальная поддержка из особого капитала призрения (пенсионное обеспечение). Тем

---

[245] Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 61.

[246] Согласно метрической записи смоленского римско-католического костела о смерти, Ф. Гау умер в возрасте 75 лет в Смоленске 11 мая 1865 года. – ГАСО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4. Запись № 13. Л. 122.

[247] ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 909. Л. 10. В копии документа сделана описка, вместо 1837 года указан 1847 год, что подтверждается документами: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1467. Л. 1 и ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 256. Л. 1; ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 402. 1853 г. Л. 14, 16.

[248] ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 256. Л. 1.

[249] Там же. Л. 2.

[250] Там же. Л. 3

[251] ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 256. Л. 1–26; Д. 2147. Л. 56. Подробнее о деятельности Ф. Гау и других швейцарских наставниках см.: Козлов О.В., Тихонова А.В. Швейцарские учителя и гувернеры в Смоленской губернии // Российская история. 2013. № 2. С. 127–133; Тихонова А.В. Швейцарские учителя в России первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 142–147.

самым правительство отдавало предпочтение собственным преподавателям в сравнении с иностранными, ограничиваясь в отношении последних «не более как терпимостью их до времени»[252]. За обучение без свидетельств полагался первоначально штраф в 250 рублей ассигнациями (75 рублей серебром). При повторном обнаружении нарушения иностранцу грозила высылка из России[253].

Согласно «Дополнительным правилам о домашних наставниках и учителях», утвержденным Министерством народного просвещения 2 августа 1834 года, были определены формы документов, а также установлено подчинение домашних наставников и учителей, в том числе из иностранцев, директорам училищ. В губерниях надзор осуществляли почетные попечители гимназий, а в университетских центрах – ректоры[254]. В дальнейшем ссылки на Положение и Дополнительные правила были обязательными во всех случаях, когда местные власти упоминали деятельность иностранных учителей.

Жесткие требования российского законодательства не помешали многим швейцарцам успешно учительствовать в России. Удачным примером может служить пансион в Петербурге руководителя реформаторской общины столицы, швейцарского просветителя, друга и последователя Песталоцци Иоганна фон Муральта[255] (1780–1850)[256]. Расцвет его педагогической деятельности пришелся на 1830-е годы[257], пансион действовал с 1811 по 1837 год[258].В пансион Муральт нанимал в качестве учителей соотечественников. Так, в «Ведомостях о прибывших в Россию иностранцах» упомянут учитель Луи Маризье, имевший паспорт, выданный российским поверенным в делах при Швейцарском Союзе. Л. Маризье прибыл в Санкт-Петербург на пароходе

---

[252] По вопросу о домашнем учении (о домашних наставниках и учителях, первоначальных учителях и учительницах)... С. 130.
[253] ПСЗ-2. Т. IX. Ч. 1. № 7240. § 66, 67.
[254] Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 61.
[255] Выше он упоминался как создатель Швейцарского благотворительного общества.
[256] Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII–XIX вв. Л.: Наука, 1984. С. 31–32.
[257] Там же. С. 33.
[258] Медер Э. Частная школа цюрихского пастора Иоганна фон Муральта // Швейцарцы в Петербурге: сборник статей / сост. М.И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб.: Петербургский институт печати, 2002. С. 420–426.

«Николай I» 22 августа 1832 года. Целью его приезда значилось: «Поступает в пансион пастора Мюральда»[259]. 23 августа 1833 года из Москвы к пастору Муральту «для определения к месту» направлялся швейцарец Шарль Манюель, учитель французского языка, работавший в России с 1829 года[260].

В период расцвета пансион Муральта считался одним из лучших учебных заведений столицы и насчитывал до ста учеников[261]. На базе пансиона Муральт основал в 1818 году Училище при реформаторских церквах в Петербурге, состав учеников которого был всесословным (в отличие от пансиона, где обучались только дворяне). Швейцарский педагог имел широкий круг знакомств в высшем свете Петербурга. Он был вхож в дома Канкриных, Фикельмонов, графов Уваровых. Среди друзей И. фон Муральта были А.С. Пушкин и В.А. Жуковский[262].

О.Ю. Солодянкина в своей монографии об иностранных гувернантках в России второй половины XVIII – первой половины XIX века привела биографические сведения о 14 швейцарских гувернантках и 2 швейцарских гувернерах[263]. Конечно, их число было значительно больше. В «Ведомостях о прибывших в Россию иностранцах» из фонда III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии только в 1831–1835 годах упоминаются 19 швейцарских учителей и 6 учительниц, 1 гувернер и 16 гувернанток[264].

В отношении «экзаменованных» преподавателей, уже работавших в России в качестве домашних учителей и учительниц, по распоряжению министра народного просвещения от 8 апреля 1837 года были сделаны послабления. В случае затруднения в получении свидетельства о поведении у местного начальства они могли ограничиться удостоверением от «трех

---

[259] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 226. Д. 8. 1831–1853 гг. Кн. 1. Л. 321.
[260] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 1. 1833–1834 гг. Л. 113.
[261] Данилевский Р.Ю. Указ. соч. С. 33.
[262] Там же.
[263] Солодянкина О.Ю. Указ соч. С. 381–449.
[264] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 226. Д. 8. 1831–1853 гг. Кн. 1. Л. 42. См. подробнее: Тихонова А.В. Швейцарские учителя в России первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 142–147.

известных благородных особ» с засвидетельствованием их подписей местной полицией[265]. В то же время усиливался контроль за выдачей паспортов иностранцам, желавшим приехать в Россию учительствовать.

31 декабря 1838 года министр иностранных дел уведомил министра народного просвещения о том, что «предписал всем пребывающим в чужих краях консульствам [российским]… чтобы они при выдаче или засвидетельствовании иностранцами паспортов на проезд в Россию, объявляли тем из них, кои имеют намерение поступить здесь в звание домашних учителей, о необходимости запастись для сего одобрительным свидетельством от миссии [российской] в том государстве, от которого они выезжают»[266]. Исключения иногда делали в отношении французских учителей по ходатайству французского посланника Баранта. Но в начале 1841 года Министерство иностранных дел подтвердило это правило для всех иностранцев, желавших заниматься обучением юношества[267].

Учителя, которые работали в Смоленской губернии в 1840–1841 годах, были названы в ведомостях об иностранцах, не присягнувших на верность России. Упоминаемый выше швейцарец Жан Васерваль занимался в Дорогобужском уезде обучением «малолетних господ Барышниковых» иностранному языку. В ведомости был указан и билет Васерваля, выданный ему 30 июля 1840 года исправлявшим должность смоленского гражданского губернатора[268]. Тем же Барышниковым французский язык преподавала швейцарка из Базеля Амалия Лидерф, имевшая годовой билет от того же числа[269].

Известные по ведомостям 1841 года две швейцарки, учительницы в сельце Жукове Смоленского уезда также имели билеты на жительство от Смоленского гражданского губернатора. Это Генриетта Говард, чей билет был

---

[265] По вопросу о домашнем учении (о домашних наставниках и учителях, первоначальных учителях и учительницах)… С. 138–139.
[266] РГИА. Ф. 733. Оп. 7. Д. 575. 1840 г. Л. 123 об.
[267] Там же. Л. 124.
[268] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. 1840 г. Л. 173.
[269] Там же. Л. 173.

действителен до 24 августа 1841 года[270], и уроженка кантона Невшатель Юлия Боасье с билетом до 20 февраля 1842 года[271].

15 января 1842 года была введена новая форма для свидетельств на звание домашних наставников и учителей, которая предусматривала указание их обязанностей и последствий в случае неисполнения[272]. Прежде чем подвергнуться испытанию в университете, иностранец обязан был предоставить ряд документов. Так, швейцарка Елиза Сорбиер, желая стать домашней учительницей французского и английского языков, прикладывала к своему прошению ректору Московского университета в январе 1845 года следующие документы: «1. Билет на прожитие, 2. Два свидетельства о рождении и крещении, 3. Свидетельство об учении, 4. Свидетельство посольства в Берне. 5. Увольнительное свидетельство из кантона»[273].

Не случайно управляющий AD INTERIM консульством Швейцарской Конфедерации в Москве г. Гланер доносил Федеральной Директории 4 октября 1843 года, что III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии особенно внимательно следит за путешественниками и «лицами, занимающимися преподавательской деятельностью. Российское правительство старается в наименьшей степени доверять воспитание детей иностранцам»[274]. Главным требованием был экзамен, после успешного прохождения которого иностранцы получали диплом, служивший допуском к преподаванию. Как считал Гланер, сложность представляло не столько само испытание, сколько «большое количество бумаг для допуска к этому экзамену». Для помощи соотечественникам, желавшим преподавать в России, к донесению прилагался список необходимых документов: «1. Паспорт или вид на жительство. 2. Свидетельство о рождении и крещении. 3. Справка о

---

[270] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. 1841 г. Л. 57.
[271] Там же. Л. 57 об.
[272] По вопросу о домашнем учении (о домашних наставниках и учителях, первоначальных учителях и учительницах)... С. 139.
[273] ЦХД до 1917 года ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 14. Д. 248. Л. 29
[274] Цит. по: Россия – Швейцария = Russie – Suisse = Russland – Schweiz. 1813–1955. Документы и материалы. М.: Межд. отношения, 1995. С. 86.

конфирмации для протестантов. Справка о причастии для католиков. 4. Аттестат учебного заведения, в котором человек обучался, или справка о благонадежности, выдаваемая российским послом или посланником в столице страны, откуда приезжает этот человек или выходцем которой он является» [275].

Гланер особенно подчеркивал, что «обычно бывает трудно получить эту последнюю справку, но во всех случаях и без исключений в выдаче диплома отказывают всем иностранцам, которые не имеют этой справки»[276].

Ответственность за надлежащее поведение и нравственность иностранных учителей власти возлагали на тех дворян, кто предоставлял им работу и кров. Если за иностранным подданным устанавливался секретный надзор, то вниманием полиции не были обойдены и хозяева. Например, передвижения попавшего под секретный надзор швейцарского учителя Иосифа Беллата (позже выяснилось, что правильное его имя Флорентин Белла), проживавшего в доме вдовы генерал-майора Андреевского в Тульской губернии, вызвали в августе-октябре 1844 года интенсивную переписку военного губернатора Тулы и тульского гражданского губернатора с московским военным генерал-губернатором, министром внутренних дел, санкт-петербургским обер-полицмейстером. Цель была узнать, куда отправилась вдова с детьми и иностранный учитель, а также время их прибытия[277]. Причиной столь пристального внимания стали неурядицы в семье помещицы, источником которых представлялся иностранец: «развращает нравственность детей ея и возбуждает между ними и матерью раздоры»[278]. Дело этого швейцарского учителя на контроле держал Главный начальник III Отделения граф А.Ф. Орлов.

Помимо воспитателей и наставников повышенное внимание властей вызывали иностранные врачи. Как и учителя, они обязаны были подтвердить

---

[275] Цит. по: Россия – Швейцария = Russie – Suisse = Russland – Schweiz. 1813–1955. Документы и материалы. М.: Межд. отношения, 1995. С. 87.
[276] Там же.
[277] ЦХД до 1917 года ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 34. Д. 50. 1844 г. Л. 1–10.
[278] Там же. Л. 1.

право заниматься своей профессиональной деятельностью в России. Согласно Сенатскому указу от 29 декабря 1827 года («с прописанием Высочайшего повеления») «О правилах для принятия приглашаемых на службу в военно-сухопутное и морское ведомство, как иностранных Врачей, так и Врачей, в России находящихся, из отставных и неслуживших», иностранные врачи вызывались в военные, а не в гражданские ведомства.

Иностранные медики обязаны были представить свидетельства о поведении и аттестаты тех учебных заведений, где обучались профессии. В зависимости от знаний они разделялись на два разряда: 1) те, кто «был осведомлен во всей врачебной науке», должен был знать латынь и подвергался экзамену по широкому спектру знаний; эти медики могли занимать высшие должности; 2) те, кто не занимался хирургией, но имел основательные знания во врачебной науке, обязан был знать латынь, но только в прикладном плане (для написания рецептов).

Для поступления на службу и прохождения испытаний желающим следовало прибыть в Петербург в Медицинский департамент Военного министерства или к флотскому генерал-штаб-доктору для распоряжения об экзаменах и месте назначения. Экзамены проводились в Медико-хирургической академии с выдачей аттестата. В соответствии с результатом испытаний определялся размер жалования, место службы и право на пенсион, в зависимости от времени службы. Для обучения русскому языку «экзаменованные» медики должны были год проработать в госпитале, а чтобы рассчитывать на пенсион, обязывались прослужить 12 лет[279]. 22 октября 1828 года последовал Именной указ Николая I, отменявший вызов иностранных врачей на военно-сухопутную и морскую службу, так как «в Армии собственные …[российские] врачи в достаточном числе находятся»[280]. Вероятнее всего, такое решение было продиктовано не столько реальным заполнением штатов отечественными медиками, сколько соображениями

[279] ПСЗ-2. Т. II. № 1664.
[280] ПСЗ-2. Т. III. № 2366.

безопасности. Интересным является и то, что в том же 1828 году III Отделение продолжало осуществлять курирование вопроса «о вызванных из-за границы медиках для вступления в российскую службу»[281].

20 июня 1829 года Именным указом иностранцы, знавшие латынь, допускались к экзамену на фармацевтические звания в Императорской медико-хирургической академии и в московском ее отделении. Аптекари и провизоры, желавшие содержать вольные аптеки, должны были подвергнуться испытанию не только в латыни, русском, но и желательно еще в каком-то европейском языке (немецком, французском и проч.)[282]. Документы, выданные зарубежными заведениями и полученные по итогам экзаменов в России, иностранным медикам отдавали на руки[283], что было важно при занятиях ими «вольной практикой» либо в случае отъезда за границу.

В документах III Отделения упоминаются имена медиков, в том числе швейцарцев. Например, доктора медицины, швейцарца Самуеля Брунера, приехавшего в Одессу 4 июля 1831 года и выехавшего из нее 30 августа того же года[284].

«В российскую действительную службу по учебной и искусственной частям» медики, выдержавшие экзамен и удостоенные медицинских или аптекарских званий, могли приниматься лишь после принятия подданства России (согласно Высочайше утвержденному 19 января 1832 года мнению Государственного Совета)[285]. В списке принявших подданство иностранцев в 1834 году в Московской губернии значился швейцарец, отставной штаб-лекарь Адольф Рок с семейством[286].

В Смоленской губернии работали к началу 1840-х годов несколько иностранных врачей. Среди них – Константин Адамович Фрост, с отличием

---

[281] Макарова Н.В. Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I. М.: Экон-информ, 2012. С. 241.
[282] ПСЗ-2. Т. IV. № 2944.
[283] ПСЗ-2. Т. IV. № 3218.
[284] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 6. 1831–1833 гг. Л. 11.
[285] ПСЗ-2. Т. VII. № 5087.
[286] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 187 об.

окончивший Санкт-Петербургскую медицинскую академию (причем в числе казенных воспитанников) с утверждением ветеринарным лекарем 1-го отделения. 14 мая 1836 года Фрост был определен на должность смоленского ветеринарного врача, а с 1 января 1837 года – старшего губернского ветеринарного врача. К 16 февраля 1849 года К.А. Фрост был награжден чином коллежского асессора, дававшим право на дворянство. Свою должность врач занимал вплоть до 1855 года[287].

В провинции дипломированные врачи были наперечет, поэтому их появление становилось событием, достойным объявления в губернских газетах (обязательно с ведома полиции). На страницах «Смоленских губернских ведомостей» за июнь 1838 года можно прочесть информацию о новом смоленском докторе: «Число наших врачей умножилось; сюда приехал с своим семейством из Псковской губернии на всегдашнее жительство из иностранцев Доктор Медицины Сентимер, Врач не молодых лет, который обучался Медицине в Венском Университете в Австрии и в Париже и уже двадцать четыре года по экзамену имеет диплом Русского Доктора Медицины»[288]. Полное имя врача – Флориан Флорианов Сентимер. Это удалось узнать из его прошения, направленного в августе 1838 года директору народных училищ Смоленской губернии[289].

В прошлом Флориан Сентимер (ок. 1786 – между 1836 и 1847) являлся военным врачом в наполеоновской армии и попал в русский плен в 1812 году, затем лечил раненых в госпиталях Орла. В 1814 году вступил в подданство России, за службу получил право на дворянство и в 1824 году был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги Московской губернии[290]. В 1821–1825 годах он состоял при Управлении округа Главного управления путей

---

[287] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 2401. Л. 1–28.
[288] Смоленские губернские ведомости. 1838. № 25 (27 июня). С. 124.
[289] ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 251. Л. 20.
[290] РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 2457. 1854 г. (Формулярный список Ф. Сантимера. 1824 г.); Оп. 51. Д. 251. 1784-1829 гг.; Д. 298. 1819–1822 гг. (Родословная книга Московской губернии).

сообщения[291]. К моменту переезда в Смоленск Сентимер был уже известным вольнопрактикующим врачом в Москве. Он обращался к российскому правительству с просьбой о предоставлении денежного пособия для издания собственного сочинения о холере[292]. Действительно, в 1833 году в университетской библиотеке в Москве он издал свою работу «Еще нечто о холере»[293]. Позже другое его сочинение вышло в свет на немецком языке в Лейпциге в 1836 году[294] и было переиздано на русском языке под названием «Холера излечима!» только в 1872 году [295]. Также известно, что дочь Ф. Сентимера, оставшись бесприданницей, впоследствии довольно успешно занималась писательским трудом[296].

Еще один смоленский врач «из иностранцев» – Александр Францев Селю, выпускник Московского университета 1823 года, сдавший экзамен на степень лекаря 1-го отделения. Он служил в Московском госпитале, а затем при Белевском пехотном полку. Работал врачом в условиях боевых действий в 1831 году во время подавления польского восстания. В 1833 году Селю получил чин коллежского асессора и занимал должность поречского городового врача[297] до своей смерти в августе 1858 года[298], о чем свидетельствуют документы канцелярии смоленского губернатора.

---

[291] Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1821. Ч. 1. СПб., 1821. С. 904; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1822. Ч. 1. СПб., 1822. С. 718; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1823. Ч. 1. СПб., 1823. С. 740; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1825. Ч. 1. СПб., 1824. С. 772; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1825. Ч. 1. СПб., 1825. С. 765.

[292] Макарова Н.В. Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I. М.: Экон-информ, 2012. С. 248.

[293] Сентимер Ф. Еще нечто о холере. М.: Университ. типография, 1833. 28 с.

[294] Евсеева М.К. Сентимер, Сентимерова Елизавета Флориановна (ок. 1817 – не ранее 1890) // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая рос. энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 580.

[295] Сентимер Ф. Холера излечима! Сочинение д-ра медицины Флориана Сентимера, для врачей и не для врачей. Киев, 1872. 18 с.

[296] Евсеева М.К. Указ. соч. С. 580–581.

[297] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1981. Л. 1–13.

[298] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 68. 1859 г. Л. 1.

После военной кампании 1812 года работал врачом в России бывший военнопленный француз Франц Иванович Валь (1792–1855), ставший известным в Смоленске доктором, своего рода «смоленским Гаазом[299]» (см. о Вале в главе II, § 1). Не менее десяти лет Рославльским городовым врачом (1849–1859) служил бывший баденский подданный Август Иванович Дурлахер (ок. 1778 – после 1859). Будучи выпускником медицинского факультета Гейдельбергского университета, получившим право быть вольнопрактикующим врачом и акушером, он 19 января 1846 года успешно сдал экзамен в Московской медико-хирургической академии, а 21 сентября 1849 года был принят на должность городового врача в Рославле. Этому событию предшествовало принесение Дурлахером присяги на верность России в Смоленском губернском правлении 23 августа 1849 года[300]. Российское правительство было заинтересовано в иностранных медиках как специалистах, а принятие ими российского подданства служило гарантией благонадежности.

Осуществление надзора за иностранцами требовало подсчета их численности в России и выработки государственной политики в отношении разных категорий подданных других держав, с этой точки зрения значимой стала деятельность Комитета об иностранцах, который был создан в 1841 году. Поводом для организации Комитета стал доклад государю Главного начальника III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, шефа жандармов графа А.Х. Бенкендорфа, в котором он обратил внимание императора на заметный рост числа «бесполезных и вредных иностранцев»[301], прибывавших в

---

[299] Федор Петрович Гааз (1780–1853) – немецкий врач, с 1806 года вступивший на русскую службу. Жил и работал в Москве, известен своей благотворительной деятельностью. Будучи врачом московских тюрем, многое сделал для облегчения участи заключенных. Бедных больных лечил безвозмездно. Девиз доктора Гааза – «Спешите делать добро».

[300] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 664. Л. 4–5.

[301] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 126. Д. 149. 1841 г. Л. 2. Впервые о деятельности Комитета об иностранцах было упомянуто в статье: Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Наблюдение за иностранцами в России. По материалам III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии // Петербург – место встречи с Европой: материалы IX Царскосельской научной конференции. СПб.: Царское село, 2003. С. 335–316.

Россию благодаря развитию нового вида водного транспорта (пароходов) и железнодорожного сообщения.

К докладу Бенкендорфа была приложена ведомость с указанием уже взимаемых с иностранных подданных пошлин и сборов. Размер въездных пошлин, в зависимости от профессии и сословной принадлежности иностранцев, прибывавших в империю «для партикулярных занятий», колебался от 3 до 25 рублей ассигнациями для мужчин и от 1 до 15 рублей ассигнациями для женщин. «Во время пребывания в России» никакие пошлины «сверх общих повинностей» не предусматривались[302]. Глава III Отделения предлагал повысить пошлины, и эта инициатива была поддержана государем. Последний предложил увеличить их многократно: въездные пошлины от 50 до 4000 рублей серебром для мужчин и от 50 до 3000 рублей серебром для женщин, а во время нахождения в России «сверх общих повинностей» – от 50 до 2000 рублей серебром[303]. Следует учесть, что прежние пошлины взимались в ассигнациях, а предлагаемые следовало получать серебром, в то время как по официальному курсу 1 рубль серебром равнялся 3,5 рублям ассигнациями (в результате реформы министра финансов Е.Ф. Канкрина, начатой в 1839 году).

Для рассмотрения целесообразности такого резкого повышения пошлин по Высочайшему повелению в апреле 1841 года был сформирован Комитет об иностранцах[304]. Его председателем стал министр иностранных дел граф К.В. Нессельроде, а членами – глава III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии граф А.Х. Бенкендорф, министр внутренних дел граф А.Г. Строганов, министр народного просвещения С.С. Уваров, а затем и министр финансов Е.Ф. Канкрин.

При обсуждении вопроса повышения пошлин министры оказались единодушны: предлагаемые государем меры окажутся «чрезмеру отяготительными»[305] и тем самым Российская империя лишится тех, чей приезд

---

[302] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 126. Д. 149. 1841 г. Л. 10–21.
[303] Там же.
[304] Там же. Л. 2 об.
[305] Там же. Л. 4.

«надлежит даже поощрять»[306], потому как эти люди «весьма полезны». К тому же, каждый министр изложил собственное мнение с учетом сферы деятельности своего ведомства. Так, председатель Комитета министр иностранных дел К.В. Нессельроде подчеркнул необходимость согласования всех нововведений с международными договорами, уже заключенными Россией[307]. Министр народного просвещения С.С. Уваров предложил допускать к образовательной и воспитательной деятельности в России только тех французов, которые имеют университетское звание бакалавра, а также немцев и швейцарцев, имеющих звание магистра и кандидата, а лучше докторов богословия или философии, освобождая их от пошлин[308].

Министр внутренних дел А.Г. Строганов предоставил сведения об иностранцах, проживавших в Петербурге. Кроме того, согласно циркуляру «О доставлении сведений об иностранцах» от 23 мая 1841 года за № 2284, адресованному каждому гражданскому губернатору, министерство требовало сообщить «сколько и какого состояния, промысла и ремесла проживает во вверенном Вашему Превосходительству управлении иностранцев и сколько каждый из них в особенности и все вообще платят гильдейских и других повинностей»[309]. При этом выяснилось, что «гильдейские и другие повинности… особенно в пользу городских доходов и другие взимаются неодинаково по империи»[310]. К циркуляру прилагалась форма «Ведомости о проживающих в NN Губернии или Области иностранцах», в которой, помимо названных выше сведений, требовалось указывать иностранцев с учетом их национальной принадлежности[311]. Получение подобных сведений все члены комитета признали правильной и своевременной мерой.

По предложению генерал-адъютанта графа А.Х. Бенкендорфа, было признано целесообразным взимать с иностранцев ежегодно при смене видов на

---

[306] Там же. Л. 4.
[307] Там же. Л. 4 об.–5.
[308] Там же. Л. 6 об. –7.
[309] Там же. Л. 56.
[310] Там же. Л. 30 об.
[311] Там же. Л. 57.

жительство пошлину, равную въездной; гильдейские, цеховые и другие повинности взыскивать серебром, а не ассигнациями, как прежде.

Наиболее обстоятельно подошел к проблеме министр финансов Е.Ф. Канкрин. Не имея возможности лично быть на заседании Комитета, в связи с отъездом, он изложил свое мнение в обстоятельном письме графу А.Х. Бенкендорфу от 6 мая 1841 года. Министр финансов выделил категории иностранцев с точки зрения занятий, национальной принадлежности и значимости для России, сформулировав собственную точку зрения по каждому «классу людей».

Выполненная Е.Ф. Канкриным классификация представляет и сегодня несомненный интерес для исследователей миграционных процессов. Министр финансов выделил следующие группы иностранцев.

1. «Богатые путешественники, прибывающие из любопытства, для посещения знакомых, родных, препровождения времени и пр.» (среди англичан, например, это члены яхтового клуба). «Число их не велико и они в настоящие соображения входить не могут»[312].
2. «Ученые-доктора, лекари, хирурги и пр.». Они приезжают редко по приглашениям. Приезд знаменитостей для научных исследований, таких как выдающийся немецкий естествоиспытатель и путешественник, член Берлинской академии наук А. Гумбольдт, президент Лондонского королевского географического общества Р. Мурчисон, вице-президент Парижского геологического общества граф Вернель и другие, по мнению министра, нужно облегчать («как и прежде»), поскольку «Россия так недавно еще вошла в сообщество с европейским ученым светом», а взимание пошлин с таких людей стало бы «шагом назад»[313].
3. «Мужчины и женщины для воспитания юношества», которые уже подчинены определенным правилам и экзаменам[314]. «Затруднить их приезд значило бы

[312] Там же. Л. 37 об.
[313] Там же. Л. 38.
[314] Согласно Уставу учебных заведений 1828 года иностранные учителя, как мужчины, так и женщины, обязаны были получать свидетельства от российского учебного начальства. По

затруднить воспитание детей, устранить нас от современного движения полезных наук, воспрепятствовать познанию языков, и сделать тяжкий налог на родителей, кои и без того крайне затрудняются в способах необыкновенно дорогого у нас воспитания»[315].

4. «Класс художников, архитекторов и театральных артистов. Они редко приезжают сюда без вызова, и служат наиболее в казенных заведениях, почему и налог на них падал бы на казны, частию же на воспитание детей. Некоторые из лиц, коих можно причислить к сему разряду, как наприм. штукмейстеры[316], волтижеры[317], английские берейторы[318] и пр., платят в пользу городов, другие в пользу театров и инвалидов»[319].
5. Люди, занимающиеся торговлей. Среди них министр выделил несколько категорий. Это купцы (те, кто занят торговлей оптом). Е.Ф. Канкрин считал, что увеличение пошлин они «сочтут обидным для себя и противным принятым правилам цивилизации и народного права. Наиболее приезжают они из Англии, Америки, Гамбурга и других мест, торговлею отличающихся»[320]. Приказчиков и конторщиков немного, они «приезжают наиболее из Англии и Германии», нередко «присылаются из хороших иностранных домов, для ознакомления с Российскою торговлею», необходимы для ведения иностранной корреспонденции и хорошо знают «заграничные торговые обстоятельства». Многие из этой категории служащих возвращаются домой и способствуют торговле с Россией, что, по

предписанию министра народного просвещения от 8 июля 1831 года иностранный учитель обязан был после экзамена и уплаты пошлины получить в губернской гимназии свидетельство на право учительствовать. После принятия «Положения о домашних наставниках и учителях» от 1 июля 1834 года даже домашние учителя, гувернеры и воспитатели обязаны были иметь свидетельства.

[315] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 126. Д. 149. 1841 г. Л. 38 об.

[316] Штукмейстер – штукарь, то есть выдумщик, ловкач.

[317] Волтижер (фр.) – наездник, исполняющий номера конного вольтижа; воздушный гимнаст, совершающий трюковые перелеты с трапеции на трапецию или в руки партнера.

[318] Берейтор (нем.) – специалист, объезжающий верховых лошадей и обучающий верховой езде.

[319] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 126. Д. 149. 1841 г. Л. 39.

[320] Там же. Л. 39–39 об.

мнению министра, важно для российских черноморских портов[321]. Есть также «торгаши, приезжающие на более или менее продолжительное время, для торговли в разброд, для заведения магазинов, особенно модных и вообще более для роскоши служащих» [322]. Этих людей, приезжающих из Франции, было довольно много, но и они, по оценке Е.Ф. Канкрина, «не совсем бесполезны»[323].

Любопытно, что министр не забыл и аферистов или людей без определенных занятий («но не самых низших классов»). Они также «приезжают большею из Франции и занимаются главнейшее контрабандою, разноскою запрещенных товаров и разными происками. Класс сих людей вреден, но весьма умножился со времени введения пароходов и отчасти железных дорог»[324].

6. «Мануфактуристы, смотрители фабрик, практические химики, механики, экономы, контрметры и высшие ремесленники (оружейники, литейщики, сахаровары, мастера-текстильщики, часовщики и пр. – *А.Т.*). Приезжают из Англии, Франции, Германии, Швейцарии и пр. Люди сии еще необходимы для поддержания, освежения и движения нашей промышленности; без них она вскоре не только отстанет от прочей Европы, но и упадет, так как у нас таких людей еще весьма мало»[325].
7. Обычные ремесленники (чулочники, маляры, набойщики, жестянщики, слесари, токари, сапожники, кузнецы, кожевенники, каретники и т.д.). Среди них министр выделил тех, кто работал «для некоторых родов роскоши», например, парикмахеров и кондитеров, приезжающих из Франции, Италии и Швейцарии: «и хотя не совсем лишни, но могли приезжать в меньшем числе»[326]. Обложение в столичных городах для этой категории иностранцев министр находил достаточно высоким, в провинции налоги были ниже при

[321] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 126. Д. 149. 1841 г. Л. 39 об.–40.
[322] Там же. Л. 40.
[323] Там же. Л. 40.
[324] Там же. Л. 40 об.
[325] Там же. Л. 40 об.–41.
[326] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 126. Д. 149. 1841 г. Л. 41–41 об.

небольшом доходе. Среди ремесленников министр посчитал нужным выделить мастеров (в основном из Германии), занимавшихся «солидными делами». «Люди эти еще очень нужны для поддержания ремесел и улучшения их: производительностию своею они приносят пользу и уменьшают привоз заграничных изделий.

В С. Петербурге чрез них ремесла получили отличное развитие, но в губерниях их еще очень мало, и есть значительные города, где нет даже порядочного булочника»[327].

8. Слуги (дядьки, метрдотели, камердинеры, повара и др.) приезжали «либо со своими господами, либо по вызову», а иногда самостоятельно. Но и этот «класс людей несовсем лишний» [328], по мнению Е.Ф. Канкрина.
9. «Люди низшего звания», без определенных занятий, обычно из Франции. Они в России часто заняты контрабандой или «другим запрещенным промыслом»[329].
10. Шкиперы и матросы корабельных судов, прибывающие временно и зимующие в России «вынужденно, часто с убытками для себя».

Столь подробная классификация с «резюме» о полезности той или иной группы иностранцев для Российской империи дала возможность министру прийти к определенным выводам: большинство названных категорий нельзя облагать повинностями. Напротив, следует способствовать приезду их представителей в Россию, за исключением аферистов и разного рода контрабандистов.

По мнению министра финансов, следовало поручить российским посольствам и миссиям не выдавать паспорта тем иностранцам, которые не могут доказать полезность их приезда в Россию и свою «добропорядочную нравственность». Кроме того, пароходы, на которых прибывали в империю

[327] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 126. Д. 149. 1841 г. Л. 41 об.–42.
[328] Там же. Л. 42.
[329] Там же.

иностранцы, стоило бы обложить специальным умеренным платежом за каждого иностранца[330].

Мнение Е.Ф. Канкрина оказалось решающим при вынесении Комитетом общего решения: «пошлины наложить сколь возможно умеренные, дабы с затруднением приезда бесполезным и вредным, не затруднить приезд иностранцам еще необходимым для нашего отечества; возвышенные же пошлины наложить только на модисток и некоторых других иностранцев, видимо бесполезных или вредных»[331]. Была составлена «Ведомость о пошлинах и других сборах, определяемых ко взиманию с иностранцев при въезде их из-за границы и во время пребывания в России»[332]. При этом рекомендовалось заносить в первую графу ведомости сначала наименование подданства, затем название ремесел представителей названной страны «без исключения», а также указывать не только годовые, но и единовременные сборы[333] (см. Приложение 11).

В дальнейшем монархом было принято решение взимать въездные пошлины с иностранцев уже на территории России. При этом в русских посольствах и миссиях за рубежом иностранные подданные предупреждались заранее о сумме выплат и при выдаче билета от посольства обязаны были дать подписку в том, что по прибытии в Российскую империю выплатят все положенные пошлины[334]. Иностранцы ежегодно должны были при получении нового билета вносить пошлину[335].

Вряд ли можно согласиться с утверждением О.Ю. Абакумова, что «деятельность комитета, видимо, ограничивалась теоретическим обсуждением вопроса»[336]. Важным результатом работы Комитета стал сбор сведений об

---

[330] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 126. Д. 149. 1841 г. Л. 42 об.–43.
[331] Там же. Л. 4 об.–5.
[332] Там же. Л. 33
[333] Там же. Л. 33–33 об.
[334] Там же. Л. 23 об.
[335] Там же. Л. 23 об.
[336] Абакумов О.Ю. «…Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е–начало 1860-х гг.). Саратов: Научная книга, 2008. С. 152.

иностранцах по губерниям по форме упоминаемой выше «Ведомости о проживающих в NN Губернии или Области иностранцах»[337]. Это заняло значительное время, вплоть до 1844 года, но позволило получить подробные статистические сведения об иностранцах на территории Российской империи, за исключением Финляндии и Царства Польского[338].

Согласно сведениям, поступившим 2 августа 1841 года в Департамент исполнительной полиции Министерства внутренних дел от военного губернатора г. Смоленска и смоленского гражданского губернатора генерал-майора князя П.И. Трубецкого, в губернии проживал 61 иностранец, но, вероятно, при росписи иностранцев (в соответствии с национальной и профессиональной принадлежностью) была допущена ошибка в количестве иностранцев, так как при проверке оказалось 60 человек (см. Приложение 12).

В сравнении с ситуацией разбора иностранцев 1812 года налицо не только рост их числа, но и расширение числа государств, представителями которых являлись иностранные подданные. Заметно увеличивается и число женщин-иностранок (26,6% от общего числа). Большинство иностранцев было занято в сфере образования (27 человек, или 45%), ремесла (18 чел., или 30%) и обслуживания помещичьих усадеб (12 чел., или 20%). При этом в губернии зафиксировано развитие нового производства – сыроделия. Этим занимались 6 из 10 швейцарцев (в Гжатском, Рославльском и Сычевском уездах губернии) и 1 «люблинский уроженец» в Вяземском уезде.

По данным 1841 года, Смоленская губерния оказалась среди других губерний и крупных городов Российской империи лишь на 42 месте по числу иностранных подданных. Лидером, конечно, была столица – Санкт-Петербург – 11 044 человека, на 2-м месте – Лифляндская губерния – 2656 человек, на 3-м месте – Белостокская губерния – 2161 человек. Москва оказалась на 4-м месте – 2019 человек. Затем следовали Курляндская, Волынская, Санкт-Петербургская, Бессарабская, Херсонская, Подольская, Виленская губернии. Менее всего

[337] АВПРИ. Ф. 161. II–8. Оп. 82. 1841 г. Д. 116.
[338] Там же. Л. 325–339 об.

иностранцы ехали на Кавказ и в Сибирь, тем более, что «в отношении последней существовали специальные правила, высочайше запрещавшие … [российским] консульствам выдавать иностранцам паспорта на въезд в Россию через этот край» [339].

Известно, что в 1820–1840-е годы в Россию в среднем приезжали 15 000 иностранных подданных в год[340], в Петербург при этом прибывала почти третья часть от общего количества въезжающих в Россию [341]. Согласно «Ведомости о приехавших в Санкт-Петербург и выехавших из него иностранцах, с означением их наций», составленной по требованию Министерства внутренних дел столичными властями в 1841 году, в Петербург прибыло иностранцев в 1838 году – 1804 чел. (представителей 35 наций), в 1839 году – 2141 чел. (42 наций), в 1840 году – 1745 чел. (46 наций)[342]. Число иностранцев в столице, по сравнению с 1812 годом, резко снизилось: почти втрое, но более разнообразной стала национальная принадлежность приехавших. По-прежнему лидерами по числу приехавших в Россию были Франция (в 1838 году – 367 чел., или 20,3%; в 1839 году – 420 чел., или 19,6%; в 1840 году – 455 чел., или 26,1%)[343]; Пруссия (в 1838 году – 323 чел., или 17,9%; в 1839 году – 358 чел., или 16,7%; в 1840 году – 361 чел., или 20,7%)[344]; Великобритания (в 1838 году – 254 чел., или 14,1%, в 1839 году – 237 чел., или 11,1%; в 1840 году – 189 чел., или 10,8%)[345]. Но и среди этих стран процент выехавших из России в указанный период был высоким, иногда даже превышавшим число въехавших (что характерно для англичан). Число швейцарцев по сравнению с 1812 годом возросло: в 1838 году – 81 человек (это уже 4,5% от общего числа иностранцев), в 1839 году – 73 чел. (3,4%), а в 1840 году – 101 чел. (5,8%). Однако и отъезд швейцарцев также был значительным: в 1838 году – 49

[339] Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Указ. соч. С. 308–309.
[340] Там же. С. 308.
[341] Там же. С. 308–309.
[342] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 126. Д. 149. 1841 г. Л. 63–66 об.
[343] Там же. Л. 66.
[344] Там же. Л. 65 об.
[345] Там же. Л. 63.

человек (60,5% от числа приехавших соотечественников), в 1839 году – 67 чел. (91,8%), а в 1840 году – 69 чел. (68,3%)[346]. Вероятно, колебания въезда и выезда зависели от общей мобильности иностранцев, пересекавших границы России. По обобщенным данным 1820–1840-х годов, среди въезжавших в империю «на первом месте были подданные Германии, второе место делили французы и англичане, далее шли швейцарцы, датчане, испанцы, последнее место занимали американцы, а количество “азиатцев и африканцев” насчитывало 1–3 человека в год»[347].

По сведениям, собранным благодаря решению Комитета министров, в Российской империи в 1841–1844 годах проживало 32 554 иностранца (Приложение 13). Так как сбор сведений растянулся на годы, это лишь приблизительное число. Если в 1841 году в Смоленской губернии находилось 60 иностранцев, то в 1844 году, по данным «Всеподданнейшего отчета Смоленского губернатора», их было уже 100 человек, «из них 1 приписан к купечеству, 3 занимаются, получив законное разрешение, воспитанием детей. Из остальных же иные промышляют разными ремеслами, а другие находятся по найму в услужении. Заграничных паспортов за год выдано не было»[348].

В 1844 году были приняты важные решения, касающиеся возможностей расширения сроков пребывания иностранцев в Российской империи. Согласно Сенатскому указу, последовавшему по Высочайшему повелению 19 января 1844 года, иностранцам (за исключением подданных Пруссии), приезжавшим в Россию по срочным паспортам, было разрешено свободно жить в империи, несмотря на сроки, назначенные в паспортах их правительств, в том случае, «если к удалению их из Империи не представится других уважительных причин[349]. По Указу от 15 марта 1844 года «О порядке предъявления паспортов приезжающими в Россию иностранцами» передаче в III Отделение подлежали только паспорта, выданные российскими миссиями, национальные же паспорта

[346] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 126. Д. 149. 1841 г. Л. 66 об.
[347] Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Указ. соч. С. 309.
[348] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. 1844 г. Л. 3.
[349] ПСЗ-2. Т. XIX. Ч. 1. № 17545.

у иностранцев теперь не отбирались. При выдаче вида на жительство на территории России губернским начальством (для прибывших в порты – начальниками портов) на национальном паспорте делалась отметка: «Не действителен в России и на основании этого паспорта выдан особый русский вид» с печатью[350]. Вышеперечисленные указы свидетельствовали об определенной либерализации паспортного режима в отношении иностранцев и должны были способствовать притоку иностранных подданных в Российскую империю.

§ 2. Осуществление контроля над иностранцами во второй половине 1840-х–начале 1850-х годов

Вторая половина 1840-х годов в России – это время относительной политической стабильности, связанной с укреплением абсолютизма и насаждением консервативной идеологии. Российская империя по-прежнему выступала одним из важнейших гарантов Венской системы, созданной после Наполеоновских войн и сохранявшейся до нового общеевропейского военного конфликта – Крымской войны 1853–1856 годов. Во второй половине 1840-х годов Венская система оказывается в состоянии кризиса. Россия становится не только свидетельницей гражданской войны в Швейцарии 1847 года, Французской революции 1848 года, прусско-австрийского противостояния, но и активной участницей подавления Венгерской революции 1848–1849 годов[351].

Изменения внешнеполитической ситуации в Европе повлияли на позицию России в отношении иностранных подданных, находившихся на ее территории. Однако повседневные проблемы, связанные с их пребыванием (вне зависимости от подданства), приходилось решать местным властям, исполняя

---

[350] ПСЗ-2. Т. XIX. № 17734.

[351] Готовность Николая I принять крайние меры в ответ на революционные события в Европе отмечают авторы коллективной монографии: Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. С. 256. Это подтверждают и предполагаемые меры российской дипломатии в отношении гражданской войны в Швейцарии. – Березовая Л.Г. Швейцария – традиционная наследница идей Венского конгресса // Роль кантона Во и его представителей в истории и культуре России. М.: Каллиграф, 2012. С. 201.

требования российского законодательства, взаимодействуя с министерствами и находясь под контролем III Отделения.

Так, иностранцы, по той или иной причине утратившие документы, удостоверявшие их личность, оказывались в весьма сложных обстоятельствах. С этой проблемой уже приходилось сталкиваться и после войны 1812 года, и в результате краж (как произошло в 1826 году с упоминаемым выше французом Петром Ламбертом). И в 1840-е годы разбой на российских дорогах мог стать причиной потери не только денег, но и документов.

Как часто бывает, несчастные случаи прошлого дают историкам больше информации, чем счастливые события. В августе 1845 года к смоленскому губернатору явился мекленбург-шверинский подданный из местечка Гердцфельд, портной Иоганн Гейнрих Ган. Ган приехал в империю 6 лет назад через Ригу, имея с собой бессрочный паспорт, свой последний паспорт в России он получил в 1843 году в Москве. В силу своей профессии он много ездил по Российской империи (Рига, Ревель, Дерпт, Петербург, Москва, Орел) и был ограблен на шоссе по пути из Орла в Москву. В результате нападения двух неизвестных он лишился шинели, чемодана и денег (4 руб. 75 коп. серебром), а также всех документов, включая паспорт.

Когда Ган прибыл в Смоленск, он отправился к губернатору и 29 августа 1845 года дал показания при помощи переводчика смоленского губернского правления. Чтобы установить, действительно ли в Москве Гану был выдан паспорт, смоленский губернатор 31 августа того же года обратился к московскому обер-полицмейстеру, сообщив ему сведения и приметы иностранца. Показания Гана подтвердились: в Риге он получил 11 июля 1842 года билет за № 1728 от лифляндского гражданского губернатора, с которым прибыл в Москву, где 24 марта 1843 года ему был выдан билет № 259 для проезда в Ригу от московского полицмейстера. В канцелярию смоленского губернатора была прислана копия билета 1842 года[352]. По предписанию губернатора смоленская градская полиция сравнила приметы Гана с

[352] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 91. 1845 г. Л. 9.

описанными в билете и в рапорте от 24 октября 1845 года подтвердила, что приметы «во всем сходственны»[353].

13 ноября 1845 года в журнале смоленского губернского правления по делу Гана было отмечено, со ссылкой на статью 32 тома XIV Свода Законов (изд. 1842 года) и «статью 52 продолжения к сему тому», что принято решение о выдаче иностранцу «на гербовой бумаге вида на свободный проезд его куда пожелает»[354]. Кроме того, был признан недействительным утраченный паспорт, выданный московским обер-полицмейстером. Информация об этом была предоставлена в официальный отдел губернских ведомостей. Смоленский губернатор уведомил о выдаче билета московского обер-полицмейстера, военного губернатора г. Орла и орловского гражданского губернатора[355].

В деле Гана несколько деталей обращают на себя особое внимание: сам механизм дознания, сличения примет; вынесение решения по делу смоленским губернским правлением, на основании которого губернатор и выдал Гану новый паспорт. Последний давал иностранцу возможность свободного проезда по территории империи, в то время как прежде в каждом губернском городе ему необходимо было получать новый билет для проезда.

Следует подчеркнуть, что Ган, не зная русского языка, сумел добраться до Смоленска, «проходя многие города без паспорта» и не заявляя о происшедшем. Следовательно, это было возможно, что сразу заставляет сомневаться в тщательности надзора за иностранцами в николаевской России. Вероятно, определенную роль сыграло наличие в провинции небольшого штата местной полиции. Конечно, если иностранец занимался какой-либо публичной деятельностью, он сам был заинтересован сообщить о своем приезде и получить разрешение губернатора. Поэтому, когда в Смоленск в августе 1846 года прибыл брауншвейгский подданный, механик Георгий Клейтнек, он сразу подал прошение[356] с просьбой дать ему возможность развлечь местную публику

---

[353] Там же. Л. 12 об.
[354] Там же. Л. 13 об.
[355] Там же.
[356] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 133. 1846 г. Л. 1.

театральной новинкой – «туманными картинами»[357]. Губернатор предписал смоленской городской полиции «позволить» представление[358].

Если иностранец был хорошо известен в губернском городе как отличный профессионал и благонадежный человек, он, имея перспективные предложения, мог рассчитывать на помощь местной администрации при их воплощении. Так произошло с уроженцем Саксонии Егором Кондратьевичем Штанге (ок. 1770–1851)[359]. Он жил в России с 1793 года, здесь получил образование и с 1804 года служил учителем немецкого в Смоленской мужской гимназии[360]. 12 июня 1848 года Е.К. Штанге, к тому времени титулярный советник в отставке[361], подал прошение директору народных училищ Смоленской губернии, ходатайствуя об открытии в Смоленске частной школы «для обучения детей обоего пола»[362] немецкому языку.

Учитель предоставил в дирекцию народных училищ необходимые документы: «1-е, аттестат о службе; 2-е, свидетельство о поведении; 3-е, прошение некоторых жителей г. Смоленска; 4, план предполагаемого к открытию частного учебного заведения»[363]. В плане указывалось, что преподавателем будет сам Штанге, число учеников не превысит десяти человек, а плата за обучение составит от 15 до 20 рублей серебром[364].

24 августа 1848 года директор народных училищ обратился к попечителю Московского учебного округа, и, препровождая документы учителя, лично просил начальство «не оставить своим ходатайством о дозволении»[365]. Именно это замечание позволяет судить о хорошей репутации Е.К. Штанге, иначе директор народных училищ не стал бы ему помогать. 6

---

[357] Там же. Л. 4.
[358] Там же. Л. 2.
[359] ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 3094. Л. 27 об.–28.
[360] Мицюк Н.А. Женщины российской провинции XIX – начала XX века: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск, 2013. С. 57.
[361] ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 930. Л. 5.
[362] Там же. Л. 1.
[363] Там же. Л. 3 об.
[364] Там же. Л. 4.
[365] ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 930. Л. 3 об.

октября 1848 года попечитель Московского учебного округа уведомил о положительном решении вопроса товарищем министра народного просвещения, и директор народных училищ 23 октября 1848 года сообщил об этом просителю[366].

Учебное заведение Е.К. Штанге было открыто, но через два с половиной года из-за смерти устроителя, оно перестало существовать. Директор народных училищ 23 февраля 1851 года уведомил об этом попечителя Московского учебного округа[367]. Однако дело отца смогла продолжить дочь Софья Штанге: она стала содержательницей «частной школы первоначального обучения детей женского пола», которая была открыта с разрешения министра народного просвещения (соответствующий документ за № 3502 был датирован 29 апреля 1853 года). Софья Штанге сама вела занятия по чтению, письму на русском и немецком языках, арифметике и чистописанию, а Закону Божьему учил православный священник[368]. Школа С. Штанге упомянута в ведомости учебных заведений Смоленской губернии и в 1860 году[369].

Малейшее сомнение в благонадежности иностранцев, в первую очередь, заботило губернатора, и он старался при переезде таковых навести справки у своего коллеги, с территории которого они прибыли. «Для соображений при выдачи билета на жительство в Московской губернии прусской подданной Жозефине Энгельс», прибывшей из Смоленской губернии, московский военный генерал-губернатор посчитал необходимым послать запрос смоленскому гражданскому губернатору. Несмотря на то, что Энгельс представила билет смоленского губернатора от 24 октября 1846 года на проезд в Московскую губернию, при этом в документе, как и полагалось, упоминался срочный вид от 30 сентября 1846 года за № 113, по которому иностранка проживала на Смоленщине, генерал-губернатор пожелал видеть подлинный национальный паспорт прусской подданной, который, по ее словам, она

---

[366] Там же. Л. 5–6.
[367] Там же. Л. 6.
[368] ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1897. Л. 17 об. –18.
[369] Там же.

оставила в канцелярии смоленского губернатора[370]. В своем ответе на запрос смоленский гражданский губернатор указал, что выдавал вид на жительство Жозефине Энгельс вовсе не на основании ее национального паспорта, а по предъявленному билету санкт-петербургского обер-полицмейстера от 28 августа 1845 года за № 1612[371]. Таким образом, где был оставлен национальный паспорт Энгельс, осталось неизвестным.

При возникновении у иностранцев имущественных проблем они старались решать их самостоятельно и лишь в случае неудачи обращались к местным властям. Так, швейцарские сыровары из кантона Берн Давид Самуил Кунц, его сын Христиан Кунц и Самуил Иоганн Гадорн заключили при свидетелях и при предъявлении «у публичного нотариуса в республиканском городе Берне» в 1844 году письменный договор с помещиком Александром Петровичем Черкасовым сроком на шесть лет. По условиям договора швейцарцы должны были заниматься в имении А.П. Черкасова «скотоводством, изготовлением сыра и сбором молока». Каждому швейцарцу за труд кроме жалования полагалась «третья часть от десятой части доходов происходящего от земледелия, скотоводства и сыров»[372]. Швейцарские сыровары отправились в имение А.П. Черкасова в Черниговской губернии, где работали до смерти владельца в 1846 году. Наследники А.П. Черкасова, проживавшие в Смоленской губернии, перестали выполнять условия договора, и швейцарцы вынуждены были обратиться к губернскому начальству. В своем прошении от 1 августа 1846 года на имя исполнявшего должность смоленского гражданского губернатора, вице-губернатора Хитрово они утверждали, что после предыдущего их прошения на имя гражданского губернатора от 22 мая 1846 года никаких мер не принято. В то время как «сие распоряжение в медленности довело до истощения всего нашего состоянья. Живши бесприютно целым семейством, а к тому к удивлению можем почесть в нем затруднительное

[370] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 151. 1846 г. Л. 1.
[371] Там же. Л. 2–2 об.
[372] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 131. 1846 г. Л. 2–2 об.

рассмотрение, тогда когда сам г-н Черкасов при жизни своей не имел на нас за занимавшее поручение никакой претензии и даже оставался очень благодарным, следовательно, что может служить к обвинению нашего достоинства и занимаемого нами исправного искусства. К тому же мы не отыскивая все части условленные в контракте, а просим удовлетворить одною необходимостью, если же и за сим со стороны наследников г-на Черкасова, будет происходить в сем деле неосновательная переписка, вынуждены мы будем просить вышнее начальство о удовлетворении всего сполна из части суммою, а равно и претерпенных убытков собственного состояния»[373]. Разбирательство этого дела было поручено губернскому правлению. Учитывая делопроизводственную волокиту и отсутствие в деле документов о последовавшем решении, можно предположить, что сыровары вряд ли добились успеха в своем иске.

Иногда решить проблемы удавалось, но только спустя годы. Иностранец Ипполит Карлов Шперлинг в ноябре 1845 года «объявил» в Ельнинское городническое правление, что ельнинский мещанин, часовых дел мастер Николай Миронов Декин взял в починку часы и не вернул ни часы, ни деньги за них[374]. Шперлинг предоставил подлинную расписку часового мастера, который обязывался 24 июня 1845 года либо возвратить владельцу часы, либо выплатить 10 рублей серебром[375]. Правота иностранца была очевидна, розыски же виновного продолжались до 1850 года, наконец, Шперлинг «объявил» в Ельнинское правление о том, что деньги ему Декиным возвращены[376].

Были случаи, когда иностранцы выбирали иной путь избавления от неприятностей в провинции: они уезжали в столицу, под покровительство посольства своей страны. Так, вюртембергский подданный граф Рейшах-Рита, который служил управляющим у князя Василия Васильевича Долгорукого в имении Мокром Гжатского уезда, в 1846 году успел выехать в Петербург.

---

[373] ГАСО. Ф. 1. Оп.2. Д. 131. 1846 г. Л. 4–4 об.
[374] ГАСО. Ф. 426. Оп. 1. Д. 140. Л. 2–2 об.
[375] Там же. Л. 1.
[376] Там же. Л. 29.

Вскоре Гжатский земский суд сообщил, что в его ведении находятся четыре дела, по которым много вопросов к иностранцу (будучи управляющим, он проявлял самовольство). Однако, несмотря на продолжительную переписку, иностранец в Гжатск не явился, мало того, благодаря дипломатической поддержке получил право на беспрепятственный выезд в Александрию Херсонской губернии, чтобы занять место управляющего в имении Репнинской. Об этом министр внутренних дел Л.А. Перовский поставил в известность смоленского гражданского губернатора[377].

Обращение консула в МИД и последующие разбирательства могли помочь иностранцам вернуть имущество. В 1847 году швейцарский генеральный консул потребовал возврата «невшательской уроженке Луизе Цалер денег, заплаченных ею для выкупа и в виде штрафа, за конфискованные у нее Радзивиловскою таможней карманные часы»[378]. Следовательно, с иностранки дважды взяли деньги и при этом лишили ее части имущества.

Благотворительную помощь иностранцам, оказавшимся в бедственном положении, могло оказать и местное дворянское общество. Любопытный документ удалось обнаружить в фонде Смоленского дворянского собрания. Это отчет о расходовании средств, полученных от двух спектаклей («живых картин») в 1849 году. В приложенной ведомости о «раздаче денег бедным дворянам» 42 имени и среди них две женщины, названные женами иностранцев – Екатерина Гофман с двумя малолетними сыновьями и Татьяна Альт с дочерью. Им было выдано соответственно одной три, а другой два рубля серебром (суммы благотворительной помощи колебались от одного до пяти рублей)[379]. Стоит заметить и то, что обе женщины не упоминались в ведомостях об иностранцах. Вероятно, они были русскими (судя по их именам), вступившими в брак с иностранцами, но и последние в документах, предоставляемых губернатору, отсутствовали. Остается предположить, что

---

[377] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 353. 1846 г.
[378] АВПРИ. Ф. 161. II–6. Оп. 80. Д. 97. 1847 г.
[379] ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37. Л. 4 об.

осуществляемый на местах учет иностранцев, что подтверждает и вышеупомянутый случай с австрийцем Адальбертом Нудером, не всегда отражал реально сложившуюся ситуацию. Можно констатировать, что иностранцы, по каким-либо причинам не зафиксированные официально, могли рассчитывать, главным образом, на благотворительную помощь. Она, возможно, являлась даже более действенной, так как оказание вспомоществования не было связано с бюрократической волокитой.

Находясь в империи, иностранцы обязаны были подчиняться российским законам. Еще в 1845 году было издано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, систематизировавшее прежде принятые российские законы в области уголовного права. Статья 175 Уложения гласила: «иностранцы, в России живущие или временно пребывающие, подлежат действию законов о наказаниях уголовных и исправительных на том же основании, как и подданные российские, если какого-либо изъятия не сделано в договоре с той державою, в подданстве которой они состоят». Согласно статье 176, лицом, принадлежащим к обыкновенным или чрезвычайным посольствам и миссиям, решался на уровне правительства вопрос о последствиях совершения преступления. Через Министерство иностранных дел привлекались к суду лица, находящиеся в услужении послов и изобличенные в совершении преступлений (статья 178). В случае, если иностранец «посягал на права державной власти в России, или на права одного или нескольких подданных», находясь вне территории Российской империи, он подлежал выдаче и осуждению (норма экстерриториальной подсудности лиц). Впервые в Уложении были регламентированы вопросы привлечения к ответственности военнослужащих иностранных армий, находившихся в России[380].

Иностранцев, пребывавших в России, но причастных к уголовным преступлениям на родине, могло разыскивать собственное правительство, которое посредством своих иностранных миссий пыталось найти виновных.

---

[380]Смирнова Е.С. Регулирование правового статуса иностранцев в России с начала XIX века до октября 1917 года // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 126.

Поэтому губернаторы, получив соответствующее предписание от министра внутренних дел, требовали от уездной администрации найти преступников. В документах сычевского городничего за 1846 год сохранился подобный циркуляр смоленского гражданского губернатора от 22 января 1846 года за № 1090 «об отыскании 4-х иностранцев» – швейцарских граждан Люцернского кантона: Антона Миллера, поручика Людвига Бруннера, бывших советников Люцернского правления Иосифа Бюллера и Лоренца Бавмана, обвиняемых в убийстве старшего советника правления Иосифа Лея[381]. На обороте циркуляра были указаны места рождения преступников, «звание» («правовед» или «земледелец»), рост, возраст и приметы внешности: цвет волос, глаз, бровей, бороды, форма носа («правильный» или «толстый», «большой согнутый»), лица («полное», «продолговатое», «худощавое»), вид зубов («хорошие», «поврежденные», «большие»). Указывались особые приметы. Например, поручик Бруннер «ходит согнувшись», а Лоренц Бавман «говорит по немецки и итальянски и по французски и имеет тяжелую поступь»[382]. Однако швейцарцы в Сычевском уезде Смоленской губернии не появились, а потому обнаружены не были.

Иностранные посланники могли обращаться к российским властям за статистическими данными о своих соотечественниках в России. Когда в Великобритании в 1851 году проводилась «народная перепись Соединенного королевства», посланник Великобритании при российском дворе лорд Блумфильд уведомил Министерство иностранных дел России о необходимости сбора сведений по определенной форме[383] с указанием имени и фамилии англичанина и членов его семьи, их возраста, места рождения, места пребывания «в настоящее время», а также «ремесла или звания»[384].

---

[381]ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 627. 1846 г. Л. 106.
[382] Там же. Л. 106 об.–107.
[383] АВПРИ. Ф. 161. II-8. Оп. 82. Д. 118. 1850 г.; ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 804. 1851 г. Л. 128.
[384] ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 804. 1851 г. Л. 129.

Французскому посольству ежегодно предоставлялись списки вновь прибывших в Россию французских подданных[385].

Розыск иностранного подданного мог проводиться по жалобе членов его семьи или других иностранцев. Так, прусская подданная Екатерина София Резенер в феврале 1851 года обращалась в петербургскую евангелическо-лютеранскую консисторию с просьбой разыскать оставившего ее мужа отставного капитана Фердинанда фон Резенера для вручения ему жалобы[386].

Розыск иностранцев мог проводиться в связи с претензиями к их службе и имуществу со стороны российских подданных. Примером может служить циркуляр смоленского губернатора от 19 июня 1846 года уездным судам и городничим о розыске австрийского подданного грека Мануила Елефтерьева Изаи, который состоял бухгалтером у московского купца 1-й гильдии Трофима Кирилова и действовал во вред нанимателю, а затем скрылся без «отчета по торговым делам»[387]. К циркуляру также прилагались приметы Изаи: 40 лет, роста выше среднего, глаза карие, волосы темно-русые; но указывалось, что грек следует моде, носит «волосы взбитые» и «бакенбарды кругом бороды»[388].

В случае уголовного преступления в отношении иностранцев (как, впрочем, и россиян) проводилось следствие, устанавливались и наказывались виновные. Примером громкого уголовного преступления середины XIX века стало дело француженки Луизы Симон-Деманш, зверски убитой в 1850 году в Москве.

Французская модистка Луиза Симон-Деманш стала московской купчихой благодаря российскому аристократу Александру Сухово-Кобылину, с которым она познакомилась в Париже в 1841 году и ради которого вскоре приехала в Россию. Сухово-Кобылин с самого начала предупредил иностранку, что никогда не женится на ней, но обещал свою любовь и содержание. Он снимал для Луизы квартиру, обеспечил ее собственным магазином и прислугой. Но к

---

[385] АВПРИ. Ф. 161. II-8. Оп. 82. Д. 557. 1850 г.; Д. 199. 1851 г.
[386] ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 804. 1851 г. Л. 376.
[387] ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 627. 1846 г. Л. 715.
[388] Там же. Л. 716.

моменту гибели француженки у пары были сложные отношения: Сухово-Кобылин увлекся замужней княгиней Н.И. Нарышкиной, урожденной Кнорринг. Под следствием оказался сам Сухово-Кобылин, некоторое время была лишена возможности покинуть Россию и Н.И. Нарышкина, так как она также могла быть причастна к убийству.

Следствие по делу об убийстве «московской купчихи Луизы Симон-Деманш» продлилось 7 лет и оставило много загадок. Хитросплетения этого дела волновали не только московских следователей, но и III Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии, Сенат, была создана специальная Высочайше утвержденная следственная комиссия по этому делу. Обвиняемые неоднократно обращались к государю... Находясь под арестом, а затем лишь под подозрением в совершении преступления (кстати, это подозрение так и не было с него снято), Александр Васильевич Сухово-Кобылин написал пьесу, принесшую ему славу драматурга «Свадьба Кречинского»[389].

Дальнейшие судьбы А.В. Сухово-Кобылина и Н.И. Нарышкиной после этих драматических событий, складывались непросто. Александр Васильевич (1817–1903) долгое время жил за границей, дважды состоял в браке, но в возрасте 51 года остался вдовцом. Надежда Ивановна Нарышкина (1826–1895) в том же 1850 году (вскоре после убийства Л. Симон-Деманш) под предлогом «поправить здоровье» получила разрешение покинуть Российскую империю и уехала во Францию, где родила девочку Луизу, официально признанную Сухово-Кобылиным своей дочерью лишь в 1883 году. Развод Н.И. Нарышкина так и не смогла получить и только после смерти мужа в 1864 году оформила брак с известным французским драматургом Александром Дюма-сыном[390].

---

[389]Дело Сухово-Кобылина: сборник материалов следственных и судебных дел, воспоминания современников, а также дневник Сухово-Кобылина за эти годы / авт. вступ. ст. В.М. Селезнев; сост. В.М. Селезнев, Е.О. Селезнева. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 542 с.

[390] Сахаров И.В. Русская жена Александра Дюма-сына: Надежда Ивановна Нарышкина, урожденная Кнорринг (1826–1895) // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 14. 2004. С. 74–77.

Дело же об убийстве Симон-Деманш оказалось настолько долгим и запутанным, что даже в Смоленской губернии у некого Василия Иванова, служившего у графа Орлова в Гжатском уезде, 5 июля 1854 года были истребованы ответы на вопросы следственной комиссии[391].

Касательно иностранцев городничие и уездные земские суды по-прежнему были обязаны доставлять губернатору несколько ведомостей, включавших списки иностранцев: принявших подданство; не принявших подданство; желавших выйти из российского подданства (последний список был востребован предписанием министра внутренних дел от 30 апреля 1846 года за № 2625[392]). Поуездные ведомости об иностранцах и данные, сообщаемые городничими, обобщали в канцелярии губернатора, и губернатор передавал эти сведения в III Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии и Министерство внутренних дел.

Особое внимание уделялось французским подданным, не принявшим присягу. Ведомости о них за 1845 год городничим и уездным судам предписывалось составлять в двух экземплярах по особой форме с указанием имени и фамилии, возраста, места рождения (при этом указывалось, что имена и фамилии, место рождения должны быть написаны иностранцами на французском языке «для большей верности»), «настоящее и прежнее ремесло», «время прибытия в Россию и где ныне проживает»[393]. В канцелярии смоленского губернатора сохранились списки французских подданных, не принявших присягу в течение 1845 года, заполненные по указанной форме, но без французской транскрипции имен.

Подобная ведомость по Гжатскому уезду, представленная губернатору исправником, включала четырех французов, проживавших в имении Столбово у князя Антона Голицына: двух горничных – Марию Полину Авонцину, 23 года, и Дельфину Тиллоа, 25 года; а также компаньонку Амакизу Бельяр, 55

[391] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 185. 1854 г. Л. 3–3 об.
[392] ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 627. 1846 г. Л. 626.
[393] Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 627. 1846 г. Л. 102; ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 347. 1846 г. Л. 35.

лет и камердинера Антона Гопе, 22 лет. Все они приехали в имение 20 августа 1845 года[394]. Однако 4 апреля 1846 года исправник сообщал смоленскому гражданскому губернатору, что «французский подданный Антон Гопе в город Москву с имевшимся у него билетом от 21 сентября 1845 года с № 114-м самовольно уехал, а оттоль, куда отправится… неизвестно»[395].

В «Ведомости французских подданных, не принявших на подданство России присяги за 1846 год» в городе Рославле был указан 56-летний парижанин Жан Жак Делаваль, «профессор французской словесности», проживавший с 29 июля 1845 года в доме надворного советника Гусева[396]. 30 марта и 30 октября 1847 года в своих рапортах смоленскому гражданскому губернатору смоленский полицмейстер указывал о приезде в Смоленск 2 декабря 1845 года французского подданного, но родившегося в Курляндской губернии Германа Фридриха Клаузена, 26 лет, с женой Натальей, урожденной Бауман, 20 лет, и маленькими сыновьями двухлетним Освальдом и двухмесячным Карлом. Клаузен имел годовой вид на жительство, выданный ему смоленским гражданским губернатором от 2 декабря 1846 года за № 144. Иностранец зарабатывал «портным мастерством» и поселился в доме мещан Савельевых в 1-й части Смоленска[397]. В 1847 году в составленной для представления министру внутренних дел обобщенной ведомости о французах, не принявших российское подданство в Смоленской губернии, были указаны профессор французской словесности из Парижа Ж.Ж. Делаваль и семейство Клаузена (в нем появилась к этому времени десятимесячная Альвина)[398].

«За сентябрьскую треть 1848 года» в ведомости исправника Смоленского уезда из французов, сохранивших подданство, указана только Матильда Менне, компаньонка в имении камергера Нарышкина[399].

---

[394] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 299. 1846 г. Л. 6–6 об.
[395] Там же. Л. 5.
[396] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 347. 1846 г. Л. 16.
[397] Там же. Л. 21, 32.
[398] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 788. 1847 г. Л. 8.
[399] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 336. 1849 г. Л. 39.

В ведомости, поданной смоленским полицмейстером гражданскому губернатору 28 февраля 1849 года о французах, не принявших присягу на верность России, вновь указан портной Клаузен и его семья: мальчики Освальд и Карл подросли[400], а маленькая Альвина не названа. Семья поменяла свой адрес в Смоленске: «проживает [во] 2 части [города] в доме Галоктионова»[401]. Сведения о Клаузене и его семье были повторены и на французском языке[402].

Смоленский губернатор циркулярным предписанием от 11 января 1852 года требовал к 1 марта предоставлять ведомость о французских подданных, «прибывших и не принявших на верность России присягу». Губернатор объявлял «выговор» ельнинскому, поречскому, смоленскому городничим и Бельскому, Дорогобужскому, Смоленскому уездным земским судам, а также «строжайше» предупредил, что в случае неисполнения в срок «будет послан нарочный на счет виновных»[403].

Еще 7 декабря 1851 года непременный заседатель Сычевского уездного суда сообщил о проживании в качестве компаньонки у подполковника Петра Ломоносова, француженки, уроженки Монбельяра, 23-летней Луизы Клеменсы Фредерики Амей (Amey), приехавшей в Россию в 1839 году[404]. Во втором экземпляре ведомости имя и место рождения француженки были указаны на французском языке[405].

20 февраля 1852 года к рапорту рославльского исправника[406] была приложена ведомость о проживавших в селе Кузьминичи Рославльского уезда французском «сахарном фабриканте», уроженце Авиньона Теофиле Гонор Кассене, 49 лет, и его семье: жене – 45-летней Марии Магдалены Мелани, урожденной Регар, и дочери родственника Ипполита Кассена Марии Мелани, 21 года. Любопытно, что сам Теофил Гонор Кассен, согласно ведомости,

---

[400] Там же. Л. 10.
[401] Там же.
[402] Там же. Л. 29.
[403] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 552. 1852 г. Л. 21.
[404] Там же. Л. 39.
[405] Там же. Л. 40.
[406] Там же. Л. 22.

прибыл в Россию 1 сентября 1851 года, а женщины приехали на несколько месяцев раньше – 28 апреля того же года[407].

29 февраля 1852 года свой рапорт с ведомостью выслал исполнявший должность исправника Гжатского земского суда[408]. В ведомости был указан 51-летний француз Антуан Михайлов Бур, уроженец местечка Пасси близ Парижа, его жена Маргарита Иванова и дочь Женни. Бур служил компаньоном в доме помещика Озерова в сельце Бурцове. Иностранец приехал с семьей из Москвы, так как имел билет, выданный ему московским обер-полицмейстером 10 июля 1851 года за № 610. Билет был «представлен г-ну Начальнику губернии для перемены 21 декабря 1851 года за № 16056»[409].

В обобщенной ведомости за 1851 год о французах, проживавших в Смоленской губернии, которая была составлена в канцелярии смоленского гражданского губернатора, упоминались семьи Т.Г. Кассена и А.М. Бура[410]. В ответ на присланные ведомости смоленский гражданский губернатор, исполняя при этом предписание министра внутренних дел, потребовал 12 апреля 1852 года от уездных исправников предоставлять в обязательном порядке экземпляры ведомостей, в которых «фамилии и имена написаны собственноручно самими иностранцами»[411].

За 1853 год французы, не присягнувшие России, указаны были в ведомости при рапорте дорогобужского исправника от 30 ноября 1853 года: «смотрительницы за детьми» Вереина Брест, проживавшая у князя Голицына по билету, выданному смоленским гражданским губернатором по 28 июля 1854 года, и Аменанда Дюфло, работавшая у помещика Пенского «по билету Смоленского гражданского губернатора сроком по июнь месяц 1854 года»[412].

Если ведомости о французских подданных, не принявших российское подданство, подавались один раз в год, то ведомости об иностранцах, не

---

[407] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 552. 1852 г. Л. 23.
[408] Там же. Л. 24–24 об.
[409] Там же. Л. 25.
[410] Там же. Л. 43.
[411] Там же. Л. 31.
[412] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 402. 1853 г. Л. 23.

присягнувших России, по-прежнему составлялись трижды в год уездными исправниками или городничими для губернатора. Эти ведомости включали всех иностранцев и имели следующие графы: 1) № по порядку, 2) «прозвание иностранца и какой подданный», 3) «у кого живет и по какому паспорту», 4) «чем занимается»[413].

Сохранились некоторые ведомости по уездам Смоленской губернии за 1845–1852 годы. В Вяземском уезде «за сентябрьскую треть 1845 года» указаны 6 иностранцев. Среди них уже называемые в документах 1840 года люблинский уроженец Иван Массин и поляк Бернард Массин, бывшие сыроделами. Новички – прусские подданные Доротея Грац, служившая компаньонкой у помещика Самарина, и Луиза Мейцнер, компаньонка у помещицы Белькович, а также их соотечественница Софья Готтольк, компаньонка в имении помещика Белова; англичанин Томас Рид, берейтор в имении графа Зотова[414]. В ведомости «за генварскую треть 1846 года» указаны только 3 иностранца: прусские подданные Доротея Грац и Луиза Мейцнер, англичанин Томас Рид[415].

В ведомости «за майскую треть 1846 года» в Вяземском уезде – уже 8 иностранцев: троица, названная выше, а также англичанин Александр Брадлей, живший в имении жены Елизаветы Брадлей, француженки Адель Петерман и Сесилия Гонорин Ролан, обе компаньонки в доме помещицы Мергасовой; швейцарский сыровар Яков Карлен, работавший в имении графини Рибопьер, и шведка Анна Аселинде, компаньонка в имении помещика Посникова[416]. Последняя уехала из уезда и не указана «за сентябрьскую треть 1846 года»[417], но в ведомости «за генварскую треть 1847 года» шведка опять упомянута компаньонкой, но у помещика Миронова, а с нею в этом документе 1847 года названы только 3 иностранца: прусская подданная Луиза Мейцнер,

---

[413] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. 1846 г. Л. 6.
[414] Там же. Л. 80–80 об.
[415] Там же. Л. 78.
[416] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. 1846 г. Л. 51–52.
[417] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 785. 1847 г. Л. 16 об.–17.

англичанин Александр Брадлей и Яков Карлен с женой и детьми[418], то есть всего четверо.

В ведомости «за майскую треть 1847 года» в Вяземском уезде обозначены уже 7 человек: упоминавшиеся в «генварскую треть» А. Аселинде, Л. Мейцнер, А. Брадлей, Я. Карлен, а также проходившая по ведомости годовой давности француженка Сесилия Гонорин, служившая компаньонкой у помещицы Мергасовой. В ведомости были отмечены прежде не упоминавшиеся иностранцы: датская подданная, девица Софья Дедю, учительствовавшая в имении Свешникова, и прусский подданный Адольф Эдуард Фердинанд Бурхардт, состоявший камердинером в имении помещика Барышникова[419].

В Гжатском уезде «за сентябрьскую треть 1845 года» в ведомости обозначены 15 иностранцев с семьями, среди них 7 швейцарских сыроваров (из кантона Берн Витвер, Ребер, Ваглобах, двое Карленов, работавшие у князей Голицыных в имениях Самуйлове, Пречистом, Столбове; из кантона Гларус двое Кубли, ошибочно указанные в ведомости австрийцами, варившие сыр у князей Долгоруковых в имении Вырубово)[420]. В Столбове у князя Антона Голицына берейторами состояли англичане Чарльз Нюман и Эженезир Эллам, жена последнего Анна была служанкой, а другая служанка этого помещика – прежде упоминаемая прусская подданная, родом из Ахена, 39-летняя Жозефина Энгельс. Лакеями в Столбове были бельгийцы Иоахим Меламнид и Велбер[421]. Кроме того, в Гжатском уезде у князя Василия Долгорукова в должности управляющего был указан вюртембергский подданный Карл фон Рейшах-Рита[422], а у наследников сенатора Озерова берейтором служил турок Евгений Задунайский[423]. В ведомости «за генварскую треть 1846 года» названы 14 человек (за исключением бельгийца Иоахима Меламнида)[424]. В ведомости «за

---

[418] Там же. Л. 36–36 об.
[419] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 785. 1847 г. Л. 52–52 об.
[420] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. 1846 г. Л. 12–13.
[421] Там же. Л. 13–13 об.
[422] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. 1846 г. Л. 12 об.
[423] Там же. Л. 13
[424] Там же. Л. 26–27.

майскую треть 1846 года» в уезде указаны 11 человек (уже без семейства швейцарца Карлена и его соотечественника Ваглобаха, турка Евгения Задунайского, а также Карла фон Рейшаха), но в имении князя Антона Голицына в Столбове появился в качестве компаньона 25-летний англичанин Филипп Даллер[425].

В городе Ельне в ведомостях «за сентябрьскую треть 1845 года» и «за генварскую треть 1846 года» названы: уроженка Любека Шарлотта Луиза Асмус, обучавшая детей немецкому языку, и много лет уже проживавший в уездном городе прусский подданный, мастер «седельных и каретных дел» Фридрих Шперлинг с семейством[426].

В Поречском уезде «за майскую треть 1846 года» упоминаются 3 иностранца: прусский подданный, управляющий имением помещика Рачинского в сельце Боярщина Юлиус Эмиль Россиус и учителя в имении Успенском у помещика Вонлярлярского – швейцарец Исаак Метроль и австрийка Амалия Эмилия Сатцонговен[427]. Позже выяснилось, что австрийская подданная, по объяснению помещика, занимается лишь присмотром за малолетними детьми штабс-капитана А.А. Вонлярлярского[428]. «За сентябрьскую треть 1846 года» в ведомости остались лишь учитель Исаак Метроль и «смотрительница за детьми» Амалия Эмилия Сатцонговен[429].

В январе 1846 года, по данным Рославльского городнического правления об иностранцах, занимавшихся промыслами, в Рославле проживали: англичанин Джон Геральд, работавший в «доме малолетних детей Роланд», сардинец Павел Пейрото, служивший учителем у надворного советника Гусева, а также вышеупомянутые в 1839–1844 годах прусские подданные Шарлотта и Лаура Клекль в доме генерал-лейтенанта Повало-Швейковского[430]. В ведомостях Рославльского городнического правления от 1 сентября 1846 года и

---

[425] Там же. Л. 42–43 об.
[426] Там же. Л. 79, 76.
[427] Там же. Л. 61.
[428] Там же. Л. 66.
[429] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 785. 1847 г. Л. 8.
[430] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. 1846 г. Л. 8 об.

4 января 1847 года названы только прусская подданная Шарлотта Клекль и англичанин Джон Геральд[431]. В ведомостях того же правления от 1 сентября 1847 года к вышеназванным двум иностранцам добавился француз Ж. Делаваль[432].

В Рославльском уезде, судя по ведомости «за генварскую треть 1846 года», проживало 2 иностранца: англичанка, дочь берейтора Елизавета Кастле, которая находилась «на воспитании» у помещика Аркадия Петровича Степанова в сельце Михайловском, а также австрийский агроном «Александр Антонов сын Дерфельдт», занимавшийся «хозяйственными распоряжениями» у помещицы Александры Петровны Челищевой в селе Кузьминичах[433]. 10 марта 1849 года рославльский уездный исправник к рапорту смоленскому гражданскому губернатору приложил ведомости «в двух экземплярах на русском языке, и одна на французском» за 1848 год[434]. В ведомости был указан лишь один иностранец, не присягнувший России, – 34-летний «сардинский подданный Иоганн Грена», уроженец города Эвиана, приехавший в Россию в 1840 году и обучавший детей французскому языку в Санкт-Петербурге. В 1848 году он был управляющим имением Челищевой и занимался устройством сахарного завода в селе Кузьминичи[435].

В Смоленском уезде «за сентябрьскую треть 1845 года» значилась только учительница музыки Каролина Лельевер, жившая у Аничкова в сельце Мощинках[436] (та самая, что прежде преподавала в имении Талашкино под Смоленском у Шупинского).

В Сычевском уезде «за сентябрьскую треть 1845 года» и «за генварскую треть 1846 года» обозначены 6 иностранцев[437]. В имении графа Александра Никитича Панина находились: мекленбуржец, садовник и управляющий Карл

---

[431] Там же. Л. 46 об.; ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 785. 1847 г. Л. 10–10 об.
[432] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 785. 1847 г. Л. 42–43.
[433] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. 1846 г. Л. 77.
[434] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 336. 1849 г. Л. 28.
[435] Там же. Л. 29.
[436] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. 1846 г. Л. 10.
[437] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 299. 1846 г. Л. 36–36 об.

Цыпин с женой Шарлоттой и дочерью Александрией, прусские подданные с семьями (егерь Эдуард Морграф с женой Эмилией Кербет и отставной дивизионный ветеринарный врач, занимавшийся «лечением скота» Карл Келе с женой Екатериной и сыном Даниилом). В усадьбе князя Лобанова-Ростовского в Сычевском уезде служил садовником «гогенцолерский подданный» Иосиф Леше, живший с женой Доротеей и дочерью Жозефиной[438]. Швейцарец Давид Карлен варил сыр в имении помещика Логинова. Никакими занятиями не был обременен в Сычевском имении помещика Ломоносова только «африканский подданный из Бенина малолетний Григорий»[439], вероятно, содержавшийся ради экзотики.

В «Ведомости Сычевского земского суда о иностранцах, проживавших в Сычевском уезде по срочным паспортам» за 1846 год дополнительно указаны возраст названных лиц и дата их приезда в Россию. Так, уроженец Бенина Григорий, 13 лет, оказался в России в 1842 году[440]. В этой ведомости уже не 6, а 9 имен иностранцев: у камергера Нарышкина компаньонкой стала француженка Мария Пюсан, поселившаяся в России с 1839 года; у княгини Урусовой «обучением детей» занималась «экзаменованная учительница», 22-летняя швейцарка Мария Дюльпе, прибывшая в Россию еще в 1841 году; у графа Панина с 1846 года компаньонкой работала 22-летняя прусская подданная, родом из Берлина, Мария Вильгельмина Линк[441].

«За сентябрьскую треть 1846 года» – в Сычевском уезде – 8 имен (исключая француженку Марию Пюсан)[442]. По ведомости же «за генварскую треть 1847 года» в Сычевском уезде оказалось 10 иностранцев, так как в имении помещика Геннади начали заниматься «деланием сыра» итальянские подданные Иван и Бернард Антонов Массимо[443]. Так как в фамилиях, а иногда и в подданстве допускались ошибки, можно предположить, что это те же

---

[438] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. 1846 г. Л. 6.
[439] Там же. Л. 6 об.
[440] Там же. Л. 73 об.–74.
[441] Там же.
[442] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 785. 1847 г. Л. 12–12 об.
[443] Там же. Л. 34–34 об.

иностранцы – люблинский уроженец Иван Массин и поляк Бернард Массин, что прежде были сыроварами в Вяземском уезде. Проживали оба иностранца-сыровара в Сычевском уезде «по свидетельству, выданному из Вяземского земского суда от 27 апреля 1846 года»[444]. Тем более что сыроделие было в первой половине XIX века в России еще редким ремеслом. «За сентябрьскую треть 1847 года» – 7 имен, среди иностранцев уже нет двух сыроваров «Массимо» или «Массин» и швейцарки Марии Дюльпе, учительствовавшей у детей княгини Урусовой[445]. Позже, в 1851 году, сардинский подданный сыродел Иван Авдеев Массимо принесет присягу на верность России в Смоленском губернском правлении[446]. Почему этот иностранец не указан в ведомости по Вяземскому уезду в 1847 году – остается только гадать: переезд в другой уезд, временный отъезд из Смоленской губернии или ошибка чиновника.

За первую треть («за генварскую треть») 1852 года в ведомости по Сычевскому уезду иностранцев, не принявших русское подданство, – 6: у графа Панина по-прежнему проживали егерь, прусский подданный Эдуард Морграф с женой Эмилией и тремя детьми; садовник, «гогенцолерский подданный» Иосиф Леше, живший с женой Доротеей и дочерью Жозефиной. Швейцарцы-сыровары Давид Карлен, работавший теперь у Скорятиных, и Иоганн Готлиб Ребер – у князя Лобанова-Ростовского. В качестве компаньонов были у поручика Ломоносова – мекленбургский подданный Адольф Морманна, а у подполковника Ломоносова – француженка Луиза Клеменса Фредерика Амей[447]. «За сентябрьскую треть 1852 года» в уезде уже значилось 5 иностранцев: выбыл мекленбургский подданный Адольф Морманна[448].

В Юхновском уезде «за майскую треть 1846 года» указаны 4 иностранки. Две из них упоминались ранее – прусская подданная Эмма Роза Розе,

---

[444] Там же. Л. 34 об.
[445] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 310. 1848 г. Л. 25–25 об.
[446] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 231. 1851 г. Л. 21.
[447] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 328. 1852 г. Л. 23.
[448] Там же. Л. 30.

компаньонка в семье генерал-майора Николая Семеновича Храповицкого, и дармштадтская подданная, дочь профессора юриспруденции девица Каролина Катерина Гельдман, также служившая компаньонкой у помещика Храповицкого. Новыми лицами в Юхновском уезде стали приехавшие из Москвы, уроженки Богемии, «Баденские подданные» из «купеческого сословия» Авдотья и Варвара Зегер, служившие компаньонками у помещицы Докучаевой[449]. В ведомости «за сентябрьскую треть 1846 года» к ним прибавилась швейцарка Мария Анна Вагнер, прибывшая из Тверской губернии к губернскому секретарю Николаю Федоровичу Воронцу как «смотрительница за детьми»[450]. Характерно, что, судя по упоминанию в ведомостях билетов на жительство, выдаваемых иностранцам губернским начальством, они по-прежнему были рассчитаны на один год.

В городах, расположенных на пересечении основных торговых путей, ведущих в российские столицы и Европу, местная полиция была вынуждена помесячно составлять ведомости проезжавших иностранцев. Ведомость должна была иметь следующие графы: 1) «№ по порядку», 2) «прозвание иностранца и какой подданный», 3) «у кого останавливался и по какому паспорту», 4) «чем занимался»[451]. Так, 1 октября 1847 года вяземский городничий к рапорту смоленскому гражданскому губернатору Шкляревичу[452] приложил ведомость «об иностранцах, проезжавших через город Вязьму в сентябре месяце 1847 года», в которой указаны персидские подданные Урмий Халат Якуба и Кастан Яхба. 27 сентября они останавливались в доме вяземской мещанки Марфы Тихоновой и занимались «продажей картин двое суток». У.Х. Якуба прибыл в Вязьму «по билету, выданному от господина Начальника Курской губернии от 18 июня 1847 года за № 118 на проезд в город Волхов», а К. Яхба имел билет от

[449] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. 1846 г. Л. 49.
[450] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 785. 1847 г. Л. 14.
[451] Там же. Л. 57.
[452] Там же. Л. 53

военного губернатора города Орла и орловского гражданского губернатора от 14 августа 1847 года за № 151 на проезд в город Оренбург[453].

К рапорту вяземского городничего от 1 ноября 1847 года[454] была приложена новая ведомость «о проезжавших через город Вязьму» иностранцах в октябре того же года. В ней значилось 6 человек. 20 октября в Вязьму на одни сутки прибыли персидский подданный Петр Реболи и итальянец Мондони Барсотти, которые остановились в доме вяземского купца Дмитрия Семеновича Горбачева и отправились в город Ревель, имея билеты на проезд от полтавского гражданского губернатора от 29 июля 1847 года за № 9370 и 9371[455]. 31 октября 1847 года в Вязьму приехали четверо итальянских музыкантов («Пармско-подданных») – Доминик Прати, Антон Касали, Антон Корти Делфи Петро, Дориак Молин. Все они останавливались в доме вяземского мещанина Борышева на трое суток, зарабатывая тем, что «с органом ходил[и] по домам». Музыканты направлялись в Ригу, представив вяземскому городничему билеты на проезд, выданные лифляндским гражданским губернатором 4 сентября 1847 года за № 2309, 2310, 2311 и 2312[456].

Следует отметить, что учет иностранных подданных в столице имел свои характерные особенности, о чем свидетельствуют сохранившиеся за 1847–1849 годы помесячные списки со сведениями об иностранцах, проживавших в Петербурге. В отпечатанные типографским способом таблицы вписывались от руки подробные сведения о каждом прибывшем иностранце[457]: его полное имя (на родном языке и по-русски), «звание», подданство, цель приезда и «кому рекомендован», то есть куда направляется и к кому, когда приехал в Россию, а когда в Санкт-Петербург и откуда, приметы (возраст, рост, цвет волос и глаз, форма лица), место жительства в столице. Для примера сведения о

[453] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 785. 1847 г. Л. 54.
[454] Там же. Л. 56
[455] Там же. Л. 57.
[456] Там же. Л. 57 об.–58.
[457] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 35. 1848 г. Л. 1.

швейцарском ремесленнике Тобиасе Гесли за январь 1848 года приведены в Приложении 14.

Губернские правления вели учет тех иностранцев, кто принимал российское подданство. В 1845 году в «Высочайше утвержденном учреждении губернских правлений» была подтверждена их обязанность приводить иностранцев к присяге на подданство[458]. В 1852 году губернатору было дано право разрешать, по уважительным причинам, принимать у иностранцев присягу не только в губернском правлении, но и в городской или земской полиции, городской думе или в любом другом присутственном месте[459]. В Смоленской губернии все случаи принесения присяги проходили в губернском правлении.

В Смоленской губернии в российское подданство перешли в 1845 году швейцарец, эконом Иван Гофман[460], в 1846 году – гессен-дармштадтский подданный, надворный советник Карл Шуф с семейством[461], в 1849 году – сардинец, отставной прапорщик Феликс Пирозио с женой[462], в 1850 году – прусские подданные: инструментальный мастер Яков Зальцман с семейством[463] и Ипполит Шперлинг с семейством[464].

Губернское правление сообщало о факте принятия присяги и высылало ведомость со сведениями об иностранце в канцелярию губернатора. Так было и в 1846 году, когда в российское подданство перешел надворный советник Карл Шуф. 10 сентября 1846 года Смоленское губернское правление направило губернатору ведомость о принятии Шуфом присяги[465]. Однако то, что он гессен-дармштадтский подданный, стало известно из списка принявших подданство в Российской империи, составленного в III Отделении за 1828–1852

---

[458] ПСЗ-2. Т. XX. № 18580. Ст. 5 п.8.
[459] ПСЗ-2. Т. XXVII. Ч. 1. № 25944. Ст. 6, 48 и 49.
[460] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 55 об.
[461] Там же. Л. 266 об.
[462] Там же. Л. 183.
[463] Там же. Л. 89 об.
[464] Там же. Л. 269.
[465] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 85. 1846 г. Л. 91.

годы[466]. Чин надворного советника в это время (до 1856 года) давал его обладателю права потомственного дворянина.

В том случае, если человек получил по службе (в связи с пожалованным чином или орденом) потомственное дворянство и лишь затем принял подданство на верность России, то все права сословия он имел не с момента принятия подданства, а с момента получения соответствующего чина или ордена (на основании статьи 611 Свода Законов. Т. III. Изд. 1842 г.). Этот вывод был сделан общим собранием Сената при рассмотрении дела титулярного советника Мишеля, родившегося в России, состоявшего на службе с 1840 года и уволенного из чиновников канцелярии Военного министерства по болезни в 1855 году. Он принял присягу на подданство России 10 апреля 1853 года, а права потомственного дворянства титулярный советник (с 9 февраля 1849 года) Мишель приобрел в связи с пожалованием ему ордена св. Владимира 4-й степени[467]. Сенатом было принято решение: «Мишелю, для производства его в коллежские асессоры, на праве потомственных дворян, считать старшинство в чине титулярного советника со дня пожалования его сим чином 9-го Февраля 1849 года», а не с момента принятия присяги[468].

На основании предписания Министерства внутренних дел начальникам губернии в мае 1847 года они были обязаны сообщать министру внутренних дел о фактах принятия подданства иностранцами. В июне того же года генерал-губернаторы предписали губернаторам также осведомлять их о новых российских подданных[469].

Смоленским губернским правлением 26 февраля 1851 года была направлена губернатору ведомость о сардинском подданном, 55-летнем сыроваре Иване Авдееве Массимо, который принял российское подданство[470]. В сопроводительном письме к ведомости указано, что этот иностранец «через

---

[466] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 266 об.
[467] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2679. 1857 г. Л. 27–34.
[468] Там же. Л. 34.
[469] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 231. 1851 г. Л. 22 об.
[470] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 231. 1851 г. Л. 21.

православнаго священника принял присягу на верность подданства» в губернском правлении[471]. Из ведомости известно, что Массимо жил в России с 1818 года, был женат на русской подданной Марье Николаевой и к моменту принятия присяги у супругов уже было трое детей: дочь Екатерина, 16 лет; сыновья Михаил, 14 лет, и Александр, 12 лет[472]. С юности связав свою жизнь с Россией, имея русскую жену православного вероисповедания, итальянец Иван Массимо, принося присягу России, заботился не только о себе, но и о будущем своих детей.

В 1852 году Смоленское губернское правление сообщило в канцелярию гражданского губернатора о принятии российского подданства венгерским дворянином Сергеем Дмитриевичем Сегеди, 1820 года рождения, женатом на русской – Авдотье Михайловне Поляновой[473]. Смоленский гражданский губернатор 14 февраля 1852 года уведомил об этом III Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии[474]. В 1853 году в Смоленской губернии, по документам губернского правления, российское подданство приняли: 4 августа – прусский подданный, уроженец города Гумбинена, 52-летний механик Карл Ванденбах, поселившийся в России в 1821 году и имевший к 1853 году большую семью (жену, 5 сыновей и 3 дочерей)[475]; 17 августа – швейцарец, уроженец Женевы, 59-летний «экзаменованный учитель» Филипп Гау, приехавший в Россию в 1816 году[476]. Оба были женаты на подданных Российской империи.

Дело о швейцарце, утвержденном «в службе по учебной части» домашнем учителе Филиппе Гау, было зафиксировано в Департаменте народного просвещения. Несмотря на то, что дело было уничтожено в 1858 году, сохранилось упоминание документов о принятии Гау присяги на верность России: «Указ Сената доставлен 25 февраля 1854 года за № 10189, о чем сообщено Попеч[ителю] Московск[ого] уч[ебного] ок[руг]а марта 1854 г.

[471] Там же. Л. 20.
[472] Там же. Л. 21.
[473] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 327. 1852 г. Л. 13.
[474] Там же. Л. 14
[475] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 402. 1853 г. Л. 12–12 об., 15.
[476] Там же. Л. 13-14.

№ 2129 с утверждением свидетельства о приведении Гау к присяге. Подлинный Указ печатается в Сборнике указов по Канцелярии Д[епартамен]та Нар[одного] Пр[освещения] к 18 марта 1854 г.»[477].

Однако в случае, если иностранные учителя, уже принявшие подданство и избравшие для себя как «род жизни» (профессию) домашнее учительство, «при неисполнении предписанных для них правил, должны быть обращены к избранию податного рода жизни»[478], то есть даже после принятия подданства к деятельности иностранных учителей было повышенное внимание и их могли лишить права преподавать.

В период обострения внутренних конфликтов в Швейцарии был предусмотрен специальный запрет на въезд в Россию для швейцарских учителей и гувернеров. 4 июня 1846 года «по случаю беспрерывности и ныне в сильной степени возникших смут в Швейцарии, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР изволит признать нужным впредь до времени запретить приезд швейцарцев и швейцарок в учители и гувернантки»[479]. Поверенному в делах в Швейцарии барону П.А. Крюднеру было предписано отказывать в выдаче паспортов на въезд в Россию швейцарцам, «которые намерены будут ехать в Россию для образования юношества»[480]. Главный начальник III Отделения граф А.Ф. Орлов секретно доводил до сведения министра народного просвещения С.С. Уварова, что даже в случае, если швейцарские гувернеры и учителя прибудут не с территории Швейцарии, то «для совершенного исполнения воли ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА предписать кому следует, чтобы швейцарцам и швейцаркам, которые, прибыв в наши пределы, пожелают приобресть право на звание наставников и наставниц при их экзаменовании делалось всевозможное затруднение в выдаче аттестатов»[481]. Такая жесткая позиция по отношению к швейцарским наставникам была связана с желанием

---

[477] РГИА. Ф. 733. Оп. 10. Д. 211. 1853 г. См. в описи содержание дела и отметки.
[478] РГИА. Ф. 733. Оп. 10. Д. 330. 1854 г. Л. 1–4.
[479] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 131. Д. 79. 1846 г. Л. 1, 5.
[480] Там же. Л. 6.
[481] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 131. Д. 79. 1846 г. Л. 6–7.

российского правительства защитить своих граждан от возможного влияния «революционных идей» из республиканской Швейцарии.

В дальнейшем запрет на въезд в Россию швейцарским учителям и гувернерам был снят для выходцев из Невшательского кантона, так как «в сем кантоне наблюдается строго заведенное там благоустройство и что паспорты едущим в Россию Невшательским уроженцам выдаются там со всякою предосторожностию. Это засвидетельствовал и сам Барон Криднер». Потому «Его Величество, соизволив принять в уважение засвидетельствование посланника… [российского], Высочайше повелел изъять невшательский кантон из общей меры, с тем, однако же, чтобы выдача паспортов невшательским уроженцам и уроженкам, едущим сюда в качестве домашних учителей и учительниц, происходила под личною ответственностию Барона Криднера»[482].

III Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии следило за соблюдением узаконений в сфере образования. Управляющий III Отделением генерал-адъютант Л.В. Дубельт 15 октября 1847 года указывал, «что по принятому порядку, все приезжающие из-за границы иностранные учителя и учительницы, при получении видов на жительство обязываются каждый раз и подписками до приобретения аттестатов, отнюдь не заниматься учебными предметами, подвергаясь в противном случае строгому по узаконениями взысканию»[483]. Еще в марте 1846 года было Высочайше утверждено Положение о специальных испытаниях по Министерству народного просвещения[484] и изданы соответствующие правила[485], которые предусматривали, по каким предметам и каким образом должны проводиться испытания для иностранных учителей.

Иностранцы, недавно приехавшие из-за границы, могли быть освобождены от сдачи экзамена по русскому языку («по усмотрению

---

[482] Там же. Л. 14.
[483] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 132. Д. 122. 1847 г. Л. 9.
[484] ПСЗ-2. Т. XXI. Ч. 1. № 19787.
[485]Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М.: Academia, 2007. С. 60.

начальства учебного округа»). Испытания согласно новому Положению, вероятно, прошла швейцарская учительница, 22-летняя девица Мария Дюл[ь]пе. Она прибыла в Россию в 1841 году[486], а к концу 1846 года имела «свидетельство о науках» (то есть прошла испытания в качестве учительницы) и, как уже упоминалось, занималась обучением детей княгини Урусовой в Сычевском уезде Смоленской губернии[487].

Выше назван был и швейцарец Исаак Метроль, указанный в списках, составленных Поречским земским судом, как компаньон, занимавшийся «обучением детей» помещика штабс-капитана Александра Вонлярлярского в сельце Успенском в 1846 году[488]. Губернатор потребовал от Метроля предоставить засвидетельственную копию с документов, подтверждавших его право на преподавание[489], что и было сделано. Из копии свидетельства, выданного Московской губернской гимназией Карлу Исааку Метролю, следует, что этот швейцарский подданный, уроженец кантона Ваадт, протестант, желал пройти испытания для последующего первоначального обучения французскому языку в частных домах. Испытания показали, что «Метроль читает и пишет на французском языке правильно». 29 апреля 1837 года ему было выдано свидетельство в том, что он может «безпрепятственно обучать в частных домах чтению и письму на французском языке»[490]. Подлинный документ был подписан директором училищ Московской губернии и учителями гимназии[491].

В исключительных случаях (когда не все документы были оформлены строго в соответствии с формой) иностранец мог быть допущен к испытаниям для получения свидетельства на звание учителя, если имел удостоверение консула о хорошем поведении, «одобрительное свидетельство от местного начальства» той страны, откуда он прибыл (при этом документ заверен российским консулом), и особое согласие попечителя учебного округа или по

---

[486] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. 1846 г. Л. 74.
[487] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 785. 1847 г. Л. 12 об., 34 об.; Оп. 1. Д. 283. 1846 г. Л. 50.
[488] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 283. 1846 г. Л. 61, 63; Оп. 3. Д. 785. 1847 г. Л. 8.
[489] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 283. 1846 г. Л. 62.
[490] Там же. Л. 65.
[491] Там же. Л. 65.

поводу данного иностранца было сделано представление министра народного просвещения. Так произошло в отношении иностранца Августа Дюпре, который был допущен к испытаниям по заключению попечителя Казанского учебного округа в 1848 году на основании упомянутого свидетельства[492]. За швейцарского подданного Ивана Дальфена, «с давнего времени» проживавшего в России и известного «местным гражданскому и училищному начальствам с отличной стороны», поручился министр народного просвещения в июне 1849 года[493]. Оба иностранца получили право пройти испытания, «не требуя одобрительного свидетельства» российской миссии в Швейцарии[494].

О некоторых иностранцах сведения запрашивались главой III Отделения Е.И.В. канцелярии. Малейшее подозрение III Отделения в том, что француженка Цецилия Ролан будет преподавать в доме своих родственников Мергасовых в Вяземском уезде, не имея соответствующего документа, заставило шефа жандармов А.Ф. Орлова запросить 27 апреля 1846 года сведения о ней у смоленского гражданского губернатора (под грифом «Секретно») [495]. Благодаря вяземскому уездному предводителю дворянства, было выяснено что Цецилия – сирота, действительно, является родственницей Мергасовых, но будет заниматься не воспитанием детей, а рукоделием и исполнять обязанности экономки. При этом родственница за нее «ручается»[496]. Об этом в секретном отношении от 15 июля 1846 года сообщил графу А.Ф. Орлову смоленский гражданский губернатор Ф.Н. Шкларевич (на дознание ушло три месяца)[497].

Для того, чтобы не допустить к преподаванию в частных домах иностранцев, не имевших на это право, в новом предписании витебского, могилевского и смоленского генерал-губернатора смоленскому гражданскому губернатору от 23 декабря 1846 года за № 19595 предлагалось в билетах на

---

[492] РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 219. 1848 г. См. опись, дело выбыло.
[493] Там же. Д. 105. 1849 г. См. опись, дело выбыло.
[494] Там же. Д. 219. 1848 г. См. опись, дело выбыло.
[495] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 329. 1846 г. Л. 1–2.
[496] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 329. 1846 г. Л. 7 об.
[497] Там же Л. 8–9 об.

жительство указывать те же сведения, что и в «книгах для записки иностранцев»[498]. Из иностранцев-воспитателей только от нянек не требовали прохождения испытаний. В ведомости «за сентябрьскую треть 1846 года» было указано, что в Юхновском уезде Смоленской губернии у губернского секретаря Н.Ф. Воронца проживала 26-летняя «швейцарская уроженка, смотрительница за детьми Мария Анна Вагнер». Она прибыла из Твери в Юхновский уезд в 1846 году[499].

Ограничения на въезд для иностранцев низших сословий начинают вводиться с 1847 года[500], так как именно в них III Отделение видело среду для распространения «идеи о демократической и социальной республике во всех государствах»[501]. В 1848 году запрет на въезд в Российскую империю был отменен в отношении англичан[502]. Это было связано с надеждами на развитие с их помощью новых промышленных производств в России.

В связи с революционными событиями в Европе в 1848 году, с Высочайшего соизволения от 18 марта того же года была приостановлена выдача свидетельств иностранцам, стремившимся заниматься в Российской империи педагогической деятельностью[503]. В секретном отношении министра народного просвещения графа С.С. Уварова министру иностранных дел К.В. Нессельроде от 19 марта 1848 года за № 2816 отмечалось, что причина такого решения – «смутные произшествия за границею и вредное там направление

---

[498] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 357. 1846 г. Л. 501–502.
[499] ГАСО. Оп. 3. Д. 785. 1847 г. Л. 14 об.
[500] ПСЗ-2. Т. XXII. № 21577; АВПРИ. Ф. 161. II-8. Оп. 82. Д. 215. 1848 г.; Д. 321. 1848 г.
[501] Цит. по: Абакумов О.Ю. «…Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов: Научная книга, 2008. С. 154.
[502] АВПРИ. Ф. 161. II–19. Оп. 93. Д. 82. 1848 г.
[503] АВПРИ. Ф. 161. II–8. Оп. 82. Д. 214. 1848 г. О прекращении на некоторое время дачи Миссиями нашими одобрительских свидетельств всем вообще без исключения иностранцам и иностранкам, желающим отправиться в Россию для посвящения себя воспитанию юношества.

умов»[504]. Исключение было сделано лишь для тех, кто был вызван с предварительного разрешения правительства России[505].

Появлению документа о прекращении выдачи свидетельств иностранным учителям способствовало обращение попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, графа М.Н. Мусина-Пушкина к министру народного просвещения графу С.С. Уварову от 11 марта 1848 года, в котором предлагалось, в связи с увеличением числа русских учителей, доверить первоначальное образование исключительно отечественным преподавателям. «Предполагаемая мера, – по мнению попечителя, – будет иметь благодетельные последствия», в первую очередь потому, что «нравственность [иностранных учителей] неизвестна и образ мыслей, конечно почти без исключения вреден русскому юношеству. Поступающие в частные дома гувернеры и гувернантки должны подлежать тому же условию; иначе мера о домашних учителях не достигнет своей цели»[506]. Прилагалась и «Ведомость о числе получивших свидетельства на звание домашнего учителя и учительницы и на первоначальное обучение в течение 1845, 1846 и 1847 годов» (см. Приложение 15).

Упомянутая ведомость показывала, что общее число русских учителей за три года составило 406 человек, из них 74 мужчин и 332 женщины, а иностранцев за тот же период лишь 152, из них 74 мужчины и 78 женщин, то есть русских учителей уже было в 2,5 раза больше, чем их иностранных коллег. Секретным отношением из Департамента Министерства народного просвещения попечитель Санкт-Петербургского учебного округа 22 марта 1848 года был уведомлен о Высочайшем повелении от 18 марта того же года. В документе было обращено внимание «на необходимость строгой разборчивости при выдаче иностранцам уже находящимся в России свидетельств на право обучения в частных домах». Кроме того, попечитель был

---

[504] Там же. Л. 1.
[505] Там же. Л. 1 об.–2.
[506] РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 451. 1848 г. Л. 1 об.–2.

обязан удостовериться «в совершенной удовлетворительности и законности представляемых ими свидетельств о нравственных качествах»[507].

24 марта 1848 года было сделано циркулярное предписание российским миссиям и консульствам «Об оставлении на время выдачи одобрительных свидетельств всем вообще без исключения иностранцам и иностранкам, желающим отправиться в Россию для посвящения себя воспитанию юношества»[508].

В отношении французов, уже проживавших в Российской империи, Николай I проявил лояльность: они могли остаться и «продолжать торговлю и другие занятия и быть вполне уверенными в покровительстве российского правительства, ежели они не изменят прежнего своего поведения»[509]. Но французы были предупреждены, что не должны «вмешиваться ни в какие политические дела и суждения, выражать мнения и вести переписку по упомянутым событиям»[510], иначе к ним будут применены те же меры, что и к российским подданным, нарушающим общественный порядок. Не было препятствий к отъезду, но вернуться можно было лишь при наличии одобрительного удостоверения, выданного российским консулом. В 1848 году число въехавших иностранных подданных сократилось почти вдвое в сравнении с 1847 годом (с 22 до 10 тысяч человек)[511]. Имели место и случаи высылки иностранцев из России вследствие нелояльности, но они были достаточно редки – 31 человек за один год[512]. Высылке за границу по Высочайшему повелению, «с воспрещением обратного въезда в Россию», подлежали, например, учителя, не имевшие свидетельств и нанимаемые для

---

[507] РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 451. 1848 г. Л. 14 об.–15.
[508] АВПРИ. Ф. 161. II–8. Оп. 82. Д. 182. 1848 г. По отношению действительного статского советника Гильфердинга о сообщении ему правил, какие даны нашим миссиям и консульствам касательно пропуска в Россию иностранцев. Л. 3.
[509] Цит. по: Абакумов О.Ю. «…Большая часть из них канальи…» (Надзор за иностранцами в России 1840–1860-х гг.) // Туризм и культурное наследие: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 50.
[510] Там же. С. 50.
[511] Нифонтов А.С. Россия в 1848 году. М.: Учпедгиз, 1949. С. 223.
[512] Там же. С. 50.

домашнего обучения. Отягчающим обстоятельством для таких нарушителей становились «образ мыслей и правила весьма неблаговидные»[513].

В 1848 году было введено правило об обязательной отметке российским представительством в иностранном паспорте факта разрешения его выдачи Министерством иностранных дел[514], а 26 ноября 1849 года Высочайшим повелением было предоставлено право «нашим миссиям и консульствам выдавать и свидетельствовать паспорты на проезд в Россию под личною их ответственность, не испрашивая разрешения нашего Правительства, нижепоименованным лицам, если они не навлекли на себя подозрения прежним своим поведением в политическом отношении и не принимали участия в бывших возмущениях:

1. Лицам торгующего сословия и семействам их не включая однако же в то число купеческих приказчиков.

2. Иностранцам, едущим в Россию с семействами по наследственным, долговым и другим делам, требующим непременного пребывания их в России, но не иначе, как по представлении ими свидетельств или документов, доказывающих необходимость приезда их в Россию.

3. Иностранцам, имеющим в России оседлость или близких родственников с крайнею разборчивостью и отъезжающим за границу на время»[515].

Миссии и консульства также сохраняли право «свидетельствовать беспрепятственно» паспорта курьеров и лиц, отправляемых по поручениями от своих правительств; иностранных мореходцев и шкиперов с их семействами (но если нет поводов к сомнениям на их счет), подданных Великобритании с семьями, «удостоверившись предварительно положительным образом в благонадежности» и подлинности паспортов. Миссии и консульства по-

---

[513]Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX вв.) / сост. И.Л. Вернер. Минск: Типография Макарова и К, 2012. С. 54.

[514] Абакумов О.Ю. «…Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». С. 154.

[515] РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 451. 1848 г. Л. 20–20 об.

прежнему должны были требовать подписки в благонадежности слуг, сопровождающих иностранцев[516].

«Лица низшего класса», в том числе подмастерья из числа иностранцев, могли быть допущены в Россию только в случае их вызова «здешними ремесленниками и фабрикантами, обязанными представить подписку в полной ответственности за образ мыслей и поведение вызываемого и испросить письменное дозволение на вызов от местного полицейского Начальства. Такого рода свидетельство выдается на русском языке по однообразной форме, с приложением казенной печати»[517].

После пересечения границы за иностранцами, в чьей лояльности у российских властей были сомнения, велся секретный надзор. Принадлежность революционному государству могла рассматриваться как угроза благонадежности, вероятно, этим обстоятельством можно объяснить установку наблюдения в июле 1848 года за известным французским писателем О. Бальзаком, заключившим брак с «киевской помещицей Ганской». В то время как в 1843 году, когда писатель приехал в Россию, этот факт был зафиксирован только в алфавитном журнале[518]. Секретный надзор был установлен и за французским литератором графом Жан-Персен де Сюзором, который прибыл в Россию, имея рекомендательные письма герцогини Мекленбургской к великой княгине Марии Павловне. Только после длительного секретного наблюдения, выявившего, что Сюзор «вообще не подает никакого повода подозревать себя в предосудительных намерениях», он был назначен лектором к императрице, а в 1849 году принял российское подданство по рекомендации военного министра А.И. Чернышева[519].

---

[516] РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 451. 1848 г. Л. 20 об.–21.
[517] Там же. Л. 21.
[518]Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Наблюдение за иностранцами в России. По материалам III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии // Петербург – место встречи с Европой: материалы IX Царскосельской научной конференции. СПб.: Царское село, 2003. С. 305.
[519] Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Наблюдение за иностранцами в России... С. 309–310.

Секретный надзор еще в сентябре 1843 года был установлен по предписанию московского военного генерал-губернатора в отношении подданной Великобритании Елизаветы Шервуд. Хотя «за нею ничего предосудительного не замечено», когда англичанка решила отправиться в село Бобыри Смоленского уезда, московский обер-полицмейстер уведомил (под грифом «Секретно») начальника Смоленской губернии, что 25 октября 1850 года иностранка выехала из Москвы[520]. Военный губернатор города Смоленска и смоленский гражданский губернатор князь З.С. Херхеулидзев дал соответствующие указания Смоленскому земскому суду, над иностранкой был установлен секретный надзор. Когда же она пожелала выехать в Москву, причин для отказа не было, и англичанке был выдан 28 февраля 1851 года за № 27 билет на проезд. Однако смоленский губернатор поспешил уведомить московского обер-полицмейстера о возвращении англичанки в Москву[521].

В 1850 году в дополнение к существовавшим правилам о въезде иностранцев на территорию Российской империи министр внутренних дел сделал несколько предписаний. Одним из них – от 29 июня 1850 года за № 2806 – он потребовал от местных полиций «строжайшего наблюдения» за иностранцами, «а господа, у которых таковые лица будут находиться в услужении, равно фабриканты и хозяева разных заведений, которые будут иметь у себя иностранных мастеровых людей, непременно обязывались подписками, что они принимают на себя полную ответственность за своих иностранных слуг и рабочих, в случае обнаружения со стороны сих последних каких либо предосудительных в политическом отношении мыслей или действий»[522].

Важно, что и иностранцы, имевшие слуг, пересекая границу, должны были за них поручиться и дать соответствующую подписку. В связи с этим еженедельно консульствами составлялись не только ведомости «о

---

[520] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 589. 1850 г. Л. 1.
[521] Там же Л. 5–5 об.; ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 276. 1851 г. Л. 1–2 об.
[522] ГАСО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 118. Л. 1.

иностранных паспортах засвидетельствованных консульством» за это время, но и ведомости «о подписках отобранных…[российским] консульством от лиц едущих в Россию, в том, что они принимают на себя ответственность за иностранцев, находящихся у них в услужении». Сами ведомости и подписки предоставлялись в III Отделение[523].

Подтверждение подобных действий отражено в документе, подписанном помещиком А. Язвинским в отношении своего слуги И. Славинского, от 2 февраля 1853 года. В переводе с немецкого текст звучит так: «Я, нижеподписавшийся помещик Александр Язвинский, сим объявляю по чести и совести и по востребованию Его Высокоблагородия Императорско-Российского Консула в Бродах, что я сопровождающего меня в Россию служителя Иогана Славинского, значащегося в паспорте, выданном мне 24-го января 1853 года за № 288-м ручаюсь и беру на себя полную ответственность, что он опять со мною возвратится в Императорско-Королевские Австрийские владения»[524].

Иностранец вынужден был ежегодно обращаться в земский суд или к городничему по поводу выдачи нового годового билета. Теперь, исполняя данное предписание, начальник Смоленской губернии, препровождая в земский суд годовой билет на имя конкретного иностранца, требовал брать упомянутую подписку с хозяев, у которых проживал иностранец. За годовой билет и вручаемое иностранцам постановление полагалась плата в сумме 2 рублей серебром, которая вносилась в канцелярию губернатора[525].

Предписанием своим в июле 1850 года министр внутренних дел, «имея в виду, что многие из иностранцев, в нарушении постановленных правил для переездов их в Россию, часто с путевыми билетами, полученными на проезд до известного города или местечка, отправляются вовсе не в те места, какие означены в билетах, чем навлекают на себя подозрение в бродяжничестве и

---

[523] АВПРИ. Ф. 161. II–8. Оп. 82. 1853 г. Л. 69.
[524] Там же. Л. 44.
[525] ГАСО. Ф. 89. Оп. 3. Д. 2743. 1849 г. Л. 19.

других противузаконных поступках», обязывал «принять за непременное правило, при выдаче иностранцам путевых билетов, объявлять каждому с подпискою, чтобы они следовали в то именно место, куда просят билета; в случае же необходимости изменить следование, испрашивали бы на этот предмет другие билеты». Следовало предупреждать иностранцев о том, «что за умышленное и с противузаконною целию изменение означенного в билете пути следования они будут высылаемы за границу». Однако «к исполнению таковой меры приступать не прежде, как по испрошении на то [местными полициями] предварительного разрешения установленным в ст. 340 Т. II Св. Учреж. Губ. (Свод губернских учреждений, II том Свода Законов Российской империи. – *А.Т.*) порядком»[526]. В соответствии с предписаниями министра, смоленский губернатор разослал городничим и уездным судам свое секретное предписание «О наблюдении за приезжающими иностранцами» от 25 июля 1850 года. Министр внутренних дел неоднократно напоминал губернаторам (циркулярными предписаниями от 12 ноября 1849 года и 27 января 1851 года) о необходимости доставлять сведения о каждом иностранце, подлежащем высылке за границу, в III Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии[527], именно оно выносило решение, получавшее Высочайшее одобрение. Наиболее жесткая позиция была в отношении иностранцев, заподозренных в причастности к радикальным идеям. В своем дневнике в ноябре 1851 года управляющий III Отделением Л.В. Дубельт записал: «Получено предупреждение, будто бы певец Итальянской оперы Формез (в другом варианте Форнест. – *А.Т.*) ужасный революционист, что он в Германии и в Швейцарии везде был первый на баррикадах». После наведения справки у прусского посланника в России Рохова решено: «иметь за ним строгий надзор, а по окончании контракта выслать за границу и в Россию не впускать»[528].

---

[526] ГАСО. Ф. 89. Оп. 3. Д. 2743. 1849 г. Л. 19.
[527] ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 804. 1851 г. Л. 1113.
[528] Цит. по: Абакумов О.Ю. «… Большая часть из них канальи…». С. 60.

В канцелярии московского гражданского губернатора в начале 1850-х годов также сохранились предписания исправникам и городничим о «строгом полицейском надзоре» за иностранцами, установленном по указанию московского военного генерал-губернатора. Последнего же об этом просил варшавский генерал-губернатор. Характерны в связи с этим предписания московского гражданского губернатора от 16 и 18 февраля 1852 года, адресованные исправникам и городничим. В документах указаны четыре имени иностранцев, за которыми следовало учредить надзор: 1) прусский подданный, агроном Карл Генрих Шмидт, 2) гессен-гамбургский уроженец, камердинер действительного статского советника Васильчикова Христиан Тринкман, 3) вюртембергский подданный, комиссионер купеческого дома Dittmarschet, продавец картин Иван Андрей Бек, 4) французский парикмахер Феодор Гюо (Huaut)[529]. Почему эти люди с вполне мирными профессиями, уроженцы разных стран, оказались под надзором, сказать трудно. По-прежнему причины могли быть самые разные – от «распутной жизни» до подозрений в шпионаже.

Контроль над учителями-иностранцами не был ослаблен и в начале 1850-х годов. Показательно, что в случае просьб гимназических учителей-французов об отпуске во Францию, чтобы повидать престарелых родителей, ходатайства удовлетворялись с Высочайшего разрешения (в случае уверения училищного начальства в благонадежности). Кстати, в случае отъезда за границу иностранцы, проживавшие в столице, обязаны были подать прошение на имя санкт-петербургского военного губернатора, получить в Иностранном отделении заграничный паспорт с приложенной к нему «троекратной» публикацией об отъезде в «Ведомостях»[530]. После возвращения иностранных учителей директорам гимназий, по предписанию попечителя учебного округа, следовало наблюдать за ними «без огласки, неослабно, во время преподавания и

[529] ЦХД до 1917 года ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 25. Д. 127. 1852 г. Л. 20.
[530] Пашкова Т.И. Учителя-иностранцы в петербургских гимназиях первой половины XIX века // История Петербурга. 2010. № 6. С. 79.

нахождения в гимназии и вне классов, обращая внимание на… разговоры и мнения»[531].

«Запрет на въезд иностранцев должен строго соблюдаться», – писал Главноуправляющий III Отделением граф А.Ф. Орлов, обращаясь к управляющему Министерством иностранных дел Л.Г. Сенявину. Шеф жандармов отмечал, что в 1847 году в период навигации «подобные иностранцы и иностранки (учителя и гувернеры. – *А.Т.*) проникали к нам под предлогом свидания с родными, назвавшись капиталистами, купеческими приказчиками, компанионами, компанионками и модистками. В опасение возобновления сих случаев и в настоящую навигацию» А.Ф. Орлов просил довести до сведения российских миссий и консульств требование о «выдаче и свидетельствованию иностранных паспортов с величайшею разборчивостью и осторожностью»[532].

Л.Г. Сенявин 13 июня 1851 года ответил согласием[533], был составлен и разослан текст соответствующего циркуляра МИД[534], в том числе его получил и российский посланник в Швейцарском Союзе[535]. Строгость мер российского правительства подтверждает и замечание Федерального совета Швейцарской конфедерации от 28 мая 1852 года о том, что допуск «в пределы Империи выходцев из Республики, и прежде всего воспитателей, учительниц и гувернанток, [происходит] только при условии изучения каждого частного случая»[536].

Так, флигель-адъютант государя полковник Бистром ходатайствовал перед начальником III Отделения графом А.В. Орловым за няньку для своих малолетних детей девицу Сюзанну Лауфер (Lauffer), прося разрешить ей въезд в Россию в 1852 году. Орлов в своем отношении к управляющему

---

[531] Цит. по: Пашкова Т.И. Указ. соч. С. 79.
[532] АВПРИ. Ф. 161. II-8. Оп. 82. Д. 214. 1848 г. Л. 8–8 об.
[533] Там же. Л. 9.
[534] Там же. Л. 11–11 об.
[535] Там же. Л. 18.
[536]Россия – Швейцария = Russie – Suisse = Russland – Schweiz. 1813–1955. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 1995. С. 106.

Министерством иностранных дел Л.Г. Сенявину от 18 августа 1852 года за № 3121 просил уточнить, является ли иностранка именно нянькой, а не гувернанткой и известна ли она российской миссии в Швейцарии с положительной стороны[537]. Последовала переписка министра с российским посланником при Швейцарском Союзе Криднером. Только после наведения соответствующих справок о Сюзанне Лауфер посланник сообщил 15 (27) декабря 1852 года в Департамент внутренних сношений МИД, что «приказал засвидетельствовать кантональный паспорт ее на проезд в С. Петербург, для занятия там предложенного ей места няньки в доме полковника барона Бистрома»[538].

III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии продолжало внимательно следить за настроениями иностранных педагогов. Бдительность проявляли сами наниматели учителей. Так, из отношения Управляющего III Отделением в Департамент народного просвещения, датированного 14 апреля 1854 года, стало известно о доносе черниговского помещика Миклашевского «на швейцарскую подданную девицу Жаке за неблагонадежный [ее] образ мыслей»[539]. Объясняя, что его насторожило в поведении иностранки, дворянин писал: «… она по образованию своему и имеет нужные сведения, но своенравный в высшей степени характер и предубеждение ко всему Русскому, следовательно к тому краю, под покровительством коего она находится и получает изобильное свое существование, заставляло меня в последствии даже ей отказывать иностранные журналы во избежание превратных толкований. А так как подобный характер может иметь большое влияние на моральное воспитание детей, поручаемых ея надзору, то я поставил обязанностию и долгом совести донести о сем обстоятельстве Вашему Превосходительству, дабы на случай

---

[537] АВПРИ. Ф. 161. II–8. Оп. 82. Д. 392. 1852 г. Л. 1–1 об.
[538] Там же. Л. 4.
[539] РГИА. Ф. 733. Оп. 10. Д. 306. 1854 г. Л. 1–8.

последуют из Москвы какие запросы относительно нравственных ея достоинств, то оно здесь выражено в самых скромных размерах»[540].

Сам Миклашевский уволил иностранную учительницу, но узнал, что она намеревается отправиться в Москву. В дальнейшем выяснилось, что Роза Жаке действительно приехала в Москву 18 июля 1854 года. Но пока велась переписка между III Отделением и попечителем Московского учебного округа, 10 ноября того же года швейцарка выехала в Юрбург Ковенской губернии[541], где надзор за ней обязаны были осуществлять местные власти.

Некоторые учителя «удостаивались» внимания самого государя. Он обеспокоился: достойны ли они обучать детей в Российской империи. 29 апреля 1855 года подобное Высочайшее повеление нового императора Александра II было «соизволено» в отношении бывшего учителя французского языка при астраханской гимназии, великобританского подданного Галль-Трединника. Об этом было сообщено всем губернаторам, в том числе смоленскому. Все уездные исправники и городничие получили предписание принять меры по надзору за иностранцем, но в губернии «его не оказалось»[542].

Попечитель московского учебного округа 5 июля 1855 года сообщил военному губернатору г. Смоленска и смоленскому гражданскому губернатору Н.А. Ахвердову, что министр народного просвещения предписал «прекратить на будущее время выдачи свидетельств на право первоначального обучения всем иностранцам, за исключением только тех, которые или родились в России, или давно находятся в Империи и известны Правительству по благонадежному обзору мыслей и нравственным качествам»[543].

В конце 1855 года был снят запрет на въезд только для прусских подданных, включая иностранных наставников[544]. Одним из первых прусских

---

[540] РГИА. Ф. 733. Оп. 10. Д. 306. 1854 г. Л. 2–2 об.
[541] Там же. Л. 8.
[542] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 667. 1855 г. Л. 1–9.
[543] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 356. 1855 г. Л. 1–1 об.
[544] АВПРИ. Ф. 161. II-8. Оп. 82. Д. 214. 1848 г. Л. 27–27 об.

учителей, приехавших в Россию, после этого решения стал Густав Графф, получивший свидетельство российской миссии в Берлине от 5 (17) марта 1856 года за № 148 и подавший «прошение о допущении его к испытанию в С.Петербургском университете на право исправлять должность домашнего учителя»[545].

В 1850-е годы и в отношении иностранных врачей были приняты некоторые значимые решения. Высочайше утвержденным 7 ноября 1851 года Положением Комитета министров «О дозволении иностранным врачам продолжать службу на основании общих положений по медицинской части в России» было подтверждено, что новый вызов иностранных врачей для армии и флота не требуется. Однако в связи с продолжением работы врачей-иностранцев, не принявших присягу, начальнику Главного морского штаба следовало в каждом конкретном случае обращаться с представлением в Комитет министров[546]. Для иностранных врачей, поступивших на службу в период военной кампании 1853–1856 годов, было сделано исключение. Их было разрешено принимать без экзаменов в лекари на основе уже имеющихся документов, удостоверявших познания в медицине. Экзамен требовалось сдавать только на звание доктора.

В Именном указе Александра II, объявленном Сенату военным министром 26 мая 1857 года, подчеркивалось, что «на будущее время, в случае вызова иностранных врачей в нашу службу по военным обстоятельствам, означать в контракте, что они определяются на службу… лишь на военное время; что по окончании войны действие контракта совершенно прекращается, и все они будут уволены от службы»[547]. Врачи-иностранцы, желавшие работать в России, теперь «обязаны непременно достаточно [знать] Русский язык и выдержать экзамен установленным порядком <…> на степень доктора или лекаря в Медико-Хирургической Академии или в одном из … [российских]

---

[545] Там же. Л. 26.
[546] ПСЗ-2. Т. XXVI. Ч. 2. № 25723.
[547] ПСЗ-2. Т. XXXII. № 31879.

Университетов»[548]. Это новое требование свидетельствовало, что правительство, с одной стороны, стремилось иметь иностранных специалистов в России на длительный срок и стимулировало их к культурной адаптации в новой для них стране, с другой стороны, требуя знания русского языка, ограничивало круг иностранцев, желавших работать в Российской империи.

Последствиями революции 1848 года в Европе, а затем Крымской войны 1853–1856 годов стало сокращение въезда в Россию французов и англичан. В связи с сохранением Пруссией «дружественных отношений» с Российской империей во время Крымской войны[549] наблюдалось увеличение числа прусских подданных, а также американцев, «заменивших на наших фабриках и заводах английских машинистов»[550]. Пытаясь уберечь империю от революционных потрясений, российские власти ввели запретительные меры на въезд в страну иностранцев как потенциальных носителей радикальных взглядов. Незначительные исключения объяснялись соответствующими международными соглашениями. Только после Крымской войны российское правительство решилось на снятие ограничений, касавшихся въезда представителей иностранных держав.

§ 3. Действия центральных и местных властей в отношении пленных в период Крымской войны

В середине XIX столетия Российская империя столкнулась с внешнеполитическими вызовами, ответить на которые дипломатическими мерами не удалось, в результате произошел крупный общеевропейский военный конфликт – Крымская война 1853–1856 годов[551]. Появление в ходе войны значительного числа пленных на территории России потребовало от

[548] ПСЗ-2. Т. XXXII. № 31879.
[549] АВПРИ. Ф. 161. II–8. Оп. 82. Д. 214. 1848 г. Л. 27–27 об.
[550] Цит. по: Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Указ. соч. С. 309.
[551] Бессонов В.А. Военнопленные Крымской войны 1853–1856 гг. в Калужской губернии // Труды регионального конкурса в области гуманитарных наук. Вып. 7. Калуга: Полиграф-Информ, 2006. С. 52.

властей разработки специального законодательства. При этом учитывался не только прежний отечественный опыт, но и нормы международного права[552].

С первого дня начала военных действий возникла проблема военнопленных, так как состоялась сдача команд парохода «Медар-и-Тиджарет» 4 октября 1853 года и парохода «Перваз-и-Бахри» 10 октября 1853 года; затем произошел разгром турецкого флота в сражении при Синопе 18 ноября 1853 года, когда только, по данным попавшего в плен командующего турецкой эскадрой Осман-паши, в русском плену оказалось 156 матросов, затем переведенных в Орел. Велись бои на Кавказе, в том числе при Башкадыкларе[553].

В ноябре–декабре 1853 года государем через военного министра были сделаны первые распоряжения по поводу военнопленных[554]. «Высочайше утвержденным 16 марта 1854 года Положением о военнопленных Турецкой службы»[555] и последовавшими за ним Высочайшими повелениями для местопребывания военнопленных были определены конкретные губернии: для англичан – Рязанская (для офицеров) и Воронежская (для нижних чинов), для французов – Калужская (для офицеров) и Тамбовская (для нижних чинов), для турок – Тульская (для офицеров) и Смоленская, Орловская, Курская, Вологодская, Владимирская, Ярославская и Пензенская (для нижних чинов)[556]. В Костромской губернии размещались «военнопленные иностранцы, взятые в рядах английских, французских и турецких войск», а в Киев отправлялись венгерцы (кроме захваченных в европейской части Турции), поляки и австрийцы[557]. В Курске, где должны были разместиться турки христианского

---

[552] Миловидов Б.П. Иностранные военнопленные и российское общество в годы Крымской войны // Российская история. 2010. № 5. С. 154.
[553] Шкедя О.П. Турецкие военнопленные в России во время Крымской войны // Восточный архив. 2008. № 18. С. 21.
[554] Познахирев В.В. Турецкие военнопленные в Курской губернии в период Крымской войны 1853–1856 гг. // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 5 [Электронный ресурс]. URL: http://human.snauka.ru/2013/05/3131 (дата обращения: 31.07.2014).
[555] ПСЗ-2. Т. XXIX. Х. 1. № 28038.
[556] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 351. 1855 г. Л. 1.
[557] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 351. 1855 г. Л. 1.

вероисповедания, первые военнопленные (в количестве свыше 200 человек) появились на территории губернии в феврале 1854 года. Это были не только турки, но и египтяне, попавшие в плен в морских сражениях (в том числе и при Синопе)[558]. В дальнейшем через территорию губернии неоднократно проходили партии военнопленных (турок, греков, армян, болгар, казаков-«некрасовцев», потомков переселившихся в Турцию старообрядцев), но в самом Курске до октября 1854 года находилось несколько десятков человек. Население к пленным относилось вполне дружелюбно, в Сурдже в феврале 1854 года они участвовали в городском празднике, устроенном для Рижского драгунского полка[559].

Основная масса военнопленных турок (мусульман) была отправлена в Орел (нижние чины) и Тулу (офицеры). Однако из-за притока пленных (к осени 1854 года – 2 тысячи человек), их стали размещать и в других губерниях (по согласованному решению МВД и Военного министерства)[560]. По данным на 6 января 1855 года, в Курске уже находилось 236 человек[561].

12 января 1855 года командир Орловского внутреннего гарнизонного батальона Саблин в рапорте военному губернатору города Смоленска и гражданскому губернатору Н.А. Ахвердову сообщал, что в Смоленск направляется партия пленных турок нижних чинов в количестве 104 человек в сопровождении 22 рядовых и 3 унтер-офицеров Орловского батальона[562]. В рапорте также содержалась просьба об отдаче соответствующих распоряжений по размещению, питанию и обеспечению подводами «означенной партии» по прилагаемому маршруту следования по территории Смоленской губернии. До этого военнопленные уже проделали большой путь в Харьков, затем в Курск и Орел.

---

[558] Познахирев В.В. Указ. соч.
[559] Там же.
[560] Там же.
[561] Там же.
[562] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 1–1 об.

Из отношения Курского губернского правления от 31 декабря 1854 года, полученного в Смоленске 17 января 1855 года, следовало, что из Харькова в Курск должны были прибыть пленные турки – 20 обер-офицеров и 363 нижних чина. По решению Курского губернского правления они были разделены на три группы: одна оставлена в Курске, а две другие отправлены в Орел и Смоленск[563]. Из рапорта командира Курского гарнизонного батальона начальнику Курской губернии от 7 января 1855 года известно, что в Курск прибыло 17 обер-офицеров и 312 нижних чинов, из них сданы под надзор Курской градской полиции 104 нижних чина, остальные отправлены далее в Орел[564]. Позже выяснилось, что харьковское начальство предполагало распределить пленных между Тулой, Курском, Орлом и Смоленском в другом количественном соотношении, но дело было уже сделано[565].

Итак, военный губернатор Смоленска и гражданский губернатор Н.А. Ахвердов вынужден был решать проблему размещения партии в 104 военнопленных турок. 29 января губернатор писал рославльскому городничему (Рославль был обозначен в маршруте, и пленные должны были прийти туда 2 февраля 1855 года[566]), что «в Смоленске имеются уже пленные турки» в количестве 68 человек[567] и «здесь квартирует постоянно значительное число войск»[568], а потому губернатор просил разместить партию в 104 человека в Рославле[569]. Размещение пленных в уездных городах губернии было разрешено по Высочайшему повелению, о котором уведомил губернатора Главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями в своем предписании от 30 августа 1854 года[570].

Пленных турок губернатор предлагал поместить на обывательских квартирах (что допускалось § 35 Высочайше утвержденного Положения о

[563] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 17–17 об.
[564] Там же. Л. 18–19.
[565] Там же. Л. 20–22.
[566] Там же. Л. 8.
[567] Там же. Л. 14 об.
[568] Там же. Л. 7 об.
[569] Там же. Л. 14 об.
[570] Там же. Л. 12, 14.

пленных 16 марта 1854 года[571]). За размещенными таким образом пленными следовало учредить «строжайший надзор, дабы со стороны их не было допускаемо никаких беспорядков, равным образом, чтобы не было повода к справедливым жалобам с их стороны, и чтобы обид и насмешек им жителями отнюдь делаемо не было»[572]. Губернатор уведомлял городничего, что уже дал казенной палате распоряжение об отпуске кормовых денег, необходимых на содержание военнопленных, а надзор поручил осуществлять инвалидной команде, о чем «сообщено Командиру гарнизонного батальона»[573].

Согласно Положению о пленных, Высочайше утвержденному 16 марта 1854 года, туркам нижних чинов полагалось по 9 копеек серебром в сутки (это было сокращение вдвое денежного содержания в сравнении с Положением 1829 года и совпадало с предписаниями 1853 года). Провиант на человека, по Положению 1854 года, составлял 1¾ фунта сухарей или 3 фунта печеного хлеба, ¼ фунта круп и 5 золотников соли и ½ фунта мяса в день[574]. Эта норма была увеличена в сравнении с Положением 1829 года и предписаниями 1853 года[575]). Нормы довольствия пленных, согласно Положению 1854 года, «были близки к довольствию солдат русской армии, а пашам генеральских чинов (например, в результате взятия Карса в русском плену оказалось 12 пашей. – *А.Т.*) назначалось содержание генералов российского военно-сухопутного ведомства. Снабжение пленных транспортом тоже осуществлялось по нормам, принятым в русской армии»[576]. По Положению 1854 года собственность пленных была неприкосновенной, деньги и ценности им полагалось вернуть при репатриации[577].

---

[571] Там же. Л. 14 об.
[572] Там же. Л. 15.
[573] Там же. Л. 8–9.
[574] ПСЗ-2. Т. XXIX. Ч. 1. № 28038. Золотник = 4,265 г. Фунт = 409,5 г
[575] Бессонов В.А. Военнопленные Крымской войны 1853–1856 гг. в Калужской губернии. С. 53.
[576]Миловидов Б.П. Иностранные военнопленные и российское общество в годы Крымской войны // Российская история. 2010. № 5. С. 154.
[577]Бессонов В.А. Военнопленные Крымской войны 1853–1856 гг. в Калужской губернии. С. 54.

2 февраля 1855 года партия пленных турок прибыла в Рославль, о чем городничий поспешил рапортовать губернатору. В составе партии оказалось 103 человека (поименный список прилагался[578]). Впоследствии выяснилось, что один пленный был «за болезнью оставлен в Карачевской градской больнице»[579], а затем присоединился к «рославчанам». Городничий в тот же день в новом рапорте начальнику губернии предложил использовать пленных на работах по благоустройству города, оплачивая их труд поденно[580]. Однако городничий свидетельствовал, что многие из прибывших имели одежду и обувь столь ветхую, что «починкою исправлена быть не может»[581]. Проблема обеспечения пленных зимней одеждой была очень острой не только для данной партии или территории Смоленщины, но и для местных властей всех российских городов и губерний, где останавливались военнопленные[582].

18 февраля 1855 года командир Орловского внутреннего гарнизонного батальона Саблин в новом рапорте смоленскому губернатору сообщал, что в Смоленск направляется еще одна партия пленных турок в количестве 63 человек в сопровождении 11 рядовых и 1 унтер-офицера Орловского батальона[583]. 25 февраля 1855 года смоленский губернатор дал предписание рославльскому городничему, что и этих турок следует оставить в уездном городе на обывательских квартирах под надзором инвалидной команды. Все зависящие от начальника губернии распоряжения он сделал (казенной палате, командиру смоленского внутреннего гарнизонного батальона[584]). 28 февраля 1855 года губернатор поставил в известность рославльского городничего, что по Высочайшему повелению пленных возможно использовать «для очищения улиц и для других городских надобностей»[585].

---

[578] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 30–31 об.
[579] Там же. Л. 43.
[580] Там же. Л. 28–28 об.
[581] Там же. Л. 29.
[582] Шкедя О.П. Указ. соч. С. 23.
[583] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 32.
[584] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 33–38.
[585] Там же. Л. 41–41 об.

Согласно рапорту городничего военному губернатору Смоленска и гражданскому губернатору Н.А. Ахвердову от 19 марта 1855 года, новая партия турок, попавших в плен под Александрополем (судя по приложенному поименному списку), в количестве 63 человек (2 фельфебеля и 10 унтер-офицеров, 41 нижних чинов) уже прибыла в Рославль[586]. И эти пленные были в крайне изношенной одежде и обуви, так как они добирались из Курска через Орел в Смоленск без смены обмундирования[587].

На основании § 38 Положения о пленных губернаторы ежемесячно доставляли в Инспекторский департамент военного министерства перечневые ведомости, а также именные списки о пленных офицерского звания[588]. Смоленский губернатор, получив сведения от рославльского городничего, также информировал Инспекторский департамент Военного министерства о размещении военнопленных и ежемесячно предоставлял ведомость об их численности[589].

Пребывание в уездном городе большого числа пленных турок (167 человек, один из них находился в больнице, где в апреле 1855 года умер[590]) не обошлось без эксцессов. Об этом сообщили городскому голове в своих жалобах трое рославчан, и он секретным рапортом от 13 апреля 1855 года доложил о случившемся губернатору[591]. Последний потребовал разобраться[592], но не успел дождаться от рославльской полиции ответа, как получил новый секретный рапорт от местного городского головы от 30 апреля 1855 года: «Пленные турки час от часу начинают шалить, не имея надлежащего присмотра…», проявляют неповиновение капитану инвалидной команды, а иногда без охраны выходят из города. Был случай, когда пленные турки

---

586 Там же. Л. 60.
587 Там же. Л. 63.
588 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 351. 1855 г. Л. 1.
589 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 46–48 об., 69, 82.
590 Там же. Л. 81.
591 Там же. Л. 71–72.
592 Там же. Л. 75–76.

гнались за девушкой, которая несла еду отцу в поле[593]. Губернатор вновь потребовал объяснений от городничего.

Городничий написал 25 мая 1855 года пространный рапорт за № 56, в котором признавал: инвалидная команда плохо следит за пленными; местные жители из любопытства сами стараются познакомиться с турками и даже «зазывают их в дом». В случае виновности пленных они «подвергались по мере вины полицейскому аресту, тюремному заключению, и даже в разное время одиннадцать человек были наказаны телесно»[594]. Жалобы же трех горожан, по мнению городничего, не обоснованы. Конфликт с капитаном инвалидной команды произошел по недоразумению, а виновного пленного пришлось освободить из-под ареста по болезни[595]. В архивном деле сохранились и сами жалобы рославчан, в которых упоминаются претензии: отсутствие должной стражи, «могущей вполне усмирить их при случающихся буйных и самовольных разгулах»[596], драки с участием турок, употребление ими вина, опасения по поводу возможных пожаров (в связи с курением трубок и выбрасыванием «из комнатных печей в окна горящих головней»[597]), наконец, несвоевременная и неполная оплата со стороны городничего за постой турок. Сегодня трудно судить, насколько жалобы горожан отражали реальную ситуацию, но, несомненно, сама скученность в маленьком уездном центре турок, имевших иные язык, культуру и вероисповедование, не могла не привести к конфликтам с местным населением. Отношение последнего к туркам в Рославле, как, впрочем, и в целом в провинции, «отличалось любопытством и настороженностью»[598].

Получив все бумаги с жалобами и рапорт городничего с оправданиями, губернатор потребовал от городской полиции навести порядок и оплатить

---

[593] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 77–78.
[594] Там же. Л. 87 об.
[595] Там же. Л. 88–89 об.
[596] Там же. Л. 96 об.
[597] Там же. Л. 96 об.
[598] Миловидов Б.П. Иностранные военнопленные и российское общество в годы Крымской войны. С. 162.

постой. Он явно не желал подробно разбираться в ситуации[599]. Квартирные деньги были выплачены в августе 1855 года[600].

О ветхости одежды турок губернатор сообщил в Инспекторский департамент еще в марте 1855 года, ответа же дождался лишь в июне: пленных предписывалось одеть и обуть, получив все необходимое от командира гарнизонного батальона (на основании уже упоминаемого Положения о пленных)[601]. Губернатор дал указания командиру батальона, рославльскому городничему и смоленскому полицмейстеру (последнему – в отношении турок, расквартированных в Смоленске)[602]. К проблеме обеспечения военнопленных одеждой губернатору еще не раз пришлось возвращаться.

В мае–августе 1855 года последовало несколько циркуляров от военного ведомства и Министерства внутренних дел. Циркуляром военного министра от 2 мая 1855 года было предусмотрено в списках указывать имена и на иностранном языке (для «англо-французов»), чтобы избежать ошибок[603]. Однако в циркуляре министра внутренних дел гражданским губернаторам от 17 июня 1855 года за № 145 признавалось, что их избежать не удалось, например, таких, как отправка пленных не в те губернии[604]. Министр внутренних дел напоминал начальникам губерний, что в мае 1855 года Высочайшим повелением для размена французских военнопленных на русских все французские пленные немедленно должны были быть направлены в Одессу[605]. Англичане также подлежали обмену, позже к ним присоединились итальянцы. Пунктами размена служили Одесса и Либава[606]. Австрийцы по-прежнему отправлялись в Киев, а подданные германских держав,

---

[599]ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 98–98 об.
[600] Там же. Л. 110.
[601] Там же. Л. 99–99 об.
[602] Там же. Л. 100–103 об.
[603] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 350. 1855 г. Л. 1.
[604] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 351. 1855 г. Л. 1 об.
[605] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 351. 1855 г. Л. 1 об.
[606] Шкедя О.П. Указ. соч. С. 25.

сражавшиеся в составе англо-французских войск, – в Костромскую губернию[607].

10 августа 1855 года министр внутренних дел сообщал своим предписанием за № 1582 начальнику Смоленской губернии о Высочайшем повелении по размену пленных: с согласия французского правительства на русских можно было обменивать турок, находившихся в плену в России. Поэтому предписывалось отправлять в Одессу «в распоряжение Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора половинное число всех турецких пленных нижних чинов, проживающих в Смоленской губернии»[608]. К 19 августа 1855 года, как упоминал смоленский губернатор в предписании командиру внутреннего гарнизонного батальона, в Смоленске проживало 73 турка[609]. Из приложенного к предписанию поименного их списка следовало, что 64 из них были пленены в Синопском сражении в октябре 1853 года, а 9 («вновь прибывшие») взяты в плен «под Тульчию на Дунае в марте месяце 1854 года»[610].

Рославльским городничим 23 августа 1855 года был составлен поименный список пленных турок из 161 человека. В списке была помета, что один из них – Махмуд Вели – пожелал принять подданство России и перейти в православие, «и по последовавшему разрешению Начальства ныне приготовляется духовенством к принятию таинства Святого крещения»[611]. В примечании к списку указано, что «все означенные пленные турки 5-го пехотного полка, взятые отрядом генерала Бебутова при Александрополе и один из них значущийся под № 101-м Измаил Гусейн взят при Журже но каким порядком и которого числа не знает. Сверх того из числа обеих партий (первая – из 104 человек, прибывшая 2 февраля, и вторая – из 63 человек,

[607] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 351. 1855 г. Л. 3.
[608] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 1.
[609] Там же. Л. 4.
[610] Там же. Л. 6–7 об.
[611] Там же. Л. 18.

прибывшая 8 марта 1855 года[612]. – *А.Т.*) в г. Рославле умерли по три человека, всего шесть человек, которые в сем списке не помещены»[613].

Смоленский губернатор принял решение отправить в Одессу сначала 117 военнопленных турок (всех 73 «смоленских» и только 44 «рославльских»), о чем сообщил командиру внутреннего гарнизонного батальона[614]. Урегулировали вопросы с кормовыми деньгами, обеспечением подводами и сопровождением конвоем из 5 рядовых и 1 унтер-офицера[615], был обозначен маршрут следования[616]. Но перед отправкой в Одессу остро встал вопрос об обмундировании пленных.

«По Табели Высочайше утвержденной в 11-й день февраля 1855 года приложенной при приказе г. Военного Министра от 24-го Февраля за № 41, – определено обмундирование военно-пленным Туркам Европейским выдавать из серого армейского сукна фуражную шапку, куртку, зимние брюки, шинель, рукавицы, галстук черного сукна, рубах две, сапогов две пары и полушубок, а для азиатских употреблять на прописанные вещи сукно крестьянское»[617]. В Смоленске «крестьянского сукна» не оказалось, командир смоленского внутреннего гарнизонного батальона Белановский предложил закупить у местного купечества «фабриканское сукно» в необходимом количестве[618]. Это предложение обсуждалось, потребовало представления образца ткани (в архивном деле даже сохранился фрагмент сукна[619]), и, наконец, необходимые вещи для 53 «азиатских турок» были готовы[620].

Партия пленных из Смоленска прибыла в Рославль 23 сентября 1855 года, но «один из турок Али Ахмед замеченный в пути следования в дурных поступках и грубости против партионного офицера и по объявлении им о сем

---

[612] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 15.
[613] Там же. Л. 19 об.
[614] Там же. Л. 24.
[615] Там же. Л. 36.
[616] Там же. Л. 43-44.
[617] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 14–14 об.
[618] Там же. Л. 55–55 об.
[619] Там же. Приложение к л. 67.
[620] Там же. Л. 68.

Г. Городничему, который приказал упомянутого турка отчислить от партии и передать для отправления за караулом посредством этапа; согласно чего, этот турок и отправлен при открытом листе за № 1051, выданном от Городничего 29-го числа сентября по тракту на г. Мглин». 26 сентября 1855 года теперь уже 72 пленных из Смоленска и присоединенные к ним 44 пленных из Рославля, получившие полагавшиеся одежду и обувь, были отправлены в Одессу[621].

В конце сентября начальник губернии узнал о циркуляре командира Отдельного корпуса внутренней стражи от 25 августа 1855 года и, соответственно, смог сообщить о новом документе полиции в городах и уездах. Циркуляр предписывал организовать на местах точный учет военнопленных. В нем было сказано, «чтобы о всех военнопленных, находящихся внутри империи, в разных губернских и уездных городах, командиры внутренних гарнизонных баталионов, представляли в Корпусный штаб, по прилагаемой форме, по истечении каждого месяца ведомости, о состоянии и численности всех военнопленных, находящихся в губернии, с показанием, к какой именно они принадлежат нации, в каких войсках служили, какие имеют чины, а также объяснять, сколько в течение месяца их прибыло, откуда именно и какая последовала убыль: смертью пленных, отправлением их в другие места или для размена[622]. О партиях военно-пленных, а равно и о пересылаемых по одиночке в другие губернии посредством этапов показывать вкратце под графою»[623]. Форма подробной ведомости с образцом заполнения прилагалась[624]. Судя по ведомостям, составленным в соответствии с формой, в сентябре 1855 года их было 161 человек (1 пожелал принять православие и был крещен)[625], в октябре – 116 человек (44 человека покинули Рославль, отправившись «для размена на

[621] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 60–60 об.
[622] Там же. Л. 114–114 об.
[623] Там же. Л. 115.
[624] Там же. Л. 116–116 об.
[625] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 118, 109.

русских в г. Одессу по Высочайшему повелению», 1 умер)[626]. Это число оставалось неизменным и в ноябре, и в декабре 1855 года. На отпуске же (черновике) препроводительного письма к очередной ведомости, которое было датировано 5 января 1856 года, стоит лаконичная помета: «За отправлением пленных в г. Одессу дело кончить»[627].

Осенью 1855 года максимума достигло число пленных в Курске: в середине сентября их было 511 человек (Курская губерния по числу пленных занимала второе место после Орловской)[628]. Однако в результате захвата крепости Карс 16 ноября 1855 года в плен были взяты до 8 тысяч пленных турок нижних чинов, не считая 2 тысяч раненых в госпиталях, более 600 офицеров [629] (были отпущены те, кто был призван из резерва, относился к нестроевым чинам, ополченцы). 18–26 ноября 1855 года пленных партиями отправляли в глубь России (Курск, Смоленск, Орел, Ярославль, Суздаль). Были случаи, когда военнопленных отсылали даже в Петербург, если они по каким-то причинам интересовали Военное министерство и Министерство полиции (так поступили с двумя капитанами и двумя поручиками, а также доктором из числа египтян, находившихся на пароходе «Перваз-и-Бахри»)[630]. Раненых и больных размещали в госпиталях во время остановок (поэтому пленные осели в Харькове и Екатеринославе (ныне Днепропетровске). Пленных местные власти обязаны были обеспечивать одеждой, обувью и довольствием, гуманное отношение к пленным даже вызывало удивление у англичан[631]. Кроме того, конвоирование пленных осуществлялось номинально, у них была довольно большая свобода. Так, в Мелитополе летом 1855 года, по словам графа Адлерберга, военнопленные расхаживали по городу, «вопреки существующему правилу и здравому смыслу, по которому одно название военнопленный, ясно

[626] Там же. Л. 120.
[627] Там же. Л. 126.
[628] Познахирев В.В. Указ. соч.
[629] Шкедя О.П. Указ. соч. С. 21.
[630] Там же. С. 21.
[631] Шкедя О.П. Указ. соч. С. 22.

указывает, что он свободою пользоваться не должен»[632]. По последовавшему приказ главнокомандующего Южной армией правила надзора были ужесточены, и ответственность возлагалась на военную и гражданскую администрацию за исполнение[633].

Небольшая часть пленных из Карса была отправлена через Курскую губернию на Калугу и Витебск[634]. Несмотря на то, что государем было высказано пожелание использовать пленных на строительстве шоссе Курск–Харьков, они не привлекались к работам на том основании, что земляные работы уже к этому времени, по уверению Главнокомандующего путями сообщения графа П.А. Клейнмихеля, были завершены[635]. Проживая на арендуемых администрацией частных квартирах пленные занимались поденными работами у частных лиц, помогая по хозяйству и мастеря поделки на продажу. Смертность среди пленных составила 15 человек (большинство стало жертвами вспышки холеры). Из 59 человек, пожелавших в Курске принять подданство России, по данным В.В. Познахирева, 13 были турками-мусульманами, остальные – турками-христианами[636].

В Суздале пленных турок привлекали к земляным работам по благоустройству города. Ветхость одежды, суровый (для теплолюбивых турок) климат и физический труд приводил и к повышенной смертности[637]. В Ярославле один из военнопленных турок высказал пожелание принять православие, принести присягу России и остаться на жительство в городе[638].

В Смоленск пленные турки также прибывали в ноябре 1855 года, но их были единицы. Например, 5 ноября 1855 года из Орла в Смоленск добрались 5 турецких военнопленных, которых разместили «под надзором полиции» на квартире в 3-й части города. Из приложенного к рапорту смоленского

---

632 Цит. по: Шкедя О.П. Указ. соч. С. 23.
633 Там же. С. 23–24.
634 Познахирев В.В. Указ. соч.
635 Там же.
636 Там же.
637 Шкедя О.П. Указ. соч. С. 25.
638 Там же.

полицмейстера гражданскому губернатору именного списка прибывших турок следует, что они были пленены в сражении под Александрополем 15 ноября 1853 года[639]. Смоленский полицмейстер испрашивал у начальника губернии распоряжения о снабжении пленных кормовыми деньгами[640], что и было сделано из общих губернских фондов (как полагалось, по 9 копеек серебром в сутки)[641]. По распоряжению губернатора турки должны были находиться под присмотром главного лекаря военного госпиталя г. Смоленска[642], а командир Смоленского внутреннего батальона должен был позаботиться о снабжении пленных одеждой и обувью[643]. Эти же турки были указаны в ведомости, представленной губернатором в Инспекторский департамент Военного министерства 12 января 1856 года[644]. В марте 1856 года в Смоленск был препровожден на жительство еще один пленный из Курской губернии некто Али Мустафа Оглы[645].

14 марта 1856 года министр внутренних дел писал начальнику Смоленской губернии, что, по Высочайшему повелению, следует выслать в Одессу для размена всех военнопленных турок, находившихся в губернии, предварительно поставив в известность Инспекторский департамент Военного министерства[646]. К этому времени, как уведомил министра внутренних дел Саксонский посланник в Париже барон Зебах, основываясь на сообщении графа Валевского, «все русские пленные, находящиеся в руках французов, в числе 2771 чел. Из коих 106 офицеров, будут освобождены и направлены в Одессу, частью из Тулона, частью с Острова Принчино.

По всеподданнейшему докладу о сем Государю Императору, Высочайше повелено: выслать в Одессу, для размена, оставшихся у нас на жительстве до

---

639 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 738. 1855 г. Л. 2.
640 Там же. Л. 1.
641 Там же. Л. 4 об.
642 Там же. Л. 5.
643 Там же. Л. 5 об.–6.
644 Там же. Л. 11.
645 Там же. Л. 12, 15.
646 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 76 об.

1200 нижних чинов и 69 штаб и обер-офицеров и независимо от сего, до 1500 нижних чинов и 50 офицеров из числа Карского гарнизона»[647].

Двумя днями ранее, 12 марта 1856 года, военный министр предписал отправить в Одессу в распоряжение новороссийского и бессарабского генерал-губернатора «всех находящихся на жительстве в Губерниях: Орловской, Ярославской, Владимирской, Курской, Вологодской, Пензенской и Смоленской, – турецких пленных нижних чинов и в Тульской губернии турецких штаб и обер-офицеров, а также из числа бывшего Карского гарнизона 50 обер-офицеров и 1662 нижних чинов следующих из Новочеркасска на г. Воронеж»[648]. Это решение породило некоторую неразбериху при передвижении тех партий, которые теперь должны были следовать из Воронежа на Харьков, часто не имея четких предписаний о маршрутах следования. Были и невыполнимые приказания, к счастью, быстро отмененные Военным министерством, например, предписание Курского губернатора, генерал-майора И.Д. Лужина преодолеть весь путь от Курска до Одессы (800 верст) без дневок (остановок на целый день для отдыха)[649].

Смоленский губернатор сделал соответствующие предписания, и рославльский городничий в своем рапорте от 28 марта 1856 года доносил начальнику губернии, что в Одессу могут отправиться 114 пленных турок, но «все они без исключения нуждаются в соответствующем настоящему времени обмундировании и обуви исключая полушубков»[650]. Смоленский полицмейстер 2 апреля 1856 года сообщил о 5 турецких военнопленных, из которых лишь один не имел необходимой одежды[651]. После предписания губернатора Ахвердова командиру Смоленского внутреннего гарнизонного батальона полковнику Белановскому о необходимости обмундирования

---

[647] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 76.
[648] Там же. Л. 78–78 об.
[649] Познахирев В.В. Турецкие военнопленные в Курской губернии в период Крымской войны 1853–1856 гг. // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 5 [Электронный ресурс]. URL: http://human.snauka.ru/2013/05/3131 (дата обращения: 31.07.2014).
[650] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 87.
[651] Там же. Л. 89–89 об.

военнопленных тот в рапорте отвечал: «Для военнопленных турецких нижних чинов, рубахи и сапоги построены, и шинелей, курток с шароварами и фуражок, при вверенном мне баталионе из крестьянского сукна по недоброкачественности оного, производить постройку таковым вещам, упомянутым туркам совершенно не могу, потому что в одежде этой не могут доследовать до места их назначения», а поэтому «2-го сего апреля за № 5506 , прошу я Московскую комиссариатскую комиссию разрешения обмундировать пленных турецких нижних чинов одеждою из фабриканских сукон», и сразу при получении сукна обещал быстро «построить означенные одежды»[652].

Пока решался вопрос об обмундировании для «смоленских» турок, 11 мая 1856 года в Рославль прибыла очередная партия турецких военнопленных в сопровождении поручика Витебского гарнизонного батальона. Она следовала в Витебскую губернию «для жительства». Рославльский городничий партию остановил и в рапорте начальнику губернии от 12 мая 1856 года просил распоряжений для дальнейших действий, добавляя при этом, что «вся партия турок имеет совершенно негодную одежду и даже некоторые оборвались до безобразия»[653]. Затем выяснилось, что эти военнопленные из Карского гарнизона вышли из Харькова и 27 апреля 1856 года прибыли в Карачев Орловской губернии, откуда и отправились в Витебск, выступив из Карачева еще до получения орловским губернатором указаний об отправке пленных в Одессу[654].

Теперь и вновь прибывших следовало одеть: на 112 человек необходимые вещи были найдены, а на одежду остальным командир Смоленского внутреннего гарнизонного батальона Белановский просил выделить денег из казенной палаты[655]. Московская комиссариатская комиссия в просьбе отказала, и Белановский рапортовал, что вынужден «немедленно приступить к постройке вещей из крестьянского сукна», несмотря на его

[652] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 91 об.
[653] Там же. Л. 93–93 об.
[654] Там же. Л. 94.
[655] Там же. Л. 98.

низкое качество[656]. 28 мая 1856 года Белановский рапортовал губернатору, что обмундирование для 5 турок из Смоленска и 114 турок из Рославля готово, определены конвойные для следования в Одессу[657]. Губернатор распорядился казенной палате выдать кормовые деньги и «потребное число контрмарок для взымания обывательских подвод, на случай больных и под своз тяжестей, полагая на каждые 25 человек больных по одноконной обывательской подводе и под своз тяжестей на каждые 12 человек также по одной одноконной подводе»[658]. 5 июня 1856 года партия из 5 человек отправилась из Смоленска через Рославль в Одессу[659]. 14 июня 1856 года к ним присоединились 114 турок из Рославля[660].

Для партии турок, прежде направлявшихся в Витебск, Московская комиссариатская комиссия необходимые материалы отправила 7 июня 1856 года[661]. В результате эта партия была обмундирована и подготовлена для следования в Одессу. 16 июля 1856 года она выступила из Рославля (с присоединением еще 6 человек, находившихся прежде в городских больницах «для выздоровления»). Таким образом, всего в партии было 300 человек пленных в сопровождении 3 унтер-офицеров и 20 рядовых[662]. В Рославле был оставлен лишь Ахмед Магомедов Оглы, пожелавший принять присягу на верность России и православную веру[663].

7 декабря 1856 года министр внутренних дел С. Ланской подписал секретный циркуляр начальникам губерний за № 225 «О доставлении списков оставшимся в России, после бывшей войны, лицам из иностранных войск». Предписывалось отдельно составить списки: 1) желавших принять российское подданство, а турок – и православие; 2) тех, кто, не желая принять российское

---

[656] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 99 об.
[657] Там же. Л. 103 об.–104.
[658] Там же. Л. 106.
[659] Там же. Л. 114.
[660] Там же. Л. 123 об.
[661] Там же. Л. 122.
[662] Там же. Л. 129–129 об., 135.
[663] Там же. Л. 137-137 об.

подданство, будет выслан за границу; 3) находящихся в российских госпиталях, которые смогут выбрать, принимать ли подданство или быть высланным; 4) тех, кто останется в России по каким-то иным причинам. В списках сведения должны были указываться подробно (с упоминанием «нации», имени на иностранном языке, местонахождения «для успокоения их родственников или для устройства наследственных или других частных дел их в отечестве»). В случае же смерти военнопленных и других лиц, оставшихся в России после войны, следовало «без всякого замедления» доставить в Инспекторский департамент Военного министерства «установленные свидетельства»[664].

Губернатор, получив циркуляр, разослал его уездным городничим и исправникам[665]. Из полученных от них рапортов известно, что военнопленных на территории Смоленской губернии к этому времени уже не было. Рославльский городничий при своем рапорте от 23 февраля 1857 года представил «именные списки о числе умерших и окрещенных военнопленных турок из числа находившихся в 1855 и 1856 годах в городе Рославле», указав, что один турок, принадлежавший к партии, которая проходила через Рославль, направляясь в Смоленск, умер в 1854 году[666]. Ровно через год 14 февраля 1858 года губернатор потребовал от городничего вновь представить списки и установленные свидетельства о смерти военнопленных[667]. 12 марта 1858 года при рапорте городничего необходимые документы были отправлены на имя губернатора[668].

Смоленская губерния приняла лишь турецких военнопленных, в то время как Крымская война стала крупным военным конфликтом, в который были вовлечены и страны Европы (в первую очередь, участники коалиции против России – Великобритания, Франция, Сардиния. Вступлением в войну угрожали России Пруссия, Австрия и Швеция). В результате Крымской войны рухнула

---

[664] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 476. 1856 г. Л. 1–1 об.
[665] Там же. Л. 2–3 об.
[666] Там же. Л. 18.
[667] Там же. Л. 33.
[668] Там же. Л. 34.

Венская система, сложившаяся в Европе после наполеоновских войн[669]. По данным Инспекторского департамента Военного министерства 1856 года, в русский плен попали «около 15 000 человек (турок – 11 431 рядовой и 958 офицеров, французов – 1353 рядовых и 72 офицера, англичан – 595 рядовых и 47 офицеров, сардинцев – 63 рядовых и 4 офицера). К концу 1856 года из них вернулось на родину около 12 000 (турок – 9146 рядовых и 823 офицера, французов – 1214 рядовых и 55 офицеров, англичан – 556 рядовых и 47 офицеров, сардинцев – 63 рядовых и 3 офицера). В плену умерло около 2000 человек (турок – 1673 рядовых и 127 офицеров, французов – 137 рядовых и 17 офицеров, англичан – 38 рядовых). Из взятых в плен в России осталось на жительстве 4 человека (сардинский офицер, два француза и англичанин)»[670]. Полнота сведений Инспекторского департамента вызывает сомнения[671]. Ведь и в Смоленской, и в Курской губерниях, Ярославле известны случаи перехода турок в русское подданство и выбор России местом жительства. Важной особенностью Крымской войны, как справедливо отмечает Б.П. Миловидов, был «периодически практиковавшийся с середины 1854 г. размен пленных»[672].

Документы свидетельствуют также и о том, что российское правительство дифференцированно подходило к военнопленным туркам и европейцам, последним было увеличено денежное содержание, одежда офицерам шилась из гвардейских материалов. Такой дифференцированный подход, по мнению В.А. Бессонова, «основывался на традиционном тяготении России к Европе и политической демонстрации подчеркнуто лояльного отношения к подданным европейских держав, которые стали противниками по “недоразумению” и не рассматривались как враги»[673]. Но и к пленным туркам российские власти проявляли лояльность: князь Горчаков, в приказе, ужесточающем ответственность за надзор, посчитал необходимым отметить

---

[669] Бессонов В.А. Указ. соч. С. 51.
[670] Там же. С. 53.
[671] Миловидов Б.П. Указ. соч. С. 154; Он же. Численность пленных в годы Крымской войны // Марсово поле. Вып. 2. 1997. С. 19–23.
[672] Там же. С. 154.
[673] Бессонов В.А. Указ. соч. С. 54.

соблюдение чиновниками гуманности: «вежливостью и человеколюбием, обращаться с ними [пленными] вообще ласково, заботиться о хорошем их положении и довольствии» и даже при необходимости «для здоровья» разрешать прогулки «по малолюдным улицам и под надзором постовых»[674]. О своем сочувственном отношении к пленным пашам упоминает в своих воспоминаниях занимавшийся разменами пленных по поручению новороссийского и бессарабского генерал-губернатора графа А.Г. Строганова князь А.В. Мещерский[675]. В 1856 году обмен пленными был осуществлен, и пребывание на территории Российской империи военнопленных Крымской войны стало историей. «За благородное поведение» и точное выполнение условий обмена Мещерский был удостоен турецкого ордена «Меджидие», французского ордена Почетного легиона, сардинского ордена «Маврикия и Лазаря», только англичане не отметили русского чиновника наградой.

Сведения о пребывании военнопленных турок в Рославле, точнее курдов, отразились не только в официальных документах. Так, в 1856 году в «Смоленских губернских ведомостях» была помещена статья «Курды в Смоленской губернии», принадлежавшая К. Микешину. Автор, ссылаясь на знакомого из Рославля, рассказывал о курдах, которые, по его словам, составляли большинство военнопленных и попали в Рославль «после Баш-Кадык-Ларского дела» 1853 года, выигранного русскими войсками. Как известно, в сражении при Башкадыкларе 19 ноября 1853 года турки потеряли до 6 тысяч человек[676]. Курды в Рославле, как утверждал автор статьи в «Смоленских губернских ведомостях», проявляли трудолюбие, честность, доброту, щедрость, несмотря на собственную нужду, и бесстрашие во время пожара. В подтверждение Микешин приводил конкретные примеры, которые не могли не вызывать «самую искреннюю признательность и уважение».

---

[674] Цит. по: Шкедя О.П. Указ. соч. С. 24.

[675] Шкедя О.П. Указ. соч. С. 26; Мещерский А. В. Записка о размене в городе Одессе пленных войны 1854–1856 гг. // Николай I. Портрет на фоне империи : биография отдельного лица / сост. С. Шокарев. М.: Фонд Сергея Дубова, 2011. С. 320–337.

[676] Военный энциклопедический словарь. М., 1986.
URL: http://www.hrono.ru/sobyt/1800sob/1853bashka.html.

Любопытно, что пленные стали для автора статьи поводом для сравнения «цивилизованных» англичан с «дикими» курдами, и вывод, по мнению Микешина, оказывался не в пользу Европы. Поэтому автор предостерегал соотечественников в преклонении перед Западом[677]. Как свидетельствовали современники, многие пленные прибыли в Рославль: «закутанные в какие-то тряпки, в изорванном платье… походили скорее на толпу нищих, чем на воинов Блистательной Порты», покидали же уездный город одетыми не только в казенное обмундирование, но некоторые щеголи имели собственного изготовления «красные курточки, обшитые в хитрый узор серебряными и золотыми позументами, а также и пунцовые фески с огромными синими шелковыми кистями»[678].

Курды в Рославле стали и объектом научного исследования известного российского ориенталиста и археолога Петра Ивановича Лерха (1828–1884). Академия наук с разрешения Военного министерства направила ученого в Рославль «для изучения в отношениях историческом, этнографическом и лингвистическом, находящихся в том городе пленных курдов»[679]. В своем отношении военному губернатору г. Смоленска и Смоленскому гражданскому губернатору Н.А. Ахвердову от 21 февраля 1856 года непременный секретарь Императорской академии наук просил «оказать г. Лерху всякое зависящее от Вас содействие и пособие»[680]. 5 марта 1856 года губернатор дал соответствующее предписание рославльскому городничему[681]. 15 апреля 1856 года П.И. Лерх, уже находясь в Рославле, при сопроводительном письме просил губернатора принять экземпляр недавно вышедшей 1-й книги «сочинения “О курдах”» как знак глубокого моего уважения»[682]. Речь шла о первой книге трехтомного труда ученого «Исследования об иранских курдах и их предках

---

[677] Микешин К. Курды в Смоленской губернии (Из Сев. Пчел.) // Прибавление к № 2 1856 года СГВ. 14 января 1856 г. Часть неофициальная. С. 10–13.
[678] Шкедя О.П. Указ. соч. С. 24.
[679] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 504. 1856 г. Л. 1.
[680] Там же. Л. 1.
[681] Там же. Л. 2–3.
[682] Там же. Л. 4.

северных халдеях», опубликованной в 1856 году. Губернатор в ответном письме поблагодарил Лерха за книгу[683].

18 апреля 1856 года ученый вновь писал губернатору, отмечая, что в Рославле в течение 6 недель имел «все необходимые для … занятий удобства»[684]. П.И. Лерх просил для «желанного успеха» исследования позволить ему сопровождать пленных курдов, вскоре отправляемых в Одессу, до Чернигова или Киева, «чтобы по возможности пополнить собранные… сведения»[685].

В связи с этим Лерх просил губернатора снабдить его «подорожными по казенным надобностям от города Рославля до Киева и обратно в Рославль», а также доставить ему «маршрут военнопленных в Одессу» и «уведомить офицера, которому поручено будет отправление военнопленных, о цели… путешествия»[686]. Согласно резолюции на прошении Лерха, подорожные были ему даны 26 апреля 1856 года[687]. Губернатор сделал соответствующие распоряжения командиру Смоленского внутреннего гарнизонного батальона[688], уведомив Лерха.

В будущем П.И. Лерх не только завершил свою трехтомную работу «Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях» (1856–1858), но и составил грамматику курдского языка, ввел в научный оборот ряд курдских текстов. В биографической справке о нем из «Русского биографического словаря» отмечено, что Лерх «приобрел в этой области замечательно обширные и основательные сведения, какими не обладал в то время никто ни в России, ни за границей»[689]. «Рославльские» курды сыграли свою роль в этих достижениях ученого, став объектом научного исследования.

---

[683] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 504. 1856 г. Л. 5–5 об.
[684] Там же. Л. 6.
[685] Там же. Л. 6 об.
[686] Там же.
[687] Там же. Л. 6.
[688] Там же. Л. 7–8 об.
[689] Лерх Петр Иванович // Русский биографический словарь: в 25 т. / под ред. А.А. Половцова. М., 1914. Т. 10. С. 318.

При организации надзора за военнопленными после Крымской войны, несомненно, был учтен опыт Отечественной войны 1812 года, военных кампаний с Турцией 1806–1812, 1828–1829 годов. В ходе Крымской войны были разработаны нормативно-правовые акты, касающиеся военнопленных. Властными структурами всех уровней решались конкретные вопросы конвоирования в центральные губернии, выплаты порционных денег, обеспечения обмундированием, осуществление репатриации. При этом количество пленных было несравнимо меньшим, чем в Отечественную войну 1812 года. Во время Крымской войны на территории Российской империи помимо военнопленных, являвшихся подданными европейских государств, сосредоточилось значительное число турок и курдов. Они, будучи носителями иной культуры, вызывали у местного населения любопытство, удивление, настороженность, а иногда и неприятие, что приводило к конфликтам. Тем более что большинство турок и курдов были размещены не только в губернских, но и в уездных центрах, что, в свою очередь, требовало от местных властей повышенного внимания и контроля.

После Крымской войны иностранные военнопленные довольно быстро покинули территорию Российской империи. Случаи же принятия ими российского подданства являлись скорее исключением из правил. Вполне можно согласиться с утверждением В.А. Бессонова о том, что отношение к пленным было гуманным «со стороны гражданской администрации, опиравшейся в своей деятельности на четкие установки правительства, стремившегося сделать невозможным и любые обвинения России в варварстве и недостойном содержании пленных»[690].

[690] Бессонов В.А. Указ. соч. С. 62.

§ 4. Новые правила въезда и особенности пребывания иностранцев в России в преддверии Великих реформ

Поражение России в Крымской войне стало свидетельством не только кризисных явлений внутри страны, но и подрыва международного престижа Российской империи. Сложившийся англо-австро-французский блок был нацелен на политическую изоляцию России, что грозило национальным интересам страны и требовало поиска новых ориентиров в международной внешней политике. Стоит вспомнить высказывание В.О. Ключевского: «Обычно война – тормоз реформы, требующей мира. В нашей истории действовало иное соотношение: война с благополучным исходом укрепляла сложившееся положение, наличный порядок, а война с исходом непристойным вызывала общественное недовольство, вынуждавшее у правительства более или менее решительную реформу, которая служила для него своего рода переэкзаменовкой»[691].

Одной из важных позиций этой «переэкзаменовки» стало привлечение в Россию иностранных специалистов, потребность в которых ощущалась достаточно остро. 7 июля 1856 года по представлению министра иностранных дел император Александр II «изъявил… Всемилостивейшее соизволение на отмену вообще действовавших в последнее время паспортных постановлений относительно въезда иностранцев в наши пределы.

Его Величеству благоугодно было Высочайше утвердить на сей конец новые правила на основании которых Российским посольствам, миссиям и консульствам предоставлено выдавать и свидетельствовать, по своему усмотрению, и без предварительного испрошения на то разрешения Министерства иностранных дел, паспорты всем иностранцам отправляющимся в Россию за исключением: 1-е, лиц, коим поименно воспрещен Правительством въезд в наши пределы; 2-е, лиц, коих наши дипломатические агенты за границею, по собственным сведениям, имеют основания признавать неблагонадежными и 3-е, цыган, шарманщиков,

[691] Ключевский В.О. Собрание сочинений. В 9 т. Т. IV. М.: Мысль, 1989. С. 190.

разнощиков аптечных материалов, гипсовых фигур и вообще праздношатающихся.

За силою таковых новых правил могут приезжать к нам с одобрительными свидетельствами от миссий и лица, посвящающие себя воспитанию юношества; допущения же их к испытаниям на звание домашних учителей будет зависеть от Министерства народного просвещения»[692]. Следовательно, в 1856 году наметилось некоторое смягчение условий въезда иностранцев в Россию, что и нашло отражение в законодательстве империи[693].

Это не отменяло прежнего контроля в отношении иностранцев-учителей. В 1856 году III Отделению Собственной Е.И.В. канцелярии вновь рекомендовалось внимательно следить за приехавшими иностранными воспитателями, чтобы они «были немедленно подвергаемы секретному надзору, с отобранием подписок, что они отнюдь не будут заниматься у нас преподаванием уроков или воспитанием детей, до выдержания установленного экзамена и предоставления одобрительных о них свидетельств»[694].

30 октября 1857 года Санкт-Петербургский генерал-губернатор обратился в III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии за разъяснением: «достаточно ли требование подписок с иностранных учителей не преподавать до прохождения экзамена». Генерал-губернатор был убежден в том, что «полиция не может наблюдать за этими иностранцами внутри семейств, где они проживают, и что отобрание от них подписок составляет один только обряд, который может быть ими не исполнен»[695].

---

[692] АВПРИ. Ф. 161. II-8. Оп. 82. Д. 214. 1848 г. Л. 27 об.–28 об.
[693] ПСЗ-2. Т. XXXI. № 30911.
[694] Цит. по: Абакумов О.Ю. «…Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов: Научная книга, 2008. С. 157–158.
[695] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 142. Д. 425. 1857 г. Л. 7–7 об.

В ответе III Отделения содержалось уведомление о том, что в случае нарушений виновные (как иностранцы, так и принимающие их русские подданные) могут быть наказаны в соответствии со статьями 1321 и 1322 Уложения о наказаниях[696]. С иностранца-учителя, поступившего в частный дом, частное училище или пансион, не имея предусмотренных законом свидетельств об образовании, и нанимателя такого иностранного педагога полагалось взыскать с каждого по 75 рублей «в пользу капитала призрения людей, приобретших право на обучение юношества в частных домах»[697]. В случае повторения подобного правонарушения новый штраф с обоих был уже вдвое больше (150 рублей), кроме того, иностранец высылался за границу (для сравнения в отношении русского «горе-учителя» помимо штрафа предусматривалось годичное нахождение под надзором полиции)[698].

Полиция, располагая подробными сведениями «о составе отдельных семейств, проживающих в каждом доме и о звании принимаемых в оные на жительство или услужение посторонних лиц»[699], обязана была своевременно доводить до сведения начальства замеченные нарушения. Все переезды иностранцев, в том числе учителей и гувернеров, по-прежнему отслеживались, однако самой смене места службы власти не препятствовали.

Когда в марте 1859 года уроженка Базеля, гувернантка Каролина Виланд из города Ливны Орловской губернии, где она служила в семье Морголи, прибыла в Новгород, швейцарка предъявила Новгородскому губернатору билет № 15 от 20 февраля 1859 года, который был выдан ей Орловским губернатором[700]. Новгородский начальник губернии посчитал нужным навести справки у орловского коллеги, «не было ли препятствий к выезду К. Виланд из Орловской губернии». В переписке канцелярии Орловского

---

[696] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 142. Д. 425. 1857 г. Л. 7 об.
[697] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Спб.: Тип. II Отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1845. С. 536.
[698] Там же.
[699] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 142. Д. 425. 1857 г. Л. 9.
[700] ГАОО. Ф. 580. Оп. 1. Стол 2. Д. 1441. 1859 г. Л. 1.

губернатора с городничим Ливен содержался положительный для Виланд ответ[701].

Продолжал действовать запрет для духовных лиц, принадлежавших к иезуитскому ордену, поэтому желавшие приехать в Россию представители духовенства обязаны были письменно объявить о том, что они не имеют отношения к ордену. Об этом сообщали в МИД и делали отметку в паспорте. Существовали особые правила прибытия духовных лиц из Швейцарии и Турции[702].

Традиционно не были обойдены вниманием III Отделения иностранные дипломаты. Прусский посол в России в 1859–1862 годах О. Бисмарк не без оснований считал, что «ни одна миссия не могла обойтись там [в Санкт-Петербурге] без того, чтобы не допускать в свое помещение русский низший персонал и прислугу, и из этой среды тайной полиции не трудно было вербовать своих агентов»[703]. Подтверждает секретный надзор за дипломатическим корпусом и дневник управляющего III Отделением Л.В. Дубельта[704].

Проблемы, возникшие в связи с ростом числа приезжавших иностранцев, потребовали активизации деятельности 3-й экспедиции III Отделения Е.И.В. канцелярии. 15 декабря 1856 года ее чиновниками была составлена секретная инструкция на французском языке по организации наблюдения за иностранцами на территории империи[705]. В документе подчеркивалось, что не только принимаемые правительством решения, но и развитие железных дорог стимулирует приток иностранцев в Россию. Государство, по мнению авторов инструкции, заинтересовано, главным образом, в привлечении в страну иностранных предпринимателей и специалистов. По мысли чиновников

---

[701] ГАОО. Ф. 580. Оп. 1. Стол 2. Д. 1441. 1859 г. Л. 4.
[702] Абакумов О.Ю. «…Большая часть из них канальи…» (Надзор за иностранцами в России 1840–1860-х гг.) // Туризм и культурное наследие: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 51.
[703] Цит. по: Там же. С. 70.
[704] Там же. С. 68–70.
[705] ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 3а. Д. 2364. 1856 г. Л. 1–4.

III Отделения, установление порядка более свободного въезда в Российскую империю требовало совершенствования системы наблюдения за иностранцами. Авторы документа считали необходимым, помимо проверки паспортов и допроса иностранных подданных в III Отделении, осуществление негласного надзора за действиями и образом мысли иностранцев с помощью агентуры III Отделения из числа негоциантов, мануфактуристов, актеров, женщин легкого поведения. Доверенными лицами могли стать представители обслуживающего персонала крупных гостиниц. При этом ради объективности информации, получаемой от агентов, следовало сохранять в тайне от них сведения друг о друге и об их связи с жандармерией. Наиболее эффективным методом секретного надзора признавалось тайное наблюдение. Помимо опыта, агентуре в сборе данных необходимы были знания в сфере психологии, помогавшие войти в доверие: «Выполненная услуга, высохшая слеза, достаточное честолюбие являются обычными стимуляторами человеческой натуры»[706]. Действовать следовало с крайней осторожностью, так как «поспешность может привести к последствиям, полным сожалений»[707]. В инструкции признавалась целесообразность паспортной системы, помогавшей отслеживать передвижение иностранцев по территории России. В документах III Отделения особо подчеркивалось, что секретный надзор над иностранцами необходим, так как среди них «легко могли быть люди, зараженные демократическим духом»[708].

Среди столичной агентуры III Отделения были не только русские, но и иностранцы (француз и француженка, англичанин и немец)[709]. Агенты посещали заведения, где бывали иностранцы, наблюдали и собирали информацию. Даже при ее отсутствии доносили о том, что «в последнее время ничего особенного, могущего обратить на себя внимание»[710] не замечено.

---

[706] ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 3а. Д. 2364. 1856 г. Л. 4.
[707] Там же.
[708] Абакумов О.Ю. «…Большая часть из них канальи…» С. 54.
[709] Там же. С. 55.
[710] Цит. по: Там же. С. 55.

Внимание агентов, осуществлявших секретный надзор, привлекали как конфликты на национальной почве (например, драка с английскими моряками в Кронштадте в 1857 году), так и бытовые происшествия (продажа немецким шкипером кота, пропавшего у местного лавочника)[711]. В отчете шефа жандармов императору за 1858 год отмечалось, что число иностранцев, приезжавших в столицу «для приискания занятий по устройству в империи железных дорог, частных фабрик и заводов и, вообще, для поступления в разные промышленные заведения», а также иностранных ремесленников растет и достигает «иногда до нескольких сот человек»[712].

Для качественного наблюдения агент под благовидным предлогом старался лично «коротко» познакомиться с интересующими его лицами, выясняя их настроения и «образ мыслей». Так, у приехавших для участия в строительстве Варшавской железной дороги французов агент выяснил: «Помещением в гостинице, кушаньем и вином не довольны, находят, что весьма дорого и нет такого комфорта, как во Франции <…> Все они ведут себя очень тихо, во время пребывания их в гостинице не было между ними ни споров, ни шуму, разговор их за обедом и после за картами вовсе не так жив, как должно ожидать от французов-работников. Петербург им нравится, но они находят, что Париж лучше, особенно в настоящее время, когда сделано несколько новых улиц, послуживших к украшению города и к удовлетворению политических целей Наполеона»[713].

Конечно, агента интересовали, в первую очередь, взгляды его новых знакомых в отношении императорской власти в собственной стране и России. Агент сумел выяснить, что «императора французов не любит большая часть Франции, особенно Париж, но так как в нем третья часть населения состоит из наружной и тайной полиции, то все молчат до поры до времени и думают, а как надумаются, да поднимут бунт, то и не скоро уймут. <…> По мнению их,

---

[711] Абакумов О.Ю. «…Большая часть из них канальи…» С. 56.
[712] Цит. по: Там же. С. 59.
[713] Цит. по: Там же. С. 58.

Франция теперь похожа на прежнюю Россию в николаевские времена, а Россия на прежнюю Францию. Противу правительства своего у всех враждебные мысли. О русских ничего не говорят»[714]. В отношении французских специалистов решение руководства III Отделения звучало так: «Эти французы оказались чуждыми политических идей… надзор за ними прекращен»[715]

При серьезных подозрениях в принадлежности «к партии красных» агенту мог быть разрешен и тайный обыск жилища иностранца. Так произошло в отношении виноторговца Севена, позволившего себе недоброжелательное высказывание о русских на страницах газеты «La Gironde»: «…Русский, вообще, медлителен, скрытен, недобросовестлив; его характер отзывается тем рабством, которое его гнетет два века и от которого великодушные начинания Александра II стремятся его освободить»[716].

Агенты III Отделения интересовались слухами и разговорами иностранцев в питейных заведениях и отмечали, что, помимо некоторого высокомерия по отношению к России, звучали ее положительные оценки. Так, сравнивая Францию и Россию, французские подмастерья находили, что при Александре II: «Может всякий жить и говорить свободно и что само правительство, видимо, старается покровительствовать такой разумной свободе, ослабляя цензуру, освобождая крестьян, не преследуя слова и т.п.»[717]. В поле зрения III Отделения, благодаря работе его агентуры, входили не только путешественники, ремесленники, иностранные предприниматели, но и иностранки-актрисы и женщины легкого поведения. Слежка за «французскими развратницами» оправдывалась беспокойством об увлекавшихся ими некоторых российских аристократах, о «моральном облике» и материальном

[714] Там же. С. 58.
[715] Там же.
[716] Цит. по: Там же. С. 59.
[717] Цит. по: Там же. С. 65.

благосостоянии последних[718]. Получая соответствующие сигналы, III Отделение доводило их до сведения полиции[719].

Если в столице появление иностранцев не было событием, то в провинции в силу малочисленности иностранных подданных они всегда были на виду. Командированный на Нижегородскую ярмарку старший чиновник III Отделения А. Гедерштерн отметил, что приехавшие туда англичане заметны «с первого взгляда уже издали… по оригинальности походки, рыжим бородам и фантастическим шляпам. Их всюду видишь в цирке, у Германа, в лубочном театре <…> в местах наиболее богатых видами окрестностей <...> и в народной толпе торгующей ярмарочной черни <…> на сию последнюю, кажется, эти англичане-наблюдатели устремляют особенно любопытные свои взоры – разговаривая между собой насчет наших мужичков с видимою насмешкою и даже с обидным призрением, как будто английская чернь сколь-нибудь лучше русской»[720]. Любопытно, что в преддверии либеральных реформ в России в записях агентов содержалась не только фиксация настроений иностранцев и подчеркивание их необоснованно надменного отношения к местному населению и сложившимся здесь устоям, но и обращалось внимание на экономические мотивы приезда иностранцев – «чтобы приобретать и обогащаться, а не издерживаться, как наши русские туристы безотчетно расточают за границей русское золото»[721].

Не были обойдены вниманием III Отделения и знаменитые иностранцы. Так, приезд в Россию в 1858 году Дюма-отца заставил активизировать работу агентуры и вести наблюдение и фиксацию мест, где бывал французский писатель. Во время же его путешествия по России был организован гласный надзор полиции, а материалы рапортов жандармских чиновников составили дело «Об учреждении надзора над французским подданным писателем Александром Дюма», сохранившееся среди материалов 3-й экспедиции в фонде

---

[718] Там же. С. 65.
[719] Там же. С. 66.
[720] Цит. по: Там же. С. 55.
[721] Цит. по: Там же. С. 64.

III Отделения[722]. Русский гид-переводчик Дюма, студент Московского университета А. Калино, вероятно, также получил инструкции из III Отделения. В свою очередь, Дюма оставил собственные воспоминания о пребывании в России, которые свидетельствуют об осознании им факта надзора и удивлении нерасторопностью гида и непониманием им фразы – «Калино, займитесь сбором сведений»[723].

Согласно «Уставу о паспортах и беглых» 1857 года, иностранец по-прежнему обязан был получать виды для проезда из губернии в губернию, они выдавались на двухрублевых гербовых листах. Годовые виды на жительство стоили также 2 рубля и могли быть продлены по истечении срока. Кратковременный билет для проезда из Кронштадта в Петербург обходился иностранцу в 15 копеек. Кроме того, приложением к путевому билету или виду на жительство служил листок на иностранном языке с кратким изложением о видах и паспортах (стоимостью 10 копеек). В столицах билеты на жительство выдавали: в Петербурге – Адресная экспедиция, в Москве – Иностранное отделение канцелярии военного генерал-губернатора[724].

Согласно статье 132 «Устава о паспортах и беглых», иностранцы обязаны были сдавать начальникам пограничных губерний и областей лишь выданные российскими миссиями паспорта. Они передавались затем на хранение в III Отделение. 29 июля 1860 года в связи с изданием новых правил о паспортах эта статья была изменена: представление паспортов в III Отделение уже не требовалось, они должны были храниться в канцеляриях начальников пограничных губерний и областей, где выдавались на основании этих документов свидетельства на право проживания в России[725].

Решение о высылке иностранца, имевшего узаконенный вид на жительство, могло последовать только по судебному приговору или же решению высшего начальства. Обо всем сомнительном в отношении

---

[722] Там же. С. 74–75.
[723] Там же. С. 73.
[724] Абакумов О.Ю. «…Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». С. 156–157.
[725] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 160. Д. 107. 1875 г. Л. 6 об.–8.

иностранцев местные власти должны были по-прежнему информировать III Отделение[726]. Анализируя случаи высылки иностранцев, приводимые О.Ю. Абакумовым, можно констатировать, что чаще всего поводами выступали: политическая неблагонадежность, неподобающий образ жизни (бродяжничество, распутство), совершение уголовного преступления (мошенничество, воровство, распространение контрабанды)[727].

Высочайше утвержденным Именным, данным Сенату, указом от 7 июня 1860 года «О правах пребывающих в России иностранцев» открыто признавалось значение иностранных капиталов для экономического развития России, а потому иностранцам дозволялось вступать в купеческие гильдии и пользоваться равными правами с русскими купцами. Иностранцам гарантировалась неприкосновенность жилища и имущества, а также было дано разрешение «приобретать, как через куплю, так и по наследству, завещаниям, дарственным записям, отводам от казны и т.п., всякого рода движимые и недвижимые имущества, за исключением лишь тех, коими, по действующим узаконениям, могут владеть только принадлежащие к Российскому потомственному дворянству и иностранцы, получившие права оного»[728].

29 июля 1860 года были Высочайше утверждены «Правила о выдаче паспортов иностранцам, приезжающим в Россию чрез Европейскую границу и проживающим в Империи». Согласно им, иностранцы получили возможность въезда в Россию: 1) по паспортам, выданным российскими миссиями и консульствами за границей, 2) по национальным паспортам и вандербухам (дорожным книжкам), засвидетельствованным русскими миссиями и консульствами, 3) по тем паспортам, на которых была надпись о выдаче русского вида, если срок действия не истек; 4) по паспортам, выданным в России для выезда за границу, но с отметкой русских миссий и консульств не позднее года со дня выдачи.

---

[726] ПСЗ-2. Т. XII. Ч. 1. № 10303. § 49.
[727] Абакумов О.Ю. «…Большая часть из них канальи…» С. 76–77.
[728] ПСЗ-2. Т. XXXV. Ч. 1. № 35880.

По прибытии в Россию иностранец должен был в первом же по пути российском городе явиться к начальнику губернии и, предъявив свой паспорт, получить взамен «паспорт для жительства и переездов в Империи». В Правилах оговаривались нюансы, связанные с видом транспорта, которым иностранцы прибывали в Россию: если иностранец избирал морской путь, то получить паспорт на жительство он был обязан от градоначальника порта или губернатора соответствующей губернии; если же он ехал «из пограничных мест в почтовых каретах и бричках, а впоследствии и по железной дороге», то мог отложить получение паспорта до пункта прибытия.

Согласно «Правилам о выдаче паспортов…» 1860 года, для получения «паспорта на жительство в Империи» иностранец был обязан дать показания «о звании, имени, фамилии, подданстве, месте рождения, времени приезда в Империю, цели прибытия, вероисповедании, женат ли он, холост или вдов, имеет ли при себе семейство, и если имеет, то поименовать, кто при иностранце находится, с означением лет каждого»[729]. Показания иностранец должен был удостоверить собственноручной подписью. Фиксировались приметы: возраст, рост, цвет волос, брови, цвет глаз, величина и особенности носа и рта, подбородок, форма лица. Выделялись «особые приметы» (шрамы, особенности фигуры, следы болезни и т.д.).

Из упомянутых выше сведений в паспорт вносились данные о полном имени иностранца, подданстве, месте рождения; в случае если иностранец родился не в России, то указывался год его прибытия в империю и документ, на основании которого был разрешен въезд. Указывалось вероисповедание, семейное положение, «на какое время, от кого и по какому документу дается паспорт; приметы, подпись предъявителя, с собственноручным, если пожелает, объяснением на родном языке места родины». Паспорт подписывался начальником губернии и правителем канцелярии, прикладывалась печать канцелярии губернатора. Сам документ (годовой паспорт на жительство и на переезды по территории Российской империи) оформлялся на гербовой бумаге

[729] ПСЗ-2. Т. XXXV. Ч. 1. № 36051.

стоимостью 2 рубля серебром (либо рукописно, либо на типографском бланке на русском языке). Кроме того, отпечатанные паспортные правила для иностранцев на европейских языках подшивались к паспорту («цена каждого экземпляра как на французском, так и на немецком языках по 5 к.[копеек] с.[серебром]»[730]).

При возобновлении годового паспорта иностранец обязан был вновь заплатить пошлину за гербовую бумагу в канцелярию губернатора (либо в местный земский суд или городскую полицию) и в назначенный срок явиться за документом. При этом управляющий канцелярией обязан был навести справки о том, нет ли каких-либо препятствий к выдаче паспорта. Прежний годовой вид сдавался в канцелярию и хранился вместе с квитанцией об оплате за гербовую бумагу и распиской в получении паспорта. Для иностранцев, проживавших в столицах, предусматривался также адресный сбор в пользу городских доходов.

В случае выезда иностранцев за границу они получали заграничные паспорта, гербовый сбор при этом составлял 50 копеек серебром. Упрощенный порядок оформления документов был предусмотрен для иностранцев, прибывавших в Россию на одну–две недели. Свои особенности были и в документировании проживания в Российской империи жителей пограничных с Австрией территорий[731].

С введением Правил 1860 года III Отделению стало сложнее отслеживать ситуацию, так как приезжавшие в столицу иностранные подданные освобождались от явки в III Отделение, а следовательно, теперь не было возможности «ознакомиться с личностью каждого иностранца немедленно по его прибытию»[732].

Новые правила въезда дали результаты в 1860-е годы, когда число иностранцев, въезжавших в пределы России, возросло до 50–60 тысяч человек в

---

[730] ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 537. 1860 г. Л. 19.
[731] ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 537. 1860 г. Л. 19.
[732] Цит. по: Абакумов О.Ю. «… Большая часть из них канальи…» С. 54.

год, а в 1869 году достигло 92 687 человек[733]. Положительная динамика численности иностранцев в империи прослеживается и на территории Смоленской губернии. По статистическим данным канцелярии губернатора, в 1844 году на Смоленщине проживало 100 иностранцев (из них 1 купец, 3 «занимались обучением детей по законным дозволениям», остальные – «ремеслом и частной службой»)[734]. В 1847 году иностранцев в губернии было 111 (из них учителей – 12, «ремеслом и частной службой» занимались 99 человек)[735]. В 1855 году значилось 134 иностранца[736], в 1856 году – 116 человек (из которых 85 были заняты «ремеслом и частной службой»[737]), в 1857 году – 128 человек (из них 7 учительствовали, а 86 зарабатывали «ремеслом и частной службой»[738]), в 1860 году – 149 человек[739]. Выбор иностранцами Смоленщины как места жительства связан с близостью к западной границе и Москве, а также с наличием в губернии большого числа усадеб российской знати, приглашавшей к себе иностранных подданных в качестве компаньонов, слуг, садовников, егерей, управляющих имениями, гувернеров, учителей и др. Кроме того, новыми правилами въезда российское правительство пыталось обеспечить приток иностранцев в империю, стремясь использовать европейский опыт в различных отраслях отечественной экономики. Подтверждением этому стало Высочайшее утверждение 1 января 1863 года «Положения о пошлинах за право торговли и других пошлинах, уравнивавшее положение иностранцев с российскими предпринимателями»[740].

10 февраля 1864 года было Высочайше утверждено мнение Государственного Совета «О правилах относительно принятия и оставления

---

[733]Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Наблюдение за иностранцами в России. По материалам III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии // Петербург – место встречи с Европой: материалы IX Царскосельской научной конференции. СПб.: Царское село, 2003. С. 309.
[734] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. 1844 г. Л. 3.
[735] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 415. 1848 г. Л. 23 об.–24.
[736] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 216. 1855 г. Л. 4.
[737] ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 623. 1857 г. Л. 27.
[738] ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 487. 1857 г. Л. 12 об.
[739]Памятная книжка Смоленской губернии на 1861 год. Смоленск, 1862. Ч. II. С. 15–16.
[740] ПСЗ-2. Т. XXXVIII. № 39118.

иностранцами Российского подданства»[741]. Условиями для принятия подданства были: «предварительное водворение в пределах Российской империи». Для этого иностранец обязан был обратиться к начальнику желательной для него губернии с заявлением о своем намерении проживать в ней с сообщением о своем занятии на родине и предполагаемом занятии в России. Начальник губернии обязан был выдать свидетельство, с этого времени иностранец считался водворенным в России. Для иностранца, уже проживавшего в империи, датой водворения считалась дата самого первого полученного им в России законного документа.

Иностранец имел право просить о принятии в русское подданство после 5 лет «водворения в России». Исключения могли быть сделаны лишь для «иностранцев, оказавших России особенные заслуги, или же известных замечательными талантами, особыми учеными познаниями и проч. Кроме того, иностранцы, которые уже находились на российской службе, а также духовные лица, приглашаемые по распоряжению Министерства внутренних дел, могли быть допущены к присяге без всяких сроков»[742].

Стоит отметить, что и прежде принятие российского подданства было обычно обдуманным шагом, который предпринимался после длительного проживания в России. Характерный пример – приведение к присяге на верность России 12 февраля 1858 года в Смоленске прусской подданной Луизы Фредерики Гревель, 35 лет, дочери «почты секретаря прусской службы», поселившейся в Российской империи «17 лет тому назад»[743].

Замужние иностранки не допускались к принятию подданства отдельно от мужей. Дети, рожденные после принятия подданства, считались российскими подданными. Для детей, рожденных до принятия родителем подданства, законом оговаривались правила самостоятельного вступления в подданство России.

---

[741] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Ч. 1. № 40588.
[742] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Ч.1. № 40588.
[743] ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 640. 1858 г. Л. 3.

В отношении детей иностранцев такое положение существовало и ранее. Поэтому, несмотря на то, что прусский подданный Ипполит Шперлинг с семейством принял российское подданство в Смоленской губернии в 1850 году[744], 22-летний Василий Федоров Шперлинг, также подданный Пруссии, родившийся в Ельне, принес присягу России самостоятельно 17 июня 1858 года с выдачей билета за № 5796 «на избрание рода жизни какой пожелает»[745]. Еще один представитель этого семейства, прусский подданный Павел Федоров Шперлинг изъявил желание принять российское подданство в августе 1861 года[746], а ельнинский мещанин Федор Карлов Шперлинг, принесший присягу на верность России «11 лет назад», в 1862 году просил выдать билеты на жительство его детям Ивану и Марье как прусским подданным[747].

Прошение иностранца о принятии подданства подавалось на рассмотрение министру внутренних дел и должно было включать в себя следующие сведения: «а) в каких местах проситель проживал во время водворения его в России, чем он занимался, и какие имеет свидетельства о своем образе жизни; б) к какому состоянию и обществу он желает и в праве приписаться; в) в каком городе он желает быть приведенным к присяге и г) будет ходатайствует о применении к нему сокращенного срока водворения, то на каких обстоятельствах основывается это его ходатайство»[748]. К прошению прилагались документы о состоянии иностранца, заверенные нашими дипломатическими миссиями и Министерством иностранных дел, а также свидетельство о предшествующем прошению сроке водворения в России. В случае положительного решения министром внутренних дел присяга осуществлялась по соответствующей форме на родном языке или на любом известном языке в присутствии губернского правления (в исключительных случаях в присутствии местного полицейского управления или российских

---

[744] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 269.
[745] ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 640. 1858 г. Л. 6.
[746] Там же. Д. 851. 1859 г. Л. 1–1 об.
[747] ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 851. 1859 г. Л. 4–5 об.
[748] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Ч. 1. № 40588.

миссий) и духовного лица того вероисповедания, к которому принадлежал присягавший. Присяжный лист и протокол подписывались всеми присутствовавшими и присягавшим. Эти подлинные документы предоставлялись начальнику губернии для выдачи свидетельства о принятии в подданство.

Согласно статье 19 закона, иностранцы, принявшие подданство России, уравнивались в правах с коренными подданными Российской империи. Было ликвидировано существовавшее различие между натурализованным иностранцем и подданным по рождению.

Принявшие подданство России до вступления в силу закона от 10 февраля 1864 года имели право вернуться в прежнее подданство. В этом случае они могли уехать за границу или оставаться в России на правах иностранца. В последнем случае необходимо было получить надлежащий вид или удостоверение от своего правительства (в течение одного года для иностранцев Европейских государств и двух лет для тех, кто находится в Сибири или является выходцем «из других частей света»). До получения этого документа от своего правительства иностранцы должны были иметь вид на жительство от губернского начальства[749].

Таким образом, несмотря на появление либеральных тенденций в российском законодательстве относительно пребывания иностранных подданных в стране, III Отделение действовало прежними методами, опираясь в проведении негласного надзора на агентуру, а гласного – на жандармских чиновников и местную полицию. В связи с ростом числа иностранцев и отменой их явки в III Отделение заметно снизилась эффективность его работы по контролю над иностранцами, хотя «охранители с равным старанием оберегали безопасность страны и нравственное здоровье нации»[750].

---

[749] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Ч. 1. № 40588.
[750] Абакумов О.Ю. «… Большая часть из них канальи…» С. 77.

Анализируя деятельность надзорных органов с момента создания III Отделения и до начала реформ Александра II, можно сделать вывод о том, что именно внутриполитическая ситуация и международная обстановка оказывали существенное влияние на усиление или ослабление политики надзора за иностранцами. В эти годы Россия активно принимала иностранных подданных, убедившись в их политической лояльности и профессиональных способностях. При возникновении опасности, исходившей от революционной Европы, в империи изменялось отношение к иностранцам: они вновь начинали восприниматься властями как потенциальные революционеры, а потому въезд европейцев на территорию России в большинстве случаев был запрещен. В период Крымской войны на проведение надзорных мероприятий в отношении пленных и организацию их репатриации в определенной степени оказала влияние конфессиональная принадлежность значительного числа военнопленных к мусульманству.

Вступление на престол Александра II привело к изменениям во внутренней и внешней политике России, что, безусловно, сказалось на деятельности надзорных учреждений, осуществлявших контроль над представителями разных государств и конфессий, специалистами в различных областях экономики, культуры, науки и образования. В империи были введены новые правила въезда для иностранцев. Позже их права были уравнены с российскими подданными. В этих новых условиях надзорные органы по-прежнему исполняли возложенные на них полномочия по защите государственных интересов Российской империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская империя в 1801–1861 годах, в силу сложившихся внутренних и внешнеполитических обстоятельств, приобрела ценный опыт по надзору за иностранцами, оказавшимися на ее территории. Проанализированный автором значительный комплекс источников и литературы позволил исследовать особенности надзорных мероприятий, применявшихся как в отношении гражданских лиц, так и военнопленных.

При освещении историографии проблемы были выделены единичные работы по вопросам надзора в Российской империи в дореформенный период, а также охарактеризована обширная литература по истории государственных органов, занимавшихся обеспечением контроля над иностранцами. Особо было обращено внимание на научную литературу по проблеме военнопленных наполеоновских войн и Крымской войны 1853–1856 годов. Кроме того, рассмотрены работы на тему «Иностранцы в России» в первой половине XIX века. Изучение историографии показало, что тема диссертации является в настоящее время малоисследованной, что потребовало обращения к широкому кругу разнообразных источников.

При анализе последних, условно разделенных на опубликованные и неопубликованные, первая группа рассмотрена по видам, а вторая – по фондам федеральных, ведомственных и региональных архивов. Использованные в работе архивные документы введены в научный оборот впервые, что позволило осветить многие аспекты надзора за иностранцами как междисциплинарную проблему.

При раскрытии методологии исследования в диссертации, вполне обоснованно, уделено внимание современному состоянию методологических поисков, историческим принципам и методам изучения прошлого. Подход «от источника – к концепции» в данной работе является принципиальным и представляется наиболее продуктивным при исследовании исторической проблемы, носящей междисциплинарный характер и тесно связанной с

«историей повседневности», «новой локальной историей», «гендерной историей», биографикой и т.д.

Изучение надзора за иностранцами в Российской империи показало, что в рассматриваемый период (1801–1861 гг.) совершенствовалась нормативно-правовая база, реформировались государственные органы, обеспечивавшие контроль над иностранными подданными, а также изменялась практика регистрации их пребывания в России, реализовывались меры, способствовавшие принятию иностранцами российского подданства.

В зависимости от меняющейся международной обстановки государственная политика в отношении иностранных подданных была направлена то на стимулирование, то на сдерживание миграционного потока из-за рубежа. Российское правительство все время находилось перед дилеммой: иностранцы – это вред или польза?

В большинстве случаев принятые правительством решения были достаточно гибкими, они учитывали не только расстановку политических сил в Европе, но и потребности Российской империи в специалистах. Поэтому лишь отчасти можно согласиться с учеными, указывающими на период с конца XVIII до середины XIX века как на время «законодательного ограничения прав иностранцев в России» (в отличие от второй половины XVIII века, когда российское законодательство предоставляло «наиболее благоприятные условия для проживания иностранцев», а также от второй половины XIX – начала XX века – периода совершенствования законодательного статуса иностранцев в связи с реформами 1860-х годов и «расширением международно-правового сотрудничества Российской империи с другими государствами»[1]). В действительности, правовая ситуация первой половины XIX века была более сложной. В этом убеждает комплексный анализ всей массы источников по вопросам надзора за иностранными подданными.

---

[1] Тесленко А.М. Правовой статус иностранцев в России: вторая половина XVII – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Уральская гос. юридич. акад. Екатеринбург, 2000. С. 5.

Обострение отношений между Российской империей и конкретной страной или международной коалицией сразу же отражалось в законодательстве, касавшемся условий въезда и пребывания в России граждан данных стран. Подтверждением тому стал Именной Высочайший указ, данный Правительствующему Сенату, «О высылке из России всех подданных Французских и разных немецких областей…» от 28 ноября 1806 года (в связи с участием России в антифранцузской коалиции)[2].

В диссертационном исследовании показаны конкретные мероприятия по регулированию въезда, осуществлению паспортного режима до вторжения на территорию Российской империи Великой армии Наполеона. При этом рассмотрены вопросы взаимодействия российских миссий и консульств за рубежом с министерскими структурами внутри страны по обеспечению въезда в Россию благонадежных лиц, способных себя содержать, чтобы не стать предметом беспокойства правительства и обузой для казны.

С началом Отечественной войны 1812 года российские власти для выявления «подозрительных» попытались провести «разбор иностранцев», проживавших в империи. Однако вследствие быстрой оккупации некоторых губерний «разбор» на их территории смогли завершить только после освобождения от неприятеля. В основном расследование касалось тех иностранцев, которые сотрудничали с французской администрацией. Следственные комиссии (на примере московской и смоленской) признали действия иностранных подданных вынужденными, а находившиеся под подозрением в коллаборационизме были в подавляющем большинстве амнистированы. В целом, можно утверждать, что российское правительство сумело обеспечить достаточно эффективный контроль над иностранцами в довоенный период и проявило милосердие в отношении тех из них, кто под угрозой насилия сотрудничал с оккупантами.

В ходе военной кампании 1812 года значительная часть Великой армии оказалась в русском плену. Это потребовало от российских властей создания

[2] ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22371.

законодательства в отношении военнопленных и обеспечения его реализации на местах, организации массовых перемещений иностранцев внутри страны, а затем осуществления мероприятий по репатриации, растянувшейся для многих пленных на годы. На основе архивных материалов и научных публикаций, посвященных военнопленным, в диссертации рассмотрены различные аспекты контроля над этой категорией иностранцев, показаны попытки центральных органов власти регламентировать действия местных администраций в отношении пленных.

В целом позицию российских государственных структур можно оценить как гуманную. Однако сложности, с которыми пришлось столкнуться конкретным исполнителям надзора при его осуществлении, позволяют увидеть реальную ситуацию не столь однозначной. Это объясняется большой численностью военнопленных, нерасторопностью и даже жестокостью отдельных чиновников и конвойных, нехваткой одежды и обуви, несвоевременными выплатами порционных денег и т.д.

Наполеоновскую армию нередко сопровождали женщины и дети, многие из которых позже оказались в русском плену. В диссертации описаны конкретные жизненные коллизии, отношение властей и местного населения к этим гражданским лицам, оказавшимся абсолютно беззащитными в ходе военных действий, а затем в трагической ситуации плена.

После войны 1812 года сложившаяся новая политическая обстановка внутри страны и признание международного авторитета России привели к увеличению числа иммигрантов, что потребовало совершенствования паспортной системы в отношении иностранцев (была проведена унификация билетов, выдаваемых прибывавшим в Российскую империю; с 1814 года срок действия видов на жительство был продлен до года).

Руководящим органом, обеспечивавшим контроль над иностранными подданными, являлась Особенная канцелярия Министерства полиции (1810–1819). С упразднением данного ведомства она вошла в состав Министерства внутренних дел (1819–1826). С учреждением в 1826 году III Отделения

Собственной Его Императорского Величества канцелярии надзор за иностранцами стал одним из важных направлений деятельности этой структуры. В диссертации на большом фактическом материале представлен механизм взаимодействия вышеназванных органов с центральными и местными властями по вопросам контроля за пребыванием иностранцев в России.

III Отделение, в лице своего руководителя, нередко выступало перед императором с инициативами, имевшими целью – сдержать наплыв иностранцев в Россию. Созданный в 1841 году Комитет об иностранцах сумел выработать единую точку зрения III Отделения и министерств на проблему миграции. В условиях начинавшегося промышленного переворота и относительно стабильной внутриполитической ситуации дилемма: ограничить приезд иностранцев по политическим мотивам или допустить с точки зрения возможных экономических выгод – была разрешена в пользу экономики. На архивных источниках удалось показать, что деятельность Комитета привела к важному результату – сбору и обобщению статистических сведений об иностранцах, проживавших на территории России.

Отвечая на вопрос: насколько действенен был контроль над иностранными подданными, осуществлявшийся под руководством III Отделения, можно согласиться с известным утверждением Николая I о том, что «Россией правит не император, а столоначальники». Несмотря на, казалось бы, жестко выстроенную вертикаль власти, указания III Отделения и министерств, транслировавших волю государя, и даже повеления его самого и членов правящей династии исполнялись несвоевременно, иногда в течение нескольких лет (в основном из-за чиновничьей волокиты на губернском и уездном уровнях).

Важен и вывод о том, что учет всех иностранцев, проживавших в губерниях, далеко не всегда осуществлялся «с надлежащим усердием». Об этом свидетельствуют описанные в работе случаи, наиболее яркий из которых связан с австрийцем Нудером. Выявить же неучтенного иностранца часто удавалось

благодаря не усилиям полиции, а лишь стечению обстоятельств. Большое внимание в настоящем исследовании намеренно уделено надзору за иностранными учителями и врачами, так как эти иностранцы, по долгу профессии, были ответственны за нравственное и физическое здоровье своих подопечных. Следовательно, государство было заинтересованно держать подобные вопросы под своим неусыпным контролем. Нарушения иностранцами российского законодательства грозили им штрафами, а в случае повторения правонарушений – высылкой за пределы страны.

Действия властей в отношении иностранных подданных, оказавшихся на территории России в 1830 и 1848 годах, рассмотрены на конкретных примерах. Вследствие революционных событий в Европе были ужесточены меры контроля за въездом иностранцев, вплоть до закрытия границы (особенно для французов)[3]. В то же время, несмотря на усиление надзора, иностранные специалисты, в случае проявления ими политической лояльности к монархии и высоких профессиональных качеств, продолжали вполне успешно работать в России, несмотря на любые изменения международной обстановки. Российское правительство, осознавая их вклад в развитие различных сфер экономики, образования, науки и культуры, стремилось через принятие соответствующих нормативно-правовых актов подтолкнуть иностранных специалистов к выбору в пользу России (принятию присяги на верность ей).

Крымская война 1853–1856 годов, став новым серьезным испытанием для Российской империи, была проиграна ею. Тем не менее, масштабный военный конфликт вынудил власти страны решать многочисленные вопросы пребывания иностранных пленных на территории России. В связи с этим, в диссертации рассмотрены «сюжеты» о турках и курдах, оказавшихся тогда на Смоленщине. Эти военнопленные не только стали объектом надзора властей всех уровней, но и невольно позволили местному населению познакомиться с иными религиозными, бытовыми особенностями и социокультурной

[3] ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 131. 1846 г. Д. 79. Л. 1–14.

практикой. Язык курдов, содержавшихся некоторое время в Рославле Смоленской губернии, изучался известным востоковедом П.И. Лерхом, научные выводы которого нашли отражение в трудах ученого.

После окончания Крымской войны возросла экономическая заинтересованность Российской империи в привлечении иностранных специалистов, что стало главной причиной изменения законодательства. В работе проанализированы изданные в правление Александра II нормативно-правовые акты, определившие новые условия въезда и пребывания в России иностранных подданных. Весьма значимым результатом для иностранцев, занимавшихся торговлей, земледелием и промышленностью, было дарование им равных прав с российскими подданными.

Приток мигрантов поставил перед надзорными органами империи новые задачи. При этом, как свидетельствует инструкция, составленная чиновниками 3-й экспедиции III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, сами методы контроля над иностранцами (в первую очередь, негласный надзор) следовало осуществлять более осторожно, чтобы не повредить международному престижу Российской империи. С изменением политической ситуации в стране в конце 1850-х–1860-х годах надзорным органам стало сложнее осуществлять свои функции. III Отделение продолжало руководить этой работой вплоть до 1880 года.

Рассмотренные в диссертации вопросы контроля над иностранцами в России с 1801 по 1861 год позволяют сделать вывод о том, что все задействованные в надзорных мероприятиях органы власти (высшие, центральные и местные) в указанный период времени проводили целенаправленную политику в отношении иностранцев, считая приоритетными национальные интересы Российской империи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии)

Секретный архив.

Оп. 3 а. Д. 2336, 2336 а. 1826 г.; Д. 2364. 1856 г.

3 экспедиция

Оп. 119. Д. 90. 1834 г.

Оп. 122. Д. 15. 1837 г.

Оп. 126. Д. 149. 1841 г.

Оп. 131. Д. 79. 1846 г.

Оп. 132. Д. 122. 1847 г.

Оп. 142. Д. 425. 1857 г.

Оп. 145. Д. 204. 1860 г.

Оп. 160. Д. 107. 1875 г.

Оп. 226. Д.7. 1827 г.; Д. 8. 1831 г. Кн. 1.

Оп. 227. Д. 16. 1828 г.; Д. 6. 1831 г.; Д. 1. 1833 г.; Д. 35. 1848 г.

Оп. 228. Д. 15. 1843 г.

Ф. 663 (Императрица Мария Федоровна)

Оп.1. Д. 21. 1822 г.; Д. 244. 1827 г.

Ф. 1165 (Особенная канцелярия Министерства внутренних дел)

Оп. 2. Д. 57. 1812 г.; Д.60. 1813 г.; Д. 177. 1814 г.; Д. 86. 1817 г.; Д. 87. 1817 г.; Д. 94. 1818 г.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 18. (Департамент мануфактур и внутренней торговли МФ)

Оп. 4. Д. 56. 1812 г.

Ф. 733 (Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения)

Оп. 7. Д. 274. 1837 г.; Д. 575. 1840 г.

Оп. 8. Д. 4. 1841 г.; Д. 461. 1843 г.

Выбыли дела, см. опись: Оп. 9. Д. 219. 1848 г.; Д. 105. 1849 г.; Д. 219. 1848 г.

Оп. 10. Д. 211. 1853 г.; Д. 306, 330. 1854 г.

Ф. 1263 (Комитет министров)

Оп. 1. Д. 2679. 1857 г.

Ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел)
Оп.2. Д. 125. 1823 г.

Ф. 1285 (Департамент государственного хозяйства МВД)
Оп. 3. Д. 285. 1815 г.

Ф. 1343 (Третий Департамент Сената)
Оп. 29. Д. 2457. 1854 г.; Оп. 51. Д. 251, 298.

Ф. 1409 (Собственная Его Императорского Величества канцелярия)
Оп. 2. Д. 5576. 1831 г.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)
Ф. 1 (Административные дела)
Разряд II.
Оп. 1. Д. 3. 1803 г.
Оп. 11. Д. 50. 1824 г.
Оп. 15. Д. 5. 1814 г.; Д. 7. 1815 г.; Д. 32. 1816 г.; Д. 6. 1830 г.
Оп. 16. Д. 43. 1821 г.
Оп. 23. Д. 7. 1817 г.; Д. 2. 1826 г.; Д. 2. 1830 г.
Разряд III.
Оп. 5. Д. 25. 1827 г.

Ф. 161 (Санкт-Петербургский Главный архив)
II–6. Оп. 80. Д. 36. 1834 г.; Д. 97. 1847 г.
II–8. Оп. 82. Д. 259. 1834 г.; Д. 116. 1841 г.; Д.119. 1841 г.; Д. 132. 1844 г.; Д. 182. 1848 г.; Д. 248. 1846 г.; Д. 214. 1848 г.; Д. 215. 1848 г.; Д. 214. 1848 г.; Д. 321. 1848 г.; Д. 118. 1850 г.; Д. 557. 1850 г.; Д. 199. 1851 г.; Д. 392. 1852 г.
II–19. Оп. 93. Д. 2. 1836 г.; Д. 4. 1835 г.; Д. 82. 1848 г.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА Санкт-Петербурга)
Ф. 253 (Канцелярия петербургского губернатора)
Оп. 1. Д. 34. 1809 г.

Центр хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива города Москвы, бывший Центральный исторический архив Москвы (ЦХД до 1917 года ЦГА Москвы, бывший ЦИАМ)
Ф. 16 (Управление Московского генерал-губернатора)
Оп. 31. 82. 1824 г.; Д. 453. 1831 г.;
Оп. 34. Д. 50. 1844 г.

Ф. 17 (Канцелярия Московского губернатора)
Оп. 25. Д. 127. 1852 г.

Ф. 105 (Московская управа благочиния)
Оп. 4. Д. 111–116. 1814 г.; Д. 250–262. 1815 г.; Д. 641–644. 1816 г.; Д. 934. 1817 г.; Д. 1091–1095. 1818 г.; Д. 1609–1612. 1822 г.; Д.1986–1988, 2051–2051. 1818 г.; Д. 2227. 1820 г.
Оп. 5. Д. 65. 1821 г.

Ф. 418 (Московский императорский университет)
Оп. 14. Д. 248.

Государственный архив Орловской области (ГАОО)
Ф. 580 (Канцелярия Орловского губернатора)
Оп. 1. Д. 1034. 1854 г.; Д. 1374. 1858 г.; Д. 1437. 1859 г.; Д. 1441. 1859 г.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО)
Ф. 1 (Канцелярия Смоленского губернатора)
Оп.1. Д. 70. 1812 г.; Д. 78. 1812 г.; Д. 109. 1813 г.; Д. 147. 1813 г.; Д. 163. 1813 г.; Д. 183. 1813 г.; Д. 201. 1813 г.; Д. 206. 1813 г.; Д. 207. 1813 г.; Д. 208. 1813 г.; Д. 209. 1813 г.; Д. 210. 1813 г.; Д. 211.1813 г.; Д. 212. 1813 г.; Д. 213. 1813 г.; Д. 214. 1813 г.; Д. 240. 1814 г.; Д. 241. 1814 г.; Д. 252. 1814 г.; Д. 295. 1814 г.; Д. 296. 1814 г.; Д. 303. 1814 г.; Д. 306. 1814 г. ;Д. 319. 1815 г.; Д. 319 а. 1815 г.; Д. 331. 1815 г.; Д. 345. 1815 г.; Д. 33. 1816 г.; Д. 2. 1817 г.; Д. 3.1817 г.; Д. 1. 1818 г.; Д. 24. 1818 г.; Д. 2. 1819 г.; Д. 3. 1819 г.; Д. 2. 1820 г.; Д. 21. 1820 г.; Д. 1. 1822 г.; Д. 1. 1823 г.; Д. 1а. 1824 г.; Д. 5. 1825 г.; Д. 17. 1825 г.; Д. 29. 1825 г.; Д. 1. 1826 г.; Д. 2. 1826 г.; Д. 18. 1826г.; Д. 30. 1827 г.; Д. 33. 1827 г.; Д. 34. 1827 г.; Д. 13. 1828 г.; Д. 36. 1829 г.; Д. 39. 1829 г.; Д. 41. 1829 г.; Д. 26. 1830 г.; Д. 29. 1830 г.; Д. 30. 1830 г.; Д. 18. 1831 г.; Д. 33. 1831 г.; Д. 34. 1831 г.; Д. 36. 1831 г.; Д. 23. 1832г.;Д. 25. 1832 г.; Д. 1. 1833 г.; Д. 23. 1833 г.; Д. 1. 1834 г.; Д. 2. 1834 г.; Д. 20. 1834 г.; Д. 2. 1840 г.; Д. 21. 1840 г.; Д. 22. 1840 г.; Д. 38. 1841 г.; Д. 39. 1841 г.; Д. 58. 1843 г.; Д. 68. 1843 г.; Д. 117. 1843 г.; Д. 66. 1844 г.; Д. 125. 1844 г.
Оп. 2.Д. 91. 1845 г.; Д. 85. 1846 г.; Д. 131. 1846 г.; Д. 133. 1846 г.; Д. 151. 1846 г.; Д. 283. 1846 г.; Д. 299. 1846 г.; Д. 329. 1846 г.; Д. 347. 1846 г.; Д. 353. 1846 г.; Д. 310. 1848 г.; Д. 415. 1848 г.; Д. 336. 1849 г.; Д. 231. 1851 г.; Д. 276. 1851 г.; Д. 327. 1852 г.; Д. 328. 1852 г.; Д. 552. 1852 г.; Д. 402. 1853 г.; Д. 185. 1854 г.; Д. 216. 1855 г.; Д. 332. 1855 г.; Д. 342. 1855 г.; Д. 350. 1855 г.; Д. 351. 1855 г.; Д. 356. 1855 г.; Д. 667. 1855 г.; Д. 738. 1855 г.
Оп. 3.Д. 357. 1846 г.; Д. 785. 1847 г.; Д. 788. 1847 г.; Д. 336. 1849 г.; Д. 589. 1850 г.; Д. 476. 1856 г.; Д. 504. 1856 г.; Д. 68. 1859 г.
Оп. 4. Д. 487. 1857 г.; Д. 623. 1857 г.; Д. 640. 1858 г.; Д. 851. 1859 г.; Д. 537. 1860 г.

Ф.2 (Смоленское губернское правление)
Оп. 11. Д. 53. 1809 г.; Оп. 21.Д. 414. 1820 г.

Оп. 42. Д. 156, 253, 664, 2401.

Ф. 6 (Смоленское губернское дворянское собрание)
Оп. 1. Д. 37, 157.

Ф. 18 (Канцелярия Смоленского губернского прокурора)
Оп. 1. Д. 192. 1829 г.

Ф. 45 (Дирекция народных училищ Смоленской губернии)
Оп. 1. Д. 251; Д. 256, 909,930,1467,1897, 2147, 3094.

Ф. 53 (Сычевское городническое правление)
Оп. 1. Д. 627. 1846 г.; Д. 804. 1851 г.

Ф. 54 (Смоленский приказ общественного призрения)
Оп.1. Д. 140.

Ф. 89 (Сычевский земский суд)
Оп. 2. Д. 357. 1824 г.; Оп. 3. Д. 2743. 1849 г.

Ф. 204 (Смоленская евангелическо-лютеранская церковь)
Оп. 1. Д. 13.

Ф. 426 (Ельнинское городническое правление)
Оп. 1. Д. 140.

Ф. 516 (Поречское городническое правление)
Оп. 1. Д. 118.

Ф. 754 (Смоленская губернская врачебная управа)
Оп. 2. Д. 59, 88.

Ф. 1178 (Смоленский католический костел)
Оп. 1. Д. 4.

Ф. 1140 (Нотариальная контора Смоленского окружного суда)
Оп. 1. Д. 11, 12, 15, 20.

Опубликованные источники

Законодательные акты
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ)
ПСЗ-1.

Т. XXIII. № 17201; Т. XXIV. № 17683, 17689; Т. XXV. № 18564, 18565; Т. XXVII. № 20259, 28198; Т. XXVIII. № 21163,21254,21284, 21910; Т. XXIX. № 22371,22425, 22593, 22660; Т. XXX. № 23875; т. XXXI. № 24687; Т. XXXII. № 24975, 25356, 25508; Т. XXXIV. № 26674; Т. XXXVIII. № 29151.

ПСЗ-2.

Т. I. № 449; Т. II. № 851, 1601, 1664; Т. III. № 2366, 2502; Т. IV. №2944, 3218; Т. VI. № 4689;Дополнение к VI тому. Ч. 1. № 4647а; Т. VII. № 5087;Т.VIII. Ч. 1. № 6483; Т. IX. Ч. 1. №№ 6928, 7240, 9355;Т. IX. Ч. 2. № 7524; Т. X. Ч. 1. № 8253; Т. X. № 8409; Т. XII. Ч. 1. № 10303; 10410; Т. XV. Ч. 1. № 13210;Т. XIX. Ч. 1. № 17545; Т. XIX. № 17734; Т. XX. № 18580; Т. XXVI. Ч. 2. № 25723; Т. XXVII. Ч.1. № 25944; Т. XXIX. Ч. 1. № 28038; Т. XXXI. № 30911; Т. XXXII. № 31879; Т. XXXV. Ч. 1. №№ 35880,36051; Т. XXXVIII. № 39118; Т.XXXIX. Ч.1. № 40588.

Свод законов Российской империи (СЗ)

СЗ. Изд. 1832 г. Т. 9. («О состоянии людей в государстве»).

Уложение о наказаниях

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Спб.: Тип. II Отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1845. 898 с.

Делопроизводственные документы

1. Алфавит военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 г. (Публикация Б.П. Миловидова) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: сборник материалов. Вып. IX. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Труды ГИМ. М., 2010. С. 265–338.
2. Будни старого Смоленска. 1829–1837 годы: сборник документов. Смоленск: Свиток, 2013. 752 с.
3. Война 1812 года и русское общество («Осведомительные письма» тайной полиции) / публ. С.Н. Искюля // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения / отв. ред. С.Я. Карп. М.: РГГУ, 2001. С. 244–359.
4. Город Смоленск. Возвращение к жизни. 1813–1828. Документы Государственного архива Смоленской области. Смоленск: Свиток, 2012. 288 с.
5. Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX вв.) / сост. И.Л. Вернер. Минск: Типография Макарова и К, 2012. 528 с.
6. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1821. Ч. 1. СПб., 1821.
7. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1822. Ч. 1. СПб., 1822.
8. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1823. Ч. 1. СПб., 1823.
9. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1824. Ч. 1. СПб., 1824.

10. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1825. Ч. 1. СПб., 1825.
11. «Россия под надзором»: отчеты III отделения. 1827-1869. Сборник документов / сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: Рос. Фонд культуры, «Российский Архив», 2006. 706 с.
12. Россия – Швейцария = Russie – Suisse = Russland – Schweiz. 1813–1955. Документы и материалы. М.: Межд. отношения, 1995. 622 с.
13. Смоленская старина. Вып. II. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1912.

Некрополи

Река времен. Книга истории и культуры. М.: Эллис Лак, 1996. Кн.4. 416 с.

Мемуары и личная переписка

1. Ведель К.А.В. История одного офицера в войне против России в 1812 году, в русском плену в 1813–1814 годах, в походе против Наполеона в 1815 году. Воспоминания // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 429–510.
2. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера / сост., вступ. ст. и коммент. С. Серкова, Ю. Удеревского. М.: Московский рабочий, 1985. 365 с.
3. Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.: Захаров, 2002. 463 с.
4. Дело Сухово-Кобылина: сборник материалов следственных и судебных дел, воспоминания современников, а также дневник Сухово- Кобылина за эти годы / авт. вступ. ст. В.М. Селезнев; сост. В.М. Селезнев; Е.О. Селезнева. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 542 с.
5. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы Дуровой / вступ. ст. К.А. Военского. СПб., 1912. 124 с.
6. Дюмон П.Э.Л. Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. Излож. и отрывки С. Горяинова // Голос минувшего. 1913. № 2. С. 143–164.
7. Жиль Ф. Исповедь // Павлова Ж.К. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб. : Нестор-История, 2010. С. 255–284.
8. К чести России. Из частной переписки 1812 года / сост., авт. предисл. и примеч. М. Бойцов. М.: Современник, 1988. 239 с.
9. Кюстин А. де. Россия в 1839 году / пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб.: Крига, 2008. 701 с.
10. Лесли А.А. В войне 1812 года / авт.-сост О.Н. Лесли. Смоленск: Маджента, 2005. 149 с.
11. Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. В 2 кн. Кн. 1: Нашествие в Москву. М.: Захаров, 2004. 560 с.
12. Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. В 2 кн. Кн. 2: Отступление. М.: Захаров, 2004. 512 с.
13. Пассек Т.П. Из дальних лет. В 2 т. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1878.

14. Переписка княжны Варвары Туркестановой и Фердинанда Кристина // Исмаил-Заде Д.И. Княжна Туркестанова. Фрейлина высочайшего двора. СПб.: Крига, 2012. С. 50–254.
15. Платов А.С. Два года за границей. 1844–1846. Ч. IV. Бельгия. Франция и Швейцария. СПб., 1889. 193 с.
16. Сент-Излер М. де. История кампании 1812 г. в России и пребывания французских пленных в Сибири и в других провинциях империи, предваренная кратким изложением русской истории // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 511–531.
17. Чертков А.Д. Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. в 1823–1825 годах. М.: Русскій Міръ, 2012. 768 с.
18. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 1872–1887 / отв. ред. Б.Ф. Егоров, изд. подг. А.В. Тихонова. СПб.: Наука, 1999. 714 с.
19. Correspondance de Frédéric-César de la Harpe et Alexandre I ersuivi de la correspondance de F.-C.- de la Harpe avec les membres de la famille imperial de Russie / Publée par Jean Charles Biaudet et Françoise Nicod. I-III. Neuchâtel: A la Baconniére, 1978–1980.

Научные работы

1. Сентимер Ф. Еще нечто о холере. М.: Университ. типография, 1833. 28 с.
2. Сентимер Ф. Холера излечима! Сочинение д-ра медицины Флориана Сентимера, для врачей и не для врачей. Киев, 1872. 18 с.

Периодика

1. Микешин К. Курды в Смоленской губернии (Из Сев. Пчел.) // Прибавление к № 2-му 1856 года Смоленских губернских ведомостей. 14 января 1856 г. Часть неофициальная. С.10–13.
2. Смоленские губернские ведомости. 1838. № 25.
3. Смоленские губернские ведомости.1838. № 47.

Литература

Научные монографии и сборники статей

1. Абакумов О.Ю. «…Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е –начало 1860-х гг.). Саратов: Научная книга, 2008. 212 с.
2. Агарков Е.А. Смоленские прокуроры: Страницы истории, проблемы, судьбы. Смоленск, 2001. 263 с.
3. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914 гг.). М.: Европа, 2006. 668 с.
4. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII–начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2007. 386 с.

5. Андриевский Н.Е. Полицейское право. В 2 т. СПб.,1871–1873.
6. Апухтин В.Р. Формирование легионов из пленных французов, итальянцев и голландцев в Орле в 1812–1813 гг. Вып. 3. М., 1913. 20 с.
7. Афанасьева Т.Ю. Гродненские губернаторы (1801–1917 гг.): документально-биографические очерки. Гродно: Гродненская городская типография, 2007. 166 с.
8. Белецкая Е.А., Покровская З.К. Жилярди. М.: Стройиздат, 1980. 168 с.
9. Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 407 с.
10. Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012. 480 с.
11. Блинов И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк. М.: Типо-лит. К.Л. Пентковского, 1905. 360 с.
12. Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.
13. Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб.: Изд. И.В. Канкрина, 1897. 250 с.
14. Бригадин П.И. Минские губернаторы: история власти. Минск: Изд-во Государственного института управления и социальных технологий БГУ, 2009. 351 с.
15. Ваганова И.В. Ярославские прокуроры XVIII–XXI века. Ярославль: Академия, 2010. 191 с.
16. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Кн. 1–3. СПб.: Тип. Министерства внутр. дел, 1858–1862.
17. Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Акад. проект, 1999. 348 с.
18. Власть и реформы. От самодержавия к советской России / отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 800 с.
19. Возженников А.В. Национальная безопасность России: методология комплексного исследования и политика обеспечения. М.: Изд-во РАГС, 2002. 423 с.
20. Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917 / ред.-сост. А.Н. Акиньшин. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2000. 398 с.
21. Вороновский В.М. Отечественная война в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. 428 с.
22. Галузо В.Н. Власть прокурора в России. Историко-правовое исследование. М.: Юнити-Дана, 2008. 557 с.
23. Гонюхов С.О., Горобцов В.И. МВД России. 200 лет на страже закона и правопорядка. М.: Рейттар, 2002. 236 с.
24. Государственные преступления в России в XIX веке: сб. извлеченных из официальных изданий и правительственных сообщений сост. В. Базилевского (В. Богучарского). В 3 т. СПб., 1903–1905.
25. Гречаная Е.П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825). М.: ИМЛИ РАН, 2002. 317 с.

26. Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII–XIXвв. Л.: Наука, 1984. 276 с.
27. Дённингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М.: РОССПЭН, 2004. 504 с.
28. Долженкова Г.Д. Министерство внутренних дел России: задача, функции, структура. М.: ВНИИ МВД России, 2002. 122 с.
29. Дроздов Н.И., Федорченко В.И. Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802–1917 годы. Красноярск: Красноярский гос. пед. университет им. В.П. Астафьева, 2005. 389 с.
30. Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. СПб., 1883. 533 с.
31. Дьяков В. А. Освободительное движение в России. 1825–1861 гг. М.: Мысль, 1979. 286 с.
32. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Московский гос. ист.-арх. институт, 1965. 417 с.
33. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Третий Рим, 1997. 357 с.
34. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М.: РГГУ, 2006. С. 43–268.
35. Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: Учпедгиз, 1960. 395 с.
36. Жандармы России / сост. В.С. Измозик. СПб.: Нева, 2002. 638 с.
37. Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. 352 с.
38. Захарова О.Д., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л. Национальная безопасность и демографический рост / под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: РАН. Ин-т социал.-полит. исслед., 2004. 95 с.
39. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Призванные Отечеством. Российские прокуроры. 1722–1917 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 815 с.
40. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Российские прокуроры. М.: Молодая гвардия, 1999. 569 с.
41. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Тайные советники империи. Российские прокуроры, XIX в. М.: РОССПЭН, 1995. 382 с.
42. Иванов П.И. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1863. 183 с.
43. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи / Т.А. Алексеева, В.Г. Афанасьев, В.В. Берсенев и др.; редкол.:
44. Н.М. Кропачев и др.; под общ. ред. В.В. Черкесова. В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петерб. университета, 2001. 452 с.

45. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / сост. С.В. Рождественский. СПб.: Министерство нар. просвещения, 1902. 785 с.
46. История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / отв. ред.
47. О.В. Орлик, В.Н. Пономарев. М.: Международные отношения, 1995. 448 с.
48. История прокуратуры России. Историко-правовой анализ / под ред. А.Г. Звягинцева. М.: Юнити-Дана, 2012. 223 с.
49. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.В. Источниковедение. М.: РГГУ, 2000. 702 с.
50. Кессельбреннер Г.Л. Российские дипломаты XVI-XIX вв. = Russian diplomats XVI–XIX centuries. Т. 1. Министерство иностранных дел Российской империи. М.: Янико, 1996. 189 с.
51. Кишкин А.С. У истоков молочного дела в России. Пущино, 1997. 131 с.
52. Клаус А.А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб., 1869. 578 с.
53. Ключевский В.О. Собрание сочинений. В 9 т. Т. IV. М.: Мысль, 1989. 394 с.
54. Козлов С.А. Аграрные традиции и новации о дореформенной России (Центрально-нечерноземные губернии). М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.
55. Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711–1917. Смоленск: Маджента, 2004. 400 с.
56. Копосов Н.Е. Как думают историки? М.: Новое литературное обозрение, 2001. 325 с.
57. Кортунов С.В. Концептуальные основы национальной и международной безопасности. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 308 с.
58. Кортунов С.В. Национальная идентичность: Постижение смысла. М.: Аспект Пресс, 2009. 589 с.
59. Кортунов С.В. Становление национальной идентичности. Какая Россия нужна миру. М.: Аспект-Пресс, 2009. 375 с.
60. Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие 1855–1880 гг. СПб., 1880. 183 с.
61. Кром М.М. Историческая антропология. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 168 с.
62. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам III отделения С.Е.И.В. канцелярии. СПб., 1909. 614 с.
63. Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. СПб.: Час пик, 1992. 412 с.
64. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: МПГУ, 2001. 357 с.
65. Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: опыт биографии человека 1830-х годов. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 559 с.
66. Ляхов Б.А. Губернаторы России, 1703–1917: История страны в лицах. М.: Российская газета, 2004. 190 с.

67. Макарова Н.В. Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I. М.: Экон-информ, 2012. 393 с.
68. Марасанова В.М. Ярославские губернаторы, 1777-1917. Ярославль: Б.и., 1998. 417 с.
69. МВД: энциклопедия / гл. ред. В.Ф. Некрасов. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 623 с.
70. Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории. М.: ИАИ РГГУ, 1997. 72 с.
71. Методология истории: некоторые актуальные проблемы / рук. проекта Е.Ю. Бобкова. Самара: ПСГА, 2014. 170 с.
72. Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. 640 с.
73. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
74. Михайловский-Данилевский А.И. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. IV. СПб., 1850. 558 с.
75. Мицюк Н.А. Женщины российской провинции XIX – начала XX века: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск, 2013. 416 с.
76. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. 174 с.
77. Моисеенко В.М. Очерки изучения миграции населения в России во второй половине XIX – начале XX столетия. М.: ТЕИС, 2008. 272 с.
78. Мулукаев Р. С. Полиция в России (XI в. – начала XX в.). Н. Новгород: Б.и., 1993.
79. Мустонен П. Собственная Его Императорского Величества Канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858. К типологии основ имперского управления. Хельсинки: Kikimora Publications, 1998. 357 с.
80. Немцы в России: Люди и судьбы / отв. ред. Л.В. Славгородская. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 310 с.
81. Немцы в России: Проблемы взаимодействия. Люди и судьбы / отв. ред. Л.В. Славгородская. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 327 с.
82. Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи: сб. статей / ред. Г.И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 424
83. Немцы в России: Русско-немецкий диалог: сб. статей / ред. Г.И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 551 с.
84. Немцы в России: Три века научного сотрудничества: сб. статей / ред. Г.И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 664 с.
85. Немцы России = Die Deutschen Russlands: энциклопедия: в 3 т. / Председ. редкол. В. Карев. М.: ЭРН, 1999–2006.
86. Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Нестор-История, 2007. 530 с.
87. Нифонтов А.С. Россия в 1848 году. М.: Учпедгиз, 1949. 316 с.

88. Овсянников В.П. Немцы в истории России. Книга 2. XIX в. М.: ПТИС ГАС БУ, 1999. 340 с.
89. Олейников Д.И. Бенкендорф. М.: Молодая гвардия, 2009. 390 с.
90. Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982. 207 с.
91. Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи…»: Британия и Россия в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки. М.: Гиперборея, Кучково поле, 2008. 368 с.
92. Орлов А.А. «Школы для всех». Ланкастерская система обучения в России в первой четверти XIX века (1814–1826 гг.). М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. 200 с.
93. Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 368 с.
94. Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Юбилейное издание. Т. V. М., 1912. 236 с.
95. Очерки истории Министерства иностранных дел. 1802–2002 гг.: в 3 т. / Редкол. А.Ю. Мешков и др. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. Т. 1. 860–1917 гг. 606 с. Т. 3. Биографии министров иностранных дел. 419 с.
96. Ощепков А.Р. Образ России во французских путевых записках XIX века. М.: Гос. ин-т русского яз.им. А.С. Пушкина, 2010. 236 с.
97. Павлова Ж.К. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб.: Нестор-История, 2010. 312 с.
98. Пайпс Р. Сергей Семенович Уваров: жизнеописание. М.: Посев, 2013. 80 с.
99. Пермские губернаторы: (Из фондов архива) / сост. Н.М. Дуликова. Пермь, 1996. 73 с.
100. Петров И.А. Очерки истории Швейцарии. Екатеринбург: Цикрон, 2006. 918 с.
101. Петровская И.Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб.: Logos, 2003. 490 с.
102. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.
103. Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара: НТЦ, 2002. 439 с.
104. Порох В.И., Рослякова О.Б. III Отделение при Николае I. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2010. 238 с.
105. Проскуряков Ф.И. Руководство к познанию действующих русских государственных, гражданских, уголовных и полицейских законов. В 3 т. СПб.,1856.
106. Проходцов И.И. Рязанская губерния в 1812 году преимущественно с бытовой стороны. Материалы для истории Отечественной войны. Издание Рязанской губернской ученой архивной комиссии. Рязань: Тип. Н.В. Любомудрова, Ч. 1–2. 1913–1915.

107. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ Ран, 1998. 282 с.
108. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
109. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
110. Россия и Италия. Вып. 1. М.: Институт всеобщей истории, 1993. 456 с.
111. Россия и Франция XVIII–XX века: сборник статей / отв. ред. П.П Черкасов. М.: Наук, 1995 – .
112. Россия и Швейцария: развитие научных и культурных связей: (По материалам двусторонних коллоквиумов историков России и Швейцарии): сборник / Отделение истории Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Национ. комитет рос. историков. М.: Отдел. истории РАН, 1995.156 с.
113. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты. М.: Экон-информ, 2003. 55 с.
114. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. СПб.: Наука, 2003–2006.
115. Савин О.М. Императоры и губернаторы: страницы истории Пензенского края. Пенза: Б.и., 2006. 429 с.
116. Севастьянов Ф.Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением. От тайного сыска к политическому розыску. М.: Межрегиональный институт экономики и права, 2008. 304 с.
117. Семевский В.И. Павловск. Очерк истории и описание. 1777–1877. Составлено по поручению Великого князя Константина Николаевича. СПб., 1877. 592 с.
118. Сементковский Р.И. Е.Ф. Канкрин. Его жизнь и деятельность. СПб., 1893. 94 с.
119. Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 379 с.
120. Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – вторая половина XIX веков). М.: Academia, 2007. 512 с.
121. Спивак Д.Л. Метафизика Петербурга. Французская цивилизация. СПб.: Алетейя, 2005. 527 с.
122. Степанов А.И. Русские и швейцарцы = Russen und Schweizer = Russes et suisses = Russi e svizzeri = Russ e svizzers: Записки дипломата. М.: Науч. кн., 2006. 592 с.
123. Степанов В.Б. Наместники и губернаторы Курского края, 1779–1917 гг.: исторические очерки. Курск: Курская городская типография, 2005. 239 с
124. Стратегия демографического развития России / под ред. В.Н. Кузнецова и Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005. 208 с.
125. Сухарев А.Я. Владимирские прокуроры: От Петровских времен до наших дней: Очерки. Владимир: Реко, 1999. 240 с.
126. Сухомлинов М.И. Фридрих Цезарь Лагарп, воспитатель императора Александра I. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1871. 62 с.

127. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: АСТ: АСТ-Москва, 2009. 384 с.
128. Тесля А.А. Источники гражданского права Российской империи XIX – начала XX века. Хабаровск: ДВГУПС, 2005. 159 с.
129. Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000. 296 с.
130. Троцкий И.М. III-е Отделение при Николае I. Жизнь Шервуда-Верного. Л.: Лениздат, 1990. 318 с.
131. Уортман Р.С. Властители и судии. Развитие правового сознания и императорской власти / авториз. пер. с англ. М.Д. Долбинова при участии Ф.Л. Севастьянова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 520 с.
132. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.
133. Французские первопоселенцы в Москве и некоторые потомки / авт.-сост. В.М. Егоров-Федосов. М.: Волслов, 2005. 372 с.
134. Фролов Н.В. Владимирские наместники и губернаторы. 1778–1917 гг. Ковров: БЭСТ-В, 1998. 151 с.
135. Чернова-Деке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917) (К 190-летию основания немецких колоний). М.: «МСНК-пресс», 2008. 208 с.
136. Чукарев А.Г. Тайная полиция России (1825–1855). М.: Кучково поле, 2005. 701 с.
137. Швейцарцы в Петербурге / М.И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб: Изд-во «Петербургский институт печати», 2002. 623 с.
138. Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб.: Искусство-СПБ, 2007. 461 с.
139. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство-СПб, 1999. 479 с.
140. Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: Тип Суворина, 1904. Т. 1. 436 с.
141. Шитов В.Н. История российского Министерства финансов в лицах его руководителей. Ульяновск: УлГТУ, 2003. 99 с.
142. Шитов В.Н., Кантемиров Р.Ф. Двухвековая история российского министерства финансов в лицах его руководителей. Ульяновск: УлГТУ, 2003. 95 с.
143. Шишкин М. Русская Швейцария. Литературно-исторический путеводитель. Цюрих: Рапо, 2001. 591 с.
144. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окороков. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. 490 с.
145. Boehtlingk A. Frédéric César Laharpe (1754–1838). Précepteur du Tsar Alexandre Ier. Antagoniste de Napoléon. Libérateur du pays de Vaud. Bâtisseur de la Suisse actuelle. Neuchâtel: La Baconnire, 1969. 426 p.
146. Garaghan G.L. Guide to Historical Method. Chicago: Fordham University press, 1948. 482 p.

147. Keller G. Die Schweizer Frauen. Ein Familienbuch / Unter Mitwirkung von N. Bergmann, I. Kaiser, A. von Liebenau, D. Schlatter, H. Bleuler-Waseru.a. Vorwort von E. Coradi-Stahl. Neuenburg, Verlag von F. Zahn., 1911. 679 s.
148. Monas S. The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I. Harvard, 1961. 362 p.
149. Muff S. Das Leben der Katharina Morel-Peyergeb. Kaufmann (1790-1876) lautihrer Erinnerungsschrift "Mémoire". Luzern, 1998. 199 s.
150. Rauber Urs. Schweizer Industriein Russland: Ein Beitragzur Geschichte der industriellen Emigration, des Kapitalexportes und des Handels der Schweiz mit dem Zarenreich (1760–1917). Zürich: Rohr, 1985. 460 s.
151. Schneider H. Schweizer Theologen im Zarenreich (1700–1917): Auswanderung und russisher Alltag von Theologen und ihren Frauen. Zürich: Verlag Hans Rohr, 1994. 394 s.
152. Schweizer im Zarenreich. Zur Geschichte der Auswanderung nach Russland. Roman Bühler, Heldi Gander-Wolf, Carsten Goehrke, Urs Rauber, Gisela Tschudin, Josef Voegeli. Zürich, Verlag Hans Pohr, 1985. 519 s.
153. Sprenger Viol I. Katharina Morel: die Geschichte einer Luzernerin, die auszog, das Fürchtenzulernen. Luzern: Keller, 1987. 57 s.
154. Squire P.S. The Third Department: The Establishment and Practice of the Political Police in the Russia of Nicholas I. London, 1968. 755 p.
155. Tschudin G. Schweizer Käser in Russland. Zürich, Verlag Hans Rohr. 1988.
156. Tschudin G. Schweizer Käse im Zarenreich. Zur Mentalität und Wirtschaft ausgewanderter Bauernsöhner und Bauerntöchter. Zürich, Hans Rohr. 1990. 328 s.

Авторефераты

157. Абакумов О.Ю. III Отделение в период общественного подъема конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Саратовский гос. университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1994. 17 с.
158. Акульшин П. В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): автореф. дис. … докт. ист. наук: 07.00.02 / Московский педагогический гос. университет. М., 2004. 46 с.
159. Алексушин Г. В. Развитие губернаторской власти в России (1708–1917 гг.): исторический опыт и уроки: автореф. дис. … докт. ист. наук: 07.00.02 / Военный университет. М., 2008. 47 с.
160. Бессонов В.А. Военнопленные великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Самарский гос. пед. университет. Самара, 2001. 22 с.
161. Бибиков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова. М., 2009. 27 с.
162. Глебов С.С. Организационно-правовые основы взаимодействия полиции Российской империи с другими государственными органами: XIX – начало

XX вв.: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Академия управления МВД РФ. М., 2007. 23 с.

163. Гриценко Н. В. Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Омский гос. педагогический университет. Омск, 2005. 25 с.
164. Дзьоник В.Р. Министерство полиции России в период образования и Отечественной войны 1812 года: Историко-правовой аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Северо-Западный филиал Международного университета. СПб., 2001. 19 с.
165. Дремков Н.В. Полицейские структуры жандармерии Ярославской губернии в XIX – начале XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ярославский гос. университет им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2010. 23 с.
166. Иванцов М. Н. Отечественная историография политической полиции России XIX –начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Московский гос. педагогический ун-т. М., 2009. 21 с.
167. Карнишина Н. Г. Столица и провинция в России: управление, контроль, информационная среда (середина 50-х – 80-е гг. XIX в.): автореф. дис.… докт. ист. наук: 07.00.02 / Московский педагогический гос. университет. М., 2001. 39 с.
168. Карпов В.Ю. Министерство полиции в правоохранительной системе России: 1810–1819 гг.: автореф. дис.… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Юрид. институт МВД России. М., 2000. 23 с.
169. Кононов В. Институт губернаторства в дореволюционной России: взаимодействие губернской и центральной администраций, 1708–1917 гг. (на материалах Смоленской губернии): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Брянский гос. университет им. И.Г. Петровского, 2005. 22 с.
170. Лазарева О.В. Провинциальная полиция в конце XVIII – начале XX в.: По материалам Пензенской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Мордовский гос. университет им. Н.П. Огарева. Саранск, 2000. 16 с.
171. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти: автореф. дис. … докт. ист. наук: 07.00.02 / Московский гос. педагогический университет. М., 2001. 49 с.
172. Марасанова В. М. История органов губернского управления в конце XVIII – начале XX в. (на материалах Верхнего Поволжья): автореф. дис. … докт. ист. наук: 07.00.02 / Ярославский гос. университет им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2005. 47 с.
173. Мельникова И.Г. Чиновничество Верхневолжских губерний в первой четверти XIX века: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ярославский гос. университет им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2010. 26 с.
174. Мондэй Кр. Д. Экономическое мировоззрение бюрократической элиты Российской империи Николаевской эпохи: (на примере Е.Ф. Канкрина): автореф. дис. … канд. эк. наук: 08.00.01 / Санкт-Петербургский гос. университет. СПб., 2004. 27 с.

175. Николаев В.Б. Подданство Российской империи: его установление и прекращение (историко-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2008. 28 с.
176. Николаева Т.Б. Паспортная система России: формирование и механизм функционирования во второй половине XVII – начале XX в.: (историко-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2003. 24 с.
177. Орлов А.А. Проблема нового мирового порядка в отношениях Великобритании и России в первой половине XIX века: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.03 / Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова. М., 2009. 40 с.
178. Пасько Е.А. Колонизационная политика России: (вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ростовский гос. ун-т. Ростов-на-Дону, 2003. 27 с.
179. Помигалов А.А. Санкт-Петербургская полиция в XIX в.: структура, организация, деятельность: автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02 / Санкт-Петербургский гос. университет. СПб., 2009. 23 с.
180. Поскачей Т.А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв.: (на материалах Рязанской губернии): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. Тула, 2006. 21 с.
181. Рассолов Г. А. Институт генерал-губернаторства в Российской империи (1775 г. – конец XIX в.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова. М., 2005. 27 с.
182. Романов В.В. Местные органы политической полиции Российской империи: структура, компетенция, основные направления деятельности 1826–1860 гг. На материалах Поволжья: автореф. дис. … докт. ист. наук: 07.00.02 / Ульяновский гос. университет. Чебоксары, 2008. 48 с.
183. Рослякова О.Б. III-е Отделение в период царствования Николая I: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Саратовский гос. университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2003. 19 с.
184. Самович А.Л. Деятельность российского государства в отношении иностранных военнопленных (XIX – начало XX в.): автореф. дис. … докт. ист. наук: 07.00.02 / Военный университет. М., 2011. 47 с.
185. Севастьянов Ф.Л. «Высшая полиция» в России в первой четверти XIX в.: структуры, кадры, основные направления деятельности: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Санкт-Петербургский гос. университет экономики и финансов, СПб., 1999. 19 с.
186. Седунов А.В. Обеспечение общественной и государственной безопасности в XIX – первой половине XX века (на материалах Северо-Запада России): автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Санкт-Петербургский государственный университет. М., 2006. 40 с.

187. Седунов А.В. Псковская городская полиция в XVIII – начале XX вв.: автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02 / Санкт-Петербургский гос. университет. СПб., 2004. 26 с.
188. Сенина Н.В. Отдельный Корпус жандармов в конце XIX – начале XX вв.: организация, кадры, деятельность: по материалам Тульской губернии: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. Тула, 2007. 22 с.
189. Сидорова М.В. Архивы центральных органов политического розыска России XIX – начала XX вв.: III Отделение с. е. и. в. канцелярии и Департамент полиции МВД: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 05.25.02 / Московский гос. историко-архивный институт. М., 1993. 24 с.
190. Тесленко А.М. Правовой статус иностранцев в России: Вторая половина XVII – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Уральская гос. юридич. акад. Екатеринбург, 2000.19 с.
191. Тупицын О.М. Министерство иностранных дел и зарубежные представительства России в эпоху Николая I: автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02 / Московский гос. университет им. М.В. Ломоносова. М., 2003. 24 с.
192. Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Самарский гос. пед. университет. Самара, 2007. 22 с.
193. Чернова И. В. Томская городская полиция в конце XVIII – начале XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Томский гос. университет. Томск, 2005. 26 с.
194. Чукарев А.Г. Третье Отделение и русское общество во второй четверти XIX в. (1826–1855 гг.): автореф. дис. …докт. ист. наук: 07.00.02 / Ярославский гос. университет. Ярославль, 1998. 49 с.
195. Шабаев В. В. Уездная полиция Российского государства второй половины XIX–XX века: (на территории Мордовии): автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02 / Мордовский гос. университет им. Н. П. Огарева. Саранск, 2007. 23 с.

Научные статьи

196. Абакумов О.Ю. «… Большая часть из них канальи…» (Надзор за иностранцами в России 1840–1860-х гг.) // Туризм и культурное наследие: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 45–77.
197. Алябьева Л. Воздушный шар как развлечение: Из истории английской «воздухоплавательной лихорадки» // Новое литературное обозрение. 2005. № 76. С. 101–125.
198. Андреев А. Ю. Александр I и Швейцария // Родина. 2014. № 1. С. 35–40.
199. Андреев А.Ю. Воспитание великих князей Александра и Константина // Филаретовский сборник. 2013. № 9. С. 90–122.

200. Андреев А. Швейцарский ландшафт русской культуры. Поэт Жуковский на берегах Женевского озера // Родина. 2014. № 1. С. 48–52.
201. Анчеев А.В. Место и роль III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии в системе государственных учреждений Российской империи (1826–1855 гг.) // Основы государства и права. 2005. № 6. С. 86–93.
202. Августин, архимандрит (Никитин). Петербургские швейцарцы, I половина XIX века // Христианская культура. Пушкинская эпоха. По материалам традиционных пушкинских чтений / ред.-сост. Э.С. Лебедева. СПб.: Санкт-Петербургский центр православной культуры, 1995. С. 96–115.
203. Бажева Т.М. Система правительственного контроля за общественными организациями в России (1825–1861 гг.) // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР. Свердловск,1986. С. 92–102.
204. Баранов А.А. Медицинская служба французской армии // Отечественная война 1812 года: энциклопедия / рук. авт. коллектива В.М. Безотосный. М.: РОССПЭН, 2004. С. 459.
205. Безотосный В.М. Русская военная разведка в 1812 г. (Организация деятельности) // Из истории России XVII – начала XX в. М.: Б.и., 1995. С. 72–91.
206. Белоусов С.В. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье: размещение, содержание, взаимоотношения с местным населением // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2006. № 1. С. 48–55.
207. Белоусов С.В. Конвоирование военнопленных армии Наполеона в Поволжье // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 4(38). С. 80–86.
208. Белоусов С. Невероятные приключения швейцарца в России, или Судьба «маленького человека» в эпоху Отечественной войны 1812 г. // Библиотечное дело. 2012. № 16. С. 4–6.
209. Березовая Л.Г. Швейцария – традиционная наследница идей Венского конгресса // Роль кантона Во и его представителей в истории и культуре России. М.: Каллиграф, 2012. С. 188–203.
210. Береснев В. В. Немцы в государственности России: Немцы – губернаторы в царствование императора Николая I // Немцы в государственности России: сборник научн. статей. СПб.: Б.и., 2004. С. 155–161.
211. Бессонов В.А. Военнопленные поляки. 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: сборник материалов. Вып. VII. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Труды ГИМ. М., 2008. С. 134–189.
212. Бессонов В.А. Военнопленные Крымской войны 1853–1856 гг. в Калужской губернии // Труды регионального конкурса в области гуманитарных наук. Вып. 7. Калуга: Полиграф-Информ, 2006. С. 51–63.

213. Бессонов В.А. Военнопленные 1812 г. в России // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 69–114.
214. Бессонов В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. IV / Труды ГИМ. М., 2005. С. 49–80.
215. Бессонов В.А. Легион из французских, итальянских и голландских военнопленных // Отечественная война 1812 года: энциклопедия. М., 2004. С. 406.
216. Бессонов В.А. …Не считая шаромыжников. Численность военнопленных 1812 года в России // Родина. 2002. № 8. С. 55–59.
217. Бессонов В.А. Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы VII Всероссийской научной конференции. Бородино, 1999. С. 12–23.
218. Бессонов В.А. Перевертыши. Полицейский надзор за пленными 1812 года // Родина. 2002. № 8. С. 97–98.
219. Бессонов В.А. Численность военнопленных 1812 года в России // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы X Всероссийской научной конференции. М., 2002. С. 18–38.
220. Бессонов В.А., Миловидов Б.П. Библиография работ, опубликованных в СССР и России о военнопленных Великой армии 1812–1815 гг. 1974–2010 // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 581–593.
221. Бессонов В.А., Миловидов Б.П. Польские военнопленные Великой армии в России в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы: материалы 13-й Всероссийской научной конференции. Бородино, 5–7 сент. 2005 г. М.: Полиграф сервис, 2006. С. 289–305.
222. Бессонов В.А., Попов А.И. «Временный генерал» Жак Бойе // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы IX Всероссийской научной конференции. М., 2001. С. 20–29.
223. Бессонов В.А., Тотфалушин В.П. Военнопленные Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г.: материалы Всероссийской научной конференции, 30 мая–1 июня 2002 г. / под ред. Н.А. Троицкого. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2002. С. 163–176.
224. Бибиков Г.Н. Александр Христофорович Бенкендорф (1781–1844): исторический портрет // Вестник Московского государственного университета. Сер. 8. История. 2007. № 1. С. 36–60.
225. Болдина Е.Г. Документы об Отечественной войне 1812 года в фондах Центрального исторического архива Москвы // Вестник архивиста. 2007. № 1 (97). Январь–март. С. 253–257.

226. Болдина Е.Г. О деятельности Высочайше учрежденной комиссии для исследования поведения и поступков некоторых жителей по время занятия столицы неприятелем // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы IX Всероссийской научной конференции. Бородино, 4–6 сентября 2000 г. / отв. ред. А.В. Горбунов. М.: Калита, 2001. С. 30–63.
227. Бори Ж.-Р. Фредерик-Сезар де Лагарп и воспитание Александра I // Швейцарцы в Петербурге // Швейцарцы в Петербурге. сб. статей / сост. М.И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб.: Изд-во «Петербургский институт печати», 2002. С. 404–412.
228. Борисов А.В. Министерство полиции в царской России: роль в государственном механизме, структура, функции, организация управления: лекция. М.: Академия МВД СССР, 1991. 19 с.
229. Бороздин К.М. Опыт исторического родословия дворян и графов Бенкендорфов. СПб.: Тип. Имп. Российской академии, 1841. 24 с.
230. Быков М. Сергей Семенович Уваров // Стратегия России. 2011. № 2. С. 86–88.
231. Вишленкова Т.А. Французские военнопленные 1812 года в Казанской губернии // Россия и Франция. XVIII–XX века / отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2000. Вып. 3. С. 119–131.
232. Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 207–236.
233. Гренди Э. Еще раз о микроистории // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1997. С. 291–302.
234. Гордеева И. Изучение социальной истории России второй половины XIX – начала XX в.: «микроисторический» подход // Образы историографии. М.: РГГУ, 2001. С. 109–132.
235. Гордон Е. Александр Калам // 1989. Сто памятных дат. Художественный календарь. М.: Советский художник, 1988. 367 с.
236. Горелова С.И., Михеенков С.П. Н.В.Макарова. Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I (по материалам III Отделения) // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 170–172.
237. Деревнина Т.Г. Из истории образования III-го Отделения // Вестник МГУ. История. 1973. № 4. С. 51–69.
238. Дубровин Н.Ф. А.Х. Бенкендорф и В.Н. Каразин // Русская старина. 1903. № 4. С. 26–27.
239. Дудникова О.Г. Лагарп Фредерик Сезар // Дудникова О.Г. Домашние воспитатели и учителя при дворе Романовых. М.: Русское слово-учебник, 2013. С. 223–226.
240. Емельянцева Е. Швейцарское благотворительное общество (1814-1918) // Швейцарцы в Петербурге: сборник статей / сост. М.И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб.: Петербургский институт печати, 2002. С. 69–81.

241. Ермоленко Г.Н. Французские военнопленные 1812 года на Смоленщине // Край Смоленский. 2002. № 5–6. С. 26–33.
242. Жуковская Т.Н. С.С. Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Вып. 7. СПб., 1998. С. 56–74.
243. Иванов А.М. Захоронение трупов на территории Вяземского уезда Смоленской губернии в 1812 году // 1812 год: Война и мир. Материалы III Всероссийской научной конференции. Смоленск: Свиток, 2012. С. 130–134.
244. Иванова Н.И. «Французский национальный характер» в представлениях российского столичного дворянства первой четверти XIX века // Россия – Франция. XVIII–XX века. Вып. 8. М.: Наука, 2008. С. 132–147.
245. Игошин К.Г. «Испрашиваемая им награда… Признается весьма несоразмерною» // Военно-исторический журнал. 2012. № 11. С. 36–38.
246. Инглот М., S.J. Александр I, Фредерик-Сезар де Лагарп и изгнание иезуитов из Российской империи // Россия и иезуиты. 1772–1820 / отв. ред. М. Инглот, S.J., Е.С. Токарева. М.: Наука, 2006. С. 266–284.
247. Иностранец // Энциклопедический словарь. М.: Изд. Русского библиографического института ГРАНАТ, 1913. Т. 22. С. 35.
248. Ионцев В.А. Международная миграция: теория и история изучения // Международная миграция населения: Россия и современный мир / под ред. В.А. Ионцева. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 3. С. 53–105.
249. Карташов В.С. Судьба Доминика де ла Флиза // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. IV / Труды ГИМ. М., 2005. С. 80–81.
250. Качан Т.А. Кризис национальной идентичности в условиях глобальной интеграции // Универсальное и национальное в культуре: сборник научных статей. Минск: БГУ, 2012. С.78–85.
251. Козлов О.В., Тихонова А.В. Швейцарские учителя и гувернеры в Смоленской губернии // Российская история. 2013. № 2. С. 127–133.
252. Краско А.В. «Совершенная моя приверженность к Империи Российской…» О вступлении в подданство России швейцарских купцов в 1807 г. // Швейцарцы в России. СПб., 2002. С. 501–507.
253. Круглов Ю.Г. Граф С.С. Уваров – министр-реформатор и созидатель // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 3. С. 214–232.
254. Кубанова М.Н. Россия и Швейцария на стыке веков (конец XVIII – начало XIX вв.) // Запад – Россия – Кавказ: межвузовский научно-теоретический альманах. Ставрополь, Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета. Вып. 2. 2003. С. 352–359.
255. Кубанова М.Н. Эмиграция швейцарцев в Россию в начале XIX в. // Россия и мировой политический процесс: материалы второй международной научно-теоретической конференции / Под ред. В.М. Козьменко. М.: РУДН, 1997. С. 74–78.

256. Кузнецов В.Н. Побег крепостных от помещика как социально-психологический феномен (на примере Усольской вотчины гр. В.Г. Орлова) // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 148–152.
257. Кузнецов Е.Г. Военнопленные в Пензенской губернии в период Крымской войны // Краеведение. 2000. № 1. С. 38–44.
258. Лебедев В.А. Граф Егор Францевич Канкрин. СПб.: Гл. управление уделов, 1896. 19 с.
259. Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные подходы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 167–190.
260. Лерх Петр Иванович // Русский биографический словарь: в 25 т. / под ред. А.А. Половцова. М., 1914. Т. 10. С. 318–319.
261. Лор Э. Гражданство и подданство. История понятий // «Понятия о России»: К литературной семантике имперского периода. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 197–222.
262. Любавин М. Пленные 12-го года // Нева. 1987. № 9. С. 194–196.
263. Майофис М.Л. От идеи «единой Европы» к идее «особого пути» : С.С. Уваров в 1819–1821 годах // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия: сборник статей. М.: Три квадрата, 2010. С. 49–69.
264. Макарова Н.В. Архивные дела III Отделения о полицейском надзоре при Николае I // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 152–156.
265. Медик К. Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 193–202.
266. Миллер А.И., Сдвижков Д.А., Ширле И. Предисловие // «Понятия о России»: К литературной семантике имперского периода. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 5–46.
267. Миловидов Б.П. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы: материалы 13-й Всероссийской научной конференции, Бородино, 5–7 сент. 2005 г. М.: Полиграф сервис, 2006. С. 261–288.
268. Миловидов Б.П. Военнопленные армии Наполеона в России в 1806–1807 гг. // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 7–68.
269. Миловидов Б.П. Военнопленные в Псковской губернии в конце 1812 – начале 1813 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. VIII / Труды ГИМ. М., 2009. С. 197–221.
270. Миловидов Б.П. Военнопленные в Ярославской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2003. С. 142–152.
271. Миловидов Б.П. Военнопленные Великой армии в Тамбовской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 г. и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2004. С. 176–191.
272. Миловидов Б.П. Военнопленные медики Великой армии // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих

судьбах и музейных коллекциях: материалы Всероссийской научной конференции. Вып. XIV. Малоярославец, 2006. С. 177–189.
273. Миловидов Б.П. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в июле–октябре 1812 г. // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г. Саратов, 2002. С. 207–216.
274. Миловидов Б.П. Жизнь и судьба военнопленного врача Генриха фон Рооса // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы: материалы II Международной научной конференции (Бородино, 3–5 сентября 2007 г.) / сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2008. С. 307–317.
275. Миловидов Б.П. Жизнь и судьба военнопленного врача Генриха фон Рооса // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Можайск, 2008. С. 307–317.
276. Миловидов Б.П. Иностранные военнопленные и российское общество в годы Крымской войны // Российская история. 2010. № 5. С. 153–164.
277. Миловидов Б.П. Использование военнопленных 1812 г. на работах: тенденции правительственной политики // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVI Международной научной конференции, 6–7 сентября 2010 г. / сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2011. С. 163–190.
278. Миловидов Б.П. История орловских легионов из военнопленных. 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. VI / Труды ГИМ. М., 2007. С. 186–199.
279. Миловидов Б.П. Принц Георгий Ольденбургский и военнопленные Великой армии в 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. III / Труды ГИМ. М., 2004. С. 107–124.
280. Миловидов Б. П. Численность пленных в годы Крымской войны // Марсово поле. Вып. 2. 1997. С. 19–23.
281. Мильчина В.А. Труды и дни борцов с заразой. – Рецензия на книгу: Абакумов О.Ю. «…Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е –начало 1860-х гг.). Саратов, 2008 // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 384–391.
282. Мондэй Кр. Д. Национальность и экономическая наука: Канкрин в русском общественном сознании // Российская и европейская экономическая мысль: Опыт Санкт-Петербурга. 2007–2009. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 76–118.
283. Олейников Д.И. Александр Христофорович Бенкендорф // Российские консерваторы. М.: Б.и.,1997. С. 63–97.
284. Орлов А.А. Английские козни Шмита. Британцы в Москве в 1812 году // Родина. 2003. № 5/6. С. 74–78.
285. Орлов А.А. Британцы в Москве в 1812 году: вымысел и реальность // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 129–136.
286. Orlov A.A. Britons in Moscow in 1812 // History Today. July 2003. Vol. 53(7). P. 17–23.

287. Орлов А.А. Влияние экономических факторов на политические отношения Великобритании и России в 1830–1840-е гг. // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. № 2. С. 24–38.
288. Орлов А.А. Из истории реформирования народного образования в России в XIX веке: опыт внедрения ланкастерской системы обучения // Этнодиалоги. научно-информационный альманах. 2012. № 4 (41). С. 208–221; № 1(42). С. 150–168.
289. Орлов А.А. История подготовки и заключения англо-русского мирного договора 6(18) июля 1812 года // Российская история. 2012. № 6. С. 3–16.
290. Орлов А.А. Ланкастерские школы в России в начале XIX века // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2013. № 1. С. 11–20; № 2. С. 9–23.
291. Панисяк И. Отечественная война 1812 г.: трагедия и милосердие // Край Смоленский. 2002. № 7–9. С. 27–47.
292. Пашкова Т.И. Учителя-иностранцы в петербургских гимназиях первой половины XIX века // История Петербурга. 2010. № 6. С. 74–80.
293. По вопросу о домашнем учении (о домашних наставниках и учителях, первоначальных учителях и учительницах, первоначальных учителях и учительницах) // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. № 1–3. С. 117–159.
294. Помогал, «не различая звания и состояния». Судьба французского лекаря Франца Валя в России / публ. подготовила А.В. Тихонова // Исторический архив. 2010. № 6. С. 154–158.
295. Понасенков Е. «Никто не трудится с усердием». Местная администрация на территории, занятой Великой армией // Родина. 2002. № 8. С. 94–96.
296. Попов А.И. Инженеры-географы Великой армии в кампании 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: сборник материалов. Вып. IX. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Труды ГИМ. М., 2010. С. 100–118.
297. Попов А.И. Обзор мемуаров, дневников и писем военнопленных Великой армии, побывавших в России в 1812–1814 гг. // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. сост. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 531–580.
298. Попов О.В. С. С. Уваров и подготовка общего устава российских университетов 1835 года // Российские университеты в XVIII–XX веках. Воронеж: ВГУ, 1999. Вып. 4. С. 18–28.
299. Попова Ю.Н. Французские военнопленные в Олонецкой губернии в 1812–1814 гг. Anteannum: сборник научных работ / ред.-сост. Т.Н. Жуковская. Петрозаводск, 2003. С. 72–82.
300. Поткина И. Иностранные предприниматели и их гражданский статус в Российской империи // Российская история. 2014. № 4. С. 170–171.
301. Потрашков С.В. Военнопленные Великой армии в Слободско-Украинской губернии // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники.

Проблемы: материалы VII Всероссийской научной конференции, 1998 г. Бородино, 1999. С. 143–149.
302. Потрашков С.В. Военнопленные Великой Армии и губернские власти (по документам канцелярии Слободско-Украинского гражданского губернатора) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы IX Всероссийской научной конференции, Бородино, 4–6 сентября 2000 г. М.: Калита, 2001. С. 204–210.
303. Пресняков А.Е. Самодержавие Николая I // Русское прошлое. 1923. № 2. С. 3–21.
304. Р. Смоленск под управлением французов в 1812 г. (По документам собранным А.В. Безродным) // Русская старина. 1901. Апрель. С. 139–144.
305. Рамазанов С.П. Методологические искания отечественной исторической науки XX века: новации и традиции // Историческая наука и методология истории в Росси XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. I / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Северная Звезда, 2003. С. 29–36.
306. Рапэн А.-Ж. «В России меня ценят лучше…» // Родина. 2014. № 1. С. 41–43.
307. Рац Д. «Отрицательно-добрый человек» // Факел. М.: Политиздат, 1990. С. 42–55.
308. Ревель Ж. Микроанализ и конструирование социального // Современные подходы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 236–261.
309. Рей М.П. Фридрих Цезарь Лагарп, воспитатель будущего императора Александра I // Французский ежегодник. 2011. С. 233–244.
310. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты и миграция // Миграция и национальная безопасность. Вып. 11. М.: Макс-Пресс, 2011. С. 15–29.
311. Рыбалковский Л.Л. Демографическая политика: сущность, структура, опыт разработки // Народонаселение. 2005. № 2. С. 45–57.
312. Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. Миграционная политика России в контексте ее национальных интересов // Народонаселение. 2005. № 3. С. 38–52.
313. Рыженков М.Р. Ф.С. Лагарп – воспитатель будущего российского императора Александра I // Вестник архивиста. 2009. № 4. С. 172–184.
314. Сазонов Н. И. Правда об императоре Николае // Литературное наследство. М., 1941. Т. 41 – 42. С. 213 – 214.
315. Сахаров И.В. Русская жена Александра Дюма-сына: Надежда Ивановна Нарышкина, урожденная Кнорринг (1826-1895) // Известия Русского генеалогического общества. 2004. Вып. 14. С. 74–77.
316. Севастьянов Ф.Л. Александр Христофорович Бенкендорф // Жандармы России. СПб.: Нева, 2002. С. 411–420.

317. Севастьянов Ф.Л. Проблема организации «высшей полиции» в ходе государственных преобразований в России начала XIX в. // Клио. 1999. № 3. С. 110–117.
318. Севастьянов Ф.Л. Развитие «высшей полиции» при Александре I // Жандармы России / Сост. В.С. Измозик. СПб.: Нева, 2002. С. 201–247.
319. Сельцовский П.А. Миграционные процессы и национальная безопасность. 2008. № 11. С. 114–116.
320. Сидорова М.В. Дубельт Л.В. и его родственники // Из глубины времени. 1994. № 3. С. 168–178.
321. Сергиенко В.А. Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: О подготовке биографического справочника «Губернаторы и вице-губернаторы России. 1708–1917 гг.» // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: сборник материалов научно-практического семинара, Санкт-Петербург, 4–5 июня 2002 г. СПб.: СПбГУ,1995. С. 95–99.
322. Сидорова М.В. Штаты III Отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии // Из глубины времен. Вып. 4. СПб., 1995. С. 3–11.
323. Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Наблюдение за иностранцами в России. По материалам III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии // Петербург – место встречи с Европой: материалы IX Царскосельской научной конференции. СПб.: Царское село, 2003. С. 303–316.
324. Сироткин В.Г. Судьба французских солдат в России после 1812 года // Вопросы истории. 1974. № 3. С. 129–136.
325. Сироткин В.Г. Судьба пленных солдат и офицеров Великой Армии в России после Бородинского сражения // Отечественная война. Источники. Памятники. Проблемы: материалы VIII Всероссийской научной конференции (Бородино, 6–7 сентября 1999 г.) / сост. А.В. Горбунов. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 246–265.
326. Смекалина В. «Какое блаженство – дышать на этих высотах!» Швейцарские Альпы в заметках русских путешественников второй половины XVIII – первой половины XIX века // Родина. 2014. № 1. С. 44–47.
327. Смирнова Е.С. Регулирование правового статуса иностранцев в России с начала XIX века до октября 1917 года // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 126–134.
328. Смоленская губерния // Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. по поручению Императорского Русского географического общества П. Семенов, при содействии В. Зверинского, Л. Майкова, И. Бока. Т. IV. СПб.: В тип. В. Безобразова, 1873. С. 641–652.
329. Смолярова Т. Взлет как взгляд, или Бельгиец в русском небе // Новое литературное обозрение. 2005. № 6. С. 126–142.
330. Степанов А.И. Швейцарцы в России и русские в Швейцарии // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 120–151.

331. Строев А.Ф. «Выбор гувернера»: Фридрих Цезарь Лагарп, Фридрих Мельхиор Гримм и Карл Фридрих Тиманн // Французский ежегодник. 2011. С. 218–232.
332. Тихонова А.В. Из истории российско-швейцарских отношений в николаевскую эпоху (1825–1855) // Известия Смоленского университета. 2014. № 1. С. 219–227.
333. Тихонова А.В. Паспортный режим в Российской империи в отношении швейцарских граждан (первая половина XIX века) // История государства и права. 2011. № 17. С. 39–42.
334. Тихонова А.В. Российская политика в отношении швейцарских колонистов в первой половине XIX века // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 82–90.
335. Тихонова А.В. Судьба Шарлоты Витенштейн или Терезии Ивановой: история иностранки в России // Знатность, измеряемая часами. Временщики между произволом и традицией / под ред. С.Т. Минакова и О.Я. Ноздрина. Серия: Nobless oblige. Вып. IV. Орел, 2008. С. 84–89.
336. Тихонова А.В. Судьбы иностранных военнопленных после кампании 1812 года (на материалах Смоленской губернии) // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: сборник материалов XV Всероссийской научной конференции 20 октября 2007 года. Малоярославец, 2007. С. 291–305.
337. Тихонова А.В. Швейцарские сыроделы: у истоков российского сыроварения // Вопросы истории. 2012. № 3. С. 110–119.
338. Тихонова А.В. Швейцарские учителя в России первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 142–147.
339. Тихонова А.В. Швейцарское сыроделие в XIX веке: секреты рождения международного бренда // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25). Часть 1. С. 182–185.
340. Тихонова А.В. Эмиграция из Швейцарии в первой половине XIX века // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 203–209.
341. Тозато-Риго Д. Отношения между Россией и кантоном Во в эпоху Ф.С. де Лагарпа // Роль кантона Во и его представителей в истории и культуре России. М.: Каллиграф, 2012. С. 152–162.
342. Тозато-Риго Д. «Пользуются репутацией людей порядочных и серьезных». Швейцарские гувернеры и гувернантки в России (1750–1850) // Родина. 2014. № 1. С. 30–34.
343. Тофталушин В.П. «Разбор» иностранцев в 1812 году и Саратовская губерния // 1812 год: война и мир. Материалы Всероссийской научной конференции. Смоленск: Свиток, 2009. С. 170–179.
344. Филюшкин А.И. Произошла ли методологическая революция в современной российской исторической науке? // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по

теории, методологии и философии истории. Вып. I / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Северная Звезда, 2003. С. 59–68.
345. Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм // Петербургская Академия наук в истории академий мира. СПб., 1999. Т. 2. С. 257–285.
346. Хомченко С.Н. «Находится во всегдашнем пьянстве и делает ссоры и наглые поступки…» Правонарушения, связанные с военнопленными армии Наполеона в 1812–1814 годах на примере Поволжья и Приуралья // 1812 год: война и мир: материалы Всероссийской научной конференции. Смоленск: свиток, 2009. С. 193–205.
347. Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Астраханской губернии в 1812–1814 гг. //Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XIV Всероссийской научной конференции. М., 2007. С. 166–175.
348. Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Казанской губернии в 1812–1814 гг. // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы: материалы II Международной научной конференции (Бородино, 3–5 сентября 2007 г.) / сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2008. С. 293–306.
349. Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Нижегородской губернии в 1812–14 гг. // Вестник военно-исторических исследований: международный сборник научных трудов. Вып. 2. С. 42–57.
350. Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Симбирской губернии в 1812–1814 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск: «Актуальные проблемы истории и археологии». 2006. С. 7–11.
351. Хомченко С.Н. Военнопленные Наполеона в Оренбургской губернии // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XV Международной научной конференции. Можайск, 2009. С. 360–386.
352. Хомченко С.Н. Военнопленные поляки в Астраханской губернии в 1812–1815 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы: материалы 13-й Всероссийской научной конференции. Бородино, 5–7 сентября 2005 г. М.: Полиграфсервис, 2006. С. 306–313.
353. Хомченко С.Н. Симбирская губерния в мемуарах пленных военнослужащих армии Наполеона. 1812–1814 гг. // Научный альманах: сборник научных статей. Вып. III. Т. II. Самара, 2006. № 1. С.48–55.
354. Чернышев В.Я. Муромский краевед Добрынкин Николай Гаврилович // Край Смоленский. 2009. № 1. С. 8–24.
355. Чиняков М. Венера в объятьях Марса. Женщины наполеоновских легионов // Родина. 2002. № 8. С. 51–54.
356. Чукарев А.Г. Александр Христофорович Бенкендорф // Российский исторический журнал. 2001. № 2. С. 3–16.
357. Чукарев А.Г. Александр Христофорович Бенкендорф. Следствие и суд над декабристами // Российский исторический журнал. 2003. № 2. С. 30–48.

358. Шевченко М.М. С.С. Уваров в борьбе за новый курс внутренней политики России в 1826–1832 гг. // Петр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка М.: РОССПЭН, 2008. С. 303–318.
359. Шипов А.П. Очерк жизни и государственной деятельности графа Канкрина. СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1864. 27 с.
360. Шкедя О.П. Турецкие военнопленные в России во время Крымской войны // Восточный архив. 2008. № 18. С. 21–26.
361. Шмидт С.О. Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана: материалы научно-практической конференции / отв. ред. Э.А. Шулепова. М., 1991. Вып. 1. С. 8–21.
362. Шубинский П.П. Император Николай Павлович и граф Бенкендорф // Исторический вестник. 1890. Т. 39. № 2. С. 479–481.
363. Эррманн И. Лагарп, Швейцария и Россия: вопрос о влиянии // Роль кантона Во и его представителей в истории и культуре России. М.: Каллиграф, 2012. С. 163–175.
364. Яковлев В.Я. (Богучарский). III отделение Соб. Е. И. канцелярии о себе самом // Вестник Европы. 1917. № 3. С. 85–86.
365. Яковлева Г.В. К вопросу об отношении российского общества к решениям Венского конгресса 1814–1815 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 2. Вып. 2. С. 124–129.
366. Schmidt A.J. William Hastie, Scottish Planner of Russian Cities // Proceedings of the American Philosophical Society, 1970. Vol. CXIV.
367. Schärli J., Vogel L. Gepfefferte Zeiten. In: Leuenmänner und Pfefferfrauen. Das Leben der Katharina Morel in den Umbrüchen der Luzerner Revolutionszeit. Ausstellung im Historischen Museum Luzern 11. Junibis 2. November 1997. Luzern, 1997. S. 32–35.

Интернет-ресурсы

368. Августин, архимандрит (Никитин). Россия и Базель. К 700-летию истории Швейцарского государства // Журнал Московской патриархии. 1991. № 11. URL: http://www.jmp.ru (дата обращения 15.06.2014)
369. Военнопленные в эпоху наполеоновских войн. URL: http://adjudant.ru/captive/index.htm (дата обращения 28.07.2013)
370. Военный энциклопедический словарь. М., 1986. URL: http://www.hrono.ru/sobyt/1800sob/1853bashka.html (дата обращения 28.07.2013)
371. Клот Л. Березина в Люцерне // Наша газета: Швейцарская русскоязычная интернет-газета. 22.03. 2012. URL: http://www.nashagazeta.ch/news/13182 (дата обращения 09.03.2014).
372. Мошина Т.А., Гутина Н.А. Нескорое возвращение. URL: http://www.museum.ru/1812/library/Gutina1/index.html (дата обращения 28.07.2013).

373. Николай I и его время / Вст. ст., сост. и примеч. Б.Н. Тарасова. В 2 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.http://www.rus-sky.com/gosudarstvo/tarasov/nic6.htm (дата обращения28.07.2013).
374. Отечественная война 1812 года и Тамбовская губерния: Метод.-библиогр. Пособие /Авт.-сост.Н.А. Макарова. Тамбов, 2012. URL: http://www.tambovlib.ru/index.php?view=books.1812_tambov (дата обращения 28.07.2013).
375. Петрозаводская и Карельская епархия. История кафедрального собора св. благоверного кн. Александра Невского. URL: http://nevsobor.karelia.ru/istoria-sobora.html (дата обращения 28.07.2013).
376. Петухова И.Г. Военнопленные войны 1812–1814 гг. Из фондов Национального архива Республики Карелия. Из материалов сайта «Архивные учреждения Республики Карелии». URL: http://www.rkna.ru (дата обращения 28.07.2013).
377. Познахирев В.В. Турецкие военнопленные в Курской губернии в период Крымской войны 1853–1856 гг. // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 5 [Электронный ресурс]. URL: http://human.snauka.ru/2013/05/3131 (дата обращения: 31.07.2014).
378. Проходцов И.И. Рязанская губерния в 1812 году преимущественно с бытовой стороны. Материалы для истории Отечественной войны. Издание рязанской губернской ученой архивной комиссии. Рязань: Тип. Н.В. Любомудрова, Ч. 2. 1915. Глава. Военно-пленные 1812 г. в Рязанской губернии. URL: http://www.history-ryazan.ru/node/7463 (дата обращения 28.07.2013).
379. Сухарев А. Большой юридический словарь. М., 2005.URL: http://determiner.ru/dictionary/201/symbol/205 (дата обращения 28.07.2013).
380. Roggen R. Eine Luzerner Wirtstochter auf dem Russlandfeldzug // Neue Zürich Zeitung. 2012. 16 juni. URL: http://www.nzz.ch/aktuell/schweiz/eine-luzerner-wirtstochter-auf-dem-russlandfeldzug-1.17245155 (дата обращения 10.03.2014).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Билет.

Объявителю сего иностранцу Италии Баптисту Пенсини
прибывшему в Лифляндскую Губернию с билетом
Смоленскаго Гражданского Губернатора от 14 августа № 5207
Отправляющемуся на жительство в город Смоленск
чрез Псков **на заставах от Риги до** Смоленска через
Псков **чинить свободной и беспрепятственной**
пропуск, а по прибытию туда явится ему
с сим немедленно к тамошнему
местному Начальству
для испрошения позволения на прожитие там.

Рига, Генваря 29 **дня 1812 го года**.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Всемилостивейшаго Государя моего от
Армии Генерал от Инфантерии, Ригский
Военный Губернатор, управляющий Граж-
данскою частию в Губерниях: Лифлянд-
ской и Курлянской и Орденов Россий-
ских: Св. Александра Невскаго, Св. Анны
1го класса, Св. Георгия 3го класса, Св.
Владимира 3й степени и Императорскаго
Французскаго почетнаго легиона Кавалер.

Кн. Лобанов-Ростовский

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. 1812 г. Л. 5. Типографский бланк, рукопись. Подлинник. Подпись и печать князя Лобанова-Ростовского.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Примерное изчисление только находящихся в С.Петербурге иностранцев разных наций, на подданство России присяги не учинивших

[Июль 1812 года]

Какой нации	Число		
	Муж.	Жен.	Итого
Французских подданных	761	288	1049
Австрийских	230	108	338
Прусских	896	520	1416
Саксонских	462	255	717
Баварских	65	38	103
Виртембергских	52	22	74
Вестфальских	267	106	373
Баденских	15	3	18
Подданных прочих княжеств Рейнской союз составляющих	261	81	342
Шведских подданных	352	210	562
Датских	230	119	349
Великобританских	213	180	393
Италинских	63	26	89
Голландских	40	23	63
Испанских	4	–	4
Португальских	3	–	3
Швейцарских	52	10	62
Польских	36	14	50
Болгарской	1	–	1
Персидской	1	–	1
Турецкой	14	4	18
Греческих	3	–	3
Американских	37	2	39
Африканских	1	–	1
Всего	4059	2009	6068

ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 57. Л. 50. Рукопись. Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Список иностранцам, находящимся в городе Смоленске и за высылкою протчих остающимся в оном

Имена и прозвания	Какой нации	Какого состояния	Имеет ли здесь собственный свой дом	С котораго времени находится в России	Какие имеет у себя виды	Какого поведения
1. Василий Иванов сын Габер, у него жена Марья, дети сыновья Карла, Богдан, Иеким	Пруской нации уроженец из города По[т]сдам	Смоленской 3-й гильдии купец	Не имеет, содержит лавку и погреб с винами	Более 30 лет	Вид имел от прускаго посланника графа Горца, которой при записке в купечество представлен назад тому 8 лет в здешнюю казенную палату	Ведет себя соответственно званию, в подозрениях никаких полицией не замечен
2. Симон Иванов сын Чапа, у него жена Кана Иванова	Италианец уроженец города Милана	Смоленской 3-й гильдии купец записан назад тому 10 лет	Имеет дом каменной с лавкой, где содержатель габерг (герберга, т.е. постоялого двора или трактира – *А.Т.*), а ныне по	Более 35 лет	Имел пашпорт из города Любек Данной от тамошняго правительства, которой по нахождению Его в Санкт-Петербурге во время случившагося	Ведет себя соответственно званию, в подозрениях никаких полицией не

			разорению ничем не занимается		там наводнения утрачен. На место коего получил другой от австрийскаго посланника графа Гублица, с которым прибыл в Смоленск представил его в присутственное место, но в которое не упомнит	замечен
3. Карл Андреев сын Брун, у него брат Федор, сестра Марья и мать Анна Давыдова	Отец его Андрей Павлов сын Брун уроженец Голштинский из города Киля, а он Карла родился в России	Смоленской 3-й гильдии купец записан с 1804 года	Имеет дом деревянный занимается пекарным мастерством. По коммерции производит торговлю	Более 30 лет	Отец его имел пашпорт данной из города Кили от тамошнего правительства который в 1777-м году по приезде в город Смоленск представлен был в полицию	Ведет себя соответственно званию, в подозрениях никаких полицией не замечен
4. Карла	Пруской	Смоленс-кой	Не имеет.	С 1805го	Имеет пашпорт данной	Ведет себя

Иванов сын Остен, у него жена Дарья Алексеева	нации уроженец из города Мекленбурга	мещанин записан с 1811 года	Занимается портным мастерством и состоит в цеху	года	в городе Кенигсберге от тамошнего правительства которой оставлен в Гродно; на место коего получил из тамошней управы другой вид которой при записке в мещанство представлен в городовой магистрат	соответственно званию, в подозрениях никаких полицией не замечен
5. Иван Яковлев сын Килау	Уроженец Пруской города Данцига	Смоленской мещанин записан в 1807-м году	Не имеет, а занимается (неразборчиво – *А.Т.*) мастерством и состоит в цеху	Более 30 лет	Имел пашпорт данной от прускаго посланника, с которым прибыл в Смоленск представил в полицию а из оной тот пашпорт переслан был в городовой магистрат	Ведет себя соответственно званию, в подозрениях никаких полицией не замечен
6. Иван Филипов сын Пацырин. У	Австрийской нации уроженец из города	На праве гостя	Не имеет дел и состояния. Занимается… (неразборчиво –	С 1794 го года	Имеет пашпорт данной от австрийскаго посланника графа Саура которой во время	Ведет себя соответственно званию, в подозрениях никаких

кого жена Марья Анисимова сын Михайла	Боденсдроф		*А.Т.*) мастерством и состоит в цеху		на шествия неприятеля утрачен	полицией не замечен
7. Мануйла Богданов сын Шеио У него жена Катерина Иванова сын Александр дочери Мина, Иоанна	Пруской нации уроженец города Данска (Данцига – *А.Т.*)	Вольной аптекарь	Имеет дом каменный содержит вольную аптеку, а прежде находился на службе в Смоленской казенной аптеки аптекарем и от коей отставлен	С 1774 года	Пашпорт имеет от Смоленской казенной аптеки которой вовремя нашествия неприятеля утрачен	Ведет себя соответственно званию, в подозрениях никаких полицией не замечен
8. Данила Егоров сын Шлосиер	Саксонской нации уроженец из города Ессена	Находится в вольной аптеке подаптека-рем	Не имеет	С 1807-го года	Имеет свидетельство от Смоленского губернского правления с коего копия при сем представляется	Ведет себя соответственно званию, в подозрениях никаких полицией не

						замечен
9. Эрнст Егоров сын Шлонеер	Саксонской нации уроженец из города Ессена	Находился прежде Смоленским купцом, но от онаго уволен	Не имеет	С 1804 года	Имеет увольнение свидетельство с коего и копия при сем препровождается	Ведет себя соответственно званию, в подозрениях никаких полицией не замечен
10. Федор Федоров сын Кревс. У него жена Марья Иванова	Швецкой нации уроженец из города Стремзунта (Стремсунд – *А.Т.*)	Находится в каменном полевом магазейне под аптекарем	Имеет каменной дом	С 1805 года		Ведет себя соответственно званию, в подозрениях никаких полицией не замечен
11. Данила Антонов сын Гинц. У него сын	Пруской нации города Гданска (Данцига –	На праве гостя	Не имеет, а занимается золотых дел мастерством и	Родился в городе Смоленске в 1779	Имеет пашпорт данной в Санкт-Петербурге от прускаго посланника графа Луса которой во	Ведет себя соответственно званию, в подозрениях никаких

Александр	*А.Т.*)		состоит в цеху	году а отец его Гинца родился в городе Гданске, котораго году сын не упомнит	время нашествия неприятеля утрачен	полицией не замечен
12. Данила Иванов сын Краф. У него жена Крестинья и дочь Крестина	Цыцарской нации города Гесен Дармстат	На праве гостя	Имеет деревянной дом которой во время нашествия неприятеля созжен и занимается каретным мастерством и состоит в цеху	С 1801-го года	Имел пашпорт данной от Цыцарскаго посланника, которой представлен к г. Московскому военному губернатору графу Гудевичу будучи в Москве 1810 м году, а от него получил билет с которым прибыл в Смоленск и вовремя нашествия неприятеля	Ведет себя соответственно званию, в подозрениях никаких полицией не замечен

					утрачен	
13. Каспер Михайлов сын Галпубер У него жена Анна Мартинова и сын Иван	Цыцарской нации из города Егиря (Эгера – *А.Т.*)	На праве гостя	Не имеет, а занимается сапожным мастерством и состоит в цеху	С 1806 года	Имел пашпорт данной от австрийскаго посланника который во время нашествия неприятеля утрачен	Ведет себя соответственно званию, в подозрениях никаких полицией не замечен

ГАСО. Ф. 1. Оп.1. Д. 78. 1812 г. Л. 18–21 об. Рукопись, подлинник, подписан Смоленским полицмейстером.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Список иностранцам находящимся в городе Белом

(приложен к рапорту Бельского городничего Смоленскому гражданскому губернатору

от 2 декабря 1813 года за № 2198)

Имена и прозвания	Какой нации	Какого состояния	Имеет ли здесь собственный дом	С котораго времени находится в России	Какие имеет у себя виды	Приемлет ли на себя полиция за него ответственность
Степан Иванов сын Фивизно	Италианской города Флоренции	Записан был в Бельское купечество 1797-го года по указу Смоленскаго губернскаго правления в 1802-м году записан в мещанство и содержит 2 герберга	Деревянной дом и таковыя новыя ж лавки отдаваемыя им в наем	С 1778-го года. На верность России присягал уже не один раз		Полиция ответственность на себя во всех отношениях изображенных в примечании последняго параграфа приемлет

Франц Иванов сын Бревольской У него жена из бельских мещан Авдотья Федорова, детей сын Федор и дочь Марфа	Римской нации	Гость проживает в городе Белом и занимается деланием обуви	Имеет деревянный дом	Назад тому лет 25-ть и на верность при последнем иностраццов разборе присягал	Имевшийся вид утерян им и вновь и вечная прозба в 1807 году подав сие исправление	
Яков Иванов сын Бревольской	Римской нации	Записан в Бельское мещанство по указу Смоленской казенной палаты в 1807-м году	Имеет деревянный дом	Указать тому лет 25-ть и на верность России при последнем иностранцо в разборе присягал		

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 65–66 об. Рукопись, подлинник. Подпись Бельского городничего.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Список иностранцам находящихся в Ельнинском уезде за высылкою протчих остающихся в оном
(приложен к рапорту Ельнинского дворянского заседателя земского суда Мавицкого от 2 февраля 1814 года за № 359)

Имена и прозвания	Какой нации	Какого состояния	Имеет ли здесь собственный дом	С котораго времени находится в России	Какие имеет у себя виды	Приемлет ли на себя полиция за него ответственность
Ефрем Готлиб Фриденталь	Австрийской нации города Вены	Докторскаго звания	Не имеет	С 1804 года	От Санкт-Петербургской медицинской академии диплом с коего и копия на латинском диалекте при сем прилагается	По случаю поручительства тех помещиков у кого сии иностранцы жительствуют. Приемлет и полиция их на свою ответственность
Гендрих Брисе	Фломан[д]ец	Из купцов. Унтер-офицер	Не имеется	С 1807 года и был в составе бывшаго в России	Имел вид от Его Превосходительства господина гражданскаго губернатора о котором при требовании	По случаю поручительства тех помещиков у кого сии иностранцы жительствуют.

				разбора	объявил что утерян	Приемлет и полиция их на свою ответственность
Сусанна Антонова Штраух	Немка	Из мещан	Не имеет	Родилась в Смоленске в прежнем составе	Отзывается что вид ея у матери Елисаветы жтельствующей в Смоленске у казеннаго аптекаря	По случаю поручительства тех помещиков у кого сии иностранцы жительствуют. Приемлет и полиция их на свою ответственность
Карл Иванов Шперлинг	Из Силезии г. Бреславля	Седельной мастер	Не имеет	Находится в России 20 лет и был в составе бывшаго разбора	Имеет один аттестат от помещика Болховскаго с котораго при сем и копия представляется	По случаю поручительства тех помещиков у кого сии иностранцы жительствуют. Приемлет и полиция их на

						свою ответственность
Николай Иванов Сушарт	Пруской нации, а ныне принял греко-российской закон	Из экзаменованных учитель	Не имеет	С 1803-го года	Имеет свидетельство от Санкт Петербургскаго губернскаго правления с котораго представляется копия	По случаю поручительства тех помещиков у кого сии иностранцы жительствуют. Приемлет и полиция их на свою ответственность
Гуаш	Француз	Весьма престарелой	Не имеет	Прибыл из Санкт Петербурга в генваре месяце 1813-го года	Вида никакого не имеет, по предложению Его Превосходительства господина гражданскаго губернатора и кавалера от 12-го генваря сего 1814 года позволено ему Гаушу	По случаю поручительства тех помещиков у кого сии иностранцы жительствуют. Приемлет и полиция их на свою ответственность

					проживать у подпорутчика Глинки.	

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 69. Рукопись, подлинник, подписан Ельнинским дворянским заседателем земского суда Мавицким.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Список иностранцам находящимся в Сычевском уезде 1814 года
(приложен к рапорту заседателя Сычевского нижнего земского суда от 18 января 1814 г. № 29)

Имена и прозвания	Какой нации	Какого состояния	Где находился до нашествия неприятеля	По какой губернии вошел в разбор, высочайшее повеление в июле месяце 1812 года	Какие имеет виды	Когда выслан и куда
Иван Краутель	Немецкой нации	Егерь	В доме графа Панина	По Московской губернии	За сожжением подлинных документов при сожжении в Москве графа Панина дома при нашествии неприятеля, имеется вид и графа Никиты Петровича Панина	

					письма	
Федор Колбе	Пруской уроженец города Штетина	Во услужении дома графа Панина	При оном же доме	Тоже	При нашествии неприятеля и созжения дома в Москве подлинные о нем документы созжены.	
Иван Рейс	Французской нации уроженец города Станогинсе	Состояния никакого не имеется	До нашествия неприятеля находился в доме Никиты Петровича Панина	По Московской губернии	Из Московской управы благочининия, в коей между прочим значится, что он Ренс учинил… (не-разборчиво – *А.Т.*) в оной управе благочиния	
Яков Манеель	Великобританский подданный	Садовник	В доме того же графа Панина	Тоже	Вид имеет чрез …полномочнаго посла при великобританском дворе генерал от инфантерии всех российских орденов и	

					разных других графа Воронцова	
Иоганн Краутель	Немецкой нации	Состояния не имеет	В том же доме	Тоже	Вид имеет за подписанием Московского военного губернатора графа Растопчина	
Мария Сестие	Уроженка Женевская	За нею ученицы	В том же доме	Тоже	От директора Московской гимназии Петра Дружинина	

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 45 об.–46. Рукопись, подлинник, подписан заседателем Сычевского нижнего земского суда и секретарем.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

№

Приметы: **БИЛЕТ**

На свободное в пребывание по 1е

181 года получил поддан урожен

Лета
Рост
Волосы
Брови
Глаза
Нос
Рот
Борода
Лицо
Особые приметы:

По истечении срока каждой представляет свой билет лично к возобновлению, а в противном случае подвергается законному взысканию. На случай же выезда из Губернии в другие Российские города, или за границу, являться лично для получения установленных на выезд видов. Выдан на основании документа хранящегося в

дня 181 года

Подпись:

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. 1814 г. Л. 327. Типографский бланк, заверенный правителем Особенной канцелярии Министерства полиции фон Фоком.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

БИЛЕТ **Дан на свободный проезд до**	**Приметы:** **Лета** **Рост** **Волосы** **Брови** **Глаза** **Нос** **Рот** **Борода** **Лицо** **Особые приметы:** **Подпись:**

Проживающие здесь по срочному виду за № ко до
тракту на заставах пропускать без задержания; по прибытии туда имеет он явиться немедленно к тамошнему начальству, для испрошения особеннаго себе вида на все время там пребывания.
Дня 181 года

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. 1814 г. Л. 328. Типографский бланк, заверенный правителем Особенной канцелярии Министерства полиции фон Фоком.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

Вопросы	Ответы
1е какой нации и закона	Немец закона Лютеранского
2е откуда родом	Родом из герцогства Брауншвейх
3е Из какого сословия тамошних жителей	Мещанский сын
4е Сколько от роду лет	От роду 21 год
5е в каком войске долго ли или каким чином или званием служит	Ни в каком войске не служил
6е холост или женат	Холост
7е где оставил жену отца или ближайших родственников	Отец и мать находятся в Брауншвейхе откуда и сам я родом
8е знает ли на своем языке грамоты а также другие языки и науки мастерство и рукоделие	Грамоты на своем языке знаю а также и по руски из наук математику и географию мастерство столяр и берейтор
9е чем надеется до избрания рода жизни пропитывать себя	Своими трудами.

У подлиннаго такого К сему показанию Иоган Карлов Клаус руку приложил

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1 Д. 47. 1847. Л. 4. Рукопись. Подлинник

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Я нижеименованный обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом и пред святым его Евангелием в том, что как сам я так и семейство мое желает быть навсегда верными подданными ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕРОССИЙСКОМУ ГОСУДАРЮ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ и его наследнику который назначен будет и во всем находится не шадя живота своего до последней капли крови не иметь никакого запрещеннаго с неприятелями ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА сношение ниже переписки как внутри так и вне ГОСУДАРСТВА И ВСЕ ПО ВЫСОКОМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖАВСТВУ силе и власти принадлежащия права и преимущества узаконения и впредь узаконяемыя по крайнему разумению силе и возможности предостерегать и оборонять и притом по крайней мере старатся споспешествовать все что к ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА верной службе и пользе Государственной во всех случаях касатся может о ущербе же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА интересе и об вреде избытка как скоро о том уведою не только благоразуменно объявля но и всеми мерами отвращать и недопущать тщатися и всякою мне в веренную тайность крепко хранить буду и таким образом себе весть и поступать как верному ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА подданному благопристойно есть и надлежит и как пред Богом и Судом его страшным в том всегда ответ дать могу как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет в заключении моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.

По сей присяге *присягал Иван Клаус*

Пастор Фридрих Шнабелъ.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. 1814 г. Л. 5–5 об. Рукопись. Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

Ведомость о пошлинах и других сборах, определяемых ко взиманию с иностранцев при въезде их из-за границы и во время пребывания в России

<table>
<tr><td rowspan="3">Какого состояния, промысла и ремесла</td><td rowspan="3">Число лиц обоего пола</td><td colspan="12">Сколько из них платят каждый и все вместе повинностей серебром</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Платящих повинности</td><td colspan="4">Гильдейских</td><td colspan="4">В городской доход</td><td colspan="4">Других сборов</td></tr>
<tr><td colspan="2">Каждый отдельно</td><td colspan="2">Все вместе</td><td colspan="2">Каждый отдельно</td><td colspan="2">Все вместе</td><td colspan="2">Каждый отдельно</td><td colspan="2">Все вместе</td></tr>
<tr><td></td><td></td><td>р.</td><td>к.</td><td>р.</td><td>к.</td><td>р.</td><td>к.</td><td>р.</td><td>к.</td><td>р.</td><td>к.</td><td>р.</td><td>к.</td></tr>
</table>

ГАРФ. Ф. 109. 3 экспедиция. Оп. 126. Д. 149. 1841 г. Л. 33. Рукопись. Подлинник. Образец формы ведомости

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

Численность иностранцев на территории Смоленской губернии в 1841 года (Страны указаны по убыванию числа иммигрантов)

№№	Наименование страны, подданными которой являются		Число человек		
		Процент от общего числа	Мужчин	Женщин	Общее
1	Пруссия	23,3%	11	3	14
2	Швейцария	16,7%	8	2	10
3	Австрия	11,7%	2	5	7
4	Великобритания	11,7%	4	3	7
5	Франция	11,7%	5	2	7
6	Королевство Саксония	5%	3		3
7	Великое герцогство Мекленбург-Шверин	1,3%	2		2
8	Бавария (Вальд)	1,6%	1		1
9	Баден	1,6%		1	1
10	Великое герцогство Гессен (Дармштадт)	1,6%	1		1
11	Великое герцогство Саксен-Веймар-Эйзенах	1,6%	1		1
12	Город-республика Любек	1,6%	1		1
13	Княжество Гессен-Кассель	1,6%	1		1
14	Королевство Ганновер	1,6%	1		1

15	Люблин в составе Царства Польского Российской империи	1,6%	1		1
16	Польша	1,6%	1		1
17	Сардинское королевство	1,6%	1		1
	ИТОГО		45	16	60

Таблица составлена на основании: АВПРИ. Ф. 161. II-8. Оп. 82. Д. 116. 1841 г. Л. 262–263 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

Иностранные подданные в Российской империи в 1841–1844 годах

№№ п/п	Название губернии, градоначальств, столичных городов и крупных городов-портов	Общее число иностранных подданных	Год, на который указаны сведения
1	Санкт-Петербург	11004	1841
2	Санкт-Петербургская губерния	1219	1841
3	Архангельская губерния	26	1841
4	Астраханская губерния	36	1841
5	Белостокская губерния	2161	1841
6	Бессарабская губерния	956	1841
7	Виленская губерния	803	1841
8	Витебская губерния	174	1841
9	Владимирская губерния	119	1841
10	Вологодская губерния	28	1841
11	Волынская губерния	1313	1841
12	Воронежская губерния	96	1841
13	Вятская губерния	4	1841
14	Гродненская губерния	273	1841
15	Грузино-Имеретинская губерния	65	1841
16	Екатеринославская губерния	315	1841
17	Енисейская губерния	0	1841
18	Измаильское градоначальство	25	1841
19	Иркутская губерния	13	1841
20	Кавказская область	42	1841
21	Казанская губерния	40	1841
22	Калужская губерния	54	1841
23	Каспийская область	197	1841
24	Керчь-Еникольское градоначальство	108	1841
25	Киевская губерния	734	1841
26	Костромская губерния	25	1841
27	Кронштадт	27	1841
28	Курляндская губерния	1890	1841
29	Курская губерния	163	1841
30	Лифляндская губерния	2656	1844
31	Минская губерния	126	1841
32	Могилевская губерния	103	1841
33	Московская губерния	311	1841
34	Москва	2019	1841
35	Нижегородская губерния	57	1841

36	Николаев	213	1841
37	Новгородская губерния	121	1841
38	Новочеркаск в Войске Донском	20	1841
39	Одесса	379	1841
40	Олонецкая губерния	6	1841
41	Оренбургская губерния	24	1841
42	Орловская губерния	69	1841
43	Пензенская губерния	62	1841
44	Пермская губерния	14	1841
	Подольская губерния	829	1841
45	Полтавская губерния	226	1841
46	Псковская губерния	74	1841
47	Рязанская губерния	49	1841
48	Саратовская губерния	241	1841
51	Севастополь	10	1841
49	Симбирская губерния	70	1841
50	Смоленская губерния	61	1841
52	Таврическая губерния	713	1841
53	Таганрогское градоначальство	74	1841
54	Тамбовская губерния	20	1841
55	Тверская губерния	160	1841
56	Тобольская губерния	31	1841
57	Томская губерния	83	1841
58	Тульская	124	1841
59	Харьковская губерния	202	1844
60	Херсонская губерния	844	1844
61	Черниговская губерния	47	1841
62	Эстляндская губерния	538	1841
64	Якутская губерния	0	1841
65	Ярославская губерния	68	1841
	ИТОГО	32554	

Таблица составлена на основании: АВПРИ. Ф. 161. II–8. Оп. 82. Д. 116. 1841 г. Л. 2–341.

ПРИЛОЖЕНИЕ 14

Помесячные списки со сведениями об иностранцах, проживавших в Петербурге
(фрагмент документа, относящийся к январю 1848 года)

«№ по порядку	№ Контромарки	Фамилия, имя, звание, подданство, кому рекомендован, и предмет приезда	Когда, откуда, с какими видами прибыл, приметы и жительство	
			В Россию	В С. Петербург
	2	Tobias Hasli Швейцарский ур. Набойщик Тобиас Гесли **Кому рекомендован.** на ситцевую фабрику **Предмет приезда.** купца Кирхнера	**18**41 **Приметы:** **Лета,** 34 **Рост,** сред.. **Волосы,** т. **Глаза,** кар **Лице,** ов	**18**48 из Риги **№** 3315 **Жительство** **Ч.** Нет **К.** 1 **N.** Кирхнер

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 35. 1848 г. Л. 7.Типографский бланк, рукопись (жирным шрифтом выделен типографский текст).

ПРИЛОЖЕНИЕ 15

Общая ведомость
о числе получивших свидетельства на звание домашнего учителя и учительницы и на первоначальное обучение
в течение 1845, 1846 и 1847 годов

Домашних учителей и учительниц.						Лиц получивших право на первоначальное обучение					
Годы	Русские подданные		иностранцы		Итого	Русские подданные		иностранцы		Итого	Общее число
	м	ж	м	ж		м	ж	м	ж		
1845	24	88	9	7	128	7	33	16	7	63	191
1845	9	32	12	19	72	5	22	11	15	53	125
1847	22	101	13	14	150	7	56	13	16	92	242
Итого	55	221	34	40	350	19	11	40	38	208	558
	276		74			130		48			

РГИА. Ф.733. Оп.9. Д. 451. 1848 г. Л. 3.